Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского университета

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Учебник

Под редакцией С. В. Вяткиной

Москва
ACADEMIA
2009

Факультет филологии
и искусств СПбГУ
2009

УДК 808.2:801.56(075.8)
ББК.81.2Рус-2
С 387

Авторы:

Г. Н. Акимова («Изменения в синтаксическом строе»); *С. В. Вяткина* («Введение», «Предложение: Основные понятия» — § 1, 2 (совместно с В. П. Казаковым), 3, «Двусоставныео предложения» — § 1, «Односоставные предложения», «Осложнение простого предложения» — § 3, «Коммуникативная организация простого предложения», «Сложное синтаксическое целое (ССЦ) и текст); *В. П. Казаков* («Словосочетание», «Предложение: Основные понятия» — § 2 (совместно с С. В. Вяткиной), «Двусоставные предложения» § 2—3, «Неполные и эллиптические предложения» «Осложнение простого предложения» — § 1, 2, «Структура простого предложения в концепции Н. Ю. Шведовой («Русская грамматика»)», «Семантическая организация простого предложения»), *Д. В. Руднев* («Сложное предложение», «Основные сведения о русской пунктуации», «Терминологический указатель»)

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *З. К. Тарпанов*;
доктор филологических наук, профессор *Н. Л. Шубина*

Учебник издан при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ и фонда «Русский мир»

Синтаксис современного русского языка : учебник для
С 387 студ. высш. учеб. заведений / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев ; под ред. С. В. Вяткиной. — СПб. : СПбГУ; М. : Академия, 2009. — 346 с.

ISBN 978-5-7695-0000-0

ISBN 978-5-7695-6217-4 (Факультет филологии и искусств СПбГУ)

Учебник, ориентированный на активное усвоение материала современным студентом, представляет собой комплексное освещение традиционных и современных синтаксических концепций, дискуссионных вопросов синтаксической теории. Описание синтаксических единиц дано в динамике их развития: сопровождается экскурсами в историю становления в русском языке и описанием новых синтаксических явлений. Изложенный материал обобщается в таблицах, поиск необходимой информации обеспечивается терминологическим указателем.

Для студентов и аспирантов филологических факультетов университетов.

УДК 808.2:801.56(075.8)
ББК 81.2Рус-2

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

© Акимова Г. Н., Вяткина С. В., Казаков В. П., Руднев Д. В., 2009
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2009
© Оформление. Издательский центр «Академия», 2009

ISBN 978-5-7695-0000-0
ISBN 978-5-7695-6217-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Синтаксис, высший уровень в языковой системе, всегда был объектом пристального внимания лингвистов, но многообразие подходов к описанию единиц этого уровня, сложившееся в отечественной науке на рубеже XX—XXI вв., требует глубокого осмысления. Современный студент-филолог, изучающий различные научные концепции, должен быть хорошо теоретически подготовлен.

При создании данного пособия авторы исходили из следующего: во-первых, для эффективного преподавания синтаксиса в современной вузовской аудитории требуется учебник, позволяющий студентам активно усвоить лекционный материал и извлечь дополнительную информацию; во-вторых, в учебнике необходимо отразить традиционное описание синтаксических единиц и дискуссионные вопросы (теория словосочетания, типология простого и сложного предложения, синтаксис текста), которые во многих учебных пособиях даны односторонне (например, только структурный или семантический аспекты), что позволит студенту выработать навыки многостороннего анализа синтаксических единиц[1].

Данный учебник ориентирован, во-первых, на комплексный подход к освещению дискуссионных вопросов синтаксической теории; во-вторых, на включение экскурсов в историю становления единиц синтаксиса в связи с появлением новых работ по истории русского языка, для того чтобы преодолеть разрыв в преподавании истории языка и современного русского языка; в-третьих, на перспективы развития синтаксиса, что определяет включение раздела, посвященного новым синтаксическим явлениям (автор проф. Г. Н. Акимова).

Информация, изложенная в разделах учебника «Введение», «Словосочетание», «Предложение», «Сложное синтаксическое целое и текст», «Изменения в синтаксическом строе», «Основные сведения о русской пунктуации», обобщена в таблицах, «Терминологический указатель» облегчает поиск необходимой информации.

---

[1] Подробный анализ существующих учебников по синтаксису см.: Современная русская речь: состояние и функционирование: сб. аналитических материалов / под ред. С. И. Богданова, Л. А. Вербицкой и др. — СПб., 2004. — С. 316—322; Государственная языковая политика: проблемы информационного и лингвистического обеспечения. — СПб., 2007. — С. 249—258.

В учебнике обобщен многолетний опыт чтения лекций по курсу «Синтаксис русского языка» проф. Г. Н. Акимовой и ее учеников. Он создан как базовое университетское пособие для студентов бакалавриата (курсы «Современный русский язык. Синтаксис» и «Теоретическая грамматика русского языка. Синтаксис»).

ВВЕДЕНИЕ

Синтаксис в иерархии языковых уровней занимает высшую ступень, так как именно он связан с коммуникативной функцией языка. Синтаксисом называется и наука, занимающаяся описанием строения, семантики и функций единиц данного языкового уровня. Таким образом, термин «синтаксис» употребляется в двух значениях: это высший, **коммуникативный уровень языка**, так как именно на нем единицы других уровней организуются с целью построения речи: фонетически оформленные (фонетический уровень) слова (лексический уровень) с их грамматическими характеристиками (морфологический уровень), соединяясь друг с другом, формируют сообщение о действительности, о воле говорящего или о его отношении к миру; это **раздел грамматики**, описывающий правила, закономерности построения речи.

§ 1. Синтаксис как наука (история и современность)

Термин «синтаксис» (восходит к греческому слову *syntaxis* — 'построение, сорасположение, строй') определяется как наука о языке, которая исследует и формулирует правила речеобразования; таким образом, на синтаксическом уровне ярче всего проявляется взаимосвязь языка (системы) и речи (реализации языковой системы).

История синтаксиса как науки восходит к учениям древнегреческих философов (термин «синтаксис» впервые был использован стоиками в III в. до н. э. при описании логического содержания высказываний), в центре внимания которых было изучение речемыслительных процессов, поэтому и использованные ими понятия отражали разные стороны одного явления: логическую, морфологическую и синтаксическую.

Сочинения **Аполлония Дискола** (II в. н. э.), в которых было дано описание связей слов и форм слов в предложении, положили начало интерпретации собственно языковых явлений, хотя его синтаксис имел морфологическую основу и Аполлоний Дискол не предложил специальной системы синтаксических понятий. В XIII—XVI вв. в универсальных (философских) грамматиках и в «Грамматике Пор-Рояля» (XVII в.) категории синтаксиса были названы универсальными (А. Арно и К. Лансло), так как сам синтаксис определялся как содержательная область грамматики, в то время как

фонетика и морфология были отнесены к плану выражения, а не содержания. Синтаксис рассматривался как учение о способах выражения мысли и содержал описание предложений и их частей (членов предложения).

Данное направление получило отражение и в русской грамматической науке, начало которой В. В. Виноградов возводит к грамматикам **Лаврентия Зизания** (1596) и **Мелетия Смотрицкого** (1619)[1] и развитие которой мы находим в трудах **М. В. Ломоносова**, затем **И. И. Давыдова**, **К. С. Аксакова**, **Ф. И. Буслаева**. Предложение рассматривалось ими как языковое выражение суждения, подлежащее — как языковое выражение субъекта, сказуемое — предиката, сложное предложение — умозаключения. М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755) так определял предложение: «Сложение знаменательных частей слова, или речений... производит речи, полный разум в себе составляющие через снесение разных понятий»[2]. Указание на связь синтаксиса с мышлением входило в определение синтаксиса до начала XX в.

Во 2-й половине XIX в. сформировалось психологическое направление в лингвистике, представленное в России **А. А. Потебней**. **А. А. Шахматов** в «Синтаксисе русского языка» писал: «Синтаксисом является та часть грамматики, которая рассматривает способы обнаружения мышления в слове»[3]. Он отметил, что «в языке бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились словосочетания и слова для самостоятельного... бытия и употребления...»[4]. Данная трактовка привела к пониманию синтаксиса как раздела грамматики, в котором явления языка анализируются в направлении от значения (функции) к форме.

Однако в конце XIX в. с пробуждением у лингвистов интереса к национальной специфике морфологии синтаксис стал определяться как учение о функциях классов слов в предложении. Данной точки зрения придерживался **Ф. Ф. Фортунатов**, который основной задачей синтаксиса считал изучение способности слов к распространению, определил словосочетание как основную единицу синтаксиса, а предложение — как вид словосочетания. Такое понимание предмета и задач синтаксиса определило развитие данного раздела грамматики в 20-е гг. XX в.

Итогом бурного периода развития синтаксиса в середине XX в. является классическое грамматическое описание — «Грамматика русского языка»[5] (АГ-54), во введении ко 2-му тому которой акад.

---

[1] *Виноградов В. В.* История русских лингвистических учений. — М., 1978. — С. 38.

[2] Там же. — С. 41.

[3] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — Л., 1941. — С. 17.

[4] Там же. — С. 17.

[5] Грамматика русского языка: в 2 т. / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. — Т. I. — М., 1953; Т. II. — М., 1954; 2-е изд. — М., 1960.

В. В. Виноградов сформулировал проблему, вставшую перед синтаксистами: включать ли в синтаксическое описание словосочетание, расширить ли репертуар единиц до сверхфразового единства (СФЕ), абзаца, текста[1], в то время как в самой грамматике сохранилось традиционное описание синтаксических единиц. Труды В. В. Виноградова определили развитие основных аспектов описания синтаксиса во 2-й половине XX в.: наряду с традиционным структурным, сформировался семантический, функциональный и коммуникативный синтаксис.

«Грамматика современного русского литературного языка»[2] (АГ-70) и «Русская грамматика»[3] (РГ-80), в которых сделана попытка последовательного описания структурно-формального аспекта синтаксических единиц, принципиально отличаются от АГ-54, но и эти описания нельзя считать бесспорными и всеобъемлющими.

Во многом иное осмысление синтаксического строя языка, в том числе и русского, представлено в 6-томной «Теории функциональной грамматики»[4] и в «Коммуникативной грамматике русского языка» Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой[5].

Диахроническое описание синтаксиса, исследование динамики развития синтаксических явлений позволяет осветить спорные и новые явления в современном синтаксисе и интерпретировать синтаксические структуры в контексте этнической культуры и философии[6].

---

[1] См. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.; Л., 1947. — С. 7.

[2] Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1970.

[3] Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1980; репринтное издание — М., 2005.

[4] Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А. В. Бондарко. — Л., 1987; Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / под ред. А. В. Бондарко. — Л., 1990; Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / под ред. А. В. Бондарко. — СПб., 1991; Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность — неопределенность / под ред. А. В. Бондарко. — СПб., 1992; Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. Компаративность / под ред. А. В. Бондарко. — СПб., 1996; Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / под ред. А. В. Бондарко. — СПб., 1996.

[5] *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — 2-е изд. — 2004.

[6] *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. — М., 1963; *Шведова Н. Ю.* Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. — М., 1964; *Тарланов З. К.* Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. — Петрозаводск, 1999; *Тарланов З. К.* Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении: Учеб. пособие. — Петрозаводск, 2007; *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.

В настоящее время сосуществуют различные трактовки одних и тех же синтаксических единиц и явлений, и цель вузовского курса синтаксиса — познакомить с ними студентов.

§ 2. Место синтаксиса в системе языка

Связь синтаксиса с фонетикой очевидна в области интонации: без интонации нет предложения. Произнесение одинаковых по лексическому наполнению предложений с различной интонацией (ср.: *Это проблема. Это проблема? Это проблема!*) принципиально меняет смысл высказываний.

Интонация имеет яркую национальную специфику. Русская интонация считается неэнергичной (по сравнению с контрастной энергичной английской — вялой). Это объясняется тем, что флективный строй русского языка, в отличие от аналитического строя английского языка, не требует дополнительных интонационных усилий от носителя языка: благодаря флексиям (грамматическим показателям формы) носитель языка легко устанавливает синтаксические связи между компонентами высказывания. Однако целеустановка высказывания может определяться только самой интонацией: *Интересный вчера был спектакль* — 1) это может быть утверждение сообщаемого факта с выделением оценочного компонента благодаря вынесению его в начало структуры; это высказывание 2) это высказывание может сопровождаться выражением эмоционального отношения говорящего (*Интересный вчера был спектакль!*) или 3) заключать вопрос к собеседнику (*Интересный вчера был спектакль?*).

Интонация и фразовое ударение, то есть интонационное выделение наиболее значимого компонента высказывания, являются важнейшими средствами выражения актуального членения предложения (см. IV гл. «Коммуникативная организация предложения»): ***Вчера*** (а не в другой день) *он выступил с докладом на конференции*; *Вчера* ***он*** (а не кто-то другой) *выступил с докладом на конференции*; *Вчера он* ***выступил*** (подтверждение ожидавшегося факта) *с докладом на конференции*; *Вчера он выступил* ***с докладом*** (именно с докладом, а не с сообщением) *на конференции*; *Вчера он выступил с докладом* ***на конференции*** (а не на заседании кафедры, например).

Итак, интонация как средство фонетики раскрывает свои возможности именно в синтаксисе.

Связь синтаксиса с лексикой является многосторонней. Именно лексика определяет как семантику синтаксических единиц, так и их структуру.

Это проявляется, например, в минимальных синтаксических структурах — словосочетаниях: *свалиться со стула — свалиться*

с луны; *черный костюм — черный рынок*; *завязать рюкзак — завязать знакомство*. В первых примерах реализуется свободное лексическое значение слов *свалиться*, *черный*, *завязать*, а во вторых — фразеологически связанные значения. Следовательно, первые примеры относятся к области словосочетаний, а вторые ими не являются — это фразеологизмы.

Определенные лексические единицы требуют обязательного распространения. Например, сильноуправляющие глаголы (*чувствовать*, *знать*, *понимать*, *заметить*, *говорить* и др.) или формируют словосочетание, или подчиняют себе придаточную часть в сложном предложении: *Мы чувствуем приход осени*; *Мы чувствуем, что наступила осень*. Слова с максимально опустошенной семантикой, такие, как *вещь*, *масса* и др., для полноценной реализации своей семантики в определенных условиях требуют обязательного признакового конкретизатора (*С ней постоянно происходят* ***странные*** *вещи*), хотя в других контекстах, реализуя свое прямое, номинативное значение, могут функционировать самостоятельно (ср.: *Она никогда не кладет вещи на место*). Однако наличие чего-то у предмета может быть настолько естественно, обычно, что без определителя такая конструкция лишена смысла, коммуникативно опустошена: *Котенок с* ***пушистым*** *хвостом*; *Девушка со* ***стройными*** *ногами*.

Лексикой определяется и структура предложения. В предложении *Учеба — это радость / мука / расходы* дается оценка предмета речи, в состав сказуемого входит абстрактное имя существительное, поэтому указательная частица *это* в его структуре необходима. В предложениях же, выражающих квалификацию конкретного предмета речи, например лица (*Мой друг — ~~это~~ юрист / менеджер / знаток русского языка*), в позицию сказуемого попадают конкретные имена существительные и частица *это* не употребляется.

Однако именно благодаря синтаксису, т.е. синтаксическому употреблению слова, происходит уточнение значения слова: *Мы все учились понемногу*, / *Чему-нибудь и как-нибудь*, / *Так* ***воспитаньем***, *слава богу*, / *У нас немудрено блеснуть* (А. Пушкин) — актуализируется значение результата действия, *воспитание* здесь — ‘*навыки поведения*, *привитые семьей*, *школой*, *средой и проявляющиеся в общественной и личной жизни*’ (БАС), т.е. актуализируется предметное значение отглагольного существительного. *Самое главное место в жизни Станиславского занимало выращивание*, *бережное* ***воспитание*** *актера* (И. Ильинский) — актуализируется процессуальное значение отглагольного существительного — ‘*обучение навыкам какой-либо профессии*’ (БАС). Акад. В. В. Виноградов отмечал: «...в реальной истории языка грамматические и лексические формы и значения органически связаны, постоянно влияют друг на друга. Поэтому изучение грамматического строя языка без уче-

та лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений — невозможно»[1].

Связь синтаксиса с морфологией. Морфология и синтаксис — две составные части грамматики. Но что первично: морфология или синтаксис?

Р. И. Аванесов, рассматривая этот вопрос с точки зрения развития языка, вслед за А. А. Шахматовым отмечал: «Каждая часть речи выделилась благодаря тому, что она... специализировалась для выражения того или иного члена предложения. Таким образом, части речи — это морфологизованные, застывшие члены предложения»[2]. Иными словами, морфология — это застывший синтаксис, поэтому члены предложения характеризуются как морфологизованные или неморфологизованные.

Морфологизованными являются те члены предложения, которые выражены специализированными для данной функции грамматическими формами: например, подлежащее — именительным падежом существительного (*Пошел дождь*), дополнение — косвенным падежом существительного (*Порыв ветра распахнул окно*), определение — прилагательным (*Резкий порыв ветра распахнул окно*), обстоятельство — наречием (*Неожиданно резкий порыв ветра распахнул окно*).

В процессе дальнейшего развития языка параллелизм частей речи и членов предложения разрушается, а части речи начинают выступать в несвойственной для них синтаксической функции, возникают **неморфологизованные** члены предложения. Инфинитив, например, начинает выполнять функцию любого члена предложения: *Гулять под дождем не так уж романтично* (подлежащее), *Он просит понять его* (дополнение), *Его мучило желание поспорить* (определение), *Он пошел узнать расписание* (обстоятельство цели). Язык создал расхождения между первичными и вторичными функциями частей речи и их грамматических форм.

С другой стороны, соединение слов в цепочки определяется их грамматическими свойствами: наречия степени, например, сочетаются только с качественными прилагательными: ср.: ***слишком тонкая*** (*светлая*, *тяжелая*, *плотная*, ~~*шерстяная*~~) *ткань*.

В. В. Виноградов отмечал: «Морфологические формы — это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике»[3]. В синтаксисе складывалась система частей речи, их деление в зависимости от выполняемой в предложении функции на знаменательные и служебные. Знаменательные части речи, называющие предметы,

---

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). — М.; Л., 1947. — С. 7.

[2] *Аванесов Р. И.* Второстепенные члены предложения, как грамматические категории // РЯШ. — 1936. — № 4.

[3] *Виноградов В. В.* Указ соч. — С. 29.

признаки, их количество, действие, состояние, составляют семантику предложения. Они выражают речевой смысл, делают предложение информативным. Но в соединении слов друг с другом в предложение главную роль выполняют служебные части речи (предлоги, союзы, частицы): *Она всматривалась **в** лица* (без предлога невозможно соединение лексемы с объектным значением и данного глагола) *людей*, ***но*** (противительный сочинительный союз указывает на смысловые отношения между сказуемыми) *никого **не** узнавала* (отрицательная частица вносит противоположное семантике глагола значение).

Именно на синтаксическом уровне становятся особо значимы слова, выражающие субъективную модальность (*по-видимому*, *наверное* и т. п.), статус которых в морфологии спорен: *Лекции завтра*, ***наверное / видимо / к счастью***, *не будет*. Междометия как средство передачи эмоций также становятся значимыми именно в предложении, в то время как в морфологии они не относятся ни к знаменательным, ни к служебным частям речи: ***Ах***, *что это я опять сбилась на продовольствие?* ***Ну***, *не буду*, *не буду*. ... ***Ах***, ***боже мой***, *я опять о продовольствии!..* ***Ох***, *что это я опять?* ***Ради бога***, *простите*, *я же дала слово. Будем говорить о любви*, *об искусстве* (Тэффи).

Предмет изучения синтаксиса. Приведенные примеры иллюстрируют неразрывную связь морфологии и синтаксиса и первичность синтаксиса для изучения морфологии. Различие между двумя частями грамматики заключается в предмете изучения (табл. 1).

Если морфология исследует отдельное слово и систему его форм (например, *осень* — сущ. ж. р. 3-го скл.), то синтаксис анализирует устройство и функционирование единиц более сложных, чем слово (например, *Осень* как предложение с интонацией законченного сообщения, особый тип односоставных предложений).

Таблица 1

Предмет изучения морфологии и синтаксиса

Предмет изучения морфологии	Предмет изучения синтаксиса
1. Части речи а) знаменательные: имена (существительное, прилагательное, местоимение, числительное); глагол (все формы); наречие; б) служебные (предлоги, союзы, частицы); в) модальные слова; г) междометия	Единицы синтаксиса (структура, значение, функция): а) синтаксема (грамматическая форма слова в аспекте ее связей с другими словами); б) словосочетание; в) простое предложение; г) сложное предложение; д) сложное синтаксическое целое (ССЦ)

Окончание табл. 1

Предмет изучения морфологии	Предмет изучения синтаксиса
2. Морфологические категории частей речи: категории рода, числа, падежа имен существительных; категории рода, числа, падежа имен прилагательных, степени сравнения качественных прилагательных; категория вида, лица, числа у глагола и др.	2. Синтаксические связи между компонентами синтаксических единиц: присловные связи на уровне словосочетания (подчинительные: согласование, управление, примыкание); связи на уровне простого предложения (координация подлежащего и сказуемого, сочинение и т.д.); связи между компонентами сложного предложения (сочинение, подчинение, бессоюзная связь); связи между самостоятельными предложениями в составе ССЦ (последовательная, параллельная связь)
3. Система форм слов (парадигма) и значения форм слов: типы склонения имен существительных и значения падежей; типы спряжения личных форм глагола, значения форм лица и числа и т.д.	3. Взаимодействие единиц синтаксиса: соотношение словосочетания и простого предложения; предикативные части в составе сложного предложения; самостоятельные предложения в составе ССЦ

Для морфологии предметом всестороннего изучения служит слово с его грамматическими категориями и системой грамматических форм, а для синтаксиса форма слова — предмет изучения со стороны связей с другими словами и функции в предложении, т.е. в качестве одного из элементов синтаксической системы. Синтаксис изучает состав синтаксических единиц; структуру, значение, функции синтаксических единиц с точки зрения их участия в акте коммуникации, иерархию компонентов синтаксической системы.

Таким образом, синтаксис качественно новая ступень грамматики в сопоставлении с описательной морфологией.

§ 3. Общая сравнительная характеристика единиц синтаксиса

Словосочетание — простое предложение — сложное предложение. Традиционно в русском синтаксисе выделяются две основные единицы: словосочетание и простое предложение. Акад. А.А. Шахматов основной единицей синтаксической системы считал простое

предложение, словосочетание — второстепенным конструктивным элементом предложения[1]. Развивая идеи А. А. Шахматова, акад. В. В. Виноградов определил словосочетание как синтаксическую единицу, состоящую не менее чем из двух полнозначных слов, организованную по законам данного языка и выражающую цельное значение[2], противопоставленную коммуникативной единице — простому предложению. Третья единица синтаксической системы — сложное предложение.

В. В. Виноградовым были сформулированы дифференциальные признаки синтаксических единиц, определяющие их соотношение: номинативная/предикативная функции, наличие/отсутствие предикативности, интонационная оформленность. Так сложилась традиция противопоставления: словосочетание — простое предложение — сложное предложение.

Словосочетание акад. В. В. Виноградов относил, как и слова, к области номинативных средств языка (обозначают предметы, явления, процессы, признаки) и рассматривал словосочетания как строительный материал для предложения, подчеркивая, что для структуры словосочетания нехарактерны «так называемые субъективно-объективные синтаксические категории (вроде категорий лица, времени и модальности), которые обусловливают относительную законченность сообщаемой мысли в речи»[3] (см. раздел «Словосочетание», § 1 «Понятие словосочетания»).

Для предложения в качестве дифференцирующих признаков им были выделены предикативность («Общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности выражается в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица»[4]) и интонация законченного сообщения. Интонация законченного сообщения, оформляя предложение, является сигналом его завершенности, самодостаточности, конкретизирует предложение с точки зрения целеполагания (см. раздел «Простое предложение», § 1 «Определение понятия “предложение”»).

В свою очередь, простое предложение, по определению В. В. Виноградова, строительный материал для сложного предложения[5]. При этом сложное предложение, как и простое, характеризуется единой интонацией законченного сообщения. Различие этих синтаксических единиц проявляется в расчлененной концентрации форм выражения категорий времени, модальности и лица, их в сложном предложении несколько. Самостоятельность предикатив-

---

[1] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — С. 17.

[2] *Виноградов В. В.* Словосочетание как предмет синтаксиса // Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — М., 1954. — С. 10.

[3] Указ. соч. — С. 11.

[4] Там же. — С. 80.

[5] Там же. — С. 99.

Таблица 2

Сопоставительная характеристика единиц синтаксиса

Признаки синтаксической единицы	Единицы синтаксиса		
	Словосочетание	Простое предложение	Сложное предложение
Категория предикативности	нет	есть (монопредикативная единица)	есть (полипредикативная единица)
Функция	номинативная	коммуникативная	коммуникативная (в целом)
Интонация законченного сообщения	нет	есть	есть (у сложного предложения в целом)
Грамматическое значение	синтаксические отношения между компонентами	предикативность	синтаксические отношения между частями
Примеры	*теплый вечер встретить друга дом напротив*	*Теплым вечером она встретила друга у дома напротив.*	*Теплым вечером она встретила друга у дома напротив, и эта встреча изменила всю ее жизнь.*

ных частей в составе сложного предложения относительна, а грамматическое значение всей единицы определяется в соответствии со способом связи частей и выраженных этой связью синтаксических отношений.

Таким образом, в середине XX в. синтаксис представал как учение об иерархии трех синтаксических единиц: словосочетания, простого предложения и сложного (табл. 2).

Вопрос о минимальной синтаксической единице. В конце 60-х гг. XX в. был поставлен вопрос о существовании синтаксической единицы, меньшей, чем словосочетание. Г. А. Золотова в статье 1969 г. поставила под сомнение возможность выделения словосочетания в качестве минимальной синтаксической единицы: «...целесообразно признать именно синтаксические формы слов, нераспространенные и распространенные (а не слова и словосочетания), строительным материалом для предложения, элементами, из которых предложение строится[1]». Синтаксическое слово, или синтаксему, Г. А. Золотова охарактеризовала как первоэлемент, соеди-

[1] *Золотова Г. А.* О синтаксической форме слова // Мысли о современном русском языке: сб. статей. — М., 1969. — С. 66.

нивший в себе критерии значения, формы и функции, чего недоставало синтаксической теории[1]: «...носителями элементарного смысла в русском синтаксисе служат слова — **синтаксемы**, или синтаксические формы слова»[2].

Г. А. Золотова предложила четкое разграничение значений слова[3]: лексическое, грамматическое, синтаксическое, продемонстрировав на примерах — *в саду*, *на окне* и *в сад*, *на окно* — совпадение лексического значения данных словоформ (имя предмета), одинаковость морфологических форм (*в*, *на* + пр. п. и *в*, *на* + в. п.) и различающие такие формы синтаксические значения — *в саду*, *на окне* обозначают место (локатив), а *в сад*, *на окно* — направление (директив). Обычное вычленение лексического и грамматического значений слова упускает производное от этих величин значение, что и реализуется в синтаксических конструкциях. Иными словами, синтаксема — языковое обеспечение перехода от лексической единицы к синтаксической.

Деление именных синтаксем на предметные (***по*** пыльной ***дороге***) и признаковые (дом ***у дороги***) становится в данной концепции принципиальным для выделения структурных компонентов предложения: «...многообразие явлений действительности обобщено человеческим сознанием в определенных категориях — лица, предмета, действия, состояния, качества, количества, времени, места, причины и т. д.»[4]. Так, в предложении *Старик ловил неводом рыбу* выделяется четыре синтаксемы: *старик* — именная (деятель), *ловил* — глагольная (действие), *неводом* — именная (орудие), *рыбу* — именная (объект).

Выделение синтаксем как элементарных единиц в структуре предложении основано на главенстве коммуникативной функции для синтаксической единицы: во-первых, синтаксема вступает с другими единицами в отношения часть/целое (словосочетания и предложения составляются из синтаксем), во-вторых, она элемент построения и носитель элементарного смысла в предложении.

Описание в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой[5] беспредложных и предложных именных, глагольных синтаксем, синтаксем имени прилагательного и наречия убедительно показало, что роль строительного материала для предложения принадлежит им, а не

---

[1] *Золотова Г. А.* Функционализм в современной русистике // Современный русский литературный язык: учебник / под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. — М., 2003. — С.658—659.

[2] *Золотова Г. А.*, *Онипенко Н. К.*, *Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 2004. — С. 37.

[3] Там же. — С. 43, 37—38.

[4] *Золотова Г. А.* Функционально-коммуникативная грамматика: Учебник. — М., 2003. — С. 661.

[5] *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — 2-е изд. — М., 2001.

словосочетаниям, которые являются распространенными синтаксемами.

В соответствии с выполняемой в предложении функцией синтаксемы делятся Г. А. Золотовой на с в о б о д н ы е, которые способны употребляться самостоятельно, например в заголовках: ***В далекие края***; ***В Париж!*** (А. Чехов); о б у с л о в л е н н ы е, употребляющиеся в качестве компонента предложения, например предикативно приписывающего предмету признак: *Свободные слова* ***теснятся в мерный строй*** (А. К. Толстой); с в я з а н н ы е, употребляющиеся присловно в качестве компонента словосочетания: *Скоро загремела музыка*, ***двери в залу*** *отворились*, *и бал завязался* (А. Пушкин).

На примере из стихотворения А. С. Пушкина Г. А. Золотова показала[1], что предложения строятся из нераспространенных синтаксем (*без вас*, *мне*, *скучно*, *я*, *зеваю*, *при вас*, *мне*, *грустно*, *я*, *терплю*, *мочи*, *нет*, *я*) в функции самостоятельного употребления (*без вас*) или в качестве компонента предложения (субъектные *мне*, *я*, предикатные *скучно*, *зеваю*, *грустно*, *терплю*) и распространенных синтаксем (*мой ангел*, *люблю вас*, *как люблю*):

Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю.

Таким образом, именно синтаксемы, а не словосочетания относятся к области средств лексико-синтаксической номинации понятий и участвуют в коммуникации через предложение. Исходя из первичности коммуникативной функции языка, Г. А. Золотова поставила под сомнение традиционную характеристику словосочетания как строительного материала для предложения. В то же время в определении словосочетания В. В. Виноградова нет принципиального противоречия с позицией Г. А. Золотовой: словосочетание возникает в результате соединения одного слова с формой другого слова на основе подчинительной связи: *спящий ребенок*, *сон ребенка*, *крепко спать*. Роль строительного материала для предложения выполняют только те словосочетания, которые занимают позицию одного члена предложения, например несогласованного определения, прямого дополнения и подлежащего в предложении: *Для того чтобы представить себе обстановку тех дней, скажу несколько слов об окружении, в котором строилась детская литература* (Е. Шварц). Другие словосочетания (*представить себе*, *представить обстановку*, *сказать об окружении*, *строиться в котором*) выделяются из предложения, что методически важно для анализа присловных связей (уровень словосочетания).

[1] *Золотова Г. А.* Коммуникативная грамматика... — С. 53.

Вопрос о единице большей, чем предложение (сложное синтаксическое целое). В середине XX в. начался поиск больших, чем сложное предложение, синтаксических единиц. После создания типологии сложного предложения (см. раздел «Сложное предложение», главу 1) встал вопрос о группировках предложений в тексте, о принципах организации таких соединений, так как стало очевидным, что реальные предложения употребляются в составе определенного текста, включаясь в более сложные текстовые единицы. В качестве структурной единицы текста Н. С. Поспелов в работе 1948 г. предложил сложное синтаксическое целое (ССЦ)[1].

ССЦ — структурно-смысловая единица текста, представляющая собой объединение самостоятельных предложений на основе общности раскрываемой темы, характеризующаяся формальными средствами связи предложений между собой: грамматическими (союзы и их аналоги, видо-временные формы сказуемых) и лексическими (повторы, синонимические замены, лексические скрепы) показателями. Например, тема 1-го сложного синтаксического целого, открывающего рассказ А. Чехова «Розовый чулок», — описание непогоды, 2-го, следующего за ним, — настроение персонажа: (1) *Пасмурный*, ***дождливый*** *день. Небо надолго заволокло тучами, и* ***дождю*** *конца не предвидится. На дворе* ***слякоть***, ***лужи***, ***мокрые*** *галки, а в комнатах сумерки и такой холод, что хоть печи топи.* (2) *Иван Петрович Сомов шагает по своему кабинету* ***из угла в угол*** *и* ***ворчит*** *на погоду. Дождевые слезы на окнах и комнатные сумерки* ***нагоняют*** *на него* ***тоску****. Ему невыносимо* ***скучно***, *а* ***убить время*** *нечем... Газет еще* ***не привозили***, *на охоту идти* ***нет возможности***, *обедать еще* ***не скоро****...* Внутри каждого ССЦ смысловая связь предложений поддерживается или повторами однокоренных слов (*дождь*, *дождливый*), связанных по смыслу с темой непогоды (*слякоть*, *лужи*, *мокрые*) — в 1-м ССЦ, или словами и фразеологизмами, обозначающими состояние скуки и раздражения (выделены в тексте) — во 2-м ССЦ.

Определение данной единицы является в отечественном языкознании дискуссионным: с одной стороны, остаются конкурирующими термины «ССЦ» и «СФЕ» (сверхфразовое единство[2]), с другой — дискуссионен вопрос о границах и статусе данной единицы. Понятие «ССЦ» отсутствует в традиционных и академических синтаксических описаниях, оно не включено в большинство вузовских учебников (см. раздел «Сложное синтаксическое целое и текст»).

Сложные синтаксические целые формируют текст, связь между предложениями в их составе обеспечивает главный признак текста — связанность.

---

[1] *Поспелов Н. С.* Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Уч. зап. МГУ. — Вып. 137. — М., 1948.

[2] *Шевякова В. Е.* Сверхфразовое единство // ЛЭС. — М., 1990. — С. 435.

Таблица 3

Единицы синтаксических уровней

Синтаксический уровень	Синтаксические единицы
Докоммуникативный (номинативный)	Синтаксема Распространенная синтаксема (=словосочетание)
Уровень предложения	Простое предложение Сложное предложение
Уровень текста	Сложное синтаксическое целое

В результате изучения синтаксиса текста, начавшегося в 70—80-е гг. XX в., лингвисты пришли к выводу, что коммуникативная автономность предложения относительна: в полной мере его потенциал реализуется в тексте, а между самостоятельными предложениями в тексте существуют связи, соотносимые со связями в сложном предложении. Так, наряду с уровнем предложения был выделен уровень текста. Это привело к включению ССЦ в число единиц синтаксиса, что нашло отражение и в современной учебной литературе.

Итак, в настоящее время можно выделить единицы трех синтаксических уровней: докоммуникативного (номинативного), уровня предложения и уровня текста (табл. 3).

Данное представление синтаксической системы отражает иерархию синтаксических единиц в соответствии с выполняемой ими функцией, хотя не является бесспорным[1].

§ 4. Синтаксис — система связей и отношений

О человеке, который не владеет речью, говорят: «Он двух слов связать не может». Именно связи, скрепляя языковые единицы, организуют речь. ***Синтаксической связью называется формальное выражение смысловых отношений между сочетающимися в речи языковыми единицами.***

Соединяя слова в речи, человек передает различные отношения между явлениями и предметами окружающего его мира, в речи эти отношения выражаются синтаксическими связями. Таким образом, синтаксические связи и отношения представляют собой единство типа морфологических категорий (ср.: категория падежа имеет план содержания — например, субъектно-определительное зна-

[1] И. П. Распопов, например, не считает необходимым выделение более высокого, чем предложение, уровня. См. его работу: Спорные вопросы синтаксиса. — Ростов н/Д., 1981.

чение род. падежа в словоформе *отц-а* (*недовольство отца*) и план выражения — флексия). Однако синтаксические отношения более разнообразны, чем синтаксические связи, характер же синтаксических связей и типы синтаксических отношений зависят от лексического наполнения синтаксической единицы, в которой проявляются.

Виды синтаксической связи. Изучение фундаментальных синтаксических связей является центральным вопросом синтаксиса: оно началось с анализа присловных связей в словосочетании, затем было расширено описанием связей в сложном предложении и наконец исследование связанности текста было дополнено представлениями о межфразовых связях. По оценке Т. В. Шмелевой, так «были подготовлены условия для выхода синтаксической связи в открытый текст, сравнимый с выходом человека в открытый космос»[1].

В то же время вопрос о фундаментальных синтаксических связях нельзя считать окончательно решенным: лингвисты выделяют различное количество видов связи, по-разному оценивают синтаксические единицы на основе реализуемых в них связей. Неоднозначно трактуются и критерии разграничения синтаксических связей, например традиционно противопоставляемых сочинения и подчинения. Так, В. А. Белошапкова выделяет в качестве критерия однофункциональность/разнофункциональность связанных друг с другом компонентов синтаксической единицы[2] (сочиненные компоненты выполняют тождественные функции в синтаксической структуре, при подчинении функции компонентов различны). Функция, в свою очередь, представляется величиной производной от семантики, поэтому целесообразнее считать основой классификации синтаксических связей характеристику синтаксических отношений, т. е. смысловых связей.

В качестве самого общего критерия для разграничения видов связи можно избрать отношения зависимости/независимости компонентов синтаксической единицы друг от друга.

Отношения независимости означают, что компоненты синтаксической конструкции равноправны по выполняемой ими функции, поэтому от одного компонента к другому невозможно поставить вопрос: (1) *Неохотно и несмело / Солнце смотрит на поля* (Ф. Тютчев); (2) *Привыкла верблюжья душа к пустыне, тюкам и побоям* (Арс. Тарковский). В приведенных примерах слова независимо друг от друга (один из компонентов можно опустить) выполняют функции в (1) — *неохотно*, *несмело* — обстоятельств образа

[1] *Шмелева Т. В.* Компоненты синтаксической связи // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. статей. памяти В. А. Белошапковой. — М., 2001. — С. 67.

[2] Современный русский язык: учебник / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 1989. — С. 546.

действия, словоформы *к пустыне*, *тюкам*, *побоям* во (2) — косвенных дополнений, они связаны друг с другом сочинительной связью. Отношения независимости реализуются на уровне предложения и текста, их нет в словосочетании в узком понимании данной единицы синтаксиса[1] (см. раздел «Словосочетание», § 1 «Понятие словосочетания»).

Сочинительной называется связь между не зависящими друг от друга, функционально равноправными компонентами синтаксических единиц.

На основе сочинительной связи формируются ряды однородных членов в простом предложении (приведенные выше примеры (1) и (2)); соединяются части сложного предложения, например: *Здесь тишина цветет и движет / Тяжелым кораблем души*[1], */ **И** ветер, пес послушный, лижет / Чуть при́гнутые камыши*[2] (А. Блок); самостоятельные предложения в структуре сложного синтаксического целого, например: *Толпа рассеялась быстро. **Но** приняли решение не снимать полицейское ограждение. **И** правильно сделали* (Вл. Соловьев). Данная связь реализуется при помощи сочинительных союзов или интонационно.

Отношения независимости в синтаксических конструкциях конкретизируются. Одни структуры могут содержать условно неограниченное количество компонентов, объединенных перечислением, — открытый характер связи, которая оформляется союзами (их употребление необязательно) или интонационно, например в сложносочиненном предложении: ***И** чувства нет в твоих очах, / **И** правды нет в твоих речах,// **И** нет души в тебе* (Ф. Тютчев). В других случаях количество компонентов строго ограничено, возникают парные образования на основе противопоставления или соединения, но не перечисления — это закрытая сочинительная связь, обязательно оформленная союзами, которые конкретизируют синтаксические отношения между компонентами синтаксических единиц как противительные (*но*), возместительные (*зато*) или другие, например: *Я обожал играть в куклы, **но** всячески скрывал эту постыдную для мальчика страсть* (Е. Шварц); *Я со своей обычной легкостью был ближе к поверхности, **зато** Маршак погружался в мою рукопись с головой* (Е. Шварц).

Отношения односторонней зависимости, в отличие от отношений независимости, указывают на то, что содержание зависимого компонента синтаксической единицы служит для определения, дополнения содержания главного, поэтому от главного компо-

[1] При широком понимании словосочетания сочинительной связью объединяются словоформы и в этой единице, определяемой как «непредикативное соединение на основе синтаксической связи слова с формой слова или формы слова с формой слова» (см.: Современный русский язык / под ред В.А. Белошапковой. — С. 592 (и с. 548); *Скобликова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): Учеб. пособие. — 3-е изд. — М., 2006. — С. 56—58.

нента к зависимому можно поставить вопрос, например, от слова главной части (1) сложноподчиненного предложения к придаточной части (2): *Мир — лестница*[1] (какая?), *по ступеням* которой / *Шел человек*[2] (М. Волошин). Компоненты синтаксических единиц разнофункциональны, они объединяются подчинительной связью.

Подчинительной называется связь между компонентами синтаксических единиц, которые находятся в отношениях односторонней зависимости и выполняют в синтаксической конструкции разные функции.

Такая связь характерна для всех единиц синтаксиса: для 1) словосочетания, например: *изучать* (что?) *литературу*, *читать* (как?) *взахлеб*; 2) простого предложения, из которого вычленяются словосочетания, в предложении: *Жары нещадная резня / Сюда не сунется с опушки* (Б. Пастернак) подчинением связаны слова *резня жары*, *нещадная резня*, *сунется сюда*, *сунется с опушки*; 3) сложного предложения: *Листья*, *братья мои*, *дайте знак*[1], / что *через полгода / Ваша зеленая смена оденет / нагие деревья*[2] (Арс. Тарковский); 4) сложного синтаксического целого: [1]*Что это за свет*? [2]*Таким же бледным пламенем горят над ночными болотами огоньки неприкаянных душ.* [3]*Из чего человеку с навыками логического мышления уже несложно сделать вывод о том, что за энергия питает анекдоты о новых русских* (В. Пелевин). В последнем примере подчинительная связь объединяет в ССЦ (2) и (3) предложения.

На уровне словосочетания подчинительная связь дифференцируется по способу подчинения зависимого компонента главному: различаются **согласование** (*прекрасное утро*, *наши дети*, *пятый год*, *прошедшая конференция*), **управление** (*посещать театр*, *посетите театр*, *посещая театр*, *посещавшие театр*), **примыкание — собственно примыкание** неизменяемых слов и форм слов (*рассказывать взволнованно*, *разговор всерьез*, *достаточно прочный*, *желание спорить*, *ее проблемы*) и **падежное примыкание** формы падежа зависимого имени (*рассказывать с волнением*, *тетрадь в линейку*, *полка для книг*, *раздражение матери*).

В сложноподчиненном предложении подчинительная связь реализуется при помощи подчинительных союзов или союзных слов. По смыслу придаточная часть может соотноситься или с конкретными словами главной части, или со всей главной частью, поэтому степень самостоятельности предикативных частей в составе сложноподчиненного предложения различна.

Отношения двусторонней (взаимной) зависимости означают как функциональное взаимодействие, так и равноправие сочетающихся элементов. Такие отношения возникают между подлежащим и сказуемым двусоставного предложения: *Наступила осень*; *Небо помрачнело*; *Пошел дождь*; *Деревья оголились*. Взаимная зависимость двух компонентов проявляется в возможности постанов-

ки от одного к другому вопроса, а каждый компонент влияет на грамматическую характеристику зависимого (число, род).

Связь подлежащего и сказуемого, объединения позиционно предопределенных словоформ, называется координацией.

В описанную триаду синтаксических отношений не укладываются примеры многих бессоюзных сложных предложений, например: *Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг / С листьев брызнет роса серебристая* (А. Никитин). В. А. Белошапкова доказала, что в бессоюзных предложениях (за исключением случаев открытого характера сочинительной связи) нет противопоставления сочинительной и подчинительной связи, и квалифицировала такую связь как ***недифференцированную***[1], определив ее как специфическое свойство сложного предложения. Е. Н. Ширяевым[2], во многом разделяющим взгляды В. А. Белошапковой, в качестве основного средства связи предикативных частей бессоюзного сложного предложения выделена интонация и выявлено два типа смысловых отношений между частями: дифференцированные и недифференцированные, т. е. «такие отношения, для описания которых необходим одновременно ряд терминов», как, например, для предложения: *Кончится сессия — поедем в спортивный лагерь*[3], в котором наблюдаются отношения следствия, причины и времени. При данном подходе снимается вопрос о характере синтаксической связи между предикативными частями в сложном предложении, а его описание переводится в смысловую плоскость. Т. В. Шмелева, наоборот, усматривает недифференцированную связь на уровне словоформ типа *город Москва* и *пойду посмотрю* и текста[4], расширяя тем самым сферу действия данной связи.

Между самостоятельными предложениями в тексте также наблюдаются отношения соотнесенности (зависимости) синтаксических структур друг от друга. Связь между предложениями в составе ССЦ определяют как последовательное присоединение или как **цепную связь** (зацепление)[5].

Таким образом, современная синтаксическая наука стремится к описанию видов синтаксической связи, пронизывающих все синтаксические уровни, на основе анализа соотношения синтаксичес-

---

[1] Современный русский язык: учебник / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 1989. — С. 732.

[2] *Ширяев Е. Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. — М., 1986.

[3] *Ширяев Е. Н.* Бессоюзные сложные предложения // Крылова О. А., Максимов Л. Ю., Ширяев Е. Н. Современный русский язык: Теоретический курс. — Ч. IV. — М., 1997. — С. 223.

[4] *Шмелева Т. В.* Компоненты синтаксической связи: сб. статей памяти В. А. Белошапковой. — М., 2001. — С. 67, 75.

[5] *Николина Н. А* О цепной и параллельной связи в сложном синтаксическом целом. См.: Современный русский язык: учебник. — С. 650—655.

ких отношений и синтаксических связей, что отражено в таблице 4 (знаком «*» показаны неоднозначно трактуемые явления).

Средства выражения синтаксических отношений. Грамматические средства синтаксиса различаются по синтаксическим уровням.

На уровне словосочетания самый сильный показатель зависимости словоформы от главного слова — флексия, которая отличается своей синтетичностью: несет информацию о числе и падеже словоформы: *сложн**ые** проблемы*, *изучение синтаксис**а***, *поставить задач**у*** и др. Форма падежа обладает определенным значением, поэтому на уровне словосочетания отношения зависимости конкретизируются: форма одного падежа, например родительного, реализует разные смысловые отношения в словосочетаниях: *кольцо* (чье?) *матер**и*** — определительные отношения, указание на принадлежность, *лай* (чей?) *собак**и*** — субъектно-определительные, *прием* (кого?) *гост**ей*** — объектные.

Второй сильный показатель зависимости — предлог, выражающий в комплексе с флексией зависимость словоформы от главного слова: *верить **в** люд**ей***, *думать **о** дет**ях***, *стремление **к** совершенств**у***, *книга **для** подростк**ов***, *защита **от** удар**ов***, *мосты **над** Невой* и др.

На уровне простого и сложного предложений (сложносочиненного и сложноподчиненного) показателем зависимости компонентов являются союзы и союзные слова (в сложноподчиненном предложении), например: ***И*** *сердце бьется в упоенье*, / ***И*** (союз соединяет предикативные части) *для него воскресли вновь* / ***И*** *божество*, ***и*** *вдохновенье*, / ***И*** *жизнь*, ***и*** *слезы*, ***и*** *любовь* (А. Пушкин) — последние пять союзов ***и*** объединяют однородные подлежащие; *Нам*, *русским*, *почему-то всегда кажется*, ***что*** *мы должны отыскать Большую Медведицу* (Тэффи); *Нужно такое имя*, ***которое*** (союзное слово) *принесло бы счастье* (Тэффи). В двух последних примерах союз *что* и союзное слово *которое* соединяют предикативные части.

Порядок слов в некоторых случаях определяет саму синтаксическую единицу (ср. словосочетание *дружеское приветствие* и предложение *Приветствие дружеское*) или функцию одного из элементов в ней (ср. *Преподаватель — мой старший брат* и *Мой старший брат — преподаватель*).

Изменение порядка слов (точнее, местоположения словоформы) может менять характер связи между компонентами синтаксической единицы. Так, словоформа с обстоятельственно-определительным значением, стоящая после глагола (*Он начал петь **на сцене** в пять лет*) или после существительного (*Выступления **на сцене** его не пугали*), обнаруживает присловную зависимость от главного слова, но в начале предложения такая словоформа, как правило, относится ко всей грамматической основе предложения в целом, являясь детерминантом: ***На сцене*** *шла репетиция*; ***На сцене*** *молча-*

Таблица 4

Соотношение синтаксических связей и отношений в синтаксических единицах

Синтаксические единицы	Синтаксические отношения и связи			
	Отношения независимости	Отношения односторонней зависимости	Отношения двусторонней (взаимной) зависимости	Недифференцированные отношения
	сочинительная связь	подчинительная связь	координация	недифференцированная связь
Словосочетание	отсутствует	*добрый друг* *проверять билеты* *удобно сидеть*	отсутствует	*город Москва*
Простое предложение	между однородными членами ***Все** на солнышке искрится: / **И озера, и ручьи** //* (А. Решетов)	присловная — в словосочетаниях внутри предложения *Люблю березку русскую* (А. Прокофьев) (*любить березку*; *русская березка*)	между подлежащим и сказуемым ***И выглядывает белка** / Из укромного дупла //* (А. Решетов)	дискуссионный вопрос
Сложное предложение	между предикативными частями *А все-таки жизнь хороша[1], / **И** мы в ней чего-нибудь стоим[2]* (Арс. Тарковский)*	между предикативными частями ***Если** жизнь тебя обманет[1], / Не печалься, не сердись![2] //* (А. Пушкин)	между подлежащим и сказуемым в каждой предикативной части, являющейся двусоставным предложением	между частями бессоюзного сложного предложения *Без любви, без счастья / По миру скитаюсь[1]: / Разойдусь с бедою[2] — / С горем повстречаюсь[3]!* (А. Кольцов)

Сложное синтаксическое целое (ССЦ)	между самостоятельными преложениями *Толпа рассеялась быстро.* ***Но*** *приняли решение не снимать полицейское ограждение.* ***И*** *правильно сделали.* (Вл. Соловьев)	между самостоятельными преложениями *Что это за свет? Таким же бледным пламенем горят над ночными болотами огоньки неприкаянных душ.* ***Из чего*** *человеку с навыками логического мышления уже несложно сделать вывод о том, что за энергия питает анекдоты о новых русских* (В. Пелевин)	между подлежащим и сказуемым в каждом самостоятельном двусоставном предложении и в каждой предикативной части сложного предложения	между самостоятельными преложениями *За просторным житковским столом смеялись очень много, но не анекдотам и не остротам. Царствовало веселое безумие, может быть, от избытка сил, от избытка дерзости во всяком случае, которое свойственно иногда людям творческим* (Е. Шварц)

Примечание. * В примерах индексы обозначают границы предикативных частей сложного предложения.

ли; ***На сцене*** *чувствуешь дыхание зала*; ***На сцене*** *суета*. Присловная связь превращается в приосновную.

Порядок слов является главным средством определения функции словоформы в предложении, если компоненты являются омоформами: *Мать* (им. п.) *любит дочь* (вин. п.) и *Дочь* (им. п.) *любит мать* (вин. п.); *Маленькое существо* (им. п.) *сотворило чудо* (вин. п.) и *Чудо* (им. п.) *сотворило маленькое существо* (вин. п.).

Порядок следования компонентов в сложном бессоюзном предложении иногда является единственным средством выражения смысловых отношений между частями, например вторая часть мотивирует (обозначает причину) первую: *Грустный вид и грустный час*[1] *— // Дальний путь торопит нас*[2]*... //* (Ф. Тютчев). При изменении порядка частей вторая обозначала бы следствие-вывод.

Интонация как средство выражения смысловых отношений между частями сложного бессоюзного предложения признается далеко не всеми лингвистами: в отличие от А. М. Пешковского[1], Н. С. Поспелова[2], Е. Н. Ширяев и другие авторы РГ-80 не считают интонацию средством выражения смысловых отношений между предикативными частями сложного предложения.

На уровне текста средства выражения цепной синтаксической связи[3] самостоятельных предложений в сложном синтаксическом целом отличаются максимальным разнообразием: грамматические (единство видо-временных форм сказуемых, употребление местоимений и т. д.), лексические (контекстуальные синонимы, антонимы, однокоренные слова и т. д.), синтаксические средства (полнота/неполнота предложений, повторы, вводные слова, частицы, порядок слов) обеспечивают тематическое и грамматическое единство единицы текста.

Расчленение (сегментация) автором компонентов предложения в структуре такой единицы при сохранении показателей зависимости компонентов друг от друга не нарушает целостности ССЦ, а лишь интонирует отделенные части. Например, в следующем сложном синтаксическом целом автор разъединяет (отмечены знаком «/») предикативные части предложения или члены предложения, которые, будучи структурно зависимыми, не могут употребляться (подчеркнуты в тексте) предикативно (границы нерасчлененных предложений отмечены знаком «//»), например: *Мы пьем чай не на террасе, а в саду у кустов. / И замечаем вдруг: преступный Васька пробирается по поляне. // Хочет куда-то уйти без спро-*

---

[1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956. — С. 456—458, 470.

[2] *Поспелов Н. С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзного сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950. — С. 338—354.

[3] *Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). — 2-е изд. — М., 1991. — С. 54—57.

са. / По злодейским своим делам. // Он в красной рубашке. / Босиком. // Бабушка окликает злоумышленника — и он исчезает в кухне // (Е. Шварц).

Спорное в теории синтаксических связей. Приведенный список синтаксических связей отражает традиционные и общепринятые представления о характере зависимости компонентов синтаксических единиц, но он учитывает не все особенности соотношения компонентов синтаксических единиц.

Не укладываются в данную схему распространители предложения в целом — детерминанты, связь которых с грамматической основой предложения характеризуется как **свободное присоединение**, внешне сходное с примыканием, но отличающееся от него своим неприсловным характером[1]. Таким образом, необходимо разграничение связей присловных и связей уровня предложения (см. § 5 настоящего раздела). На уровне текста межфразовые связи могут быть не только формально выражены с помощью союзов (см. табл. 4), но и другими средствами, что отличает их от связей между частями сложного предложения.

Споры вызывает характеристика связи при пояснении[2] и уточнении в структуре простого предложения, как и вопрос о дифференциации пояснения и уточнения[3], поскольку такая связь не обнаруживает четкости противопоставления сочинения и подчинения[4]. Она реализуется при помощи 1) специализированных союзов *то есть*, *или = то есть*, *а именно*: *Он любил псевдонимы*, ***то есть подписи***, *скрывающие настоящее имя автора* (А. Чехов); *Некоторое время спустя*, ***а именно 3 мая***, *на новую квартиру пишущего эти строки является один известный писатель*, *сатирик и юморист* (В. Войнович); *Он не баловал ее*, ***то есть не нянчился с нею***; *но он любил ее страстно и никогда ничего ей не запрещал...* (И. Тургенев) (в РГ-80 обороты со спрягаемой формой, которые поясняют, уточняют глагол-сказуемое, отнесены к разновидности обособления в простом предложении); 2) без союзов в обособленных поясняю-

---

[1] *Шведова Н. Ю.* Детерминант // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 131.

[2] Ср.: «Пояснительные отношения, в целом сочинительные, имеют некоторые признаки подчинения: один из членов ряда служит другому, не будучи зависим от него формально; эти отношения выражаются строго специализированными однозначными союзами или другими средствами» (РГ-80. — Т. 2. — 168).

[3] В РГ-80 под пояснением в простом предложении подразумевается три вида пояснительных отношений: собственно пояснение, включение, уточнение (связь между членами ряда характеризуется как сочинение) — Т. II. — С. 174—177. И. П. Распопов отрицает возможность разграничения пояснения и уточнения, на чем настаивает Н. С. Валгина (ср.: *Распопов И. П.*, *Ломов А. М.* Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. — Воронеж, 1984. — С. 264—265; *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка: Учебник. — М., 1978. — С. 245).

[4] *Приятkина А. Ф.* Пояснение // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1998. — С. 358—359.

щих приложениях и уточняющих членах в простом предложении, например: *Егор же опять сеял. То есть он вел трактор, а на сеялке, сзади* (уточняющее обстоятельство места), *где стоят и следят, чтоб зерно равномерно сыпалось, стояла молодая женщина с лопаточкой, Галя* (обособленное приложение) (В. Шукшин).

Для характеристики связи обособленных приложений и уточняющих членов с членами основного состава предложения И. П. Распопов, например, предлагал ввести термин «**аппликация**» (**аппликативная связь**), обозначающий особый тип конструктивно-синтаксической связи[1]. Это аргументируется тем, что по способу реализации и по назначению возникающая связь отличается от сочинения и подчинения: при включении в состав предложения обособленных уточняющих и поясняющих членов последовательная связь преобразуется в параллельную. А. М. Ломов усматривает аппликативные отношения в предложениях с однородными членами между обобщающим словом и сочиненным рядом однородных словоформ и в предложениях с уточняющими обособленными членами[2]. Другие синтаксисты считают пояснение (уточнение) не особым типом связи, противопоставленным сочинению и подчинению, а особым синтаксическим значением[3].

Сложность в квалификации представляют конструкции, оформленные сочинительными союзами, но построенные на основе слабых подчинительных связей, например: *Потаповна — девица, но не без воспоминаний* (Тэффи). В РГ-80 такие построения квалифицируются как конструкции с сочинительной связью подчиненных словоформ, совмещающие в себе признаки простого и сложного предложений, которые выражают отношения присоединительные, противительно-ограничительные, уступительно-ограничительные и пояснительно-включающие[4], т. е. понятия «присоединение» и «пояснение» авторами РГ-80 объединяются.

А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов характеризовали присоединительную связь как отличную от сочинения и подчинения, накладывающуюся на них. А. М. Ломов усматривает в присоединении фиксацию разрыва линейной связи — сочинительной или подчинительной, — оно используется для выражения присоединительных отношений, т. е. возникающих на ассоциативной основе дополнительных, по сравнению с первым сообщением, сведений, содержащих добавочные детали или оценку предыдущего сообщения, мнение говорящего. Присоединяемая часть может

---

[1] *Распопов И. П., Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — Воронеж, 1984. — С. 262—264.

[2] *Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. — М., 2007. — С. 16.

[3] *Чеснокова Л. Д.* Связи слов в современном русском языке. — М., 1980. — С. 78.

[4] Русская грамматика. — Т. II. — С. 179—180.

быть предложением или блоком слов, не составляющим предложения[1].

Связь между предикативными частями в сложном бессоюзном предложении или определяется как бессоюзная[2], или не рассматривается как связь грамматическая из-за отсутствия формального ее выражения, а бессоюзные соединения предложений выносятся за рамки раздела «Сложное предложение»[3].

Таким образом, решение вопроса о синтаксических связях, их дифференциальных признаках остается открытым и непосредственно соотнесено с проблемой выделения синтаксических единиц (определения их количества, статуса и соотношения друг с другом).

§ 5. Аспекты изучения синтаксиса

В результате осмысления трех важнейших аспектов предложения были выделены три аспекта изучения синтаксиса: структурный (формальный, синтагматический), семантический, функциональный (коммуникативно-синтаксический и прагматический).

Структурный аспект, который был осознан первым, представлен несколькими направлениями: описание сочетаемостных свойств синтаксических единиц (синтагматический синтаксис) и определение схем, формул, по которым можно построить бесконечное число синтаксических единиц. Синтагматический аспект синтаксиса, в центре которого — анализ способов соединения слов в связной речи, описывает цепочку сложного предложения, соединения словоформ внутри предикативных частей. Например, в предложении *Фома Григорьевич*$_1$ *раз*$_2$ *ему*$_3$ *насчет этого*$_4$ *славную*$_5$ *сплел*$_6$ *сказку*$_7$[1]: *он рассказал ему*[2], *как один школьник*, *учившийся у какого-то дьяка грамоте*, *приехал к отцу и стал таким латынщиком*[3], *что позабыл даже наш язык православный*[4] (Н. Гоголь) представлена последовательность из четырех предикативных частей, соединенных друг с другом разными видами связи: 1—2 — бессоюзной, 2—3 и 3—4 — подчинительной. Каждая предикативная часть состоит из словоформ, соединение которых подчиняется своим правилам. Так, в 1-й части, состоящей из семи словоформ, первая и шестая координируются в формах единственного числа и мужского рода, остальные связаны присловной подчинительной

---

[1] *Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису... — С. 270—271.

[2] Современный русский язык: учебник / под ред В. А. Белошапковой. — С. 763—766; *Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису... — С. 27—30; *Ширяев Е. Н.* Бессоюзные сложные предложения. — С. 220—224; *Николина Н. А.* Сложное предложение // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. — Ч. 2 / под ред. Е. И. Дибровой. — С. 573—576 и др.

[3] Русская грамматика. — Т. II. — С. 465.

связью. Такой подход позволяет описать сочетаемостные свойства синтаксических единиц: «селективными (= сочетаемостными) свойствами языковой единицы (или, что то же, синтактикой) называется ее способность или неспособность сочетаться с другими единицами в одной речевой цепочке»[1].

Активно развивающийся с 60-х гг. XX в. структурный синтаксис в поиске точных критериев выделения синтаксических единиц стремился к формализации в описании безграничного количества реализаций этих единиц. Образцом такого описания являются «Грамматика современного русского литературного языка» 1970 г. (охарактеризованная Г. А. Золотовой как «избавленный от семантики формальный подход»[2]) и отчасти «Русская грамматика» 1980 г.

Семантический аспект исследует отношение синтаксической единицы к обозначенному ей фрагменту действительности, ориентирован на изучение содержания синтаксических единиц, описывает формирование смысла высказывания. Основными понятиями семантического синтаксиса являются «пропозиция» (названное предложением положение дел), «агенс» (семантический субъект, обозначающий действующее лицо), «пациенс» (объект действия), «адресат» (тот, кому направлено действие), «инструмент» (орудие, с помощью которого осуществляется действие). Предметом семантического синтаксиса является определение семантических типов предложения: значение предложения определяется взаимодействием семантических и грамматических категорий слов, входящих в его состав, интонацией, соотнесенностью с ситуацией (см. главу 3 «Семантическая организация предложения»).

Функциональный подход[3], стремившийся, как и семантический, преодолеть односторонность структурного синтаксиса, исследует синтаксические единицы «от функции к средству». В современном отечественном языкознании он представлен теорией функциональной грамматики А. В. Бондарко[4] и функционально-коммуникативной грамматикой Г. А. Золотовой. Именно функциональный подход позволил объединить в синтаксическом описании разные аспекты анализа единиц синтаксиса, расширив их репертуар от синтаксемы до текста.

Исследование функционирования предложения в речи и тексте является предметом коммуникативного аспекта синтаксиса. При таком подходе предложение рассматривается как речевая едини-

---

[1] *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис: учеб. издание. — М., 2001. — С. 80.

[2] *Золотова Г. А.* О традициях и тенденциях в современной грамматической науке // Вопросы русского языкознания: Сб. — Вып. XII: Традиции и тенденции в современной грамматической науке. — М., 2005. — С. 8.

[3] *Золотова Г. А.* Функционализм в современной русистике. — С. 656—678.

[4] *Онипенко Н. К.* Петербургская школа функциональной грамматики. Теория функциональной грамматики (ТФГ) А. В. Бондарко // Современный русский литературный язык. — М, 2003. — С. 678—688.

ца — высказывание, в котором информация дифференцируется по степени значимости для акта коммуникации[1].

Различные подходы к описанию синтаксических единиц сосуществуют и взаимообогащают друг друга. В методических целях каждая синтаксическая единица рассматривается в нескольких аспектах: структурном, семантическом, функциональном и коммуникативном.

Рекомендуемая литература

Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. — М., 1978.

Грамматика русского языка: в 2 т. / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. — М. — Т. I, 1953; Т. II. 1954; 2-е изд. — М., 1960.

Золотова Г. А. О синтаксической форме слова // Мысли о современном русском языке: Сб. статей. — М., 1969.

Золотова Г. А. О традициях и тенденциях в современной грамматической науке // Вопросы русского языкознания: Сб. — Вып. XII. Традиции и тенденции в современной грамматической науке. — М., 2005.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — 2-е изд. — М., 2001.

Золотова Г. А. Функционализм в современной русистике // Современный русский литературный язык: Учебник / Под ред В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. — М., 2003.

Золотова Г. А., *Онипенко Н. К.*, *Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998; 2-е изд. — М., 2004.

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М., 1976.

Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. — 1956. — № 5.

Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. — М., 2007.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.

Онипенко Н. К. Петербургская школа функциональной грамматики. Теория функциональной грамматики (ТФГ) А. В. Бондарко // Современный русский литературный язык. — М, 2003.

Приятkина А. Ф. Пояснение // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1998.

---

[1] *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967; *Крушельницкая К. Г.* К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. — 1956. — № 5; *Распопов И. П.* Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970; *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М., 1976.

Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970.

Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Т. II. — М., 1980; репринтное издание — М., 2005.

Современный русский язык: Учебник / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 1989; 3-е изд. — М., 2003.

Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. Сложное синтаксическое целое. — 2-е изд. — М., 1991.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. Учеб. издание. — М., 2001.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941.

Шведова Н. Ю. Детерминант // Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990.

Шевякова В. Е. Сверхфразовое единство // ЛЭС / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 435.

Шмелева Т. В. Компоненты синтаксической связи // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. статей памяти В. А. Белошапковой. — М., 2001.

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

§ 1. Понятие словосочетания

В русской синтаксической традиции различаются два противоположных подхода к словосочетанию: широкий и узкий.

В соответствии с широким подходом словосочетание определяется как соединение двух и более слов, связанных между собой грамматически и по смыслу. Словосочетание понимается в этом случае как сочетание слов, независимо от того, на основе какой синтаксической связи эти слова сочетаются друг с другом. Например, *читает книгу* — подчинительная связь, *книга и тетрадь* — сочинительная связь, *Мальчик читает* — предикативная связь (сочетание подлежащего и сказуемого).

Широкий подход к словосочетанию характерен для представителей формальной школы в грамматике (Ф. Ф. Фортунатов, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский). Так, например, для Ф. Ф. Фортунатова словосочетаниями являются такие сочетания слов, как *летит большая птица*, *летит птица*, *большая птица*. Словосочетания могут быть законченными (*летит птица*) и незаконченными (*большая птица*). «В законченном словосочетании одно слово сочетается с другим, как одна часть суждения с другою частью суждения, т. е. законченное словосочетание представляет собою полное предложение...»[1]. Незаконченное словосочетание *большая птица* входит в состав другого, сложного словосочетания *летит большая птица*. Для формалистов синтаксис в целом представлял собой учение о словосочетании. Широкий подход к словосочетанию (с некоторыми коррективами) представлен и в современной учебной литературе[2].

Принципиально иное понимание словосочетания выдвинул В. В. Виноградов, который разграничил словосочетание и предложение. Это разграничение проводится прежде всего на функциональной основе: предложение — единица коммуникативная, единица сообщения, а словосочетание — единица номинативная, еди-

---

[1] *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды: в 2 т. — Т. II. — М., 1956. — С. 183.

[2] См., например: *Скобликова Е. С.* Современный русский язык... — М., 2006. — С. 56.

ница называния. Предложение и словосочетание — различные синтаксические единицы; с учетом оснований их разграничения понятие словосочетания сужено до тех границ, которые соответствуют функциональному предназначению словосочетания — служить средством обозначения расчлененного понятия. Ср.: *книга — интересная книга — интересная книга по синтаксису.* В. В. Виноградов определяет словосочетания как «исторически сложившиеся в языке формы грамматического объединения двух и больше знаменательных слов, лишенные основных признаков предложения, но создающие расчлененное обозначение единого понятия»[1]. Это определение исключает из состава словосочетаний не только предложения, но и сочетания слов, построенные на основе сочинительной связи. Например: *ручка и карандаш.* Здесь нет единого, но расчлененного понятия. Ср.: *простой карандаш.* С точки зрения номинативной функции словосочетание было приравнено к слову.

Тезис о номинативной функции словосочетания подвергся критике после выхода в свет АГ-54. Отмечалось, что чаще всего словосочетания не имеют свойств самостоятельной номинативной единицы[2]. Они не существуют «до предложения» и вне предложения (за исключением фразеологизированных словосочетаний типа *железная дорога*). Они формируются в процессе речи для того, чтобы более точно обозначить предмет или явление (*говорит — громко*, *тихо*, *быстро*, *медленно*, *непринужденно*, *сдержанно* и т. д.). Из определения словосочетания было исключено упоминание о номинативной функции. Словосочетание стало пониматься как объединение двух (или нескольких) знаменательных слов, образованное на основе подчинительной связи.

По мнению Г. А. Золотовой[3], вопрос о том, возникают ли словосочетания в предложении или до предложения, должен решаться дифференцированно. В одних случаях в основе соединения слов лежат лексико-грамматические свойства слова. Например, имя существительное способно определяться признаковыми словами: *ночь — зимняя*, *летняя*, *лунная*, *морозная*, *темная*, *тихая* и т. д. Такие словосочетания возникают «до предложения», поскольку их структура не зависит от предложения, в котором они используются. Ср.: *Долгая* ***зимняя ночь*** *прошла незаметно*; *сели ужинать в пятом часу утра* (А. С. Пушкин).

Однако наряду со словосочетаниями, которые являются результатом распространения слова, в предложении могут возникать связи, характерные для слов как компонентов предложения. Таковы,

---

[1] Грамматика русского языка / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. — М., 1954. — Т. 2. — Ч.1. — С. 18—19.

[2] См., например: *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. — 3-е изд. — Ч. 2: Синтаксис. — М., 1968. — С. 25.

[3] *Золотова Г. А. и др.* Коммуникативная грамматика... — М., 1998. — С. 54.

в частности, сочетания слов, включающие форму творительного предикативного. В сочетании *работа агрономом* форма творительного падежа задается не требованием «стержневого слова», а предикативной функцией данной формы в исходном предложении: *Она работала агрономом*.

В качестве словосочетаний предлагается рассматривать только такие именные конструкции, которые служат средством распространенной номинации предмета или явления[1]. Номинативная функция признается, таким образом, неотъемлемым свойством словосочетаний.

В академических грамматиках русского языка, в учебной и методической литературе, в том числе в большинстве школьных учебников, отражено узкое понимание словосочетания[2]. При таком подходе, в отличие от широкого понимания, далеко не каждое сочетание слов является словосочетанием (см. § 5 настоящего раздела). Какие же сочетания слов не относятся к словосочетаниям?

1. Сочетание подлежащего и сказуемого, в котором реализуются предикативные отношения: *Дети играют. Поезд идет*.

2. Ряд однородных членов: *пел и плясал*, *яблоко и груша*.

3. Предложно-падежные формы имени существительного: *в лесу*, *около дома*, *вследствие болезни*, в которых знаменательное слово (существительное) сочетается со служебным словом (предлогом).

4. Аналитические формы слов, например: будущее сложное время глагола (*будет читать*), формы сослагательного наклонения (*помолчал бы*), формы степеней сравнения прилагательных и наречий (*более привлекательный*, *самый красивый*, *более ярко*).

5. Сочетания обособленных второстепенных членов предложения и слов, к которым они относятся. Например: *Грибники*, *уставшие от длительной ходьбы*, *присели отдохнуть* (*грибники*, *уставшие*).

6. Объединения слов, которые возникают в предложении и лишь внешне напоминают словосочетания. Например, пассивный оборот: *Дверь открывается водителем*. Сочетание *открывается водителем* возможно лишь в составе пассивного оборота, т. е. в предложении. Невозможно представить себе исходную форму такого сочетания в виде *открываться водителем*.

Все перечисленные сочетания слов не признаются словосочетаниями в узком понимании. При этом следует сделать оговорку: существует «расширенная версия» узкого подхода. В частности, В. А. Белошапкова исходит из тезиса о двух самостоятельных син-

---

[1] *Золотова Г. А. и др.* Коммуникативная грамматика... — С. 55.

[2] См., например: Русский язык: учебник для 8 кл. / С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов и др. — 28-е изд. — М., 2005. — С. 29. Ср. более широкий подход к словосочетанию, при котором выделяются как подчинительные, так и сочинительные словосочетания, в учебнике: Русский язык. Теория. 5—9 кл. / В. В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. — 16-е изд. — М., 2007. — С. 203.

таксических единицах — словосочетании и предложении, однако, в отличие от В. В. Виноградова, при разграничении этих единиц использует только критерий наличия или отсутствия предикативности. Тем самым требование подчинительной связи снимается. Следовательно, в словосочетание включаются как подчинительные, так и сочинительные сочетания слов (*удобный стол*, *стол и стул*), но не предложения (*Стол стоит*)[1]. Ср. следующее определение словосочетания: «Слова, объединенные на основе синтаксических форм связи и не входящие в грамматическую основу предложения, называются словосочетанием»[2]. Данное определение охватывает как подчинительные, так и сочинительные связи[3]. Такое понимание словосочетания шире, чем узкое понимание в «классическом» виде, но принципиально уже, чем широкое.

Наиболее распространенным является узкое понимание словосочетания. В соответствии с ним словосочетание образуется путем соединения двух или более знаменательных слов на основе подчинительной связи. Одно из слов является главным (или стержневым), другое слово называется зависимым (например: *написал письмо*).

§ 2. Аспекты характеристики словосочетания

Словосочетание как синтаксическая единица многоаспектно. Характеризуя его во «Введении» к «Грамматике русского языка» 1954 г., В. В. Виноградов исходил из того, что «словосочетание состоит не менее чем из двух полнозначных слов, что оно организуется по законам и правилам соединения слов и их форм, присущим данному языку, и что оно выражает единое, хотя и сложное, расчлененное понятие, цельное значение»[4]. Речь идет, таким образом, и об объеме словосочетания, и о его структуре и правилах построения, и о его значении. Все эти признаки предполагаются и в тех случаях, когда в определении словосочетания сделан акцент на каком-то одном существенном признаке, например на характере синтаксических связей: «Словосочетание — это синтакси-

---

[1] Современный русский язык: учебник / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 2003. — С. 671.

[2] Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис: учебник.— 3-е изд. / под общ. ред. Л. А. Новикова. — СПб., 2001. — С. 596.

[3] Заметим, однако, что в упомянутом учебнике с учетом традиционного подхода к описанию словосочетания в разделе о словосочетании представлены только подчинительные связи, сочинительная связь находит свое место в разделе об однородных членах предложения.

[4] Грамматика русского языка: в 2 т. — Т. 2: Синтаксис. — Ч. 1. — С. 10.

ческая конструкция, образующаяся на основе подчинительных связей: согласования, управления и примыкания»[1].

Многоаспектность характеристики словосочетания как синтаксической единицы находит свое отражение в различных классификациях. Это классификации:

1) по структуре. Учитывается количество знаменательных слов в составе словосочетания, а также особенности его строения;

2) по главному слову. Учитывается частеречная принадлежность главного слова словосочетания, например: *читать учебник* — глагольное словосочетание;

3) с учетом степени слитности компонентов. Ср.: (1) *Немало студентов получило отличные оценки на экзамене.* — (2) *Довольные студенты еще долго не расходились после экзамена.* В первом предложении словосочетание *немало студентов* является синтаксически несвободным и выполняет роль одного члена предложения — подлежащего. Во втором предложении словосочетание *довольные студенты* синтаксически свободное, существительное является в предложении подлежащим, а прилагательное — определением;

4) с точки зрения синтаксических отношений между компонентами. Например, в словосочетании *довольные студенты* между его компонентами возникают определительные отношения (какие *студенты?*);

5) с точки зрения синтаксических связей между компонентами словосочетания. Традиционно выделяют три вида синтаксической связи: согласование (*интересная книга*), управление (*бросить мяч*), примыкание (*быстро идти*).

Указанные выше аспекты характеристики словосочетания будут рассмотрены в следующих параграфах более подробно.

Количественно-структурные типы словосочетаний. Минимальное в структурном отношении словосочетание состоит из двух знаменательных слов: *высокий дом*, *слушать лекцию*. Однако словосочетание может быть представлено и большим количеством знаменательных слов. Ср.: *отвечать на вопросы — отвечать на трудные вопросы*, *отвечать на трудные вопросы экзаменатора*, *правильно отвечать на трудные вопросы экзаменатора*. Сочетания такого рода также основываются на подчинительных синтаксических связях. Возникает вопрос о принципах описания словосочетаний в зависимости от количества компонентов и особенностей структуры словосочетаний.

В синтаксической науке представлены два подхода к делению словосочетаний по структуре.

Первый подход заключается в том, что если словосочетание состоит из двух знаменательных слов, то оно считается простым; если компонентов более двух, оно называется сложным. При этом

[1] Русская грамматика: в 2 т. — Т. 2. — М., 1980. — С. 79.

выделяются следующие разновидности сложных словосочетаний[1].

Простое словосочетание и зависимая от него словоформа, например: *Пульхерия Ивановна* ***обыкновенно бранила виновную*** *и наказывала строго, чтобы вперед этого не было* (Н. Гоголь). *И Афанасию Ивановичу сделалось жалко, что он* ***так пошутил над Пульхерией Ивановной****, и он смотрел на нее, и слеза повисла на его реснице* (Н. Гоголь). Сложные словосочетания строятся здесь путем присоединения наречия к простому глагольно-именному словосочетанию: *обыкновенно* (*бранила виновную*), *так* (*пошутил над Пульхерией Ивановной*).

Стержневое слово и зависимое от него простое словосочетание, например: *Наконец* ***графинину карету подали*** (А. Пушкин). *Каждый* ***распечатал колоду карт*** (А. Пушкин). Стержневым словом в выделяемых из этих предложений сложных словосочетаниях является глагол: *подали* (*графинину карету*), *распечатал* (*колоду карт*).

Стержневое слово и две (и более) зависимые словоформы, не связанные друг с другом, например: *Зурин* ***дал мне отпуск*** (А. Пушкин). *Лизавета Ивановна встала из-за пяльцев, вышла в залу, отворила форточку и* ***бросила письмо на улицу****, надеясь на проворство молодого офицера* (А. Пушкин). Из приведенных предложений можно выделить сложные словосочетания, в которых глагол распространяется двумя существительными: *дал* (*мне отпуск*), *бросила* (*письмо на улицу*).

Указанные разновидности сложных словосочетаний представляют собой модели, по которым строятся и словосочетания большего объема, например: *В один день внезапно раздавшийся выстрел* ***перепугал ужасно его родных*** (Н. Гоголь). Наречие *ужасно* зависит от сложного словосочетания *перепугал его родных*, которое, в свою очередь, состоит из стержневого слова (*перепугал*) и зависимого от него простого словосочетания (*его родных*).

Второй подход к делению словосочетаний по структуре учитывает одновременно и количество компонентов, и характер их взаимосвязи. При этом разграничиваются три типа словосочетаний: простые, сложные и комбинированные[2].

Простые словосочетания могут включать в свой состав не только два знаменательных слова, но и три, и даже четыре, но только в том случае, если зависимые слова соединены с главным словом сильной связью. В следующих примерах семантика главного слова требует нескольких распространителей, например: *предъ-*

---

[1] *Валгина Н. С.* Современный русский язык: Синтаксис. — 4-е изд. — М., 2003. — С. 30—32.

[2] Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970. — С. 538—540; Русская грамматика. — Т. II. — С. 81—82.

явить билет контролеру, *рассказывать сказки детям*, *перевести статью с английского на русский*.

Сложное словосочетание образуется на основе нескольких подчинительных связей, исходящих от одного главного слова, кроме тех случаев, когда все эти связи являются сильными (тогда словосочетание признается простым). Например: *быстро построить дом*, *новый учебник по синтаксису*. Ср.: *быстро построить* — слабая связь, *построить дом* — сильная связь.

Комбинированное словосочетание образуется на основе связей, исходящих от разных главных слов; здесь зависимое слово одновременно является главным словом по отношению к другому компоненту. Например: *читать интересную книгу*. Существительное *книгу* является зависимым компонентом по отношению к глаголу *читать*, но это же существительное является главным словом по отношению к прилагательному *интересную*.

Лексико-грамматические типы словосочетаний. Типы словосочетаний определяются в зависимости от того, какой частью речи является главное (стержневое) слово. Соответственно различаются именные, глагольные, наречные словосочетания, а также словосочетания со словом категории состояния в роли главного слова.

Именные словосочетания. Этот тип словосочетаний делится на следующие разновидности:

Субстантивные словосочетания (главное слово — существительное): *стакан воды*, *интересная книга*, *прогулка пешком* и др. Существительное может распространяться прилагательным, другим существительным, местоимением, порядковым числительным, наречием, глагольными формами (инфинитивом и причастием). Наиболее характерна для существительного сочетаемость с согласуемыми словами, прежде всего с прилагательными: *трудный день*, *новый фильм*.

Адъективные словосочетания (главное слово — прилагательное): *вредный для здоровья*, *очень страшный*. Прилагательное способно распространяться существительным (*красный от смущения*), местоимением (*интересный для всех*), наречием (*очень любознательный*), инфинитивом (*готовый помочь*).

Словосочетания с числительным в роли главного слова: *две книги*, *первый по списку*.

Словосочетания с местоимением в роли главного слова: *что-нибудь интересное*, *каждый из нас*, *что-то важное*. Следует отметить, что местоимениям в целом, а личным особенно, не свойственно распространяться другими словами, ср.: *большое окно*, но не: **большое оно*. Своеобразное исключение составляют неопределенные и отрицательные местоимения, например: *что-либо / что-нибудь / что-то интересное*, *кто-то / некто в плаще*.

Глагольные словосочетания. Глагол распространяется существительным (*купить хлеба*, *сесть на стул*), наречием (*громко*

разговаривать), глагольными формами: инфинитивом (*просил подождать*) и деепричастием, выступающим в функции наречия (*ушел не оглядываясь*). Следует иметь в виду, что если главное слово словосочетания — причастие или деепричастие, то такое словосочетание также относится к глагольным, поскольку причастие и деепричастие традиционно рассматриваются в качестве особых форм глагола. Например: *почерневший от пыли*, *вспоминая о прошлом*. Ср.: *почернеть от пыли*, *вспоминать о прошлом*.

Наречные (адвербиальные) словосочетания. Наречие способно распространяться существительным (*далеко от дома*, *незадолго до экзаменов*) или другим наречием (*слишком долго*).

Словосочетания со словом категории состояния. В роли главного выступает слово категории состояния, например: *стало* ***очень грустно***, *на улице* ***слишком холодно***.

Возможно и дальнейшее деление словосочетаний — с учетом частеречной принадлежности зависимого слова; в таких случаях выделяют словосочетания глагольно-субстантивные (*читать книгу*), глагольно-наречные (*весело рассмеялся*), субстантивно-адъективные (*хорошая погода*), субстантивно-субстантивные (*здание факультета*) и т.д.

Значение слитности компонентов словосочетания. С учетом слитности компонентов словосочетания делятся на свободные и несвободные.

В свободных словосочетаниях каждый компонент сохраняет свою самостоятельность и выполняет в предложении роль отдельного члена, например: *Дубровский затрепетал*, ***бледное лицо*** *покрылось багровым румянцем и в ту же минуту стало бледнее прежнего* (А.Пушкин). Компоненты свободного словосочетания *бледное лицо* являются отдельными членами предложения: определением (*бледное*) и подлежащим (*лицо*). Ср.: *бритое лицо*, *круглое лицо*, *худое лицо* и т.д.

Несвободные словосочетания состоят из лексически несамостоятельных слов и выполняют в предложении роль единого члена, например: *Сердце мое сильно билось — я смотрел вокруг себя с волнением неописанным.* ***Восемь лет*** *не видал я Горюхина* (А.Пушкин). *Восемь лет* — обстоятельство. Среди несвободных словосочетаний различают словосочетания несвободные синтаксически и несвободные фразеологически.

Синтаксически несвободные словосочетания нечленимы в определенном контексте. Ср.: (1) *В аудитории стояло* ***пять столов***; (2) *В аудитории не хватает* ***пяти столов***. В первом предложении количественно-именное сочетание *пять столов* является синтаксически несвободным и выполняет синтаксическую функцию подлежащего. Во втором предложении словосочетание *пяти столов* выступает как членимое, синтаксически свободное. Ср.: *В аудитории не хватает многих* (*новых*, *удобных*) *столов*.

При характеристике человека в роли одного члена предложения часто выступают словосочетания, состоящие из словоформ *с глазами*, *с носом*, *с лицом*, *роста* и т. п. и препозитивных прилагательных. Например: *В эту минуту в залу вошел*, *насилу передвигая ноги*, *старик* ***высокого роста***, *бледный и худой*, *в халате и колпаке* (А. Пушкин). *Высокого роста* — несогласованное определение к слову *старик*. Нечленимость таких словосочетаний также обусловлена контекстом. Ср.: *К преподавателю подошла девушка* ***с умным лицом*** (при невозможности: **Подошла девушка с лицом*) — *Мне запомнилось ее умное лицо* (*Мне запомнилось ее лицо*).

Во фразеологически несвободных словосочетаниях лексическая несамостоятельность компонентов проявляется в любом контексте: *спустя рукава*, *выносить сор из избы* и т. п. Например: *В первый раз видел он ясно*, *что он в нее страстно влюблен*; *романическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами* ***пришла*** *ему* ***в голову***, *и чем более думал он о сем решительном поступке*, *тем более находил в нем благоразумия* (А. Пушкин). Фразеологизм *пришла в голову* является в предложении сказуемым.

Существуют различные точки зрения относительно того, как рассматривать сочетания такого рода. Н. С. Валгина характеризует фразеологически несвободные словосочетания как разновидность несвободных словосочетаний[1]. В. В. Бабайцева, напротив, считает, что фразеологические сочетания не являются словосочетаниями в строгом, терминологическом значении, поскольку они не строятся в процессе речи по тем или иным языковым схемам, а воспроизводятся как готовые единицы[2]. Впрочем, и в кругу свободных словосочетаний отмечается тенденция к «структурно-семантической стабилизации». Например: *затворить дверь*, *воспитывать детей*, *сажать цветы*, *поднять голову* и т. п. Отмечается, что такие словосочетания воспроизводятся вместе с их конкретным лексическим наполнением. В то же время «это типичные свободные словосочетания: в них входят слова со свободным, а не связанным значением, никакого “выветривания” значения компонентов в них не происходит, и значение одного относительно другого мотивируется синтаксической функцией» [3].

В РГ-80 отмечается, что в несвободных словосочетаниях «лексическая самостоятельность одного из компонентов ослаблена или утрачена, и такое словосочетание в целом по характеру своего значения приближается к отдельному слову: *дать пощечину*, *железная дорога*, *белый гриб*»[4]. Несвободные словосочетания неоднородны:

---

[1] *Валгина Н. С.* Современный русский язык. Синтаксис. — С. 36—37.

[2] *Бабайцева В. В.* Русский язык: Синтаксис и пунктуация. — М., 1979. — С. 57.

[3] *Смольянинова Е. Н.* Актуальные проблемы синтаксиса словосочетания в русистике: Лекции по спецкурсу. — Л., 1980. — С. 24.

[4] Русская грамматика. — Т. II. — С. 80.

словосочетания с утраченным, стершимся значением одного или обоих компонентов не считаются предметом грамматики, например: *бить баклуши*, *точить лясы*.

При разграничении свободных и несвободных словосочетаний мы наблюдаем тесную связь грамматики и лексики. Так, *бить баклуши* означает ‘праздно проводить время, бездельничать’[1]. Например: *Никаких у него делов нет*, ***баклуши бьет*** (А. Островский). Фразеологизм *баклуши бьет* является сказуемым в неполном предложении. Ср.: *Он баклуши бьет*. Однако в словарях мы найдем и слово *баклуши* с пометой «областное» — ‘деревянные чурки, предназначенные для выделки из них посуды (чашек, мисок, ложек и т. п.)’. Например: — *Спасибо*, *парень. Руки у тебя золотые*, *добывай отцу*, — *молвил Трифон. — Саввушка*, *а Саввушка! — крикнул он*, *отворив дверь в сени*, *где младший сын резал из баклуш ложки* (П. Мельников). Выделяется и одно из значений глагола *бить*: ‘в некоторых ремеслах, производствах — изготовлять особым образом’, например: *бить баклуши* (делать деревянные заготовки для посуды), *бить масло* (сбивать сливочное масло; давить, выжимать из семян растительное масло), *бить шерсть* (обрабатывать шерсть, разрыхляя ее). Устойчивость таких словосочетаний не препятствует их синтаксической членимости.

Деление словосочетаний на свободные и несвободные с учетом слитности компонентов учитывается при синтаксическом разборе, поскольку несвободные словосочетания, как отмечалось выше, выполняют роль одного члена предложения.

§ 3. Синтаксические отношения в словосочетании

Под синтаксическими отношениями в словосочетании понимают отношения*, *которые возникают между главным и зависимым компонентами. Это те отношения, для выражения которых и создается словосочетание в процессе речи. Например: *сумка для продуктов* — предмет и его признак по назначению; *сумка сестры* — предмет и его признак по принадлежности; *сумка на скамейке* — предмет и его признак по местоположению и т. д.

Наряду с особенностями значения каждого из приведенных выше словосочетаний есть общее синтаксическое значение, которое их объединяет, — выражение отношения между предметом и его признаком. Именно такого рода обобщенными синтаксическими значениями оперирует синтаксис, рассматривая словосочетания в аспекте синтаксических отношений между компонентами. Значение словосочетания лежит, таким образом, в области грам-

[1] Здесь и далее значения слов даны по словарю: Большой академический словарь русского языка. — Т. I. — М; СПб., 2004.

матической семантики и представляет собой «отношение, которое возникает между знаменательными словами, соединившимися на основе того или другого вида подчинительной связи»[1].

Чем же определяются синтаксические отношения между компонентами словосочетания?

В одних случаях морфологическое выражение сочетающихся слов предопределяет синтаксические отношения между ними в качестве компонентов словосочетания. Так, при существительном в роли главного слова и прилагательном в роли зависимого слова возникают определительные отношения. Например: *черный портфель*, *новый портфель*, *большой портфель*, *красивый портфель*, *отцовский портфель*. Сама структура словосочетания (прилагательное + существительное) связана с определенным типом синтаксических отношений.

В других случаях формальных признаков сочетающихся слов недостаточно для установления синтаксических отношений. Так, например, словосочетания *читать книгу* и *читать час* представляют собой сочетание глагола с существительным в форме винительного падежа. Однако синтаксические отношения различаются: *читать книгу* — объектные отношения, *читать час* — обстоятельственные (меры времени). Данное различие определяется лексической семантикой зависимого компонента словосочетания: *книга* — существительное с конкретно-предметным значением, *час* — существительное со значением меры времени. При этом лексическая семантика влияет на синтаксические отношения в словосочетании не на уровне лексических значений конкретных слов, а на уровне определенных семантических групп, подклассов, которые оказываются синтаксически значимыми. Замена зависимого компонента другим существительным из того же подкласса не меняет синтаксических отношений. Ср.: *читать книгу* (*письмо*, *газету*, *объявление*) — *читать час* (*полчаса*, *целый день*).

Лексическая семантика главного компонента также принимает участие в формировании синтаксических отношений в словосочетании. Ср.: *любоваться лесом* (объектные отношения) — *идти лесом* (обстоятельственные отношения).

Наконец, отмечают случаи, когда синтаксические отношения в словосочетании однозначно определяются только в контексте, например: *встреча друзей*. Ср.: 1) ***Встреча друзей*** *затянулась далеко за полночь.* 2) *В полдень я не смогу к вам заехать, потому что на это время у меня запланирована в аэропорту* ***встреча друзей***, *которые прилетают из Владивостока.*

В первом предложении между компонентами словосочетания *встреча друзей* субъектные отношения. Ср.: *Друзья встретились, и их встреча затянулась далеко за полночь.* Во втором предложении

[1] Русская грамматика: в 2 т. — Т. II. — С. 81.

отношения объектные. Ср.: *В это время я встречаю друзей, которые прилетают из Владивостока.*

Таким образом, для формирования синтаксических отношений в словосочетании значимы и формальное выражение компонентов словосочетания, и лексическая семантика как главного, так и зависимого компонента.

Проблема классификации синтаксических отношений. Вопрос о составе и структурной организации синтаксических отношений не имеет в синтаксической науке однозначного решения. Традиционно выделяют три основных вида отношений: определительные, объектные и обстоятельственные, причем эти отношения рассматриваются на фоне синтаксических связей в словосочетании: согласования, управления и примыкания. Во «Введении» к АГ-54 синтаксические отношения и синтаксические связи в словосочетании не всегда четко разграничиваются[1].

Подчиненное по отношению к синтаксическим связям положение синтаксических отношений отражено и в школьных учебниках. В одних случаях синтаксические отношения вообще не учитываются при анализе словосочетания, в других случаях они рассматриваются отдельно, дополняя характеристику словосочетаний в аспекте синтаксических связей. При этом используется понятие грамматического значения и выделяется три вида грамматических значений в словосочетании: определительное, обстоятельственное и дополнительное (объектное).

Словосочетание выражает определительное значение, если главное слово обозначает предмет, а зависимое слово — признак этого предмета (смысловые вопросы *какой? чей?*), например: *громкий смех, твой учебник.*

Словосочетание выражает обстоятельственное значение, если главное слово обозначает действие или признак, а зависимое слово — признак этого действия или признака. Зависимое слово отвечает на обстоятельственные вопросы: *как? в какой степени? где? куда? когда? почему?* и др., например: *громко разговаривать, уехать на дачу.*

Словосочетание выражает объектное значение, если главное слово обозначает действие или признак, а зависимое — предмет, на который направлены действие или признак. Зависимое слово отвечает на вопросы косвенных падежей, например: *читать книгу, интересоваться живописью, довольный победой, покорный судьбе.*

Самостоятельная характеристика грамматических значений в словосочетании отвечает современным представлениям о многоаспектности синтаксических единиц. Если строение словосочетаний, способы синтаксической связи отражают в первую очередь син-

[1] Грамматика русского языка. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 22.

тагматический аспект синтаксиса, то грамматическое значение связано с другим аспектом — номинативным[1].

В академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 гг. синтаксические отношения в словосочетании не только получают самостоятельную, независимую от способов синтаксической связи характеристику, но и предшествуют в грамматическом описании синтаксическим связям, выступают в качестве одного из факторов, который учитывается при выделении и дифференциации синтаксических связей. При этом Н. Ю. Шведова (автор соответствующих разделов) предлагает ряд существенных изменений по сравнению с традиционной системой синтаксических связей.

В АГ-70 в качестве самостоятельного вида синтаксических отношений были выделены комплетивные отношения[2], которые в РГ-80 получили название отношений информативного восполнения (восполняющих). При восполняющих отношениях зависимое слово «содержательно необходимо восполняет собою главенствующее слово, т.е. образует вместе с ним минимальное информативно достаточное словосочетание»[3]. Восполнение такого рода необходимо при так называемых информативно недостаточных словах. РГ-80 определяет данную категорию слов как «слова, которые в силу своего лексического значения обязательно требуют зависимой формы с содержательно раскрывающей, информативно восполняющей функцией и практически не употребляются абсолютивно»[4]. Академическая грамматика не приводит полный перечень информативно недостаточных слов; в числе примеров мы находим некоторые глаголы (*быть*, *состоять*, *стать*, *сделаться*, *выглядеть*), существительные (***род*** *недуга*, *странные* ***вещи***), числительные (***два*** *дома*, ***семь*** *учеников*). Таким образом, восполняющие отношения возникают в словосочетаниях, в которых в роли главного слова выступает информативно недостаточное слово, например: *хорошо* ***выглядеть***.

Определительные отношения понимаются широко и включают в себя три разновидности: собственно-определительные, обстоятельственно-определительные и субъектно-определительные отношения.

Собственно-определительные отношения соответствуют определительным отношениям в традиционном понимании. Зависимый компонент словосочетания отвечает на вопросы *какой? который? чей?* Например: *новый дом*, *первый вагон*, *книга сестры*.

Обстоятельственно-определительные отношения соответствуют обстоятельственным отношениям в традиционной

---

[1] Общее языкознание: Внутренняя структура языка. — М., 1972. — С. 290—291.
[2] Грамматика современного русского литературного языка. — С. 487.
[3] Русская грамматика. — Т. II. — С. 19.
[4] Там же. — С. 16.

классификации синтаксических отношений. Зависимый компонент словосочетания отвечает на различные обстоятельственные вопросы: *как? каким образом? когда? где? куда? откуда? зачем? почему? при каких условиях?* и др. Например: *быстро бегать*, *жить в деревне*, *отдыхать летом*.

Субъектно-определительные отношения возникают в словосочетаниях, где зависимое слово имеет значение субъекта действия или носителя состояния, а главное слово обозначает действие или состояние. Например: *приезд отца*, *радость детей*. Компоненты таких словосочетаний могут быть преобразованы в главные члены двусоставного предложения. Ср.: *Приезд отца. — Отец приехал. Радость детей. — Дети радуются*.

По сравнению с традиционной классификацией существенным изменением является то, что Н. Ю. Шведова рассматривает обстоятельственные отношения не как самостоятельный вид синтаксических отношений, а как разновидность определительных отношений.

Важной особенностью описания синтаксических отношений в АГ-70 и РГ-80 является признание того, что разные виды отношений способны взаимодействовать в конкретных словосочетаниях; тем самым создаются комплексные, или диффузные, отношения[1]. Например, в словосочетании *находиться в лесу* представлены, с одной стороны, обстоятельственно-определительные отношения (*находиться* где?), с другой стороны, здесь есть и восполняющие отношения: очевидна информативная недостаточность глагола *находиться*: элиминация словоформы с обстоятельственным значением невозможна (ср.: *гулять в лесу — находиться в лесу*). Таким образом, в рамках одного словосочетания (*находиться в лесу*) возникают два вида синтаксических отношений: обстоятельственно-определительные и восполняющие. В словосочетании *выступать перед аудиторией* объектные отношения (*выступать* перед кем?) совмещаются с обстоятельственно-определительными (*выступать* где?).

Взаимодействие синтаксических отношений в конкретных словосочетаниях представляет значительную сложность при характеристике смысловой стороны подчинительных связей. Комплексный характер синтаксических отношений отражается и в терминологии, которую использует в подобных случаях РГ-80. Например: определительно-восполняющие отношения (*находиться в лесу*), объектно-определительные отношения (*выступать перед аудиторией*).

Итак, в РГ-80 выделяется три вида синтаксических отношений между компонентами словосочетания: **объектные**, **определительные** и **восполняющие**. Общим для них является то, что эти отношения характеризуют присловные связи и не формируют сообщения.

---

[1] Русская грамматика. — Т. II. — С. 19.

§ 4. Синтаксические связи в словосочетании

Общая характеристика синтаксических связей в словосочетании. Традиционно выделяют три вида синтаксических связей в словосочетании: согласование, управление и примыкание. Общим признаком этих связей является то, что и согласование, и управление, и примыкание — связи подчинительные, это всегда связь между главным словом и зависимым. В то же время синтаксические связи в словосочетании неоднородны.

С одной стороны, обращает на себя внимание противопоставление примыкания двум другим видам связи — согласованию и управлению. При примыкании зависимое слово не имеет специальных морфологических примет подчинения главному слову. Ср.: *громко* — исходная форма наречия, *громко говорит* — наречие выступает в роли зависимого компонента глагольного словосочетания. При согласовании и управлении есть специальные морфологические средства для выражения синтаксической связи: флексии и предлоги. Например: *Темная ночь*. Флексия *-ая* — показатель зависимости прилагательного от существительного. *Лежал на диване*. Флексия-*е* и предлог *на* — показатели зависимости существительного от глагола.

С другой стороны, согласование и управление различаются по ряду признаков.

Во-первых, различен сам набор морфологических средств — показателей связи: предлоги обслуживают только управление.

Во-вторых, различен сам механизм использования морфологических средств. Согласование — связь, осуществляющаяся с большей или меньшей степенью автоматизма. Например: *интересная книга*. Прилагательное *интересный*, соединяясь с существительным *книга*, употребляется в единственно возможной форме женского рода единственного числа в именительном падеже. Главное слово *книга* своими морфологическими категориями предсказывает ту форму зависимого слова, в которой последнее может войти в состав словосочетания. При управлении ситуация более сложная. Например: *Лежит на столе*. Форма зависимого слова (существительное *стол* в предложном падеже) не предсказывается ни грамматическими категориями, ни значением главного слова (глагола *лежать*). Выбор формы зависимого слова определяется в данном случае другим фактором — той ситуацией, которую передает данное предложение. В других случаях могли бы быть словосочетания *лежит в столе*, *лежит под столом*, *лежит около стола*. Разумеется, в конкретной ситуации выбирается одна необходимая форма, но ее выбор обусловлен «положением дел» во внеязыковой действительности.

В-третьих, можно обратить внимание на особенности терминологии, используемой для обозначения видов подчинительной связи. Термины «согласование» и «примыкание» характеризуют зави-

симое слово, которое либо согласуется с главным словом, либо примыкает к нему (*холодная зима*, *хорошо поет*). Термин «управление», напротив, характеризует главное слово, которое управляет зависимым словом, т. е. подчиняет его себе (*читать газету*, *встретиться с приятелем*, *рассказывать о себе*).

Завершая сопоставление подчинительных связей, можно было бы выделить управление как связь, традиционно вызывающую наибольшие трудности при изучении синтаксических связей в словосочетании.

Согласование. Согласование — такой вид связи, при котором происходит уподобление зависимого слова главному по линии общих для них грамматических категорий. Флексия зависимого слова выступает в качестве формального показателя такого уподобления, например: *способный студент*. Существительное *студент* обладает морфологическими категориями рода, числа и падежа, прилагательное *способный* в полной форме в единственном числе также характеризуется с точки зрения этих морфологических категорий. Флексия прилагательного указывает на то, что прилагательное уподобилось существительному по линии этих категорий, общих для обоих компонентов словосочетания. Если в роли главного слова выступит существительное другого рода либо главное слово будет иметь форму другого числа или падежа, флексия зависимого слова будет автоматически реагировать на это изменение, например: *способная студентка*, *способному студенту*, *способные студенты*.

Согласование прилагательного с существительным во множественном числе требует отдельного комментария. Если существительное во множественном числе, так же как и в единственном числе, является носителем трех морфологических категорий (рода, числа и падежа), то прилагательное в форме множественного числа характеризуется только по числу и падежу. Ср.: *способные студенты* и *способные студентки*, *высокие дома* и *высокие ограды*. Морфологических категорий, общих для обоих компонентов словосочетания, оказывается только две, по ним и осуществляется уподобление зависимого слова главному.

Следует учитывать то, что грамматические значения зависимого слова несамостоятельны, они носят отраженный характер, например: *широкая река*. Значения рода, числа и падежа прилагательного обусловлены соответствующими грамматическими значениями существительного.

В качестве зависимого компонента словосочетания, согласованного с главным словом — существительным, могут выступать следующие слова[1]:

---

[1] Морфологическая характеристика зависимых компонентов словосочетания дается в соответствии с традиционной теорией частей речи (представлена в АГ-54 и принята в школьном и вузовском преподавании русской грамматики).

прилагательные: *большая комната*, *стеклянный шар*;

местоимения: *моя тетрадь*, *каждый день*;

числительные: *первый ряд*, *третий вагон*;

причастия (особые формы глагола): *бегущий мальчик*, *купленный билет*.

Между главным и зависимым компонентами словосочетания устанавливаются определительные отношения, обусловленные присубстантивностью, подчинением зависимого слова имени существительному.

Различают согласование полное и неполное. Согласование, которое охватывает все морфологические категории, общие для главного и зависимого слова, является полным, например: *трудный день* (род, число и падеж), *приятные воспоминания* (число и падеж).

Если хотя бы одна из общих для обоих компонентов словосочетания категория при согласовании не используется, согласование является неполным; например, в словосочетании *наша врач* главное слово — существительное мужского рода (*врач*), зависимое слово — местоимение в форме женского рода (*наша*). Выбор формы женского рода обусловлен в данном случае потребностью подчеркнуть пол лица, обозначенного существительным. Таким образом, местоимение в словосочетании *наша врач* согласуется с существительным в числе и падеже, но не в роде[1].

Особенностью описания синтаксических связей в РГ-80 является то, что фактор силы или слабости связи, который традиционно учитывается при характеристике управления, распространяется на все виды подчинительной связи, в том числе и на согласование. С этой точки зрения согласование характеризуется как слабая связь, например: *новый автомобиль*, *яркий свет*. В то же время отмечается, что собственно определительные отношения в словосочетании при согласовании могут совмещаться с отношениями восполняющими, и тогда согласование приобретает признаки сильной связи[2], например: *веселенькое дело*, *непостижимые вещи*. Главное слово является здесь информативно недостаточным, требующим зависимой формы с содержательно раскрывающей функцией.

Следует остановиться также на таком дискуссионном вопросе, как квалификация синтаксической связи между приложением и существительным, к которому приложение относится, например: *студент-отличник*, *женщина-космонавт*. РГ-80 усматривает в та-

---

[1] Случаи неполного согласования выявляются также на уровне синтаксических связей в предложении. Например: *Мальчик пришел больным*. Прилагательное *больной* согласуется с существительным *мальчик* в роде и числе, но не в падеже. Случаи такого рода будут рассмотрены отдельно (см. § 5), поскольку они выходят за рамки синтаксических связей в словосочетании.

[2] Русская грамматика. — Т. 2. — С. 20.

ких случаях согласование[1]. Е. С. Скобликова считает, что речь идет лишь о параллелизме грамматических форм[2]. Аргументируя свою точку зрения, автор отмечает следующие особенности сочетаний с приложением:

1. В связи с тем что род имени существительного — категория классифицирующая, отсутствует даже принципиальная возможность уподобления одного существительного другому по категории рода. В сочетаниях типа *завод-поставщик* имеет место не согласование, а подбор по родовому признаку, который к тому же не является обязательным. Ср.: *фирма-заготовитель.*

2. Параллелизм форм числа объясняется тем, что и главное, и зависимое слово обозначают одни и те же явления реальной действительности, поэтому чаще всего они соотнесены с одинаковым количеством предметов. Например: *сын-математик*, *корабли-пираты.* Встречаются и отступления от параллелизма форм числа. Например: *парк Сокольники.*

3. Наибольшее сходство с согласованием наблюдается в падежном параллелизме: изменение падежной формы одного слова сопровождается соответствующим изменением другого слова. Например: *стоит вагон-ресторан*, *нет вагона-ресторана*, *подошел к вагону-ресторану* и т. д. Однако и здесь есть существенные отличия от типичных случаев согласования.

Во-первых, при согласовании очевидно направление подчинения: например, прилагательное, обозначающее признак предмета, зависит от существительного, обозначающего предмет (*красивый альбом*). Адъективные флексии выступают при этом формальным показателем синтаксической зависимости. В случае же, когда оба вступающие в связь слова являются существительными, направление подчинения формально не выражается и вопрос о том, какое слово главное, а какое — зависимое, решается с учетом лексического значения, порядка слов, интонации, но не на основе формальных показателей сочетающихся слов. Например, при сочетании существительного собственного и существительного нарицательного приложением обычно является имя нарицательное: *Врач Иванов сегодня не принимает.*

Во-вторых, при согласовании падеж устанавливается путем «автоматического» уподобления падежа зависимого слова падежу главного слова. Например: *трудный день*, *трудного дня*, *трудному дню* и т. д. Уподобление в падеже неизбежно сопровождает связь прилагательного с существительным в словосочетании. Что же касается сочетания двух существительных, то здесь падежный параллелизм возможен только тогда, когда оба слова являются разными

---

[1] Русская грамматика. — Т. 2. — С. 57—59.

[2] *Скобликова Е. С.* Согласование и управление в русском языке. — М., 1971. — С. 206—211.

обозначениями одного и того же предмета. В противном случае используется управление. Ср.: *сын-математик — сын математика.*

Отмеченные особенности синтаксической связи дают Е. С. Скобликовой основания полагать, что связь между двумя существительными, одно из которых выступает в функции приложения, нельзя квалифицировать как согласование; с ее точки зрения, речь идет о параллелизме форм рода, числа и падежа.

Вопрос о квалификации синтаксической связи между приложением и существительным, к которому приложение относится, остается дискуссионным. В учебной литературе сочетания типа *студент-отличник* рассматриваются обычно в связи с согласованием. В одних случаях признается согласование без всяких оговорок[1], в других случаях отмечается, что связь в таких сочетаниях назвать согласованием можно только условно, поскольку речь идет не об уподоблении зависимого слова главному, а о совпадении соответствующих форм[2]. Е. Н. Ширяев усматривает в словосочетаниях типа *осетин-извозчик*, *слесарь-инструментальщик* согласование, но согласование особого рода. Поскольку установить на собственно грамматической основе, какое из сочетающихся слов является главным, а какое — зависимым, не представляется возможным (ср.: *осетина-извозчика*, *осетину-извозчику* и т. д.), предлагается называть данный вид согласования взаимосогласованием[3].

Особый случай согласования — условное согласование. Речь идет о словосочетаниях, главными компонентами которых являются слова, не имеющие форм словоизменения: наречия, междометия и др. Например: *раскатистое ура.* Условность согласования заключается в том, что главное слово не охарактеризовано по категории рода, следствием чего является употребление зависимого слова в форме среднего рода[4], например: ***Это* «*если бы*»**, *отнесенное им к прошедшему*, *к невозможному*, *сбылось*, *хоть и не так*, *как он полагал*, *— но одной его свободы было мало* (И. Тургенев). *Скучно! Ведь* ***от этого* «*скучно*»** *люди сходят с ума и кончают с собою*, ***это* «*скучно*»** *накладывает свою иссушающую печать на целые исторические эпохи* (В. Вересаев). В приведенных примерах и союз «если», и слово категории состояния «скучно» не имеют категории рода, тем не менее связь в выделенных сочетаниях носит присловный характер, а выбор формы зависимого слова (средний род указательного местоимения) обусловлен именно неохарактеризованностью главного слова по категории рода.

Управление. Это вид связи вызывает наибольшие трудности при изучении синтаксических связей в словосочетании, прежде всего

---

[1] Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — 3-е изд. — С. 632.
[2] *Валгина Н. С.* Современный русский язык... — М., 2003. — С. 50—51.
[3] Современный русский язык / под общ. ред. Л. А. Новикова. — С. 599—600.
[4] Там же. — С. 600.

в силу неоднородности явлений, которые традиционно охватываются понятием управления.

В аспекте средств синтаксической связи управление использует пять косвенных падежей, которые употребляются с предлогами или без предлогов. Например: *расчистка снега*, *писать брату*, *писать письмо*, *поссориться с другом*, *рассказывать о поездке*. Однако во всех ли случаях употребления косвенных падежей мы имеем дело с управлением? Это вопрос, с которым связаны различные трактовки управления как вида синтаксической связи. Заметим, что ни применительно к согласованию, ни применительно к примыканию вопрос такого рода не возникает. Во всех случаях, где в словосочетании наблюдается уподобление зависимого слова главному, синтаксическая связь — согласование. Во всех случаях, где зависимым компонентом словосочетания является неизменяемое слово (например, наречие, инфинитив), мы усматриваем примыкание. Таким образом, при обращении к согласованию и примыканию мы наблюдаем соответствие между языковыми средствами воплощения этих связей и определением связей, так как сами определения основываются на тех приемах, посредством которых и осуществляются согласование и примыкание.

Что же касается управления, то здесь ситуация более сложная. Главная причина споров вокруг управления заключается, по мнению Е. С. Скобликовой, в очевидном противоречии между традиционным определением управления и объемом относимых к нему фактов. С одной стороны, с управлением связываются все случаи употребления косвенных падежей с предлогами или без предлогов. С другой стороны, традиционное определение управления, которое идет еще от грамматик XIX в., противоречит такому широкому пониманию. Это определение сосредоточивает внимание на том, что при управлении главное слово требует от зависимого слова определенного падежа. Например: «Управлением называется такой вид синтаксической связи, когда употребление определенной формы косвенного падежа существительного, предметно-личного местоимения или субстантивированного прилагательного (без предлога или с предлогом) обусловлено грамматическим или лексико-грамматическим значением другого, господствующего слова»[1].

Между тем далеко не все случаи употребления падежных форм могут быть объяснены требованиями со стороны главного слова словосочетания. Были выделены следующие случаи функционирования падежных форм, которые не соответствуют традиционному определению управления[2].

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 22.

[2] *Скобликова Е. С.* Согласование и управление в русском языке. — С. 8—9.

1. Словосочетания, в которых значение главного слова обусловливает необходимость распространителей с определенным значением, но эта необходимость может реализоваться в различных формах. Например, глаголы *находиться*, *располагаться*, *помещаться* требуют пространственного уточнителя, но в роли такого уточнителя могут выступать различные предложно-падежные формы имени существительного, а также наречия. Например: *находиться в лесу*, *за домом*, *около реки*, *там*, *справа*, *впереди* и т. д. Требования со стороны главного слова касаются здесь значения распространителей (пространственного значения), но форма этих распространителей непосредственно главным словом не предопределяется.

2. Падежные формы, употребление которых не обусловлено никакими требованиями со стороны главного слова: ни требованием определенной формы, ни требованием распространителей с определенным значением. Например: *Что вы будете делать завтра? — Я буду отдыхать на даче.* В словосочетании *отдыхать на даче* главное слово *отдыхать* не нуждается в каких-либо распространителях. Ср.: *Я буду отдыхать на даче. — Я буду отдыхать.*

3. Распространители, относящиеся к предложению в целом (так называемые детерминанты[1]). Падежная форма не относится в этих случаях к какому-то конкретному слову, а распространяет предложение в целом. Например: ***Сегодня*** *идет дождь.* ***В квартире*** *холодно.* Детерминанты выделяются, таким образом, не на уровне словосочетания, а на уровне предложения.

Наряду с представленными выше случаями употребления падежных форм есть и словосочетания, в которых форма зависимого компонента предопределяется главным компонентом. Например: *бросить мяч*, *верить в победу.*

Решение вопроса о том, как интерпретировать различные случаи употребления падежных форм, зависит от понимания управления: широкого или узкого. В школьном преподавании русского языка принято широкое понимание управления, которое связывает с данным видом синтаксической связи любое употребление зависимого слова в форме косвенного падежа с предлогом или без предлога. А. М. Пешковский определял управление как «подчинение существительного какому бы то ни было другому слову»[2].

В то же время А. М. Пешковский различал те случаи управления, когда можно говорить о требованиях со стороны главного слова, и те случаи, когда таких требований нет. В этих целях он использовал понятия сильного и слабого управления. Автор обращает внимание на предложно-падежные сочетания *с + твор. п.* С одной стороны, приводятся следующие примеры: *спорю с кем*,

---

[1] Более подробно детерминанты рассмотрены в § 5 настоящего раздела.

[2] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — 7-е изд. — М., 1956. — С. 61.

ссорюсь с кем, *мирюсь с кем*. В этих случаях между глаголом и именем оказывается необходимая связь, следовательно, здесь сильное управление. С другой стороны, есть примеры, где такая необходимая связь отсутствует: *стою с кем*, *играю с кем*, *иду с кем*. Автор замечает: «...нельзя себе представить такого действия, которое нельзя было бы проделывать, или состояния, которое нельзя было бы переживать совместно с кем-нибудь другим. Поскольку сочетание это выражает не внутреннюю связь, а простое сопровождение действия или состояния одного субъекта таким же действием или состоянием другого, ясно, что оно всеобще, что оно приложимо к любому глаголу»[1]. В последнем случае речь идет о слабом управлении.

Разграничение сильного и слабого управления основывалось у А. М. Пешковского на семантическом критерии: наличии или отсутствии необходимой связи в словосочетании. Автор отмечал некоторую условность такого разграничения, поскольку и в области сильного управления можно различать разные степени силы, т. е. необходимости связи между главным словом и зависимым: «В одном случае перед нами минимум необходимой связи, в другом — максимум. И между полным отсутствием ее ("слабое" управление) и максимальным присутствием столько же промежуточных пунктов, сколько точек в линии»[2]. Автор сравнивает примеры: *лежать на кровати* и *настаивать на своих правах*. В первом случае глагол по своему значению (определенное положение в пространстве) связан с целым рядом предлогов и падежей с пространственным значением (*лежать на чем*, *в чем*, *под чем* и т. д.), во втором случае возможен только один определенный предлог и один падеж (*настаивать* — только *на чем*).

Таким образом, А. М. Пешковский понимал управление широко: как любое употребление существительного в косвенном падеже с предлогом или без предлога. В рамках управления он разграничивал сильное и слабое управление по признаку наличия или отсутствия необходимой связи между компонентами словосочетания.

Во «Введении» к «Грамматике русского языка» 1954 г. В. В. Виноградов дает критическую оценку трактовке слабого управления. Он отмечает, что «не все формы зависимости слов, подводимые под понятие управления, равностепенны»[3]. Автор обращается к таким примерам, как *труд через меру*, *ночь перед Рождеством*, *робеть перед экзаменатором*, где грамматическая наука усматривает слабое управление. В. В. Виноградов считает, что «синтаксическое содержание этого термина крайне расплывчато и неопре-

---

[1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — С. 286.
[2] Там же. — С. 288.
[3] Грамматика русского языка. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 26.

деленно. Вместо термина перед нами маловыразительная метафора... В тех случаях, когда так называемое слабое управление переходит в свободное присоединение предложной конструкции (*вернуться на рассвете*, *лес на рассвете*, *ясное на рассвете небо*, *заснуть с наступлением утра* и т. п.), оно качественно отличается от управления в собственном смысле этого слова»[1].

Идеи В. В. Виноградова получили развитие в работах Н. Ю. Шведовой и академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 гг. В РГ-80 управление определяется следующим образом: «Управление — это подчинительная связь, которая выражается присоединением к главенствующему слову существительного в форме косвенного падежа (без предлога или с предлогом) и означает отношения восполняющие или объектные либо контаминированные: объектно-восполняющие или объектно-определительные»[2]. Указание на синтаксические отношения между компонентами словосочетания входит в характеристику управления как вида синтаксической связи. Академические грамматики русского языка 1970 и 1980 гг. придерживаются узкого понимания управления, поскольку синтаксическая связь в словосочетаниях с определительными отношениями между компонентами трактуется как одна из разновидностей примыкания — падежное примыкание. Например: *гулять в саду*. В данном словосочетании — обстоятельственно-определительные отношения между компонентами (*гулять* где? — *в саду*), следовательно, здесь не управление, а падежное примыкание.

Таким образом, определяя управление, РГ-80 перечисляет синтаксические отношения, которые возникают в словосочетании с управляемым зависимым словом:

1) восполняющие отношения: *стать ученым*, *превратиться в ворчуна*;
2) объектные отношения: *писать письмо*, *думать об экзаменах*;
3) контаминированные отношения:
   объектно-восполняющие: *хлопать ушами*, *топать ногами*;
   объектно-определительные: *стучать палкой*, *прославиться талантом*.

Синтаксические связи учитываются и при дифференциации сильного и слабого управления. При сильном управлении возникают объектные или восполняющие отношения либо их контаминации, в которые могут включаться обстоятельственно-определительные отношения:

1) объектные отношения: *читать книгу*;
2) восполняющие отношения: *стоить труда*;
3) контаминированные отношения:

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 27.
[2] Русская грамматика. — Т. II. — М., 2005. — С. 21.

– объектно-восполняющие: *скрежетать зубами*;

– объектно-обстоятельственно-восполняющие: *забежать за ограду* (сильное управление предопределено здесь морфемным составом глагола: префикс дублируется предлогом, и, следовательно, падежная форма с предлогом оказывается в непосредственной зависимости от наличия в глаголе того или иного префикса[1], например: *доехать до дома*, *подойти к дому*, *войти в дом*, *выйти из дома*).

При слабом управлении объектные отношения контаминируются с определительными (в широком понимании, которого придерживается РГ-80). В словосочетании *выступать перед аудиторией* совмещаются объектные отношения (*выступать* перед кем?) и обстоятельственно-определительные отношения (*выступать* где?), в *удариться головой* объектные отношения (*удариться* чем?) совмещаются с обстоятельственно-определительными отношениями (*удариться* как, каким образом?).

Обратим внимание на следующие особенности описания управления в РГ-80.

1. Существенную роль и при выделении управления как вида синтаксической связи, и при дифференциации сильного и слабого управления играют синтаксические отношения между компонентами словосочетания. Например: *Вильгельм страдал от этих поклонов*, *быстрых и низких*, *точно людей стегнули кнутом по шее* (Ю. Тынянов). Можно выделить три словосочетания с глаголом *стегнули* в качестве главного слова: *стегнули людей*, *стегнули кнутом*, *стегнули по шее*. В словосочетании *стегнули людей* — сильное управление, поскольку между компонентами словосочетания устанавливаются объектные синтаксические отношения, в двух других словосочетаниях — управление слабое, так как объектные отношения осложняются определительными (образа действия и пространственными): *стегнули кнутом*, *стегнули по шее*.

2. Управление понимается более узко по сравнению с традиционным широким подходом: употребление зависимого слова в одном из косвенных падежей с предлогом или без предлога в зависимости от синтаксических отношений в словосочетании квалифицируется либо как управление, либо как примыкание (падежное примыкание). Например: *Толкнув дверью Юрасова и не заметив его*, *через площадку быстро прошел кондуктор с фонарем и скрылся за следующей дверью* (Л. Андреев). С позиций РГ-80, только в словосочетаниях с объектными отношениями между компонентами усматривается управление (*толкнув дверью*, *толкнув Юрасова*, *не заметив его*), что же касается остальных словосочетаний с зависимыми падежными формами, то, с учетом определительных синтаксических отношений между компонентами, синтаксическая

[1] Русская грамматика. — Т. II. — С. 27.

связь определяется как падежное примыкание (*прошел через площадку*, *кондуктор с фонарем*, *скрылся за дверью*).

Подход к определению границ управления, которого придерживаются академические грамматики русского языка 1970 и 1980 гг., критически оценивает Е. С. Скобликова, которая считает, что узкое понимание управления ведет к нарушению единого классификационного принципа в разграничении согласования, управления и примыкания[1]. В частности, согласование оценивается как особый формальный способ вхождения слова в словосочетание, который заключается в уподоблении зависимого слова главному, а управление утрачивает специфику формального способа и перемещается в сферу синтаксических отношений. Таким образом, согласование и управление оцениваются с различных позиций: как исключительно формальный способ связи (согласование), с одной стороны, и как формальный способ с обязательным учетом синтаксических отношений (управление), с другой стороны.

Современные школьные учебники придерживаются широкого понимания управления. Указание на синтаксические отношения в словосочетании не включается в определение управления как вида синтаксической связи[2]. Синтаксические связи понимаются в школьных учебниках как формальные способы вхождения слова в словосочетание.

Примыкание. Примыкание принято рассматривать как связь, при которой в роли зависимого слова выступает неизменяемая часть речи или неизменяемая форма слова. В «Грамматике русского языка» 1954 г. примыкание определяется следующим образом: «Примыканием называется такой вид синтаксической связи, когда зависимость одного слова от другого, господствующего над ним, выражается не флективными изменениями зависимого слова, не его формами, а лишь его местоположением, его зависимой грамматической функцией, его смыслом...»[3].

В качестве неизменяемого зависимого компонента словосочетания выступают следующие слова:

наречия: ***весело*** *улыбаться*, *стоять* ***рядом***;

инфинитив: *желание* ***отдохнуть***, *наука* ***побеждать***;

деепричастия: *говорить* ***улыбаясь***, *рассказывать* ***не торопясь***;

неизменяемые прилагательные: *платье* ***беж***, *цвет* ***хаки***;

сравнительная степень прилагательных: *дело* ***поважнее***, *корзинка* ***полнее*** (*У него была корзинка полнее, чем у других грибников*);

притяжательные местоимения третьего лица: ***его*** *учебник*, ***их*** *вещи*.

---

[1] *Скобликова Е. С.* Современный русский язык... — С. 79; *Скобликова Е. С.* Согласование и управление в русском языке. — С. 22—23.

[2] Русский язык: учебник для 8 кл. / под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. — С. 24; Русский язык: учебник для 8 кл. / С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов и др. — С. 32.

[3] Грамматика русского языка. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 22—23.

Отсутствие внешне выраженных морфологических средств связи не означает того, что при примыкании нет морфологического «сопровождения» синтаксической связи. Морфология проявляет себя на уровне категориальных значений частей речи. Например, значение наречия как части речи состоит в выражении признака: признака действия, признака качества или признака признака (*говорит отрывисто*, *чересчур громкий*, *очень ярко*), и поэтому естественна сочетаемость наречий с глаголами, прилагательными и наречиями, т.е. с названиями действий и свойств, чьи признаки наречие и выражает.

В отличие от традиционного подхода к примыканию, академические грамматики (АГ-70 и РГ-80) понимают данный вид синтаксической связи более широко, рассматривая в качестве примыкающих падежные и предложно-падежные формы с определительным значением. Состав примыкающих компонентов расширяется за счет более узкого понимания управления, а само примыкание предстает как неоднородная синтаксическая связь, существующая в двух видах. С одной стороны, это собственно примыкание (зависимый компонент словосочетания — неизменяемое слово). С другой стороны, выделяется падежное примыкание — «присоединение к знаменательному слову (любой части речи) падежной (без предлога или с предлогом) формы имени с определительным значением»[1], например: *прийти к вечеру*, *крышка чайника*. Следует иметь в виду, что определительные отношения РГ-80 понимает очень широко, включая в их состав, наряду с собственно-определительными, обстоятельственно-определительные и субъектно-определительные отношения. Указанные синтаксические отношения могут выражаться при падежном примыкании, например:

собственно-определительные (*крыша дома*);

обстоятельственно-определительные: временно́е (*работать ночами*), пространственное (*вернуться с работы*), причинное (*молчать из вежливости*), целевое (*ехать в отпуск*) и др.;

субъектно-определительные (*приезд отца*).

Падежное примыкание выделяется, таким образом, на ином основании, чем собственно примыкание. Если при собственно примыкании определяющим является формальный способ вхождения зависимого слова в словосочетание (неизменяемость зависимого компонента), то при падежном примыкании в обязательном порядке учитываются синтаксические отношения, которые и отделяют падежное примыкание от управления.

В школьных учебниках представлен традиционный подход к примыканию: в качестве примыкающих рассматриваются только неизменяемые слова.

---

[1] Русская грамматика. — Т. II. — С. 21.

Таблица 5

Соотношение синтаксических связей и синтаксических отношений в словосочетаниях (концепция РГ-80)

Синтаксические связи					
Согласование		Управление		Примыкание	
полное	неполное	сильное	слабое	собственно	падежное
Синтаксические отношения					
1) собственно-определительные *веселая* жизнь	1) собственно-определительные *сама* инспектор *наша* врач	1) объектные надеть *платье*	1) объектно-определительные *книгам* враг	1) объектные подать *завтракать*	1) собственно-определительные кто-то *в плаще* серый *в клеточку* город *на Волге*
2) собственно-определительные + восполняющие *веселенькое* дело *непостижимые* вещи		2) восполняющие четыре *угла* назваться *другом*	2) объектно-обстоятельственные сходить *за врачом* стучать *по столу* бедный *духом*	2) обстоятельственные *быстро* бежать поехать *отдыхать*	2) субъектные приезд *отца* белизна *снега*
		3) объектно-определительные + восполняющие добраться *до дома*		3) объектно-восполняющие учиться *рисовать*	3) обстоятельственно-восполняющие находиться *в доме*

Итак, в РГ-80 вид синтаксической связи между компонентами словосочетания определяется в соответствии с характером синтаксических отношений, что представлено в таблице 5.

§ 5. Синтаксические связи в предложении сравнительно со связями в словосочетании

С традиционной точки зрения словосочетание рассматривается как результат распространения слова. Синтаксические связи в словосочетании являются присловными, причем распространяемый компонент словосочетания выступает в роли главного слова по отношению к распространителю. Таким образом, рассмотренные выше синтаксические связи в словосочетании (согласование, управление и примыкание) являются подчинительными связями.

Среди синтаксических связей, специфических для предложения, можно условно выделить синтаксические связи, ориентированные на выражение предикативных и полупредикативных отношений, и синтаксические связи, непосредственно не затрагивающие выражение указанных отношений.

К первой группе синтаксических связей относится связь между подлежащим и сказуемым (координация, соположение, тяготение), а также связь между обособленным членом предложения и тем членом предложения, к которому относится обособленный член (либо стержневое слово обособленного оборота).

Вторая группа синтаксических связей непосредственно не направлена на выражение предикативности. Наиболее распространенными синтаксическими связями данного типа являются сочинительная связь и связь между детерминантом и остальным составом предложения.

Указанные синтаксические связи не исчерпывают всего многообразия синтаксических связей: в предложении, например, выделяют члены с двунаправленными отношениями, которые «формально и семантически зависят не от одного распространяемого члена, а одновременно от двух»[1]. Например: *Однажды вечером* (*это было в начале октября 1773 года*) *сидел я дома* ***один***, *слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи*, *бегущие мимо луны* (А. Пушкин). Слово *один* относится и к подлежащему (*я один*), и к сказуемому (*сидел один*), проявляя одновременно признаки двух членов предложения: определения и обстоятельства. Распространители такого рода называют членами предложения с двойной связью[2].

---

[1] Русская грамматика. — Т. II. — С. 143.

[2] См., например: *Бабайцева В. В.* Система членов предложения в современном русском языке. — М., 1989. — С. 76—77.

Краткий обзор в данном разделе синтаксических связей в предложении (подробно они характеризуются в I главе «Описание структуры простого предложения в русском синтаксисе XIX — середины XX в.») демонстрирует специфику неприсловных связей.

Связь между подлежащим и сказуемым. Связь между подлежащим и сказуемым отличается от присловной связи в словосочетании. Во многих случаях эта связь напоминает согласование. Например: *Пруд замерз. Река обмелела. Озеро высохло. Реки обмелели.* Глагол, выполняющий функцию сказуемого, согласуется с существительным в позиции подлежащего в роде и числе.

В то же время выделяют следующие отличия синтаксической связи между главными членами предложения от согласования[1].

1. При согласовании форма зависимого слова подчиняется форме главного слова, а связь между подлежащим и сказуемым предполагает взаимное соотнесение форм, ни одна из которых не является ни главной, ни зависимой. Например: *Поезд отходит от перрона.* Форма именительного падежа имени существительного соотносится с формой 3-го лица ед. числа настоящего времени глагола.

2. При согласовании связь проходит по всем формам согласующихся слов; при сопряжении компонентов предикативного минимума соотносятся только две определенные формы. Ср.: *Скорый поезд*, *скорого поезда*, *скорому поезду* и т. д. — *Поезд отходит.*

3. На основе согласования образуется словосочетание, которое изменяется, подчиняясь изменению формы главного слова (*скорый поезд*, *скорого поезда*, *скорому поезду* и т. д.). Предложение изменяется по особым правилам, в результате чего образуются конструкции, которые рассматриваются в синтаксической концепции Н. Ю. Шведовой в качестве форм предложения (см.: «Структура простого предложения в трактовке Н. Ю. Шведовой»). Например: *Поезд отходит. Поезд отходил. Поезд будет отходить.*

4. При согласовании между компонентами словосочетания возникают определительные синтаксические отношения (*скорый поезд*), отношения же между компонентами предикативного минимума квалифицируются как предикативные.

С учетом отмеченных различий связь между подлежащим и сказуемым принято определять как координацию: взаимонаправленную связь, при которой главные члены предложения формально уподобляются друг другу[2]. Однако уподобление такого рода наблюдается не всегда. Ср.: *Отец — на работе. Лес рядом. Учиться — моя цель.* В таких случаях связь между главными членами характеризуют как соположение словоформ[3].

---

[1] Русская грамматика. — Т. II. — С. 94—95.

[2] Грамматика современного русского литературного языка. — С. 548.

[3] Там же. — С. 634—635.

Синтаксическая связь особого рода усматривается между подлежащим и именной частью сказуемого. Например: *Все дети вернулись из поездки здоровыми.* Прилагательное в функции именной части сказуемого согласуется с существительным в позиции подлежащего в числе (ср.: *Ребенок вернулся здоровым. — Дети вернулись здоровыми*), но не в падеже. Форма творительного падежа обусловлена синтаксической функцией прилагательного и его зависимостью от глагола (*Вернулись какими? — Здоровыми*). Признаки согласования наблюдаются не только во множественном числе, но и в единственном числе, где в выражении синтаксической связи участвует также и категория рода. Ср.: *Сын вернулся здоровым. — Дочь вернулась здоровой.* Если проводить аналогию с синтаксическими связями в словосочетании, в данном случае наблюдается неполное согласование ввиду отсутствия соотнесенности в падеже.

Следует обратить внимание и на особенность механизма синтаксической связи: между именной частью сказуемого и подлежащим, с которым именная часть согласуется в роде и числе (или только числе), существует посредник — глагольная связка. Л. А. Булаховский писал, что прилагательное, входящее в состав сказуемого, «тяготеет» к полнозначному глаголу, выполняющему функцию связки[1]. Например: *Погода уже пятый день* ***стояла отвратительная****: об охоте невозможно было и помышлять* (И. Тургенев). Вслед за Л. А. Булаховским связь такого рода называют тяготением[2].

Предложения с обособленными членами. Связь слов в словосочетании принципиально отличается от связи стержневых слов в обособленных оборотах со словами, к которым эти обороты относятся: синтаксические отношения в предложениях с обособленными членами носят более сложный характер. В примере *Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами* (А. Пушкин) стержневое слово причастного оборота *пересеченные* согласуется с существительным *пустыни* в числе и падеже, но в данном случае реализуются отношения предложенческого уровня, поскольку с обособлением связано значение добавочного сообщения: *Вокруг меня простирались печальные пустыни, которые были пересечены холмами и оврагами.* Отношения такого рода принято называть полупредикативными. Что же касается словосочетания *печальные пустыни*, где также наблюдается согласование зависимого слова с главным в числе и падеже, то здесь между компонентами словосочетания возникают определительные отношения, не осложненные значением добавочного сообщения.

---

[1] *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. — 5-е изд. — Т. 1. — Киев, 1952. — С. 286.

[2] См., например: *Валгина Н. С.* Современный русский язык... — С. 57.

РГ-80[1] характеризует смысловые связи обособленных членов как связи разнонаправленные: обособленный член «по смыслу относится не только к тому члену предложения, от которого он зависит грамматически, но еще и к какому-нибудь другому его члену»[2], например: *Василиса Егоровна*, *видя мое упрямство*, *оставила меня в покое* (А. Пушкин). Деепричастный оборот грамматически связан со сказуемым и является в предложении обстоятельством причины. *Почему оставила в покое? — Потому что увидела мое упрямство.* В то же время деепричастный оборот по смыслу связан с подлежащим, поскольку он называет дополнительный по отношению к признаку, названному в сказуемом, процессуальный признак субъекта, ср.: *Василиса Егоровна увидела мое упрямство и оставила меня в покое.* Деепричастный оборот обнаруживает, таким образом, двойную смысловую зависимость: и от сказуемого, и от подлежащего.

Синтаксическая связь особого рода наблюдается при обособлении приложений, а также определений и обстоятельств, выполняющих уточняющую функцию. Ср.: *Учитель физики Иван Иванович всегда приходит в школу первым. — Учитель физики*, *Иван Иванович*, *всегда приходит в школу первым. Внизу под ковриком был спрятан ключ. — Внизу*, *под ковриком*, *был спрятан ключ.* Обособленные второстепенные члены оказываются по отношению к определяемому слову наименованиями-дублетами (аппликативная связь).

Сочинительная связь. Такая связь предполагает равноправие объединяемых компонентов, в отличие от подчинительной связи. В соответствии с узким пониманием словосочетания, обоснованным В. В. Виноградовым, компоненты словосочетания объединяются на основе подчинительной синтаксической связи, а сочинительная связь реализуется на уровне предложения.

В простом предложении слова, объединяемые сочинительной связью, выполняют, как правило, одну и ту же синтаксическую функцию и являются однородными членами. Например: *При выходе из рощи увидели кистеневскую деревянную церковь и кладбище*, *осененное старыми липами* (А. Пушкин). Объединенные сочинительной связью слова *церковь* и *кладбище* являются в предложении однородными дополнениями и занимают одну синтаксическую позицию. *Увидели* что? — *Церковь и кладбище.* Вместе с тем сочинительная связь иногда объединяет разные члены предложения. Ср.: *Никто никогда не узнает об этом. — Никто и никогда не узнает об этом.* Союз *и* соединяет здесь разные члены предложения: подлежащее и обстоятельство, которые оказываются в одном ряду.

Детерминанты. Критически оценивая традиционную трактовку слабого управления во «Введении» к АГ-54, В. В. Виноградов от-

[1] Русская грамматика. — Т. II. — С. 180.
[2] Там же.

мечает, что некоторые из так называемых слабоуправляемых связей реализуются лишь в составе предложения. Например: *Под старость жизнь такая гадость* (А. Пушкин). Комментируя этот пример, В. В. Виноградов обращает внимание на то, что предложно-падежное сочетание *под старость* примыкает ко всему предложению в целом[1]. Идеи В. В. Виноградова получили развитие в работах Н. Ю. Шведовой и академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 гг. В 1964 г. была опубликована статья Н. Ю. Шведовой, посвященная детерминирующим членам предложения[2]. Идеи автора вызвали в научном мире отклик, в том числе и критические замечания, ответом на которые стала следующая статья Н. Ю. Шведовой, опубликованная в 1968 г.[3]. Детерминанты как распространители предложения в целом были описаны в АГ-70 и в РГ-80.

Идеи Н. Ю. Шведовой способствовали последовательному разграничению словосочетания и предложения в синтаксическом описании. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство, предложенные в 1964 г. в качестве распространителей предложения в целом, не включаются в сферу присловных связей и описываются на уровне предложения.

Детерминирующий объект — это падежная форма, которая обозначает лицо или предмет, связанные с предикативной основой предложения отношением направленности в широком смысле этого слова. В РГ-80 на основе этой достаточно разнородной группы были выделены субъектные и объектные детерминанты. Они обозначают либо того, кто действует, кто испытывает состояние (***У больного*** *плохое настроение.* ***У него*** *трудный характер*), либо того, на кого направлено действие, к кому обращено чье-либо отношение, эмоциональное состояние (***Вам*** *телеграмма.* ***Перед соседями*** *ему стыдно*).

Обстоятельственные детерминанты «соотносят сообщаемое с сопровождающими или обусловливающими его обстоятельствами» [4]. В РГ-80 выделяется 10 групп обстоятельственных детерминантов[5]:

1) со значением временным и количественно-временным: ***К вечеру*** *добрались до озера*; ***С неделю*** *больной не мог спать по ночам*;

2) с пространственным значением: ***За окном*** *стемнело*;

3) со значениями причины, следствия, стимула, основания, повода, результата: ***По случаю заносов*** *поезда не ходят* (причина);

4) со значением цели: ***В поисках старых рукописей*** *ученый изъездил всю страну*;

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 28.

[2] *Шведова Н. Ю.* Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — ВЯ. — 1964. — № 6.

[3] *Шведова Н. Ю.* Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? — ВЯ. — 1968. — № 2.

[4] Русская грамматика. — Т. II. — С. 150.

[5] Там же. — С. 160—162.

5) со значениями условия и уступки: ***В создавшихся условиях*** *встречу лучше отложить* (условие); ***Несмотря на успехи***, *не следует расслабляться* (уступка);

6) со значениями включения и исключения: *Пришли все*, ***включая стариков и детей*** (включение); ***За исключением выходных дней***, *он все время на работе* (исключение);

7) со значениями выделительно-ограничительным и заместительности: ***По полезности*** *никакие препараты не идут в сравнение со свежими фруктами* (выделительно-ограничительное значение); ***Вместо дела*** *ведутся пустые разговоры* (заместительность);

8) со значениями сопутствия, обоснования, соответствия: *Дело передано в суд* ***со всеми вытекающими отсюда последствиями*** (сопутствие);

9) со значением способа: ***Ценой больших усилий*** *команда сравняла счет*;

10) со значением сравнения, сопоставления: ***По сравнению с прошлым годом*** *мальчик очень вырос*.

Возникает вопрос: почему распространители такого рода относятся к предложению в целом и не могут быть рассмотрены как компоненты словосочетаний? Например: *К вечеру добрались до озера*. Что позволяет рассматривать предложно-падежное сочетание *к вечеру* как распространитель предложения в целом, а не как компонент словосочетания *к вечеру добрались*? Каковы отличительные признаки детерминантов?

Н. Ю. Шведова обращает внимание прежде всего на место детерминанта в предложении: как правило, он располагается в начале предложения. Отмечаются случаи, когда перенос предложно-падежного сочетания в конец предложения влияет на характер синтаксических связей. Ср.: (1) *Между друзьями начался крупный разговор*. (2) *Начался крупный разговор между друзьями*. В первом предложении предложно-падежное сочетание *между друзьями* распространяет предложение в целом, являясь объектным детерминантом. Во втором предложении это же сочетание является присловным распространителем существительного *разговор*, следовательно, можно выделить словосочетание *разговор между друзьями*.

Кроме того, Н. Ю. Шведова обращает внимание на несвязанность предложно-падежной формы, являющейся детерминантом, с глаголом. Например: *При всех его достоинствах он мне не нравится*. В русском языке в принципе возможны глагольные словосочетания с зависимым существительным с предлогом *при*. Например: *присутствовать при родах*. Однако словосочетание *нравиться при всех достоинствах* невозможно, что обусловлено отнесенностью предложно-падежной формы к предложению в целом.

Признаком детерминантов является также и то, что они трансформируются в конструкции, которые характеризуют не словосочетание, а предложение. Например: *С женщиной обморок. — Женщина*

в обмороке (компонент предикативного минимума). *Малышом он мечтал о самолетах. — Будучи малышом, он мечтал о самолетах* (деепричастный оборот). *За недостатком времени не пошел на концерт. — Не имея времени, не пошел на концерт* (деепричастный оборот).

Особенность функционирования детерминантов заключается в том, что один и тот же детерминант может сочетаться с предложениями разной структуры. Ср.: *В городе ожидается приезд гостей* (двусоставное предложение). — *В городе масса народу* (односоставное номинативное предложение). — *В городе никого не найти* (односоставное инфинитивное предложение). — *В городе шумно* (односоставное безличное предложение). Следовательно, детерминанты не связаны не только с какими-то определенными компонентами предложения, но и с определенными синтаксическими структурами.

При определении детерминанта как распространителя предложения следует исходить из комплекса признаков, поскольку одного какого-то признака может оказаться недостаточно. Отстаивая целесообразность выделения детерминантов, Н. Ю. Шведова уточняет перечень таких признаков[1]. Учение о детерминантах было использовано при описании синтаксиса простого предложения в АГ-70 и РГ-80, оно учитывается и в современных вузовских учебниках по синтаксису.

Рекомендуемая литература

Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис. — 4-е изд. — М., 2003. — С. 19—61.

Грамматика русского языка: в 2 т. — Т. II. — Ч.1. — М., 1954. — С. 10—41.

Золотова Г. А., *Онипенко Н. К.*, *Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — С. 53—57.

Распопов И. П., *Ломов А. М.* Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. — Воронеж, 1984. — С. 178—192.

Русская грамматика: в 2 т. — Т. II. — М., 1980. — С. 13—82.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс). — 3-е изд. — М., 2006. — С. 55—82.

Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. — М., 1971.

Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 2003. — 631—647, 667 — 681.

Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // ВЯ. — 1964. — № 6.

Шведова Н. Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? // ВЯ. — 1968. — № 2.

[1] *Шведова Н. Ю.* Русский язык: Избранные работы. — М., 2005. — С. 177—217.

Глава 1
Предложение: основные понятия

§ 1. Определение понятия «предложение»

Простое предложение, основная единица синтаксиса, является самой многоаспектной и неоднозначно оцениваемой лингвистами единицей синтаксиса. С одной стороны, безграничное множество конкретных предложений позволяет рассматривать данную синтаксическую единицу как речевую, с другой стороны, различные предложения в русском языке строятся по определенным моделям, количество которых конечно, т.е. в отвлечении от конкретного лексического наполнения предложения можно говорить о нем как о единице языка.

По ряду признаков простое предложение противопоставляется единицам более низкого синтаксического уровня. Во-первых, в функциональном отношении предложение всегда больше слова в его синтаксической форме. Номинативное предложение *Ветер* в контексте стихотворения Ф.Тютчева (1) ***Ветер***. *Кругом все гудет и колышется*, / *Листья кружатся у ног* выполняет иную функцию, чем слово *ветер* в его словарном значении (‘*движение потока воздуха в горизонтальном направлении*’), реализующее номинативную функцию в словосочетаниях *западный*, *морской*, *порывистый*, *сильный ветер*. Форма им. падежа в предложении не только называет явление, но сообщает о его наблюдаемости: выступает как независимая, неопределяемая. Ср. с предложением (2) *Ветер спит*, *и все немеет*. / *Только бы уснуть*... (Ф.Тютчев), в котором состояние ветра охарактеризовано словом *спит* в плане настоящего. Вместе с интонацией законченного сообщения словоформа *ветер* в примере (1) передает бытийное значение, т.е. имеет модально-временное значение реальной отнесенности (наблюдаемость) к моменту речи, что превращает ее в предложение, в единицу коммуникативную, как и в примере (2).

Во-вторых, предложение отличается от словосочетания. Сравним употребление словосочетания *звездная ночь* у Ф.Тютчева: (3) *Тихая*, ***звездная ночь***(3), / *Трепетно светит луна*; / *Сладки уста красоты* / ***В*** *тихую*, ***звездную ночь***(4). / Пример(3) аналогичен однословному предложению *Ветер*: данное предложение обозначает определен-

ную ситуацию, наблюдаемую лирическим героем, а в примере(4) словосочетание попадает в зависимую от сказуемого *сладки* позицию, оно в целом, как и слово, выполняет функцию номинации. В словосочетании реализуются атрибутивные отношения (какая *ночь?*), которые выражены связью полного согласования. Предложение *Ночь звездная*(5) является сообщением о реальном факте в плане настоящего (ср.: *Ночь была/будет звездная* — сообщение отнесено к плану прошедшего/будущего времени, *Ночь была бы звездная* — сообщение о желаемом, а не реальном факте действительности, не конкретизированное во временном плане). В примере(5) реализуются иные, чем в словосочетании, отношения: наименование явления + его характеристика, т.е. сопряжение двух понятий, между которыми устанавливаются отношения взаимной, предопределенной синтаксическими позициями зависимости (предикативные), в отличие от односторонней зависимости в словосочетании *звездная ночь*. Аналогичные отношения возникают и в других предложениях, например: *Тускнеют угли*(6). *В полумрак / Прозрачный вьется огонек*(7). / *Так блещет на багряном маке / Крылом лазурным мотылек*(8) (Ф. Тютчев).

Каждое грамматически оформленное предложение обладает интонацией законченного сообщения. Предикативность и интонация законченного сообщения были определены В. В. Виноградовым как конституирующие признаки предложения.

В определении природы простого предложения в истории синтаксиса сложились разные подходы. В XIX в. на основе логического подхода предложение было определено как суждение (присоединение сказуемого (предиката суждения) к подлежащему (субъекту суждения) именовалось самим суждением[1]). Долгое время в русской лингвистике (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов) предложение оценивалось как «**единица речи**, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления»[2].

Во многом этому следует и В. В. Виноградов: «Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли»[3]. Данное определение, во-первых, учитывает структурные признаки предложения («грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи»), во-вторых, его коммуникативную функцию — служить «главным средством формирования, выражения и сообщения мысли».

---

[1] *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. — М., 1959. — С. 258.

[2] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — Л., 1941. — С. 19.

[3] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 65.

В изучении предложения как собственно **языковой единицы** (категории), имеющей свои формальные и смысловые характеристики, в XX в. сложилось несколько направлений:

сторонники теории порождающей грамматики (Н. Хомский, Д. С. Ворт и др.) и трансформационного синтаксиса (И. А. Мельчук), стремясь сблизить описание синтаксиса с морфологией, фонологией, выделяют ядерные предложения (предмет лингвистики языка) и производные (предмет лингвистики речи);

для Л. Блумфильда, Л. Теньера предложение — синтагматическая цепь связей и отношений (аранжировка слов);

О. Есперсен, Л. В. Щерба оценивали предложение как единицу значения, семантический подход к анализу предложения представлен в работах А. Х. Гардинера, У. Вайнрайха 60—70-х гг. (теория глубинных и поверхностных структур и препозитивной номинации)[1];

как языковую структуру с разноуровневой организацией предложение рассматривают В. Матезиус, М. Докулил, Ф. Данеш за рубежом и Н. Ю. Шведова, Д. Н. Шмелев в России.

Н. Ю. Шведова в определении предложения опирается на классическую дефиницию В. В. Виноградова: «Простое предложение — это такое высказывание, в основе построения которого лежит отвлеченный грамматический образец (структурная схема, предикативная основа), специально предназначенный языком для построения отдельной относительно самостоятельной единицы сообщения»[2]. В данном определении предложение характеризуется как двусторонняя единица — языка и речи. Простое предложение характеризуется через набор конституирующих признаков:

Формальная организация	1) наличие предикативной основы, равной структурной схеме (отвлеченному формальному образцу, по которому может быть построено неограниченное число конкретных предложений); 2) способность к формальным изменениям; 3) свои правила распространения;
Семантическая организация	4) наличие связанных друг с другом языковых значений, организованных иерархически (главные/второстепенные члены);
Коммуникативная направленность и интонационная оформленность	5) способность к актуализации информации

[1] Подробнее см.: *Тестелец Я. Г.* Синтаксические теории // Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. — М., 2001. — С. 469—721.

[2] Русская грамматика. — Т. II. — С. 85.

Итак, при разной степени детализации и соотнесенности в характеристике предложения понятий языка и речи конституирующими признаками предложения следует признать предикативность и интонационную оформленность.

§ 2. Понятие «предикативность»

История вопроса. В конце XVIII — начале XIX в. была создана универсальная схема предложения и его членов, которая накладывалась на все языки мира. На основе логических соображений в предложении отыскивались субъект (подлежащее) — то, о чем идет речь, и предикат (сказуемое) — то, что говорится о предмете речи. Ф. И. Буслаев писал, что присоединение сказуемого к подлежащему именуется суждением, а суждение, выраженное словами, есть предложение. Соответственно все типы предложений сопоставлялись с общей схемой предложения-суждения (субъект, связка, предикат)[1]. В. В. Виноградов иллюстрирует данный подход анализом примера из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина[2]: на рассказ Томского о том, как его бабушка, графиня Анна Федотовна, отыгралась в карты у герцога Орлеанского, поставив три карты, слушатели реагируют следующим образом. «*Случай! — сказал один из гостей*. — *Сказка! — заметил Германн*». Приведенные реплики («*Случай!*», «*Сказка!*») должны были разбираться по следующей схеме: *это* — подлежащее, *был* — связка, *случай* (*сказка*) — именная часть сказуемого. Подлежащее и связка опущены.

С конца XIX в. были предприняты попытки определить специфические качества предложения как синтаксической единицы. А. А. Потебня признал важнейшим конструктивным элементом предложения спрягаемый глагол — минимум того, что должно заключаться в предложении. Главный признак предложения, по А. А. Потебне, **глагольность**[3].

Идея определить сущность предложения через один из его главных членов была поддержана А. М. Пешковским, который обозначил главное свойство предложения термином **сказуемость**. На основе эксперимента с рядом вырванных из контекста слов: *белую*, *вчера*, *стариков*, *море*, *сплю*, *работать*, *убирайтесь*, *рыбу*, *нельзя*, *небольшую*, *приехали*, *август*, *вечный*, *стыдно*, *богат*, *рысью*, — которые могут быть прочитаны ровным, монотонным голосом, А. М. Пешковский пришел к выводу, что не все слова одинаково безжизненны: некоторые слова окажутся выражением не только представлений, но и целых мыслей[4]. Именно этот оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не только представлению, но и мысли, автор назвал сказуемостью. Это не только глаголы, но и слова, употребляющиеся со связкой (в современной терминологии — слова категории состояния и краткие прилагательные). А. М. Пешковский заметил,

---

[1] *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. — М., 1959. — С. 258.

[2] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 67.

[3] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. — Т. I—II. — М., 1958. — С. 83—84.

[4] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956. — С. 165—180.

что от постоянной связи с глаголом они «оглаголились», вернее, «осказуемились», чего не происходит с «побудительными бесформенными словами» *эй*, *ну* и междометиями *ах*, *ой*: они принципиально отличаются от «сказуемостных» слов тем, что в первых ничего не выражено, кроме волевого акта, а вторые целиком относятся к области чувства, а не мысли.

Таким образом, А. А. Потебня и А. М. Пешковский термина «предикативность» не употребляли, но признаком данного свойства предложения считали наличие финитного глагола. В. В. Виноградов закрепил в научном обиходе термин «предикативность» (от лат. *praedicare* — высказывать, сообщать): «значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности, которое выражается в синтаксических категориях модальности, времени и лица. В этом и состоит различие между словом *зима* со свойственным ему лексическим значением и предложением *Зима* в таком пушкинском стихе: *Зима. Что делать нам в деревне?*»[1].

Каждое предложение локализовано в определенном временном плане: *Девочка играет с куклой. Девочка играла с куклой. Девочка будет играть с куклой*. Синтаксическое значение времени создается не только формами времени глагола, но и с помощью связки, в том числе нулевой: *Холодно. Скоро будет холодно*.

Аналогично трактуется синтаксическая категория модальности. То, что сообщается в предложении, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или в настоящем или как реализующееся в будущем, либо как желательное, либо как требуемое от кого-либо. Синтаксическая категория модальности выражается в первую очередь формами глагольных наклонений: *Мальчик читает. Если бы мальчик читал! Читай!* Однако она характеризует и предложения, в которых отсутствует личная форма глагола: *Лето бы сейчас! Пойти бы погулять! Встать!*

Отношение содержания предложения к действительности называется объективной модальностью, в отличие от субъективной модальности, выражающей отношение говорящего к сообщаемому. Сравним: *Скоро пойдет дождь. — Вероятно, скоро пойдет дождь*. Принято считать, что субъективная модальность факультативна, и поэтому она не включается в комплекс категорий, формирующих предикативность.

Синтаксическое лицо выражается прежде всего местоимениями и глагольными формами: *Я иду. Ты идешь. Он идет*. В то же время отношение к лицу может выражаться иным способом, например: «*Полно врать пустяки*» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка). Предложение передает отношение говорящего ко второму лицу.

Таким образом, комплекс синтаксических категорий: синтаксическая модальность, синтаксическое время и синтаксическое лицо — был определен В. В. Виноградовым как **предикативность**.

Различные трактовки понятия. Это базовое для теории предложения понятие «предикативность» по-разному понимается лингвистами.

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 80.

Одни считают, что предикативность — это выражение субъектно-предикатных отношений; в таком случае не находят объяснения односоставные предложения типа: *Тишина*; *Было тихо*; *Рассвело*; *Воды-то!* Другие, вслед за В. В. Виноградовым, определяют предикативность как отнесенность высказывания к действительности, но при этом по-разному оценивается объем понятия. О. Б. Сиротинина выделяет три компонента предикативности: темпоральность, модальность и персональность[1]. Н. Ю. Шведова включает в объем понятия только синтаксическое время и объективную модальность[2]. Есть лингвисты, отрицающие предикативность как грамматическую категорию и предлагающие в основу квалификации предложения положить понятие «целеполагание», например И. П. Распопов, который стремился к последовательному разграничению конструктивно-синтаксического и коммуникативно-синтаксического аспектов предложения; именно в последнем аспекте «предложение характеризуется как единица коммуникации со свойственным ей и формально сигнализируемым сообщительным смыслом» [3].

Интересное развитие понятия предикативности представлено в работах Г. А. Золотовой. На первый взгляд она возвращается к логическому направлению в грамматике: акт мышления, выражаемый предложением, всегда двучленен: некоторому субъекту приписывается некий предикативный признак. Субъекту и предикату мысли-суждения в структуре предложения соответствуют, как правило, два организующих центра, или два главных члена, обозначающих носителя предикативного признака и сам признак (*Ему весело*), который приписывается носителю признака не иначе как в определенном плане времени, модальности и лица, благодаря чему сообщение оказывается отнесенным к внеязыковой действительности. Г. А. Золотова считает, что в таком понимании предикативности получает разрешение мнимая, по ее словам, оппозиция двух трактовок предикативности: как отношения содержания предложения к действительности и как отношения между субъектом и предикатом. Предикативность определяется следующим образом: «Предикативность, характеризующая каждое предложение, и означает предикативное отношение между структурными опорами мысли-предложения — субъектом и предикатом, выражающееся в языковых категориях времени, модальности и лица»[4].

---

[1] *Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису русского языка. — М., 1980. — С. 42—44.

[2] *Шведова Н. Ю.* Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность? / Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. — М., 2005. — С. 143—153.

[3] *Распопов И. П.* Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970. — С. 31.

[4] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982. — С. 24.

Рассмотрим каждую категорию, формирующую основное свойство предложения, подробнее.

Категории, оформляющие предикативность

Модальность — это категория, которая показывает, что отношение сообщаемого к действительности мыслится говорящим или как реальное, или как ирреальное (желаемое, возможное, необходимое, требуемое, условное). Следует разграничивать объективную и субъективную модальность.

Объективная модальность — отношение сообщаемого к тому или иному плану действительности: то, о чем сообщается, мыслится как реальное или как ирреальное. *На улице пляшет дождик. Там тихо, темно и сыро* — реальная модальность, синтаксический **индикатив**. Для предложений с реальной модальностью характерна временная определенность — обязательно отнесение к одному из временных планов.

Видов ирреальной синтаксической модальности больше, чем глагольных наклонений. Например, в АГ-70, РГ-80, РГ-90 выделяются следующие синтаксические наклонения: 1) сослагательное (показывает возможность осуществления действия в неопределенном временном плане: *Надо бы прочитать учебник целиком*); 2) условное (в зависимой части в сложном предложении обозначает нереализованную возможность в неопределенном временном плане: *Прочитал бы он учебник целиком, смог бы ответить на все вопросы*); 3) желательное (выражает эмоционально окрашенное желание говорящего осуществить какое-либо действие в неопределенном временном плане, что передается интонационными средствами: *Только бы* (*вот бы*) *найти этот учебник!*[1]; 4) побудительное (обозначает приказ, требование, просьбу, согласие, их реализация отнесена в неопределенный временной план, при этом используются морфологические и синтаксические формы: *Идите! Пусть он делает уроки! Чтоб в комнате все было в порядке!*); 5) долженствовательное (показывает, что сообщаемое обязательно для осуществления в неопределенном временном плане независимо от воли говорящего: *Все загорают, а я сиди за учебником!*).

Средства выражения модальных значений разнообразны. Ядро составляет морфологическая категория наклонения глагола. Кроме того, модальные значения могут быть выражены синтаксически (специальные структуры, например инфинитивные предложения, вводные слова), лексически, интонационно.

Субъективная модальность, в отличие от объективной, передает отношение говорящего к сообщаемому, например: *Ко-*

[1] Частицы, употребляемые при образовании желательного наклонения, называются синтаксическими.

нечно, я сдам экзамен. Объективная модальность заключается в том, что сообщаемое реально в плане будущего времени. Вводная конструкция *конечно* передает уверенность говорящего в реальности сообщаемого, выражая субъективную модальность.

Синтаксическая модальность отличается от морфологического наклонения. Во-первых, система синтаксических наклонений шире (их пять) и сложнее, чем система морфологических наклонений глагола (их три). Во-вторых, синтаксическое наклонение выражается и в безглагольных предложениях *Тепло*; *Тишина*; *Накурено* — средство выражения значения реальной ситуации проявляется в повествовательной интонации вместе со связкой (в данном случае нулевой). В-третьих, значение требуемого и необходимого действия может передаваться и формой инфинитива, который стоит вне морфологических наклонений.

Темпоральность — это отнесенность содержания предложения к одному из трех временных планов — прошедшему, настоящему или будущему, отправной точкой является момент речи.

Синтаксическое настоящее время означает, что событие реально осуществляется в момент речи или постоянно, что передается глаголом в форме настоящего времени (морфологический способ: *Стоит жара*); формой прошедшего времени (в контексте настоящего для передачи обычного, повторяющегося действия: *У меня такое правило*: *утром встал*, *быстро оделся*, *позавтракал — и до метро*), формой будущего времени глагола (в контексте настоящего — сообщение передается с оттенком вежливости: — *Предложу вам чашечку кофе. — Спасибо. Не откажусь*); безглагольной конструкцией (*Смысл жизни — в любви*, *в детях*, *в труде*...).

Синтаксическое прошедшее время означает, что событие реально предшествовало моменту речи. Способы выражения подобны: форма прошедшего времени (*Улыбка на его лице исчезла*); форма настоящего времени (в контексте прошедшего для придания сообщению живости (*Вчера занимаюсь у себя в комнате и вдруг слышу шум за дверью*); форма будущего времени (применительно к факту прошлого указывает, что действие реально не состоялось в прошлом, из-за чего сообщение приобретает модальный оттенок: *Почему ты не сообщишь родителям о дне свадьбы?*), структура без личной формы глагола (формирует значение неожиданного события, совершившегося в прошлом: *А царица — хохотать и плечами пожимать*).

Синтаксическое будущее время показывает, что действие осуществляется после момента речи, что передается морфологическим способом (*Я начну готовиться к экзамену*); формой настоящего времени глагола (в контексте будущего представляет будущее как очень близкое: *Завтра я лечу в Москву*); формой прошедшего времени + ситуация (будущее представляется как имеющее результат в настоящее время: *Ну*, *я пошел домой*).

Итак, синтаксическая категория времени шире чисто морфологической категории времени.

Персональность является одним из спорных моментов в интерпретации термина «предикативность». Можно ли рассматривать персональность как составляющую соотнесенности содержания предложения с действительностью, или отнести к более частной характеристике структуры предложения, или рассматривать как текстовую категорию?

Каждое предложение — высказывание говорящего лица. Именно говорящий определяет характер предложения: его содержание, структуру, разграничивает объективное и субъективное. Выражая объективное, говорящий отстраняется от излагаемого содержания и в то же время именно он определяет характер объективной модальности. При выражении субъективного говорящий также присутствует в высказывании.

К формам выражения синтаксической категории лица можно отнести личные формы глагола (*Путешествую по стране*); личное местоимение в роли подлежащего (*Я*, *ты*, *он доволен*); структуру предложения (значение синтаксического 3-го лица в предложении *Знание — сила*, отнесенность к собеседнику в предложении *Не видать тебе праздника*, хотя глагол в форме 2-го лица отсутствует); интонацию (приказ собеседнику *Не прислоняться к дверям!* или говорящему лицу *Вот бы поехать на море!*).

Авторы РГ-80 не включают персональность в объем понятия «предикативность». Во-первых, она соотнесена с субъектом, одной из категорий семантики предложения, а в некоторых предложениях субъект может отсутствовать (*Темно*; *Скучно*) или их два: *У них радость — редкий гость*. Во-вторых, субъект может не иметь в предложении специфических грамматических средств своего выражения, поэтому и говорящее лицо не получает форм выражения, что иллюстрируется примером: *Упрек!.. Скучно... Но я его заслужил* (М. Лермонтов). Установление лица упрекающего и лица реагирующего возможно только на основе контекста употребления предложения.

Действительно, персональность можно рассматривать двояко. С одной стороны, распространить данное понятие на собственно грамматическую структуру предложения, т. е. соотнести категорию лица с представленностью грамматического или семантического субъекта. Для двусоставных предложений такая возможность трактовки очевидна. Для односоставных предложений, в трактовке А. А. Шахматова, в одних случаях следует признать значимое отсутствие грамматического субъекта (спрягаемо-глагольный класс), а в других — слитность, нерасчлененность субъекта и его предикативного признака (безличные и номинативные предложения). С позиций Г. А. Золотовой, все предложения являются двусоставными, так как для субъекта допускается любая грамматическая

форма (косвенные падежи, а не только типичный для подлежащего именительный падеж), поэтому исследователь включает персональность в понятие предикативности[1].

С другой стороны, категория синтаксического лица проявляется как авторизованность высказывания в тексте. В полной мере предикативность как общее свойство простого предложения конкретизируется в тексте. Существует определенный параллелизм в предложенческих и текстовых категориях: понятию темпоральности на уровне простого предложения соответствует таксис на уровне текста (таксис — «языковая категория, характеризующая временные отношения между действиями (в широком смысле, включая любые разновидности предикатов): одновременность/неодновременность, прерывание, соотношение главного и сопутствующего действия и т. п.»[2]), а понятию персональность — субъектная перспектива.

С понятием предикативности связано и учение о парадигме (системе форм) простого предложения Н. Ю. Шведовой (см. гл. 2, п. 5, § 2 «Парадигма предложения как система его форм»).

§ 3. Традиционные аспекты классификации простого предложения

В предложении реализуются фундаментальные (коммуникативная и логическая) и частные функции языка. Логическая (язык — средство выражения мысли) и коммуникативная функции языка определяют содержание, структуру и прагматический компонент предложения: именно посредством предложения говорящий выражает свои мысли об окружающей его действительности и воздействует на адресат. Такая производная от логической частная функция языка, как номинативная (или референциальная, денотативная), т. е. обозначение внеязыковых категорий, также реализуется в предложении: оно обозначает ситуацию, называет событие, констатирует факт. Производные от коммуникативной эмотивная (выражение говорящим своего отношения к высказываемой мысли), конативная (усвоение), волюнтативная (воздействие на адресат речи) функции языка находят отражение именно в предложении. Другие частные функции языка (поэтическая, фатическая, т. е. функция установления контакта с собеседником, металингвистическая, т. е. функция описания языка в терминах самого языка) связаны с типами речевых актов, поэтому на синтаксическом уровне реализуются

---

[1] *Золотова Г. А.* и др. Коммуникативная грамматика... — С. 104.

[2] *Бондарко А. В.* Таксис // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М, 1990. — С. 503. См. также: Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. — Л., 1987 (М., 2001). — С. 234.

в определенном виде текста. Реализация с помощью предложения всех перечисленных функций языка[1] определяет многообразие аспектов характеристики данной синтаксической единицы.

Традиционные аспекты классификации простого предложения отражают различные этапы научного осмысления данной единицы синтаксиса: это характеристика предложения с точки зрения:

целеполагания — функционально-прагматический аспект;

эмоциональной окрашенности — отражение состояния говорящего лица;

структурной организации: выделяемость главных и второстепенных членов предложения, полнота структуры в конкретном тексте, виды осложнения структуры предложения (см. I и II главы следующего раздела учебника).

Соотношение аспектов описания предложения друг с другом показывает разную степень самостоятельности и самодостаточности той или иной характеристики. Остановимся на тех аспектах характеристики, которые не нашли отражения в дальнейшем изложении материала.

Различия предложений по цели высказывания. Характеристика предложения по цели высказывания отражает один из начальных этапов[2] осмысления предложения как коммуникативной единицы. В основе данного деления лежит характеристика интенции (цели) говорящего, который может сообщать информацию (повествовательные предложения), запрашивать информацию у собеседника (вопросительные предложения) или воздействовать на собеседника, добиваясь исполнения своей воли (побудительные предложения). Приведем в качестве примера отрывок из рассказа А. П. Чехова «День за городом». *В графской роще Данилка засунул в дупло руку и вытащить теперь не может* — повествовательное предложение, сообщение информации. *Поди*, *дяденька*, *вынь ему руку*, *сделай милость!* — побудительное, выражение просьбы. *Как же это он руку засунул? Зачем?* — вопросительные, запрос информации у собеседника.

Выделение данных типов предложения учитывает грамматические средства оформления целеполагания, интонацию и порядок слов, причем маркированными элементами в данной классификации являются вопросительные и побудительные предложения, а самые распространенные в речи повествовательные предложения минимально охарактеризованы: если сообщение информации эмоционально не окрашено, оно оформляется интонацией со спокойным понижением тона в конце: *Вы внимательно прочитали эту статью*↓.

---

[1] См.: *Слюсарева Н. А.* Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 564—565.

[2] Уже в V в. до н. э. Протагор выделял вопрос, ответ, поручение, просьбу; стоики разграничивали отрицательные и утвердительные предложения (аксиомы), общий и частный вопросы, повеление, заклинание, клятву, обращение.

Для вопросительных предложений, основная сфера функционирования которых — разговорная речь, характерно повышение тона на слове, с которым связан вопрос и соответственно ответ на него: *Вы↑ внимательно прочитали эту статью?* (*Конечно*, *я*); *Вы внимательно↑ прочитали эту статью?* (*Да*, *очень внимательно*); *Вы внимательно прочитали↑ эту статью?* (*Да*, *прочитал*, *но не законспектировал*); *Вы внимательно прочитали эту↑ статью?* (*— Да*, *эту статью*, *но я не все в ней понял*); *Вы внимательно прочитали эту статью↑?* (*Да*, *она мне нужна для курсовой работы*). Для оформления вопроса используются не только интонационные средства, как в рассмотренных примерах, но и вопросительные частицы: *разве* (*Разве он не пришел?*), *неужели* (*Неужели он забыл?*), *ли* (*Знал ли он о встрече?*), *не... ли* (*Не забыли ли вы его предупредить?*), *как* (*Как отказался?*) и др., вопросительные местоимения *что* (*О чем он только думает?*), *кто* (*Кто его заменит?*), *какой* (*Какой знакомый?*), *чей* (*Чье это решение?*) и др., наречия *где* (*Где он работает?*), *когда* (*Когда он сможет приехать?*), *сколько* (*Сколько времени это займет?*) и др.

Грамматическими средствами оформления побудительности являются форма повелительного наклонения глагола-сказуемого (*Позовите его*) или инфинитив (*Позвать его!*), императивные частицы (*Пусть поторопится*, *Да чтоб не забыл ничего*, *Ну-ка позвони ему* и т. п.). В зависимости от грамматического оформления и лексического наполнения побуждение выражается с разной степенью категоричности.

В речи наблюдается употребление предложений с одним оформленным целеполаганием в функции другого, например повествовательного или вопросительного в значении побудительного: *Прошу вас зайти завтра*; *Вы не зайдете ко мне завтра?* В связи с этим выделяют собственно вопросительные предложения[1], требующие обязательного ответа (общевопросительные и частновопросительные), и несобственно вопросительные, не направленные на получение информации: риторический вопрос-утверждение (*Как не помочь другу? = Другу нужно помочь*), риторический вопрос-отрицание (*Кто так готовится к занятиям? = Никто так к занятиям не готовится*), вопрос-побуждение (*Вы не могли бы повторить вопрос? = Повторите*, *пожалуйста*, *вопрос*).

Традиционная (функциональная[2]) классификация предложений по цели высказывания проводится на разных основаниях[3]; кроме

---

[1] См. детальное описание вопросительных предложений (собственно-вопросительные, удостоверительно-вопросительные, предположительно-вопросительные) в кн.: *Распопов И. П.* Строение простого предложения... — С. 88—95.

[2] Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. — Ч. 2 / под ред. Е. И. Дибровой. — М., 2001. — С. 422—426.

[3] *Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису русского языка. — М., 1980. — С. 98—101; Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — С. 623—626; *Распопов И. П.* Очерки по теории синтаксиса. — Воронеж, 1973. — С. 31—34.

того, она учитывает специфику предложения, включенного в речевой акт, т.е. специфику высказывания[1], а не предложения в строгом понимании термина.

Во-первых, вопросительные и побудительные предложения, в отличие от повествовательных, характеризуются адресованностью: прямое назначение вопроса — получить ответ, побуждения — вызвать ответное действие адресата.

Во-вторых, очевидно противопоставление вопросительных и невопросительных (повествовательных и побудительных) предложений, так как признак вопросительности/невопросительности имеет грамматическое и интонационное оформление, что получило отражение в раздельном описании структуры данных предложений в АГ-80[2].

В-третьих, в традиционной классификации не получили отражения обладающие своим модальным значением и особыми грамматическими признаками (частицы в их составе называют оптативными) оптативные предложения, выражающие желательность и не тождественные побудительным предложениям, например: *Только бы он пришел! Хоть бы он пришел!* В АГ-70 и РГ-80 побудительность и желательность рассматриваются как ирреальные синтаксические наклонения и включаются в описание парадигм невопросительных и вопросительных предложений.

В-четвертых, если повествовательные и побудительные предложения могут быть противопоставлены по признаку реальной/ирреальной модальности, то в вопросительных предложениях данный признак нейтрализуется: вопрос может содержать запрос как о реальном факте, так и об отношении к ирреальному. Ср.: *Он вчера сдавал экзамен?* и *Ты бы смог проспать экзамен?*

О. Б. Сиротинина, учитывая недостатки традиционной классификации, выделяет другие три типа предложения по целеустановке: предложения, направленные на сообщение или получение информации (повествовательные и вопросительные), предложения, направленные на побуждение к действию (побудительные), предложения, содержащие пожелание (оптативные)[3].

Новый ракурс использования данной классификации представлен в работах О. Б. Йокояма. Оценивая деление предложений на повествовательные, вопросительные, повелительные и восклицательные как основанное на грамматических характеристиках и учете особенностей употребления, она не усматривает информационных различий в следующих предложениях: в повелительном *Передай мне соль*, в вопросительном с силой императива *Не могли бы вы передать мне соль?*, в повествовательном с силой императива

---

[1] *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). — М., 1985. — С. 4.

[2] Русская грамматика: в 2 т. — Т. II. — М., 2005. — С. 386—401.

[3] *Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису... — С. 100—101.

Я была бы вам признательна, если бы вы передали мне соль, в восклицательном с силой императива *Соль, черт возьми!*[1]. На данном основании О. Б. Йокояма предлагает классификацию высказываний в рамках модели дискурса (когнитивной модели передачи знаний), т. е. описание высказываний не как синтаксических единиц, а как элементов коммуникативной деятельности людей, что позволило автору по-новому осветить особенности порядка слов в русском языке в предложениях с различным целеполаганием.

В то же время традиционное деление предложений по цели высказывания остается целесообразным для школьного обучения: на основе данных понятий объясняется постановка знаков конца предложения.

Восклицательные и невосклицательные предложения. В зависимости от эмоционально-экспрессивной окраски предложения делятся на восклицательные и невосклицательные. Данная характеристика учитывает выраженность акцентированной эмоциональности или ее отсутствие.

В восклицательных предложениях передаются различные чувства: радость, удивление, недоумение, гнев и т. д., что выражается с помощью интонации: *Я ищу свободы и покоя! Я б хотел забыться и заснуть!* (М. Лермонтов); междометий (*ух*, *увы*, *тьфу* и др.): *Ах! я любил тогда безнадежной*, *горестной любовью...* (И. Тургенев); восклицательных частиц (*ну*, *о*, *куда как* и др.): *Гниет беллетристика! Как пекут романы! Как противно стало читать эти романы!<...> Да здравствуют дневники!* (Ю. Олеша).

В академических грамматиках данный аспект характеристики предложения занимает периферию. В АГ-54 они описаны в разделе «Виды предложений по цели высказывания»[2]. В РГ-80 данный аспект характеристики предложения дается в связи с описанием средств выражения в предложении субъективно-модальных значений[3].

Так как восклицательными могут быть повествовательные, вопросительные, побудительные предложения, данная характеристика предложения традиционно дается как самостоятельная. Графически восклицательные предложения оформляются восклицательным знаком.

Структурная характеристика предложения. Структурная характеристика является основной в синтаксическом описании. Конструктивный аспект описания предложения, который нашел отражение уже в первых грамматических описаниях русского языка, предполагает выделение главных членов предложения и на этом основании определение структуры предложения как двусо-

---

[1] *Йокояма О. Б.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. — М., 2005. — С. 114—115.

[2] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 367—369.

[3] Русская грамматика. — Т. II. — С. 214—217; 223—228.

ставного или односоставного, характеристику распространения главных членов второстепенными, выявление синтаксической полноты/неполноты структуры, характеристику видов осложнения предложения. При таком подходе предложение анализируется с минимальным учетом контекста его употребления, что позволяет на данном основании создать типологии простого предложения. В зависимости от осмысления минимума структурно необходимых компонентов предложения даются различные классификации простого предложения.

Коммуникативный и семантический аспекты характеристики предложения. Названные аспекты были выделены в качестве самостоятельных значительно позднее традиционных: первый получил развитие в отечественной русистике в 50—60-е гг. XX в. под влиянием работ ученых пражского лингвистического кружка, интенсивное изучение семантического аспекта предложения начинается несколько позднее.

Структурный аспект характеристики предложения не учитывает особенностей функционирования предложения в речи, не отражает различных стратегий говорящего, который распределяет информацию в предложении по степени значимости для конкретного акта коммуникации. Коммуникативный синтаксис изучает свойства предложения как коммуникативной единицы, описывает актуализацию определенных компонентов сообщения как наиболее значимых, что проявляется в тема-рематическом членении предложения (см. IV главу следующего раздела учебника). Данный подход позволяет описать предложение как элемент речевого акта или текста.

Семантический синтаксис ориентирован на изучение содержания синтаксических единиц, выявление особенностей их смысловой организации, учет которой в конструктивном аспекте минимален (о семантической организации предложения см. III главу следующего раздела учебника).

Место отрицания / утверждения в характеристике предложения. За рамками данного обзора осталась характеристика предложений (модально-предикативная[1]) в зависимости от того, дается ли в предложении констатация ситуации в реальности (утвердительные предложения), или в предложении отрицается факт бытия в реальности (отрицательные предложения). Ср. два предложения, открывающие рассказ Тэффи «Модный адвокат»: *В этот день народу в суде было мало* (утверждение факта) и *Интересного заседания не предполагалось* (отрицание). В подобной оппозиции маркированным членом является отрицательное предложение, так как отрицание имеет формальное средство выражения (частица *не*). Такую же роль может играть специальное интонирование: *Буду я*

[1] *Скобликова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс). — М., 2006. — С. 47.

смотреть этот пустой телесериал! = Не буду я смотреть этот пустой телесериал! А. М. Ломов определяет утверждение/отрицание как синтаксическую категорию, характеризующую и двусоставные, и односоставные предложения[1].

При всей специфике грамматического выражения отрицания в русском языке (удвоенное отрицание, типичное для русского языка (*Я никого здесь не знаю*), невозможно, например, в английском) данная характеристика не является самостоятельным аспектом описания предложения: она отнесена на периферию в академических грамматиках[2] и за редким исключением[3] практически не отражена в вузовских учебниках.

Многообразие аспектов описания предложения отражает этапы его осмысления как единицы языка и речи. На современном этапе наметилась тенденция не к разграничению различных аспектов описания предложения, а к их синтезу.

Рекомендуемая литература

Грамматика русского языка: в 2 т. / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. — Т. II. — Ч. 1. — М., 1954; 2-е изд. — М., 1960. — С. 64—83; 367—369.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982. — С. 15—38.

Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. — М., 2005. — С. 113—160.

Ломов А. М. Типология русского предложения. — Воронеж, 1994. — С. 53.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956. — С. 165—180.

Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970. — С. 4—31; 84—98.

Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Т. II. — М., 1980; 2-е изд. — М., 2005. — С. 85—88; 214—217; 223—228; 386—401.

Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. — М., 1980. — С. 42—50; 93—109.

Слюсарева Н. А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 564—565.

Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 1989. — С. 623—626.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц / под ред. Е. И. Дибровой: в 2 ч. — Ч. 2. — М., 2001. — С. 422—426; 430—434.

Тестелец Я. Г. Синтаксические теории // Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. — М., 2001 — С. 469—721.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941. — С. 19—32.

---

[1] *Ломов А. М.* Типология русского предложения. — Воронеж, 1994. — С. 53.

[2] Русская грамматика. — Т. II. — С. 402—418.

[3] См. классификацию предложений по характеру предикативных отношений в кн.: Современный русский язык... / под ред. Е. И. Дибровой. — С. 430—434.

Глава 2
Описание структуры простого предложения в русском синтаксисе XIX — XX вв.

1. Двусоставные предложения

§ 1. Понятия «член предложения» и «членимость предложения»

Учение о членах предложения. В традиции русского синтаксиса описание структуры простого предложения базируется на понятии «члены предложения» — «это синтаксические категории, возникающие в предложении на основе форм словосочетания и отражающие отношения между структурными элементами предложения»[1]. В зависимости от выполняемой в структуре предложения функции члены предложения делятся на главные (подлежащее и сказуемое в двусоставном предложении и главный член односоставного предложения) и распространяющие их второстепенные члены (дополнение, определение, обстоятельство).

Термин «член предложения» употребляется в синтаксических описаниях с начала XIX в.[2] Первая полная система членов предложения, включавшая подлежащее, сказуемое, связку и в их составе дополнение, определение, была предложена Н. И. Гречем в «Практической русской грамматике». Описание членов предложения А. А. Потебни и А. М. Пешковского отличает морфологический подход: они уделяли внимание роли определенных частей речи в структуре предложения.

А. А. Шахматов в основу описания членов предложения положил синтаксические отношения[3]: предикативные, объектные, ат-

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 88.

[2] В соответствии с греческой традицией сначала употребляли в данном значении термин «части слова», М. В. Ломоносов предложил термин «части речи», который к концу XVIII в. был вытеснен термином «член предложения».

[3] В предложении *В нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда какие-то прелестные птички* А. А. Шахматов (см. его «Синтаксис русского языка», с. 37—42) выделял два господствующих состава: 1) *в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда* и 2) *какие-то прелестные птички*. Первый состав представлен главным членом *свили* и зависимыми от него второстепенными членами (*в саду*, *нашем*, *на деревьях*, *высоких*, *ближе к пруду*, *себе*, *гнезда*), второй — главным членом *птички* и зависимыми от него второстепенными (*какие-то*, *прелестные*). «Предикативные отношения имеют место только между двумя главными членами предложения — подлежащим и сказуемым». На основе объектных отношений А. А. Шахматовым были выделены прямые и косвенные дополнения (*мальчик попросил* ***воды***; *дети обрадовались* ***игрушкам***), на основе атрибутивных отношений — определения и приложения (*надо взять* ***железный*** *молоток*; *рыба* ***пескарь*** *водится*

рибутивные, предикативно-атрибутивные, релятивные — и в соответствии с ними выделил подлежащее и сказуемое, дополнение, определение (в том числе и приложение), предикативные (т.е. обособленные, в современной трактовке) определение и приложение, обстоятельство.

В АГ-54 синтаксическая теория членов предложения была обобщена: охарактеризованы формальный и смысловой принципы разграничения членов предложения, выявлены характер синтаксической связи и синтаксических отношений между ними, намечена перспектива их дальнейшего изучения. Принципиальным являлось разграничение главных членов, в основе выделения которых лежит формальный критерий, и второстепенных членов. Главные члены характеризовались как компоненты, входящие в предикативную основу предложения: комплекс сказуемого и подлежащего формирует основу двусоставного предложения (*Наступила долгожданная весна*), один главный член формирует основу односоставного предложения (*Слезами горю не поможешь*; *Вам звонили*; *На улице холодно*; *Мороз*). Главные члены предложения являются основными носителями предикативности. Структурные свойства главных членов предложения определялись на основе характеристики морфологического способа выражения, характера связей и синтаксической позиции в структуре предложения, т.е. места, занимаемого полнознаменательным словом в микроструктуре предложения[1].

Дискуссионным весь этот период оставался вопрос о принципе классификации второстепенных членов предложения: односторонне учитывался или формальный признак (морфологическая природа члена предложения), или смысловой. Трудности вызывали синкретичные члены предложения, совмещавшие, например, объектные и определительные отношения.

На современном этапе развития учения о членах предложения (с 60-х гг. XX в.) центр внимания перемещается с второстепенных на главные члены предложения, прежде всего на подлежащее[2]. Отличительной особенностью структурного подхода, представленного в АГ-70 и РГ-80, является внимание к синтаксическим отноше-

---

в нашем пруду), атрибутивно-предикативных — предикативное определение (***Занятый этой мыслью***, *он вышел в поле*) и предикативное приложение (*Это напомнило Париж*, ***бесспорно столицу Европы***), на основе релятивных отношений — обстоятельства (*Он ищет чего-то* ***впотьмах***).

[1] *Ломов А.М.* Словарь-справочник... — С. 308.

[2] См., например, работы: *Золотова Г.А.* О главных членах предложения: дискуссионные вопросы // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова: вопросы русского языкознания. — Вып. VIII. — М., 2000. — С. 11—23; *Лекант П.А.* Что такое подлежащее? // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. статей. — М., 2002. — С. 129—134; *Козел Н.Я.* К вопросу о подлежащем и субъекте // Там же. — С. 140—143.

ниям, позволяющим вскрыть значения строевых компонентов предложения.

В. В. Бабайцева в определение членов предложения включает структурные, семантические свойства членов предложения и их тема-рематическую нагрузку[1].

Характер членимости предложения. «Членение, предполагающее разграничение грамматического центра (подлежащего и сказуемого или одного главного члена в односоставном предложении) и грамматической периферии (определения, дополнения, обстоятельства)»[2], которое противопоставляется актуальному (тема-рематическому) членению, называют синтаксическим членением предложения.

В соответствии с выделяемыми главными членами, формирующими грамматическую основу, предложения характеризуются как членимые или нечленимые, т. е. такие, в которых «словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия»[3], в них невозможно выявить члены предложения и охарактеризовать их. Ср.: — *Я также могла бы служить вместе с тобой, скажем, в буфете*[1]. — ***Ни за что***[2]. *Пока я жив*[3], *ты служить не будешь*[4] (А. Грин). Предложения 1, 3 и 4 являются двусоставными (в них выделяется грамматическая основа, состоящая из подлежащего и сказуемого), а в предложении 2, усиленно выражающем несогласие с помощью частицы[4], равной *нет*, определить и охарактеризовать грамматическую основу невозможно.

Таким образом, традиционный синтаксис характеризует предложения по степени членимости как членимые (двусоставные или односоставные, распространенные или нераспространенные второстепенными членами), и нечленимые (табл. 6).

Выделение нечленимых предложений в самостоятельный структурный тип является спорным. А. М. Пешковский подчеркивал, что побудительные слова, ответные реплики (*да*, *нет* и т. п.), разные виды божбы, ругательств, извинений и междометия не являются знаками представлений, поэтому такие одиночные слова и сочетания нельзя считать предложениями, хотя бы и неполными: «...это только фразы, т. е. интонационные единицы, но не грамматические»[5]. Тем не менее они нашли отражение в АГ-54 в описании односоставных предложений.

---

[1] *Бабайцева В. А.* Система членов предложения в современном русском языке. — М., 1988; *Она же.* Современный русский язык / под ред. Е. И. Дибровой. — Ч. 2. — М., 2001.

[2] *Ломов А. М.* Словарь-справочник... — С. 315.

[3] Русская грамматика. — Т. II. — С. 383.

[4] Частицы, служебные части речи, не могут, в отличие от слов знаменательных частей речи, выполнять функции члена предложения.

[5] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — С. 410—411.

Таблица 6

Характеристика предложений по степени членимости

Предложения				
членимые				нечленимые
двусоставные		односоставные		
нераспространенные	распространенные	нераспространенные	распространенные	
Пошел дождь.	*Вдруг пошел дождь.*	*Дождь.* *Прохладно.*	*Люблю дождь.* *Слезами горю не поможешь.* *Вам звонили.* *На улице прохладно.*	*Увы!* *Черт побери!* *Как бы не так!*

Нечленимые предложения не имеют номинативного значения и выделяются в самостоятельный тип не во всех современных синтаксических описаниях[1]. Данные конструкции по-разному определяются и терминологически: нечленимые предложения[2], слова-предложения[3], коммуникаты[4], коммуникемы[5].

Нечленимые предложения (слова-предложения). Это предложения, в которых не выделяются члены предложения — ни главные, ни второстепенные. Основным их структурным признаком является то, что они состоят из одного слова или из сочетаний частиц. Это могут быть:

частицы *да* и *нет*, выражающие согласие или несогласие;

модальные слова и модальные частицы: *конечно*, *вероятно*, *пожалуй*, *может быть*, *едва ли* и др.;

междометия: *ну!*, *цыц!*, *батюшки!*, *увы*, *ах*, *ну и ну*, *надо же* и др.;

фразеологизмы со значением согласия/несогласия, побуждения, эмоциональной оценки: *как бы не так!*, *еще бы!*, *держи карман шире!*, *то-то и оно!* и др.

Несмотря на отсутствие выделяемых членов предложения, слова-предложения не являются неполными. Они обладают в разговорной речи особой функциональной нагрузкой: восполняют недостающие

---

[1] Например, им отказано в предложенческом статусе в учебнике: Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой.

[2] *Скобликова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. — С. 178—185; Современный русский язык... Ч. 2. / под ред. Е. И. Дибровой. — С. 353—359.

[3] *Ляпон М. В.* Слова-предложения // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1998. — С. 492—494. См. также: *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка. — М., 1978.

[4] *Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису... — С. 93—98.

[5] *Меликян В. Ю.* Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. — М., 2001. — С. 6—11.

средства коммуникации, эмоционально-экспрессивны, способствуют максимальной компрессии передаваемой собеседнику информации, при этом не содержат конкретного высказывания. Как правило, в диалоге они выражают согласие или несогласие с каким-либо высказыванием собеседника, эмоциональную реакцию на высказывание, побуждение к действию, утверждение или отрицание. С учетом функции в речи выделяются следующие типы слов-предложений:

1) утвердительные: *А ты будешь с нами обедать? — **Ну а как же!*** (А. Чехов);

2) отрицательные: *Я вам скажу, где Коля. — **Ни-ни-ни!** — вскинулся и засуетился впопыхах Лебедев* (Ф. Достоевский); *— А все-таки мы тебя вылечим! — **Ну**, **это дудки*** (*прост.*) (И. Тургенев);

3) вопросительные: *Приходите завтра вечером в гости. **Ладно?**; Я прыгнул с трамплина. — **Ну как?***

4) междометные эмоционально-оценочные: *Ты будешь прыгать с трамплина? — **Вот еще!** — Я прыгну с трамплина. — **Надо же!***

5) междометные побудительные: ***Караул!** Режут! — закричал он* (А. Чехов).

На периферии односоставных и нечленимых предложений оказываются и так называемые вокативные предложения, выражающие негативное отношение к поведению лица (призыв к прекращению действия, несогласие с собеседником, укор, негодование, сожаление) и состоящие из одного имени существительного; например, сестра говорит младшему брату, разбросавшему игрушки: *Петя!* В подобном высказывании выражается и негативная оценка поведения адресата, и запрет. Так как средство выражения единственного компонента таких конструкций — слово знаменательной части речи, они могут быть отнесены к односоставным предложениям (см. п. 2 данной главы «Односоставные предложения»).

Сложность квалификации нечленимых предложений определяется и неоднородностью конструкций, выполняющих одинаковую функцию — выражение эмоционального отношения к чужому высказыванию. Одни структуры обладают неноминативной семантикой, т. е. не выражают суждения, например: *— Послушай, Илья Фомич, знаешь ли что? Поезжай ты сам. — **Ну**, **вот еще**: с ума сошел разве?* (Н. Гоголь). Другие обладают номинативной семантикой и выражены фразеологизированной конструкцией, например: *Вы хотите в отпуске поехать на Байкал? — **Ну как не хотеть?*** Такие построения обозначают термином «фразеосхема»[1], в РГ-80 они описаны как предложения фразеологизированной структуры[2] (см. гл. 3, § 1 настоящего раздела).

---

[1] *Шмелев Д. Н.* Синтаксически связанные конструкции — фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. — М., 1976.

[2] Русская грамматика. — Т. II. — С. 383—386.

§ 2. Главные члены предложения

Подлежащее

Определение подлежащего в качестве одного из главных членов традиционно учитывает и его роль в смысловой организации предложения, и формальные признаки. АГ-54 дает следующее определение: «***Подлежащее*** — это главный член двусоставного предложения, грамматически не зависимый от других членов предложения, выражаемый обычно именем существительным, местоимением или другим склоняемым словом в форме именительного падежа и обозначающий предмет (в широком смысле этого слова), признак (действие, состояние, свойство, качество) которого определяется в сказуемом»[1].

Указание на формальные признаки подлежащего необходимо, поскольку предмет речи и то, что о нем сообщается в предложении, не всегда соответствуют подлежащему и сказуемому. В одних случаях предмет речи действительно обозначается подлежащим, а приписываемый ему признак — сказуемым, в других случаях предмет речи выражается второстепенным членом предложения, например: *Чарский был один из коренных жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лет*; *он не был женат*; *служба не обременяла его* (А. Пушкин). В первом предложении имя собственное в форме именительного падежа обозначает предмет речи, оно и является подлежащим (*Чарский*). В предложении *Ему не было еще тридцати лет* подлежащего (в традиционном понимании) нет, хотя предмет речи обозначен (*ему*). Таким образом, форма выражения существенна для выделения подлежащего, а форма именительного падежа считается наиболее независимой формой, специально предназначенной для выражения одного из компонентов предикативного минимума.

С точки зрения значения подлежащее принято определять как главный член двусоставного предложения, обозначающий предмет, признак которого выражается сказуемым[2]. Подлежащее как член предложения может совпадать или не совпадать с субъектом как компонентом смысловой организации предложения и с темой сообщения на уровне коммуникативной организации. Ср.:

1. *Сестра пошла в магазин.* Подлежащее *сестра* является субъектом, а также темой (если предложение сообщает о местонахождении сестры).

2. *Сестре стало холодно.* Существительное *сестра* является субъектом состояния, темой сообщения (при ответе на вопрос *Почему сестра закрыла окно?*), но в предложении выполняет функцию второстепенного члена (дополнения).

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 370.

[2] *Распопов И. П.*, *Ломов А. М.* Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. — Воронеж, 1984. — С. 202.

3. *Сестру я уже давно не видел.* Существительное *сестра* не является ни подлежащим, ни логическим субъектом, однако выражает тему сообщения (при ответе на вопрос *Как дела у твоей сестры?*).

Существительное *сестра* является подлежащим только в первом из вышеприведенных предложений, где оно обозначает предмет, которому приписывается признак, обозначенный сказуемым. Определения главных членов двусоставного предложения оказываются, таким образом, взаимосвязаны.

Подлежащее может выражаться словами различных частей речи. Это может быть:

1. Имя существительное в форме именительного падежа (типичная форма выражения подлежащего), например: *Дикий* ***бурьян*** *чернел кругом и глушил все своею густотою* (Н. Гоголь). ***Пот*** *выступил на лице рассказчика* (Н. Гоголь).

2. Местоимение, например: *Но вот почувствовала* ***она***, ***кто-то*** *дернул ее за шитый рукав сорочки* (Н. Гоголь). ***Все*** *боязливо стали осматриваться вокруг и начали шарить по углам* (Н. Гоголь).

3. Прилагательные и причастия, подвергшиеся субстантивации, например: ***Больной*** *указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева* (А. Пушкин). ***Домашние*** *повиновались, и тогда все обратились к Грише...* (А. Пушкин). *Гроб опустили в могилу, все* ***присутствующие*** *бросили в нее по горсти песку, яму засыпали, поклонились ей и разошлись* (А. Пушкин).

4. Глагол в неопределенной форме, например: — *Бедная, бедная моя участь, — сказал он* [Дубровский. — *В. К.*], *горько вздохнув. — За вас отдал бы я жизнь,* ***видеть*** *вас издали,* ***коснуться*** *руки вашей было для меня упоением* (А. Пушкин). Подлежащее, выраженное неопределенной формой глагола, обычно стоит перед сказуемым и отделяется от него паузой[1]. Фактор порядка слов традиционно считается определяющим в том случае, когда сказуемое выражено кратким прилагательным, например: ***Оставаться*** *ей* [Марье Ивановне. — *В. К.*] *в крепости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабриным, было невозможно* (А. Пушкин). Ср.: *Было невозможно оставаться в крепости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабриным.* Здесь уже односоставное безличное предложение, главный член которого выражен словом категории состояния *невозможно* со связкой *было* и инфинитивом *оставаться.*

5. Числительное, например: *Турки распорядились.* ***Четверо*** *вынули свои ятаганы и начали копать землю.* ***Трое*** *остались на страже* (А. Пушкин).

6. Слова других частей речи. В определенном контексте другие части речи также могут выступать в значении подлежащего, например: *Это твое вечное* «***почему***» *меня раздражает* (наречие); «***Но***» *— это сочинительный союз* (союз); *Вдалеке послышалось* «***ау***» (междометие).

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1.

Подлежащее может быть выражено словосочетанием. Типичными случаями такого способа выражения подлежащего являются следующие:

1) сочетание числительного с существительным в родительном падеже, например: *Дубровский пошел далее. **Два человека** приблизились к нему*; *они его окликали* (А. Пушкин). *Прошло **несколько дней**, и вражда между двумя соседями не унималась* (А. Пушкин);

2) сочетание существительного с количественным значением с существительным в форме родительного падежа, например: ***Множество узелков** и **мешков** с семенами*, *цветочными*, *огородными*, *арбузными*, *висели по стенам* (Н. Гоголь);

3) сочетание существительного со значением совокупности лиц или предметов с существительным в форме родительного падежа, например: *В это время большой паром начал причаливать к берегу. Стоявшая на нем **куча людей** еще издали махала руками* (Н. Гоголь);

4) сочетание существительного или местоимения в именительном падеже с существительным или местоимением в творительном падеже с предлогом *с*, например: ***И отец с сыном***, *вместо приветствия после давней отлучки*, *начали садить друг другу тумаки и в бока*, *и в поясницу*, *и в грудь*, *то отступая и оглядываясь*, *то вновь наступая* (Н. Гоголь);

5) сочетание числительного или местоимения с существительным (или словом другой части речи, выступающей в значении существительного) с предлогом *из*, например: *Неплатившего должника приковывали цепью к пушке*, *где должен был он сидеть до тех пор*, *пока **кто-нибудь из товарищей** не решался его выкупить и заплатить за него долг* (Н. Гоголь);

6) сочетание со значением приблизительного количества, например: ***Человек десяток казаков** отделились тут же из толпы...* (Н. Гоголь).

В роли одного члена предложения — подлежащего — выступают также фразеологические сочетания и устойчивые сочетания терминологического характера, например: ***Великая княжна** засмеялась и покраснела* (А. Пушкин).

Наконец, позицию подлежащего может занимать предложение, например: ***Так все делают** — не аргумент*[1].

Сказуемое

Общая характеристика. АГ-54 определяет сказуемое следующим образом: «***Сказуемое*** — это главный член двусоставного предложения, грамматически зависящий от подлежащего, обычно выражающийся личной формой глагола, именем существительным,

[1] Пример из РГ-80 (Т. II. — С. 286).

именем прилагательным или причастием и обозначающий признак (действие, состояние, свойство, качество) того предмета, который выражен подлежащим»[1].

Обратим внимание на то, что в приведенном определении отражена точка зрения, согласно которой сказуемое находится в грамматической зависимости от подлежащего; в настоящее время связь между главными членами двусоставного предложения принято характеризовать как связь взаимонаправленную.

Синтаксическое значение сказуемого определяется как выражение предикативного признака, который приписывается предмету, названному подлежащим[2]. Признак понимается при этом широко, включая такие значения, как действие, состояние, свойство, качество, например: *Собака лает. Собака спит. Собака соседей большая. Эта собака — коккер. Эта собака дрессированная.* Особенностью признака, обозначаемого сказуемым, является то, что этот признак приписывается подлежащему в момент речи, например: *Злая собака охраняет соседний дом.* Признак, выражаемый сказуемым (*охраняет*), приписывается предмету, обозначенному подлежащим (*собака*); между подлежащим и сказуемым устанавливаются предикативные отношения, свойственные предложению. Признак, выраженный в вышеприведенном предложении прилагательным (*злая*), представлен как признак, заранее установленный; в словосочетании *злая собака* — определительные отношения.

По сравнению с подлежащим сказуемое отличается бóльшим разнообразием как в структурном отношении, так и с точки зрения способов морфологического выражения. Наблюдения над особенностями строения сказуемого в русском языке представлены в трудах А. А. Потебни[3] и А. А. Шахматова[4]. Типология сказуемого, детально разработанная А. М. Пешковским[5], легла в основу традиционного описания простого предложения.

При разграничении типов сказуемого учитываются как морфологическая природа главного члена, так и его структура. В качестве основных типов выделяют простое глагольное, составное глагольное и составное именное сказуемое[6]. Рассмотрим указанные типы, обращая внимание на способы выражения главного члена.

Простое глагольное сказуемое. Типичная форма выражения сказуемого — глагол в личной форме, например: *Прошлой осенью хо-*

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 386—387.

[2] *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — 3-е изд. — М., 2004. — С. 41.

[3] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. — Т. I—II. — М., 1958. — С. 110—120.

[4] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — 2-е изд. — Л., 1941. — С. 177—183 и др.

[5] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — С. 183—282.

[6] См., например: *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения... — С. 49—110.

зяин ***посадил*** *под окошечками три куста акации* (И. Бунин). Сказуемое, выраженное аналитической формой слова, также является простым глагольным, например: — *Ну, что ж теперь мы* ***будем делать****? — сказал Тарас, смотря прямо ему* [Андрию. — *В. К.*] *в очи* (Н. Гоголь). *Будем делать* — форма будущего времени глагола несовершенного вида *делать*. — *Ну*, — *продолжал Зурин*, — *так и быть. Будет тебе квартира. А жаль... Мы* ***бы попировали*** *по-старинному...* (А. Пушкин). *Попировали бы* — форма сослагательного наклонения глагола *попировать*.

При выражении сказуемого глаголом в личной форме наблюдается формальное уподобление одного главного члена другому: сказуемое согласуется с подлежащим в роде и числе (***Хозяин посадил*** *три куста акации*) или в лице и числе (*Что* ***мы будем делать****?*). Однако сказуемое может и не быть формально уподоблено подлежащему. Такая ситуация характерна для сказуемых, выраженных глагольными междометиями: *прыг*, *бац*, *хвать*, *хлоп*, *трах*, *шмыг* и т. п.[1], например: *Бывало*, *увидит муху и кричит*: *Кузька*, *пистолет! Кузька и несет ему заряженный пистолет. Он* ***хлоп*** *и вдавит муху в стену!* (А. Пушкин).

В рамках простого глагольного сказуемого выделяют осложненное глагольное сказуемое, к которому относят следующие синтаксические конструкции[2].

Во-первых, имеется в виду сказуемое, выраженное двумя глаголами, из которых один лексически неполнозначен (*взял да и пришел*), или двумя повторяющимися глаголами (*пойду прогуляюсь*), например: — *Постой*, — *сказал он* [Дубровский. — *В. К.*] *Архипу*, — *кажется*, *второпях я запер двери в переднюю*, ***поди*** *скорей* ***отопри*** *их* (А. Пушкин).

Во-вторых, осложненное глагольное сказуемое может выражаться фразеологизированными глагольными сочетаниями (*бить баклуши*, *точить лясы*) и устойчивыми глагольно-именными сочетаниями (*принимать участие*, *проявлять заботу*), например: *Лекарства ли или своя железная сила* ***взяла верх***, *только он через полтора месяца* ***стал на ноги***; *раны зажили*, *и только одни сабельные рубцы* ***давали знать***, *как глубоко когда-то был ранен старый козак* (Н. Гоголь). *С своей стороны Иван Петрович* ***оказывал уважение*** *к моим летам и сердечно был ко мне привержен* (А. Пушкин).

Конструкции, представляющие осложненное глагольное сказуемое, а также сказуемое, формально не уподобленное подлежащему, являются стилистически маркированными. Как правило, это разговорные синтаксические конструкции; однако устойчивые гла-

---

[1] Существует и иная морфологическая трактовка указанных слов: в качестве междометных форм глагола. См., например: *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). — 3-е изд. — М., 1986. — С. 451.

[2] *Валгина Н. С.* Современный русский язык: Синтаксис. — С. 96—97.

гольно-именные сочетания характерны для официально-делового стиля (*оказывать содействие*, *проявлять интерес*, *производить осмотр*).

Составное глагольное сказуемое. Составное глагольное сказуемое включает личную форму глагола, выступающую в качестве вспомогательного глагола, и инфинитив, в котором концентрируется вещественное значение главного члена, например: *И все* ***продолжали палить*** *козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка* (Н. Гоголь).

Выделяют две основные группы вспомогательных глаголов[1]:

фазовые глаголы (глаголы, обозначающие начало, конец или продолжение действия): *начинать*, *кончать*, *переставать* и т. п., например: *Два голубя дружно пронеслись над крышами, пали на глинистом бережку пруда и, подымая головки,* ***стали пить****...* (И. Бунин);

модальные глаголы (глаголы, обозначающие желание, намерение, способность и т. п.): *мочь*, *хотеть*, *желать*, *предполагать* и т. п., например: *И вот семья из Сан-Франциско* ***решила отправиться*** *со всеми своими сундуками на Капри...* (И. Бунин).

Вспомогательная часть составного глагольного сказуемого может быть выражена не только глаголом в личной форме. Во-первых, в этой функции может выступать устойчивое глагольно-именное сочетание, синонимичное однословному предикату. Ср.: *изъявил желание работать — пожелал работать*, *имел намерение уехать — намеревался уехать*, например: *Она* [графиня. — *В. К.*] *ничего не знала*; *Ибрагим* ***не имел духа*** *ей* ***открыться*** (А. Пушкин). Во-вторых, вспомогательная часть сказуемого может быть выражена краткими прилагательными с модальным значением: *должен*, *готов*, *обязан*, *способен* и др., например: *И вся Сечь молилась в одной церкви и* ***готова была защищать*** *ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании* (Н. Гоголь).

В разговорной речи в роли вспомогательной части могут выступать и существительные: *Маша —* ***мастерица варить*** *кашу. Петя —* ***любитель поспать***.

От составного глагольного сказуемого следует отличать сочетания личной формы глагола с инфинитивом, выполняющим в предложении функцию дополнения или обстоятельства.

Дополнением является так называемый объектный инфинитив — инфинитив, обозначающий действие, исполнитель которого выражается в предложении не подлежащим, а второстепенным членом. Ср.: *Я* ***хочу*** *вам* ***помочь*** (субъектный инфинитив: *я хочу, и я же буду помогать*) — *Я* ***прошу*** *вас помочь мне* (объектный инфинитив: *прошу я, а помогать будете вы*). В последнем случае инфинитив не входит в состав сказуемого, а является дополнением,

[1] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 409.

например: *Приседания и поклоны продолжались около получаса*; *наконец они прекратились*, *и толстый господин с букетом провозгласил*, *что церемониальные танцы кончились*, *и* ***приказал*** *музыкантам играть менуэт* (А. Пушкин).

В функции обстоятельства выступает инфинитив при глаголах движения (перемещения в пространстве): *приехал учиться*, *зашел поговорить*. Глагол в личной форме является здесь лексически полнозначным и может употребляться абсолютивно (*приехал*, *зашел*), в предложении он является простым глагольным сказуемым; что же касается инфинитива, то его принято рассматривать в качестве обстоятельства цели, например: *Потом все* ***отправились*** *по куреням обедать. После обеда все*, *которым предстояла дорога*, ***легли*** *отдыхать и спали крепко и долгим сном*, *как будто чуя*, *что*, *может*, *последний сон доведется им вкусить на такой свободе* (Н. Гоголь).

Составное именное сказуемое. Составное именное сказуемое состоит из связки, выполняющей исключительно (или преимущественно) грамматическую функцию, и именной (присвязочной) части, выражающей вещественное значение главного члена.

Специфика составного именного сказуемого заключается в тенденции к раздельному выражению грамматического и вещественного значения предиката. Ср.: *Листья* ***пожелтели***. *— Листья* ***стали желтые***. В простом глагольном сказуемом (*пожелтели*) вещественное и грамматическое значения совмещаются в одном слове: префикс *по-* с результативным значением, корень *-желт-* представляет вещественное содержание сказуемого, суффикс основы инфинитива *-е-*, суффикс прошедшего времени *-л-*, флексия множественного числа *-и*. В составном именном сказуемом (*стали желтые*) вещественное значение сказуемого сосредоточено в именной части; связка является грамматическим показателем времени и наклонения и обозначает лишь переход из одного состояния в другое (*листья были зелеными*, *а стали желтыми*).

Глаголы-связки принято делить на три группы: связки отвлеченные, полуотвлеченные (полузнаменательные) и знаменательные.

К отвлеченным связкам относятся глаголы-связки *быть* и *являться* (в значении «представлять собой кого-либо или что-либо»), например: *Пошатнулся Шило и почуял*, *что рана* ***была смертельна*** (Н. Гоголь). *Характерной* ***особенностью*** *русского языка* ***является*** *тенденция к группировке слов большими пучками вокруг основных центров значений* (В. Виноградов). В плане настоящего времени отвлеченная связка *быть*, как правило, лексически не выражается и предстает в виде нулевой связки, например: *Я дочь капитана Миронова* (А. Пушкин). Однако эта связка может находить лексическое выражение, например: *Звание помещика* ***есть*** *та же* ***служба*** (А. Пушкин).

Полуотвлеченные связки, наряду с выражением грамматических значений, передают лексические значения: значение недостовер-

ности признака (*казаться*, *представляться*), значение перехода из одного состояния в другое (*становиться*, *делаться*) и др., например: *Россия **представлялась** Ибрагиму огромной **мастеровой**, где движутся одни машины, где каждый работник, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом* (А. Пушкин). *Мистер, лежавший на спине, в широком пальто и большом картузе, не разжимал челюстей всю дорогу; лицо его **стало темным**, усы белыми, голова тяжко болела...* (И. Бунин).

В функции знаменательной связки могут выступать глаголы со значением физического состояния (*сидел притихший*, *лежал усталый*) и движения (*вернулся веселый*, *расстались друзьями*). Например: *Ибрагим **уехал** немного **успокоенный*** (А. Пушкин). Использование понятия связки по отношению к знаменательным глаголам условно, поскольку такие глаголы лексически полнозначны и могут функционировать в качестве простых глагольных сказуемых[1]. Ср.: *Ибрагим **уехал успокоенный**. — Ибрагим **уехал***.

Именная часть составного именного сказуемого отличается разнообразием способов морфологического выражения. Здесь представлены различные части речи в различных формах.

1. Имя существительное:

имя существительное в именительном падеже, например: *Теперь должен я благосклонного читателя познакомить с Гаврилою Афанасьевичем Ржевским. Он происходил от древнего боярского рода, владел огромным имением, **был хлебосол**, любил соколиную охоту; дворня его была многочисленна* (А. Пушкин);

имя существительное в творительном падеже, например.: *Оргии Пале-Рояля **не были тайною** для Парижа; пример был заразителен* (А. Пушкин). Творительный предикативный, в отличие от именительного падежа, употребляется, как правило, в конструкциях с лексически выраженной связкой. Творительный предикативный в сочетании с нулевой связкой свойствен разговорному стилю. В языке художественной литературы он встречается в речи персонажей, например: *— То-то и беда, — отвечала карлица. — Теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за арапа, так он подумает, что Валериан тому **причиною*** (А. Пушкин);

имя существительное в других косвенных падежах с предлогом или без предлога, например: *— Кто же бы смел связать пана Андрия? Теперь он такой важный рыцарь... И наплечники **в золоте**, и нарукавники **в золоте**, и зерцало **в золоте**, и шапка **в золоте**, и по по-*

[1] По мнению П.А. Леканта, полнозначные глаголы не следует включать в состав связок. См.: *Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения... — М., 2004. — С. 90. Тем не менее традиционное понимание связки учитывает глаголы со значением пребывания в состоянии и глаголы движения. См.: Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 417.

ясу золото, *и везде золото*, *и все золото* (Н. Гоголь). По сравнению с именем существительным в именительном и творительном падежах другие падежные и предложно-падежные формы в функции сказуемого — явление сравнительно новое, отражающее тенденцию к аналитизму в синтаксическом строе современного русского языка[1].

2. Имя прилагательное:

прилагательное в краткой форме: *Остров Капри* ***был сыр*** и ***темен*** *в этот вечер* (И. Бунин) (в процессе развития русского языка краткая форма прилагательного превратилась в специализированную форму выражения именной части сказуемого и, в отличие от полной формы, почти не употребляется в роли определения);

прилагательное в полной форме в именительном падеже: *Мебель в зале* ***была топорная*** (И. Бунин);

прилагательное в полной форме в творительном падеже: *Утреннее солнце каждый день обманывало*: *с полудня неизменно серело и начинал сеять дождь*, *да все гуще и холоднее*; *тогда пальмы у подъезда отеля блестели жестью*, *город* ***казался*** *особенно* ***грязным*** *и* ***тесным***... (И. Бунин);

прилагательное в форме сравнительной степени: *Колясочка рикши очень мала*; *она с откидным верхом*, *колеса ее тонки и высоки*, *оглобли* ***не толще*** *хорошей трости* (И. Бунин).

3. Глагол в форме причастия: *Господин из Сан-Франциско*, *спокойно сторонившийся и от тех и от других*, ***был*** *сразу* ***замечен*** (И. Бунин).

4. Наречие: *Хотя он* (Тарас Бульба. — *В. К.*) и ***был навеселе***, *и в голове еще бродил хмель*, *однако ж не забыл ничего* (Н. Гоголь).

5. Числительное: *Татарка*, *наклонив голову*, ***вошла первая***... (Н. Гоголь).

6. Местоимение: ***Кто была*** *эта красавица?* (Н. Гоголь).

Смешанное сказуемое. Наряду с двумя разновидностями составного сказуемого — составным глагольным и составным именным — наблюдаются конструкции, совмещающие признаки обеих разновидностей, например: *Она* ***старалась казаться веселой***. Сказуемое состоит из трех компонентов, первый из которых — модальный глагол *старалась*, типичный для составного глагольного сказуемого. Ср.: *Она старалась улыбаться*. Специфика смешанного сказуемого заключается в том, что второй компонент (инфинитив) представляет собой глагол-связку, при котором есть именная часть, выраженная прилагательным в форме творительного падежа (*казаться веселой*).

---

[1] *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990. — С. 75. Подробнее о новых явлениях в синтаксическом строе русского языка см. раздел настоящего учебника «Изменения в синтаксическом строе».

Лексическая неполнозначность инфинитива в предложениях типа *Она старалась казаться веселой* приводит к структурной контаминации двух типов сказуемого: составного глагольного и составного именного (*старалась казаться* и *казаться веселой*). По этой схеме строятся и другие сказуемые смешанного типа: *боялся казаться невежливым*, *хотел стать врачом*, *мог быть полезным* и т. п. Например: *Что* ***может быть*** *на свете* ***хуже*** */ Семьи, где бедная жена / Грустит о недостойном муже* (А. Пушкин). В данном примере именной компонент сказуемого выражен прилагательным в форме сравнительной степени.

§ 3. Второстепенные члены предложения

История изучения и традиционная классификация второстепенных членов. В русской лингвистике учение о второстепенных членах прошло сложный путь развития. Становление традиционной теории членов предложения относится к первой половине XIX в. Так, А. Х. Востоков в «Русской грамматике» (1831 г.) писал об определительных и дополнительных словах, которые присоединяются к подлежащему и сказуемому. Позднее из определительных слов были выделены обстоятельства и сложилась ставшая традиционной система обозначения членов предложения: определения, дополнения и обстоятельства. В этот же период времени в учебной литературе начала использоваться вопросная процедура опознания членов предложения. Например, вопросы *какой? который? чей?* — для определения, *кого? что?* — для прямого дополнения, *где? куда? откуда?* — для обстоятельства места и т. д. Таким образом, в рамках логического направления в синтаксисе в первой половине XIX в. второстепенные члены выделялись в основном по семантическому критерию.

Ф. И. Буслаев выявил различные основания для дифференциации второстепенных членов: по синтаксическому употреблению и по значению[1]. По синтаксическому употреблению определительные, дополнительные и обстоятельственные слова различаются в зависимости от того, на основе какой синтаксической связи второстепенный член связывается с тем членом в предложении, от которого он зависит; например, определительные слова присоединяются посредством согласования: *этот человек*, *доброе дело*. При рассмотрении второстепенных членов по их значению также выделяются определительные, дополнительные и обстоятельственные слова (например: *какой человек? — этот человек*), однако отнесение второстепенного члена к тому или иному разряду с учетом синтаксического употребления и значения может не совпадать.

[1] *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. — М., 1959. — С. 273.

Так, в число определительных слов по значению входят как согласуемые, так и несогласуемые слова, например: *добрый человек*, *восход солнца*. Ф. И. Буслаев приходит к важному выводу методологического характера: второстепенные члены можно классифицировать по разным основаниям (по значению и по виду связи), причем результаты применения этих подходов могут не совпадать.

К классификации второстепенных членов по значению критически отнесся А. А. Потебня, который писал, что «деление по значению основано не на наблюдении над языком, а над чем-то не имеющим к языку непосредственного отношения»[1]. В начале XX в. представители формального направления в грамматике отказались от семантического критерия выделения второстепенных членов. Смысловой вопрос был объявлен неграмматическим. Изменение подхода к выделению второстепенных членов отразилось и в терминологии. В «Русском синтаксисе в научном освещении» А. М. Пешковского (начиная с 3-го издания) вместо определения, дополнения и обстоятельства выделяются члены предложения согласуемые, управляемые и примыкающие[2]. Второстепенные члены понимались сугубо формально, исходя из типа синтаксической связи в словосочетании, а поскольку тип связи (с позиций формальной школы) предопределялся морфологическими признаками зависимого слова, то и разновидности второстепенных членов предопределялись в конечном счете морфологическим обликом компонентов предложения.

Важным этапом в развитии теории второстепенных членов предложения явилась дискуссия конца 30-х гг. XX в. Участники дискуссии, которые оппонировали формальному подходу к второстепенным членам (Л. В. Щерба, Р. И. Аванесов и др.), доказывали лингвистичность смыслового вопроса и его связь с лексической семантикой. Ср.: *Стрелял из ружья — стрелял из засады*, *занимался с детьми — занимался с удовольствием*. При формальном сходстве предложно-падежных форм их синтаксическая функция в предложении была бы различна, например: *Стрелял из чего? Стрелял из ружья* (дополнение). *Стрелял откуда? Стрелял из засады* (обстоятельство). Различные второстепенные члены требуют различных смысловых вопросов. Таким образом, морфологическое тождество еще не предполагает тождество синтаксическое, равно как и морфологическое различие не указывает в обязательном порядке на различие синтаксическое, например: *Он пишет красиво и без ошибок*. В предложении есть однородные члены (однородные обстоятельства), выраженные морфологически различно: наречие и существительное с предлогом.

---

[1] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. — Т. I—II. — С. 77.

[2] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — С. 283.

Итогом дискуссии конца 30-х гг. XX в. явилось восстановление семантического критерия в подходе к второстепенным членам предложения. Второстепенные члены были детально описаны в АГ-54. Однако уже во «Введении» к синтаксическому тому В. В. Виноградов обратил внимание на отсутствие четкой грани между отдельными членами предложения, например: *Довольный праздничным обедом, / Сосед сопит перед соседом...* (А. Пушкин). В данном случае определение по смыслу связано не только с подлежащим, но и со сказуемым, в силу чего определение обозначает признак не в чистом виде, а с причинным значением; иными словами, определение «отягощено» признаками обстоятельства. В. В. Виноградов замечает, что «выделение трех второстепенных членов предложения и распределение по их рубрикам всего многообразия живых синтаксических связей слов в составе предложения связано с искусственной схематизацией структуры предложения и далеко не всегда основано на грамматических принципах»[1].

В АГ-70 и РГ-80 второстепенных членов в традиционном понимании мы не найдем. Присловные распространители описываются в разделе «Словосочетание». На уровне предложения выделяются (наряду с предикативной основой) распространители предложения в целом (детерминанты). Таким образом Н. Ю. Шведова последовательно разграничивает в грамматическом описании связи присловные и неприсловные.

Современные школьные учебники в описании простого предложения опираются на традиционную теорию членов предложения с разграничением главных и второстепенных членов.

В синтаксической традиции принято разграничивать определения, дополнения и обстоятельства. Определение выражает общее значение признака, дополнение — значение объекта, а обстоятельства характеризуют действие или признак в различных аспектах (со стороны их качества, количества или условий протекания)[2]. В рамках каждой группы второстепенных членов выделяются разновидности (согласованные и несогласованные определения, прямые и косвенные дополнения, виды обстоятельств по значению), причем в одних случаях дифференциация проводится преимущественно на формальном основании (применительно к определениям и дополнениям), в других случаях — на смысловом основании (виды обстоятельств).

Определения. Определения делятся на согласованные и несогласованные в зависимости от вида синтаксической связи между определением и тем членом предложения (главным или второстепенным), к которому оно относится. Ср.:

---

[1] Грамматика русского языка — Т. II. — Ч. 1. — С. 96—97.

[2] См.: *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения... — С. 182—193.

Старый князь лег на дубовую кровать... (А. Пушкин) — согласованное определение. Синтаксическая связь — согласование (*старый князь*, *дубовая кровать*).

Старушка со слезами поцеловала бледное, томное лицо племянницы и села подле нее (А. Пушкин). Синтаксическая связь — падежное примыкание (*лицо племянницы*)[1].

Поскольку синтаксическая связь во многом определяется морфологическим обликом зависимого слова, можно сказать, что деление определений на согласованные и несогласованные связано с морфологическим выражением второстепенного члена. В роли согласованных определений выступают прилагательные, причастия, порядковые числительные, местоимения, изменяющиеся как прилагательные. В то же время необходимо отметить те случаи, когда не формальный, а смысловой критерий позволяет разграничить несогласованное определение и приименное дополнение. Ср.:

Здание университета находится на Университетской набережной. — Основание университета относится к 1724 году.

В первом предложении — несогласованное определение. В словосочетании *здание университета* выражаются определительные синтаксические отношения. Во втором предложении выделенный распространитель является приименным дополнением. В словосочетании *основание университета* — объектные отношения. Ср.: *основать что? — университет.*

В качестве определения особого рода принято выделять приложение, которое, характеризуя предмет, «дает ему другое название и утверждает наличие у него какого-либо дополнительного признака»[2]. Приложение выражается именем существительным, например: *Иван Петрович Белкин родился от честных и благородных родителей в 1798 году в селе Горюхине* (А. Пушкин).

Дополнения. Дополнения бывают прямыми и косвенными.

Прямое дополнение обычно выражается формой винительного падежа без предлога с объектным значением, например: *Ибрагим, оставшись наедине, поспешно распечатал письмо* (А. Пушкин). Кроме того, прямое дополнение может выражаться формой родительного падежа в следующих случаях:

1) при обозначении направленности действия на часть предмета, например: *Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи и несколько штофов с вином и пивом...* (А. Пушкин);

---

[1] Определительные отношения в словосочетании являются в данном случае признаком падежного примыкания, с позиций синтаксической концепции Н. Ю. Шведовой, отраженной в АГ-70 и РГ-80. С позиций традиционного синтаксиса в словосочетании *лицо племянницы* — управление.

[2] *Валгина Н. С.* Современный русский язык. Синтаксис. — С. 119.

2) при переходном глаголе с отрицанием, например: *Через несколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца, ни тетки* (А. Пушкин).

Обстоятельства. В отличие от определений и дополнений, при классификации которых учитываются формальные признаки — способ выражения и форма второстепенного члена, классификация обстоятельств проводится исключительно на смысловом основании. Количество разрядов обстоятельств, а также принципы их описания в академических грамматиках русского языка, научной и учебной литературе различаются.

В АГ-54 классификация обстоятельств носит ступенчатый характер. Вначале выделяются две основные группы обстоятельств:

1. Обстоятельства образа действия, например: *Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату* (Н. Гоголь).

2. Обстоятельства, обозначающие место, время, меру, причину, цель, условие, например: *Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка*; *красные полосы ясно сверкнули на небе* (Н. Гоголь) (обстоятельства места).

Затем проводится дифференциация обстоятельств по значению внутри каждой группы. В рамках первой группы (обстоятельств образа действия) различаются два разряда:

обстоятельства, определяющие качество действия, состояния или признака или степень его проявления, например: *Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку...* (А. Пушкин) — значение степени проявления признака;

обстоятельства, определяющие способ совершения действия, например: *Я смотрел на Сильвио с изумлением* (А. Пушкин) — значение способа совершения действия.

В рамках второй группы выделяются следующие разряды:

обстоятельства места, например: *Вдруг в передней раздался громозвучный голос Петра...* (А. Пушкин);

обстоятельства времени, например: *После ужина все разъехались* (А. Пушкин);

обстоятельства меры, например.: *Ибрагим двадцать раз перечел это письмо, с восторгом целуя бесценные строки* (А. Пушкин);

обстоятельства причины, например: *Владимир кипел от негодования* (А. Пушкин);

обстоятельства цели, например: *После обеда государь, по русскому обыкновению, пошел отдохнуть* (А. Пушкин);

обстоятельства условия, например: *Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат* (А. Пушкин).

В школьном курсе русского языка представлен только один уровень членения, при этом выделяются следующие основные виды

+ 1 стр.

обстоятельств: времени, образа действия, меры и степени, места, причины, цели, условия, уступки[1].

Очевидно, что указанные выше основные виды обстоятельств не охватывают всех случаев употребления предложно-падежных форм с обстоятельственным значением. Возникает необходимость в дальнейшей дифференциации обстоятельств по значению. Так, например, в РГ-80 описываются 10 групп обстоятельственных детерминантов[2]. В. В. Бабайцева выделяет 12 разрядов обстоятельств[3]. Наряду с традиционными разрядами, здесь приводятся обстоятельства сравнения, следствия, обстановки (ситуации) и модальные обстоятельства, например: *Он увидел тотчас величайшее расстройство и упущение в хозяйственных делах*; *все это решился он непременно искоренить*, *исправить и ввести во всем порядок* (Н. Гоголь). *Непременно* — модальное обстоятельство. Разнообразие обстоятельственных значений передается в русском языке с помощью новых, преимущественно отыменных предлогов, получивших развитие в литературном языке XIX—XX вв.: *в силу*, *в зависимости от*, *в отличие от*, *по мере*, *в рамках*, *в области*, *по отношению к*, *по случаю* и др.[4], например: *Формально срок службы свечей рассчитан на 20—30 тысяч километров пробега*, *но в условиях заправок так называемым рискованным топливом периодичность лучше сократить и приурочить к каждой замене моторного масла* (АИФ. — 2007. — № 41).

Проблема распространения предложения в синтаксических концепциях второй половины XX в. Традиционная теория второстепенных членов предложения занимает прочное место в школьном курсе русского языка. Второстепенные члены выделяются с опорой на их значение и с учетом способов выражения. Смысловые вопросы в большинстве случаев служат ориентиром для определения члена предложения. Правда, еще в АГ-54 В. В. Виноградов обращал внимание на несводимость всего многообразия синтаксических связей слов в предложении к трем основным рубрикам[5]. Однако наиболее существенным фактором, повлиявшим на переосмысление второстепенных членов в синтаксической науке вто-

---

[1] Русский язык: учебник для 8 кл. / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос, В. В. Львов / под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. — 6-е изд. — М., 2003. — С. 63—64. Заметим, что предложно-падежные формы со значением уступки АГ-54 включает в состав обстоятельств условия. Например: *Только Григорий Александрович*, *несмотря на зной и усталость*, *не хотел воротиться без добычи...* (М. Лермонтов). См.: Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 600.

[2] Русская грамматика. — Т. II. — С. 160—162.

[3] *Бабайцева В. В.* Система членов предложения в современном русском языке. — С. 147.

[4] Современный русский литературный язык: учебник / под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. — М., 2003. — С. 743—744.

[5] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — С. 96—97.

рой половины XX в., явилось последовательное разграничение присловных и неприсловных связей.

В академических грамматиках русского языка присловные распространители описываются в разделе «Подчинительные связи слов и словосочетания», например: *После такого рассказа Дорош самодовольно оглянулся и засунул палец в свою трубку, приготовляя ее к набивке табаком* (Н. Гоголь). В данном предложении можно выделить следующие присловные связи (в виде простых словосочетаний): *после такого рассказа, самодовольно оглянулся, засунул палец, засунул в трубку, в свою трубку, приготовляя ее, приготовляя к набивке, к набивке табаком*. Связи такого рода анализируются в аспекте синтаксических отношений и синтаксических связей, например: *самодовольно оглянулся* — обстоятельственно-определительные отношения, собственно примыкание. Присловные связи являются фактором распространения внутреннего состава предложения и отдельных его членов[1].

В качестве связей, специфических для предложения, выступают связь между подлежащим и сказуемым (*Дорош оглянулся и засунул*), связь между однородными членами предложения (*оглянулся и засунул*)[2], связь детерминанта (*после рассказа*) с остальным составом предложения, разнонаправленные смысловые связи полупредикативного оборота (*приготовляя ее к набивке табаком*).

Таким образом, в синтаксической концепции Н. Ю. Шведовой проблема распространения простого предложения решается прежде всего с опорой на разграничение присловных и неприсловных связей; традиционная теория второстепенных членов, не ориентированная на указанную дифференциацию, в АГ-70 и РГ-80 не используется. Понятие главных членов также подверглось переосмыслению в связи с тем, что простое предложение описывается с опорой на понятие структурной схемы, компоненты которой не всегда соответствуют подлежащему и сказуемому в традиционном понимании.

Г. А. Золотова также относит образование словосочетаний к уровню синтаксиса слова; включаясь в предложение, словосочетание представляет его распространенный компонент[3]. Однако понимание предикативного минимума, которое исходит из признания принципиальной двусоставности предложения, приводит к более радикальному, по сравнению с АГ-70 и РГ-80, отходу от традиционной теории членов предложения. Снятие жестких морфологических ограничений, которые традиционная грамматика накладывает на способы выражения главных членов предложения, застав-

---

[1] Русская грамматика. — Т. II. — С. 137.

[2] В «Русской грамматике» 1980 г. предложения, в которых сочинительный союз соединяет несколько сказуемых, относящихся к одному и тому же подлежащему, считаются сложносочиненными. См.: Русская грамматика. — Т. II. — С. 462.

[3] *Золотова Г. А.* и др. Коммуникативная грамматика... — С. 208.

ляет переосмыслить привычные представления о разграничении главных и второстепенных членов, например: *На другой день гусару стало хуже* (А. Пушкин). С позиций традиционного синтаксиса приведенное предложение является односоставным безличным, в котором существительное *гусару* — дополнение. С точки зрения Г. А. Золотовой предложение является двусоставным; в нем представлена фазисная модификация одной из основных моделей — модели с типовым значением состояния субъекта (*Гусару плохо*)[1]. Субъектная синтаксема *гусару* является в этом случае главным членом предложения — подлежащим. В функции распространителя модели выступает именная синтаксема «*на* + вин. п.» — Темпоратив 1 (обозначение отрезка времени, к одному из моментов которого приурочивается происходящее)[2]. Традиционная квалификация распространителя *на другой день* в качестве обстоятельства времени носит слишком общий характер по сравнению с той дифференциацией синтаксем по значению, которую предлагает Г. А. Золотова.

Отказ от традиционной теории второстепенных членов в синтаксических концепциях второй половины XX в. обусловлен, таким образом, иными, по сравнению с традиционным синтаксисом, подходами к описанию простого предложения в целом, которые требуют иной терминологии для обозначения компонентов предикативного минимума и их распространителей.

Рекомендуемая литература

Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. — М., 1988. — С. 100—153.

Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис. — 4-е изд. — М., 2003. — С. 79—135.

Грамматика русского языка: в 2 т. — Т. II. — Ч. 1. — М., 1954. — С. 93—97, 370—600.

Золотова Г. А. О главных членах предложения: дискуссионные вопросы // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. — Вопросы русского языкознания. — Вып. VIII. — М., 2000. — С. 11—23.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., 1988. — С. 3—16.

Золотова Г. А., *Онипенко Н. К.*, *Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — С. 102—105, 207—210.

Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — 3-е изд. — М., 2004. — С. 23—110, 177—193.

Ляпон М. В. Слова-предложения // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1998. — С. 492—494.

---

[1] *Золотова Г. А.* и др. Коммуникативная грамматика... — С. 105.

[2] *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь... — С. 191.

Меликян В. Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. — М., 2001. — С. 6—11.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — 7-е изд. — М., 1956. — С. 183—282.

Распопов И. П., *Ломов А. М.* Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. — Воронеж, 1984. — С. 201—230.

Русская грамматика: в 2 т. — Т. II. — М., 1980. — С. 136—163.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941. — С. 37—47.

Односоставные предложения

Односоставными **называются предложения**, **в которых предикативность выражена одним главным членом предложения**, **а не двумя**, **как в двусоставном предложении**, например: *Часа через два повалил снег* (двусоставное), *завьюжило* (односоставное безличное) (из газет); *Раннее утро. Дождь* (односоставные номинативные) (Тэффи). Наличие одного, а не двух главных членов является принципиальным структурным свойством односоставных предложений.

На основании грамматической характеристики главного члена предложения и семантики всей конструкции выделяются спрягаемо-глагольные (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные), безличные, инфинитивные и именные (номинативные, генитивные, вокативные) односоставные предложения. В данном перечислении А. М. Ломов, как и В. В. Виноградов, усматривает объединение принципиально разных структур: в одних состав подлежащего не получает специального лексического выражения, но подсказывается глаголом-репрезентантом состава сказуемого (определенно-личные предложения, например), в других структурах представлен только один состав: безличное предложение позицию второго главного члена не предусматривает. Отсюда А. М. Ломов предлагает разделить односоставные предложения на два разряда: формально односоставные (определенно-личные, обобщенно-личные, неопределенно-личные) и содержательно односоставные (безличные, инфинитивные, безлично-инфинитивные и номинативные)[1].

Особенности структуры односоставных предложений акад. А. А. Шахматов интерпретировал как отражение языком психологической коммуникации, двучленной по своей природе: «В мышлении представление о предмете будет всегда психологическим субъектом в отношении к представлению о признаке, которое мыслится при этом как психологический предикат», это «нарочитое

[1] *Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису. — С. 208.

сочетание двух представлений»[1]. Теория психологической коммуникации А. А. Шахматова в дальнейшем не была принята русистикой, но в традиционном описании односоставных предложений введенные А. А. Шахматовым термины сохранились, и данные синтаксические структуры не рассматриваются как «неполноценные» двусоставные предложения, в которых опущен второй главный член (подлежащее или сказуемое).

§ 1. Спрягаемо-глагольные предложения

Специфика спрягаемо-глагольных предложений заключается в том, что грамматическим центром конструкции является личная форма глагола, при которой сохраняется позиция именительного падежа субъекта действия, признака или состояния, но она не занята. В характере отсутствия именного компонента выявляются семантические особенности каждого типа спрягаемо-глагольного предложения.

Деятель в спрягаемо-глагольных предложениях мыслится поразному в соответствии с формой глагольного компонента. Максимально конкретно действие соотнесено с деятелем (говорящим лицом или адресатом) в определенно-личных предложениях, поэтому личное местоимение в именительном падеже однозначно восстанавливается, например: ***Благодарю*** *вас за искренность* (М. Шишкин). В неопределенно-личных предложениях можно говорить о преднамеренном абстрагировании от субъекта действия, восстановление словоформы в именительном падеже проблематично, хотя субъект действия может быть известен говорящему, например: *Для дачи показаний* ***вызывали*** *всех батальонных офицеров* (М. Шишкин). В обобщенно-личных предложениях представлена референция с неконкретным, обобщенным субъектом, благодаря чему говорящий переключается в контекст философских обобщений или обращается к опыту народа, например: ***Смотришь*** *пьесу и* ***думаешь***, *насколько лучше я мог бы писать* (Ю. Олеша); *Лежа пищи* ***не добудешь*** (посл.).

---

[1] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — Л., 1941. — С. 25, 30. При определении предложения как «словесного, облеченного в грамматическое целое (посредством согласования составных его частей или соответствующей интонации) выражения психологической коммуникации» двусоставное предложение (*Пошел снег*) объяснялось следующим образом: субъекту коммуникации в нем соответствует грамматический субъект, т. е. подлежащее, а предикату коммуникации — грамматический предикат, т. е. сказуемое. В предложении *Мороз* психологическая коммуникация представлена нерасчлененно, одним словом, но оно выражает представление о конкретном явлении (мороз) и о бытии этого явления в настоящем. Таким образом, между структурой психологической коммуникации и грамматической структурой предложения в односоставных предложениях нет прямой соотнесенности, главный член односоставного предложения отождествлялся или с подлежащим, или со сказуемым.

Таким образом, типы спрягаемо-глагольных предложений различаются и по степени восстановимости отсутствующего субъекта, при этом актуализируются разные способы осмысления субъекта действия или состояния.

Определенно-личные предложения. Определенно-личными называются такие односоставные предложения, главный член которых в форме 1-го или 2-го лица настоящего/будущего времени или повелительного наклонения ед./мн. числа называет действие говорящего или адресата, например: *Все **продолжаю** думать о Маршаке* (Е. Шварц); ***Приходи** на меня посмотреть. **Приходи**. Я живая. Мне больно* (А. Ахматова).

Статус данных конструкций в теоретических описаниях русского языка является спорным: структурно и семантически они не отличаются от двусоставных предложений с контекстуально или ситуативно опущенным подлежащим, так как благодаря форме предиката они однозначно достраиваются до полных двусоставных предложений: *Ты идешь домой? = Идешь домой?* Сама морфологическая природа глагольных форм 1-го (указание на говорящего), 2-го (указание на адресат) лица или повелительного наклонения является причиной их независимого употребления: *Шуми, шуми с крутой вершины / Не умолкай, поток седой! / Соединяй протяжный вой / С протяжным отзывом долины!* (Е. Баратынский). Указание на конкретный адресат содержится в обращении *поток седой*, которое не является членом предложения.

Формы 3-го лица ед. ч. настоящего/будущего времени, ед. числа прошедшего времени, формы сослагательного наклонения не обладают способностью указывать на конкретное лицо говорящего или адресата, что исключает их употребление в определенно-личных предложениях, данные структуры являются двусоставными неполными: при предикате в данных формах должно быть подлежащее, но оно опущено: *Гуляет с собакой* (*он*); *Не пришла* (*она*); *Отдохнул бы часик* (*я*).

Определенно-личные предложения являются стилистически ограниченными: сфера их употребления — разговорная речь, предполагающая непосредственный контакт собеседников, и поэтическая речь, ориентированная на откровение лирического героя и обращение к адресату лирической коммуникации, что делает данные структуры стилистически маркированными.

Употребление определенно-личных предложений зависит от цели высказывания: они реже встречаются в повествовательных предложениях (за исключением ответных реплик в диалогах), чем в побудительных и вопросительных. В вопросительных предложениях правила этикета требуют употребления местоимения 2-го лица или обращения, например: *Что ты делаешь? Зачем ты губишь себя?* (М. Шишкин), в противном случае определенно-личные предложения — знак фамильярного или пренебрежительного отноше-

ния к собеседнику, как в примере: *Молчать! Кто такой? Как смеет? Устава не знаешь? Под арест его* (М. Шишкин). В побудительных высказываниях выбор двусоставных или определенно-личных предложений во многом определяется характером побуждения. Для категоричных запретов типичны определенно-личные, а не двусоставные предложения, например: *Не перебивайте меня!*; *Уходите, прошу вас! Не мучьте меня!* (М. Шишкин). В побуждениях, предполагающих добровольное исполнение действия, в форме односоставных предложений конкретизация адресата, как правило, вносится обращением: *Поедемте завтра вместе, **Александр Львович**, — вдруг предложила она* (М. Шишкин).

Данный тип предложений не включен в группу односоставных предложений в академические описания, но в школьной грамматике они выделяются, так как это позволяет показать стадии отстранения действия от деятеля и объяснить неполные предложения в сопоставлении с полными.

Неопределенно-личные предложения. Традиционно неопределенно-личными называются предложения, главный член которых выражен глаголом в форме 3-го лица мн. числа настоящего/будущего времени или мн. числа прошедшего времени. Они называют действие, совершаемое активным деятелем, который говорящим специально не называется (*Вас просят к телефону*; *Тебя искали*), или признак, соотносимый с неназванными лицами-носителями данного признака (*Здесь ко мне внимательны*; *С ним были ласковы*).

Неясность в отношении действующего лица составляет сущность неопределенно-личных предложений, введение подлежащего уничтожило бы оттенок неопределенности[1]. В русском языке, в отличие от языков аналитического строя, данную позицию не занимают неопределенные местоимения, например *кто-то*, *кто-нибудь*, *некто*, *кто-либо*, *кто-то*, так как они грамматически требуют сказуемого в форме ед. числа, предполагают соотнесенность с неизвестным говорящему или забытым им лицом. Форма мн. числа глагольного компонента выражает не соотнесенность со множеством неопределенных деятелей, а безотносительность предикативного признака к субъекту: *В Милане нам дали рекомендательное письмо в Hotel Picolo Torina, где убеждали дать нам кров за 1 лиру с человека* (М. Волошин).

В то же время референция с одушевленными лицами очевидна, что позволяет для интерпретации данной конструкции ввести в структуру предложения нулевой знак — $\emptyset_{\text{люди}}$[2]. Эта неопределенность может быть отчасти конкретизирована с помощью слово-

[1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — С. 371.

[2] *Мельчук И. А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги. — Л., 1974. — С. 343—361.

формы с локативным значением: ***В Государственной думе*** *обсуждают законопроект об альтернативной службе*; *Пусть* ***в Европе*** *прочтут горькую правду* (А. Толстой); ***В деканате*** *сказали*, [*что лекция состоится*]. Подобная словоформа или словосочетание сужает круг лиц по местонахождению, но не конкретизирует реальное лицо/лица. Неопределенно-личными предложениями обозначаются действия одушевленных лиц в следующих случаях[1]:

1) производитель действия, воспринимаемого на слух, не виден (*В дверь стучат*) или неизвестен при непредсказуемости, неожиданности действия, например: *Вдруг из другой комнаты крикнули господина Голядкина* (Ф. Достоевский); такие предложения синонимичны двусоставным с лексически выраженным неопределенным субъектом: *В дверь кто-то стучит*; *Вдруг из другой комнаты кто-то крикнул господина Голядкина* (Ф. Достоевский);

2) охарактеризована реакция коллектива: *Знаешь*, *как подводные лодки встречали из похода?* (М. Чулаки); *От русских балетов привыкли ждать каждый раз совершенно нового*, *ошеломляющего*, *покоряющего*, *экзотически-пряного* (М. Волошин); констатация обобщения в таких конструкциях не позволяет замены двусоставным предложением с лексически выраженным неопределенным субъектом, а вставка местоимения *все* изменяет значение предложений;

3) названы действия властных структур: *Объявили амнистию*; такие неопределенно-личные предложения синонимичны двусоставным пассивным конструкциям с отсутствием указания на семантический субъект действия: *Была объявлена амнистия* (кем?);

4) передана информация о действии ситуационно обусловленной группы людей: *На лодке молчали*; *На галерке захлопали*, *засвистели*; *Вообще ко мне в Румынии очень любезны и внимательны* (Н. Игнатьев). Грамматически возможное добавление определительного местоимения *все* в качестве подлежащего в предложения, содержащие косвенное указание на круг лиц (обстоятельства *на лодке*, *на галерке*, *в Румынии*), сняло бы значение неопределенности восприятия ситуации.

Неопределенно-личные предложения распространены в текстах всех функциональных разновидностей, в научных: *Долгое время считали*, *что...*, публицистических: *Как известно*, *сейчас сни-*

---

[1] *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. — М., 2001. — С. 311. См. также: *Шелякин М. А.* О семантике неопределенно-личных предложений // ТФГ: Персональность. Залоговость. — СПб., 1991. — С. 62—86; *Гак В. Г.* Неопределенно-личность в плане содержания и в плане выражения // Там же. — С. 72—87; *Золотова Г. А.*, *Онипенко Н. К.*, *Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — С. 120; *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. — М., 2006. — С. 332—337; *Шмелев А. Д.* Определенность—неопределенность в аспекте теории референции // ТФГ: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность—неопределенность. — СПб., 1992. — С. 266—279.

мают много разных телесериалов; в художественных: *Тяжелораненых вносили в вагоны, от подъезда подносили новых* (В. Вересаев); в разговорной речи: *Разве вас не предупредили перед экзаменом?*; реже в официально-деловых: *С осторожностью назначают препарат пациентам с выраженным атеросклерозом коронарных артерий...* (Инструкция по медицинскому применению препарата Нош-па).

Эта наиболее яркая группа спрягаемо-глагольных предложений отражена во всех синтаксических описаниях, академических грамматиках.

Обобщенно-личные предложения. Это вид спрягаемо-глагольных односоставных предложений, сообщающих о действии, деятель которого из-за его неназванности мыслится как обобщенный, а главный член выражен глаголом в форме 2-го лица (реже другими личными формами), например: *Поспешишь — людей насмешишь*, *Не спросясь броду, не суйся в воду* (посл.); ***Смотришь пьесу и думаешь***, *насколько лучше я мог бы писать* (Ю. Олеша); — *Ну, хорошо, хорошо!* ***Ведь тебя не переспоришь!*** (М. Загоскин).

Грамматически конструкция опирается на независимое употребление формы 2-го л. ед. числа изъявительного наклонения или формы повелительного наклонения глагола: *Любишь кататься, люби и саночки возить* (пословица). Функцию отсутствующего в русском языке специального местоимения для обозначения обобщенного лица выполняет личное местоимение 2-го л. с переносным значением, когда указывает не на адресат, а на типичность действий говорящего субъекта: *Ты так шмыгнешь, так тебя никакой дьявол не сыщет* (Н. Гоголь). Аналогично форма глагола 2-го л. ед. числа специализировалась на выражении обобщенной отнесенности к производителю действия. В некоторых контекстах эту позицию может занимать и местоимение 1-го л.: *Всякий себе сам виноват. Коли я добрый человек да имею свой разум, так что мне приятели?* (А. Островский)[1]. Подобное употребление формы глагола 1-го л. характерно для пословиц и поговорок: *Что имеем, не храним, потерявши, плачем*. Данные предложения обнаруживают формально-грамматическое сходство с определенно-личными предложениями, но все предложение указывает не на конкретную соотнесенность с лицом говорящего, а на его включенность в круг обобщенных лиц.

Типичным способом указания на обобщенное лицо является и форма повелительного наклонения не в контексте диалога с конкретным адресатом, а в контекстах общих рассуждений и назидания, которое связано со значением формы императива: *Не смейся чужой беде, своя на гряде*; *Не спросясь броду, не суйся в воду* (пословицы).

[1] Пример А. М. Пешковского, с. 374.

В других случаях данная глагольная форма при утрате побудительной семантики может указывать на обобщение опыта говорящего: ***Выходи*** *с полевой витиеватой тропинки на прочную каменную дорогу, ночью ли, днем ли,* ***поднимай*** *руку, и вот уж... мчишься сквозь темень и выскакиваешь с каменки на асфальт* (В. Солоухин) = ***Выйдешь*** *с полевой витиеватой тропинки на прочную каменную дорогу...,* ***поднимешь*** *руку, и вот уж мчишься сквозь темень и выскакиваешь на прочную каменную дорогу.*

Существует два типа обобщения в данных предложениях.

1. Личное значение расширяется до соотнесенности со всеми лицами — членами данного языкового коллектива в предложениях пословичного типа, которые семантически не отличаются от двусоставных личных предложений типа *Человек смертен*; *Лев сильнее всех зверей*.

В предложениях пословичного типа значение обобщенной отнесенности к деятелю может быть передано предикатами в форме 3-го л. мн. числа или прош. времени ед. числа муж. рода: (1) *Цыплят по осени считают*; *Соловья баснями не кормят*; *Обещанного три года ждут*; (2) *От волка бежал, да на медведя напал*; *Метил в ворону, а попал в корову*. Квалификация таких структур неоднозначна: формально примеры (1) — неопределенно-личные предложения, имеющие абстрактно-обобщающее значение. Семантически они сближаются с обобщенно-личными предложениями (*Цыплят по осени сосчитаешь*; *Обещанного три года ждешь*; *Соловья баснями не накормишь*), но форма 3-го л. подчеркивает, что обобщается не личный опыт говорящего, а опыт не участвующих в коммуникации лиц.

Пословицы с предикатом в форме прош. времени (примеры 2) были определены А. М. Пешковским как обобщенно-личные[1], но формально они не являются таковыми. Г. А. Золотова, добавляя к данным структурам инфинитивные предложения (*В камень стрелять — стрелы терять*) и предложения с предикатом в форме 1-го л. (*Чужую беду руками разведу*), допускает отнесение этих структур к обобщенно-личным предложениям не по грамматическому признаку, а по семантико-функциональному: здесь нет прямой соотнесенности между личной формой субъекта (в глаголе или местоимении) и его коммуникативной ролью[2]. Предложения пословичного типа, служащие символом, применяемые к конкретным жизненным ситуациям, могут грамматически соотноситься с различными лицами, включая говорящего, адресата и третьих лиц. Их функциональная самодостаточность не требует формально-синтаксических контекстуальных связей.

---

[1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — С. 374.

[2] *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика... (1998). — С. 119.

2. Конкретные действия говорящего лица обобщаются как приобретенный опыт, знание, идет обобщение на временной оси, причем это может быть или обобщение личного опыта (обобщенно-личные предложения повествовательно-узуального типа, по Г. А. Золотовой): *Боже мой, как я устал!.. Ходишь и работаешь, как машина. Спать приходится часа по три в сутки, и сон какой-то беспокойный, бесполезный*; *встаешь таким же разбитым, как лег* (В. Вересаев); *И вот закрываешь глаза и тотчас слышишь тихий гул и видишь множество вещей*; *слышишь фразы чьего-нибудь рассказа, видишь белый дымок паровоза в какой-нибудь бесконечно далекой стране*; *и вспоминаются такие случаи или соображения, о которых потом, днем, забываешь вовсе* (Г. Газданов), или субъективная оценка другого лица (предложения оценочно-характеризующего типа, по Г. А. Золотовой): *Без индейской хитрости с этими людьми ничего не сделаешь. Умные, шельмы...* (А. Аверченко).

Предложения, обобщающие опыт говорящего, типичны для художественного и публицистического повествования, оценочного типа, синонимичные безличным, характерны для разговорной речи, например: *Ведь тебя* (*невозможно*) *переспорить.*

Обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения обнаруживают грамматическое и семантическое сходство: они актуализируют позицию говорящего субъекта по отношению к сообщаемому, хотя по-разному[1]. Неопределенно-личные структуры указывают на своеобразную отстраненность говорящего от происходящих событий, обобщенно-личные предложения отражают активное осмысление говорящим жизненных ситуаций, картин окружающего мира, включая его тем самым в коммуникативный акт[2]. С другой стороны, обобщенно-личное предложение обнаруживает близость к безличному, так как оно «вселично»[3], что справедливо по отношению к предложениям пословичного типа.

Соотносительные характеристики семантики и грамматического способа выражения лица субъекта в разных типах спрягаемо-глагольных предложений могут быть сведены в таблице 7:

Историческая справка. Вопрос о степени самостоятельности рассмотренных односоставных спрягаемо-глагольных предложений тесно связан с историей становления типов предложений в русском языке XI—XVII вв. З. К. Тарланов, характеризуя возникновение предложений *Слезами горю не поможешь*; *Вам звонили* как результат действия тенденции к асимметричности, моноцентризму («нормой становится незамещен-

[1] *Булыгина Т. В.*, *Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997. — С. 335—352.

[2] *Рогова К. А.* О значении и употреблении обобщенно-личных предложений // Тенденции развития русского языка: Сб. статей к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой. — СПб., 2001. —С. 163.

[3] *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. — М.; Л., 1935. — С. 219.

Таблица 7

Сопоставительная характеристика спрягаемо-глагольных предложений

Тип предложения	Семантика предложения	Грамматическая характеристика главного члена			Примеры
		Наклонение	Время	Лицо	
Определенно-личное	действие конкретного лица (говорящего или его собеседника)	1) изъявительное	настоящее/ будущее	1-е л. ед./ мн. ч.	*Приносим вам свои извинения. Будем вам признательны.*
		2) изъявительное	настоящее/ будущее	2-е л. ед./ мн. ч.	*Хочешь пойти в кино? Письма отправите завтра.*
		3) повелительное		2-е л. ед./ мн. ч.	*Передавайте привет друзьям.*
Неопределенно-личное	действие неопределенного лица (исполнитель не важен)	изъявительное	настоящее/ будущее	3-е л. мн. ч.	*Вам звонят. Факс пошлют завтра.*
		изъявительное	прошедшее	мн. число	*Лекцию отменили. Так сказали в деканате.*
Обобщенно-личное	А) пословичного типа	1) изъявительное 2) повелительное	настоящее/ будущее	2-е л. ед. ч.	*Любишь кататься, люби и саночки возить.*
	Б) обобщение опыта говорящего	изъявительное	настоящее/ будущее	2-е л. ед. ч.	*Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильней и больнее...* (А. Апухтин)
	В) оценка говорящим других лиц	изъявительное	будущее	2-е л. ед. ч.	*Тебе не дозвонишься. С ним дела не решишь.*

ность субъекта, предусмотренного финитной формой глагола»[1]), выделяет следующие этапы в развитии спрягаемо-глагольных предложений[2].

1. Донациональный этап (XI—XVII вв.) — вырабатываются односоставные конструкции, синонимичные двусоставным, но устремленные к подавлению конкретно-личного начала: генетически определенно-личные предложения, которые были «распространены уже в древнейших памятниках восточно-славянской письменности самых разных жанров», являются результатом избавления от плеонастического употребления местоимений 1-го и 2-го лица в качестве подлежащих двусоставных предложений; определенно-личные и неопределенно-личные предложения употребляются без жанровых ограничений, отсутствуют обобщенно-личные предложения.

2. Национальный этап (с XVII в.) — складывается новая парадигма типов простого предложения; двусоставное — односоставное личное — безличное предложение; параллельно функционируют все три типа односоставных личных предложений, но обобщенно-личные — жанрово-ограниченные структуры, характерные для пословиц.

§ 2. Безличные предложения

Безличными называются такие односоставные предложения, главный член которых называет процесс или состояние, независимые от активного деятеля (назван предикативный признак независимо от носителя[3]), например: *Рассветает. Мне не спится, но сил встать нет. На улице тепло* (В. Вересаев); *Можно ли с этим жить? Невесело сознаваться, но я именно в таком настроении прожил все эти три года* (В. Вересаев).

Формальным показателем безличности является собственно безличный глагол или аналогичная по значению именная, наречная форма в независимой позиции. В данной конструкции грамматически невозможна форма им. падежа (формальная невозможность вставки словоформы в им. пад. в разных структурах различна) с субъектным значением, это позволило А. М. Пешковскому утверждать, что в таких предложениях «подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли»[4].

В связи с тем что структура данного предложения опирается на грамматические способы выражения безличности в русском языке, традиционное описание безличных предложений представляет собой грамматическую классификацию предикатов.

---

[1] *Тарланов З. К.* Университетский курс русского синтаксиса... — С. 185, 197, 201—202.

[2] Там же. — С. 203.

[3] По мнению А. А. Шахматова, «главный член не вызывает представления ни о лице, ни о предмете» (Синтаксис русского языка. — С. 87).

[4] *Пешковский А. М.* Указ. раб. — С. 343.

В предложениях **с собственно безличным глаголом** (*Светает*) состояние природы может быть представлено как процесс за счет введения в предложение фазовых глаголов (*Начинало светать*). Значение конечной фазы принимают только глаголы, обозначающие температурные изменения в природе (*Наконец перестало холодать*).

Группа безличных глаголов постоянно пополняется благодаря продуктивному способу — присоединению постфикса *-ся* с безличным значением к личным глаголам, обозначающим деятельность или эмоционально-психическое состояние человека. Например: *работать*, *петь* (активные действия) + *-ся* = психологическое состояние лица по отношению к выполняемому действию: *Мне сегодня не работается*; *Что-то не поется нам в этой обстановке*; *хотеть*, *спать* + *-ся* = не контролируемое человеком состояние: *Мне не хочется вас беспокоить* (ср.: *Я не хочу вас беспокоить* — контролируемое человеком желание); *Мне не спится* = *Я не могу заснуть* (ср. с контролируемым состоянием *Я не сплю*). Безличные структуры типа *Мне не читается* оцениваются, в отличие от монопропозитивной конструкции *Я не читаю*, как полипропозитивные (см. гл. 3 настоящего раздела): первая пропозиция ‘Некоторые обстоятельства каузируют’ вторую пропозицию ‘Я не могу читать’[1]. Конструкции, передающие психологическое состояние лица, всегда требуют или отрицания возможности выполнять действие по психологической причине (приведенные выше примеры), или оценки психологического состояния: *На свежем воздухе* ***хорошо*** *спится*.

Постепенное абстрагирование действия от лица проявляется у перформативных глаголов при сопоставлении их употребления в предложениях разной структуры: *Газеты сообщали о катастрофе* (двусоставное) → *В газетах сообщали о катастрофе* (неопределенно-личное) → *В газетах сообщалось о катастрофе* (безличное).

Самая большая сила безличности проявляется в предложениях **с личным глаголом в безличном употреблении**[2].

Личные глаголы в безличном предложении подчеркивают стихийность природных явлений: *Здесь не дует* ≠ *Дует ветер* (ветер — активная сила). Ср. также два контекста употребления глагола *тянуть*: *В незакрытое окно в зале тянуло сладкой свежестью мокрой майской зелени* (И. Бунин); *Тянет свежесть с Москва-реки*, / *В окнах теплятся огоньки* (А. Ахматова). Атмосферные, природные явления и физическое или психическое состояние имеют субъект восприятия, лицо, констатирующее данное явление, например, при описании физического состояния человека субъект воспри-

[1] *Клобуков Е. В.* О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. статей памяти В. А. Белошапковой. — М., 2001. — С. 111.

[2] *Пешковский А. М.* Указ. раб. — С. 347—349.

ятия указан в контексте: ***Он** с трудом поднялся.* ***В голове*** (локализация ощущения) *шумело* (В. Вересаев) или представлен в предложении распространяющей словоформой: *И правда, к концу занятий* ***у него*** (субъект восприятия) *начало ломить* ***в левой стороне головы*** (локализация ощущения) (В. Вересаев).

При безличном употреблении личных глаголов в создании безличности может участвовать вся конструкция. Предложение *Водой* (орудие) *затопило берега* (объект действия) производно от *Вода* (производитель действия, активная сила) *затопила берега* (объект действия). В первом из этих двух предложений подчеркивается стихийность действия, вода становится орудием какой-то другой стихийной силы (ветра, таяния снегов и проч.) [1].

Безличное употребление личного глагола *быть* наблюдается в типичной для разговорной речи конструкции инфинитив + *быть* в безличном значении[2] + местоимение/местоименное наречие, которая в утвердительной форме содержит три обязательных компонента во всех временных формах: *Подумать есть о чем*; *Встретиться будет когда*. При отрицании в данной конструкции появляются «печально-отрицательные» местоимения[3], а трехчленная структура сохраняется в прош./будущ. времени (*Не с кем было поговорить*; *Встречаться будет незачем*), но преобразуется в двучленную в настоящем времени (*Ругать есть кому*, *а кормить некому*; *Не с кем поговорить*; *Встречаться незачем*), что дает возможность некоторым синтаксистам интерпретировать ее как инфинитивное предложение с отрицательным местоименным словом.

Безличные предложения, главный член которых выражен **кратким страдательным причастием прошедшего времени**, производны от двусоставных пассивных конструкций. Ср.: *Комиссией объявлено о результатах конкурса* и *Комиссией объявлены результаты конкурса*. Данный тип безличных предложений аналогичен приведенному выше *Водой затопило берега* по структуре, по механизму возникновения, по абстрагированию от активного деятеля. Конструкция может распространяться инфинитивом: *Нам было назначено прийти к двум часам*; *Мы в 7 часов храбро пустились в путь. Решено было пройти больше 40 верст* (М. Волошин); *Завесу будущего нам заказано подымать* (М. Волошин).

---

[1] О сложном соотношении субъектно-объектного комплекса в безличных предложениях в сопоставлении с активными и пассивными конструкциями см.: *Пупынин Ю. А.* Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке // Межкатегориальные связи в грамматике. — СПб., 1996. — С.144—152.

[2] Глагол *быть* в утвердительных предложениях определяется как полнознаменательный, а не связочный. См. например: *Акимова Г. Н.* О значении глагола «быть» в безличных предложениях // Материалы XXXIV Международной филологической конференции. — Вып. 17. Грамматика (славянский цикл). — Ч. 1. — СПб., 2005. — С. 8—12.

[3] Там же. — С. 10.

Безличные предложения с кратким причастием постепенно вытесняются неопределенно-личными (*Нам назначили прийти к двум часам*). По наблюдениям Н. Ю. Шведовой[1], предложения типа *Про батарею Тушина было забыто* (Л. Толстой) для современного языка архаичны, они вытесняются неопределенно-личными: *Про батарею Тушина забыли*, что связано с лексическим сужением круга причастий (*приказано*, *позволено*, *предоставлено*, *дано*, *назначено*, *положено*, *решено*, *отказано*, *постановлено*, *сказано*) и стилистической маркированностью (деловой стиль) таких безличных предложений.

В безличных предложениях главный член может быть выражен словами **категории состояния** (предикативами и предикативными наречиями): *Холодно*; *Становится холодно* (возможно включение фазовых глаголов); *Становится холодно стоять на остановке* (+ зависимый от предикативного наречия инфинитив). Отличие безличных наречных предложений от двусоставных с подлежащим видно в следующем примере: *Шумно было в доме*: *гости приезжали — / Вечера — балы*; */ Вдруг все стало тихо — даже перестали / Натирать полы* (Я. Полонский).

Сложности вызывает интерпретация предложений с инфинитивом. Формальным критерием разграничения безличных и двусоставных предложений признана позиция инфинитива в предложении. Препозиция делает инфинитив независимым, а предложение — расчлененным на состав подлежащего и состав сказуемого: *Встречать Новый год с друзьями весело*. В постпозиции инфинитив зависим, а предложение односоставно: *Весело встречать Новый год с друзьями*.

Отрицательные конструкции с *не* + *быть* + сущ. в род. падеже безличны, но в утвердительной форме двусоставны: *У нее нет друзей — У нее есть друзья*. Им. падежу в утвердительной форме регулярно соответствует род. падеж в отрицательной, семантика глагола *быть* остается неизменной, т. е. в данном случае трудно говорить о безличном употреблении самого глагола *быть*. Название «отрицательные безличные предложения» во многом условно, так как данные предложения не содержат «безличной» семантики[2], а общее отрицание может быть выражено и предикативами на *-о*, и фразеологизмами с тем же значением (ср. в стихотворении Б. Пастернака: *Нет сил никаких у вечерних стрижей / Сдержать голубую прохладу* / (= *невозможно сдержать*) и *И нет у вечерних стрижей ничего*, */ Что б там, наверху, задержало / Витийственный возглас их...* (антоним *есть все*).

Безличные предложения — яркая черта русского синтаксиса. Они отличаются от спрягаемо-глагольных односоставных предло-

[1] *Шведова Н. Ю.* Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. — М., 1964. — С. 300.

[2] *Павлов В. М.* Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке. — СПб., 1998. — С. 166.

Таблица 8

Грамматическая и семантическая характеристика безличных предложений

Грамматическая характеристика предиката			Семантика предложения	Примеры
категория лица	наклонение	время		
I. Собственно безличный глагол	Изъявит. / сослагат.	Любая форма	Состояние человека, природы, окружающей среды	*Мне нездоровится.* *Уже смеркается. Вечерело.* *Подморозило бы.*
II. Личный глагол в безличном употреблении	Изъявит. / сослагат.	Любая форма	Состояние среды или человека	*Давило голову — в груди лежал свинец...* (*Я. Полонский*); *Там не будет тебе дуть. Здесь просквозило бы.* *Водой затопило* (*бы*) *берега.*
Глагол *быть*: инф. + *быть* + местоимение/мест. наречие			Оценка жизненной ситуации	*Жить есть где. Ругать есть кому* (*а кормить некому*). *Было бы с кем поспорить.*
III. Краткое страдательное причастие прош. вр.	Изъявит. / сослагат.	Любая форма	Состояние как результат	*Про батарею Тушина было забыто* (*Л. Т.*). *Было* (*бы*) *назначено прийти к 5 часам.*
IV. Слова категории состояния (предикативы, пред. наречия).	Значение наклонения и времени выражено глаголом-связкой		Состояние окружающей среды или человека	*Холодно. Становится жарко. Стало холодно стоять на улице. Хорошо греться на солнышке. Можно обсудить этот вопрос.*
V. *не* + *быть* + сущ. в Р. п.	Изъявит./ сослагат.	Любая форма	Констатация факта отсутствия	*У меня нет* (*не будет, не было*) *проблем.* *С тобой проблем не было бы.*

жений многообразием способов выражения главного члена, своеобразием семантики, которая подчеркивает стихийность или непроизвольность ситуации или состояния, указывает на объективность обстоятельств. Данные структуры распространены в текстах всех функциональных стилей, но дифференцированно в зависимости от способа выражения главного члена и семантики предложения: безличные предложения с кратким страдательным причастием, например, маркированы как книжные, поэтому предпочтительны в официально-деловом и научном стилях, предложения, выражающие состояние человека, природы, окружающей среды, типичны для разговорной речи и языка художественной литературы.

Соотношение особенностей разных типов безличных предложений в традиционном описании дано в таблице 8.

Историческая справка. Традиционное описание грамматических особенностей безличного предложения, прошедшего три этапа в своем развитии[1], во многом отражает историю его становления в русском языке.

С X в. отмечаются конструкции с древнейшими собственно безличными глаголами (*Светает*) и известные еще общеславянскому языку экзистенциально-отрицательные предложения с глаголом *быть*, например: ***Соблазна не было***. *Соблазн в тиши живет* (А. Ахматова);

С XIV—XVI вв. безличное предложение становится продуктивной моделью русского синтаксиса (рост безличной глагольной лексики, вовлечение личных глаголов в безличное употребление, активизация словообразовательного типа «личный глагол + *-ся* с безличным значением»);

С конца XVI в. активно развиваются предикативные прилагательные, переходящие в безличном предложении в слова категории состояния.

В экзистенциально-отрицательных предложениях, известных еще общеславянскому языку и первоначально включавших лишь глагол *быть*, с XVIII в.[2] стали употребляться глаголы появления, выявления, обнаружения, движения: *Встречи не состоялось*; *Ответа не последовало*; *Не чувствовалось надобности*; *Ничего не изменилось*. Соответствующие им двусоставные отрицательные предложения, обладающие тем же значением, встречаются реже (*Встреча не состоялась*; *Ответ не последовал*).

§ 3. Инфинитивные предложения

Инфинитивными являются односоставные предложения, главный член которых выражен независимым инфинитивом, с семантикой потенциального действия: *Скоро мне без листвы холодеть* (С. Есенин); *Не упасть бы*; *Ну как тут не рассердиться?*

[1] Дается по: *Тарланов З. К.* Становление типологии русского предложения... — С. 90—100.

[2] *Шведова Н. Ю.* Изменения в системе простого и осложненного предложения... — С. 307.

Основные структурные и семантические свойства инфинитивного предложения определены природой инфинитива, называющего действие, но не способного, в отличие от личных форм глагола, характеризовать его по времени протекания. Общее модальное значение инфинитивного предложения — потенциальность действия, темпоральное значение — вневременность. На общее значение потенциального действия наслаиваются частные модальные значения, средством выражения которых являются: 1) вся конструкция в целом: *Быть в дороге какой-нибудь беде!*, 2) частицы: *Не упасть бы на льду!*, 3) вид глагола: *Не оставить* (сов. вид) *нам их без помощи — Не оставлять* (нес. вид), 4) интонация: *Где взять нужные книги?* — прямой вопрос; *Где взять нужные книги?* — риторический вопрос-отрицание = 'негде взять нужные книги'.

Для структуры инфинитивного предложения характерно наличие облигаторной формы дательного падежа с субъектным значением (потенциальный деятель потенциального действия): ***Тебе** и отвечать*. Из-за регулярной соотнесенности инфинитива с формой дательного падежа лингвисты считают инфинитивные предложения производными от двусоставных: *Снег будет таять* — ***Снегу** таять*. В инфинитивном предложении сопряжение дательного субъектного и инфинитива является семантическим. Позиция именной словоформы не всегда замещена в предложении: *Здесь не пройти*; *Не все же праздновать! — [веселый пир народный / Прошел, как сон...]* (Я. Полонский). Из-за незамещенности данной позиции возникает значение неопределенно-обобщенной соотнесенности с субъектом потенциального действия. Иногда при отсутствии субъектной словоформы происходит ее возмещение объектной или обстоятельственной словоформой: *Как **тебе** помочь?* (соотнесенность с лицом говорящего очевидна — *Как мне тебе помочь?*, но две формы дательного падежа с разными значениями редко употребляются в одном предложении): *Пожить бы **спокойно**, **без суеты**! **Для себя** пожить бы!*

Семантически инфинитивные предложения близки к безличным, так как они называют потенциальное действие и дают оценку условий и возможностей его реализации (ср.: *Нам не удастся попасть на концерт — Нам не попасть на концерт*), но, в отличие от безличных, инфинитив в этих структурах употребляется независимо, в то время как в безличных структурах инфинитив зависим от глагола или предикативного наречия. Значение невозможности совершения действия в разных по структуре предложениях передается различными способами: в двусоставном предложении волевое состояние субъекта передано лексически: *Мы не сможем попасть на концерт* (глагол *смочь*); в безличном невозможность представлена как независимая от воли субъекта, объективная, а в инфинитивном — как предопределенная объективными обстоятельствами невозможность, констатируемая говорящим.

Инфинитивные предложения дают информацию актуализированно, разнообразные модальные и экспрессивные значения лексически не выражены, в отличие от безличных предложений, в которых безличный глагол или предикатив на *-о* конкретизирует каждое модальное значение (ср.: *Невозможно вернуть молодость*; *После занятий мне нужно идти в деканат*; *Тут вам нужно поворачивать назад*; *Вам стоит отдохнуть*; *Нельзя шуметь*; *Детям нужно дать детство*; *На льду можно упасть*; *Хочется уснуть*; *Не стоит ли посоветоваться с родителями?*; *Не нужно смеяться*; *Безнравственно* (*нельзя*) *обижать стариков*).

Инфинитивные предложения отражают деятельный поиск решений (*Не посоветоваться ли с родителями?*), побуждают к действию (*Не шуметь!*), определяют целесообразность действия (*Вам бы отдохнуть*) или экспрессивно утверждают его желательность/нежелательность, возможность/невозможность, целесообразность/нецелесообразность. Не все значения, передаваемые инфинитивными предложениями, имеют соответствия в безличных предложениях: им могут соответствовать двусоставные предложения: *Быть в дороге какой-нибудь беде = Обязательно в дороге случится какая-нибудь беда*; односоставные определенно-личные предложения: *Стоять = Стойте*; *Не упасть бы на льду = Боюсь упасть на льду.*

Значения инфинитивных предложений могут быть описаны с разной степенью детализации, ср. характеристику семантики инфинитивных предложений (табл. 9).

Историческая справка. Инфинитивные предложения отмечались уже в древнейших памятниках письменности, но не являлись функционально самодостаточными (контекст диалога или придаточная часть сложноподч-

Таблица 9

Характеристика семантики инфинитивных предложений

Традиционное описание		Концепция Г.А. Золотовой[1]	
Семантика предложений	Примеры	Семантика предложений	Примеры
Неизбежность	*Быть в дороге какой-нибудь беде!*	Эпистемические (уверенность говорящего в осуществимости/неосуществимости, необходимости, предопределенности сообщаемого)	*Быть грозе великой!* (А. Пушкин) *Мне не дойти.*
Невозможность	*Молодости не воротить* (посл.)		
Целесообразность	*Вам бы отдохнуть.*		
Долженствование	*Тут вам поворачивать назад.*		

[1] *Золотова Г.А.* и др. Коммуникативная грамматика... — С. 149.

Окончание табл. 9

Традиционное описание		Концепция Г. А. Золотовой	
Семантика предложений	Примеры	Семантика предложений	Примеры
Волеизъявление: а) приказ, призыв; б) опасение	*Не шуметь! Стоять!* *Дать детям детство!* *Не упасть бы на льду!*	Волюнтивные: а) собственно волюнтивные; б) побуждение к ответу; в) предложение самому совершить действие	*Молчать!* *Где нам пообедать?* *Так ехать за детьми?* *Не проводить ли вас?*
Желательность	*Мне бы уснуть.*	Оптативные (экспрессивно выраженное желание)	*Только (бы) успеть!*
Сомнение, раздумье	*Не посоветоваться ли с родителями?*	Рефлексивные	*Что же делать?* *Забыть?*
Негативное отношение к действиям других лиц:		Оценочно-характеризующие	*Тебя не переспорить*
а) осуждение, упрек; б) возмущение	*Вам бы все смеяться!* *Какой стыд! Обижать стариков!*	Реактивно-оценочные	*Не зайти.* *Не попрощаться!*

чиненного предложения). С XIV—XVI вв. инфинитивные предложения стали употребляться как самостоятельные структуры в разных по жанру текстах. В последующие эпохи они получили широкое распространение в разных жанрах литературы, в разговорной речи как самостоятельные структуры[1].

§ 4. Именные односоставные предложения

К именным односоставным предложениям относятся структуры, в которых падеж имени (именительный, родительный, винительный) совмещает значение номинации предмета, факта, явления с констатацией их бытия, поэтому падежная форма употребляется без грамматически выраженного предикативного компонента, а предложение в целом соотнесено с настоящим временем.

[1] *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. — М., 1963. — С. 393.

Номинативные предложения. Это именные односоставные предложения, главный член которых выражен формой именительного падежа: 1) существительного: *Бури грохот, бури свист! / Вихорь хладный! Вихорь жгучий!* (Е. Баратынский); *Утесы. Зной и сон в пустыне...* (А. Фет); 2) семантически неделимого словосочетания, в том числе и количественно-именные: *Летние каникулы*; *Две встречи*. Номинатив является предикативно неопределяемым: ему не приписывается признак, как в двусоставном предложении.

Главный член номинативного предложения лингвисты интерпретируют по-разному: А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский определяли его как сказуемое, В. А. Богородицкий — как подлежащее, А. А. Шахматов выделял две группы номинативных предложений в зависимости от природы главного члена: 1) подлежащные (*Тишина*; *Пожар!*) и 2) сказуемостные (*Молодец!*). В «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматов показал, что главный член номинативного предложения совмещает в себе функцию наименования предмета и идею его бытия.

В структуре номинативных предложений основную роль играет семантика имени. Главным членом номинативного предложения может стать слово, называющее явление, предметы, поддающиеся наглядно-чувственному восприятию: 1) мыслимые во временной протяженности (*Дождь*; *Жара*; *Летние каникулы*) или 2) размещающиеся в пространстве (*Площадь*; *Вокзал*). Классификация номинативных предложений базируется на лексической семантике главного члена, контексте употребления предложений, особенностях частиц в его составе. Традиционно выделяют следующие виды номинативных предложений (табл. 10).

Семантика бытийности в номинативном предложении является доминирующей. Значение статического бытия предмета передается без помощи глагольного компонента. За независимой позицией номинатива в русском языке закрепились общие грамматические значения реальной модальности и настоящего времени, которые систематически выражаются нулевым глагольным компонентом. Бытийные глаголы (*быть*, *существовать*) оказываются избыточными, так как номинатив и интонация сообщения оформляют значение бытийности.

С развитием синтаксических взглядов изменяется представление о границах номинативных предложений. Это касается, во-первых, оценки временных форм предложения, во-вторых, способов его распространения, в-третьих, значения изолированно употребленного именительного падежа в акте коммуникации.

РГ-80 для предложения *Зима* дает не только все формы индикатива (*Была*, *будет зима*), но и ирреальных наклонений (*Пусть будет зима*; *Если бы была зима*), а самостоятельное употребление номинатива без глагольного компонента характерно для формы настоящего времени, что отражает особенности употребления глагола *быть* в настоящем времени.

Таблица 10

Классификация номинативных предложений

Виды предложений	Примеры
1. Бытийные	
а) экзистенциальные (явление во времени);	***Гром и шум.*** *Корабль качает;* *Море темное кипит...* (Я. Полонский)
б) предметно-бытийные (предмет в пространстве)	***Лес да волны*** *— берег дикий,* *А у моря домик бедный* (Я. Полонский)
2. Указательные (с частицами *вот*, *вон*, *а вот*)	
а) указание;	***Вот жаркий летний день — вот кудри золотые —*** ***И полудетские уста, еще немые,*** ***С одним намеком на любовь...*** (Я. Полонский)
б) достижение	***Вот и ночь...*** *К ее порогу* *Он пришел, едва дыша...* (Я. Полонский)
3. Оценочно-бытийные	***Что за жизнь у меня!*** *и тесна, и темна,* *И скучна моя горница; дует в окно* (Я. Полонский)
4. Желательно-бытийные	***Если бы счастье! Только бы здоровье!***

Бесспорными второстепенными членами номинативного предложения являются препозитивное согласованное (***Теплая*** *осень*) или постпозитивное несогласованное (*Осень* ***в Петербурге***) определения. Определение ***теплая*** в постпозиции (*Осень теплая*) превращается в носитель предикативного признака, а конструкция — в двусоставную. В постпозиции к имени словоформа *в Петербурге* имеет признаковую, а не обстоятельственную семантику (= *петербургская*).

Возможность распространения номинативного предложения обстоятельствами и дополнениями признается далеко не всеми синтаксистами. Например, в предложениях *А* ***у моря*** *домик бедный* (Я. Полонский); ***У нас*** *беда* трактовка словоформы *у моря* как обстоятельства места, *у нас* — как косвенного дополнения (трактовка А. М. Пешковского, принятая в школьной грамматике) определяет и статус данных предложений как двусоставных неполных с опущенным сказуемым (обстоятельство, дополнения входят в группу сказуемого, не могут распространять подлежащее). Введение Н. Ю. Шведовой понятия «детерминант» позволило пересмотреть границы конструкций с именительным падежом: детерминант, не присловный, а приосновный распространитель, не изменяет структуры предложения.

По-разному трактуются указательные предложения с главными членами, выраженными существительными или личными место-

имениями: АГ-54 относит их к номинативным[1], а авторы АГ-70 и РГ-80 исключают указательные предложения из состава номинативных, так как они лишены собственно бытийной семантики, соотнесены с ситуацией, например: ***И вот сентябрь!*** *Замедля свой восход, / Сияньем хладным солнце блещет...*(Е. Баратынский).

Остался открытым и вопрос об оценочно-бытийных предложениях, так как основным их значением является не бытийность, а оценка предмета или лица, например: *Ай да служба! Ай да дядя! / Распотешил, старина!* (П. Вяземский); *Ну и дача! Вот так хоромы! Молодец!*)[2]. Данная функция характерна для предиката, поэтому такие предложения рассматриваются как двусоставные неполные, ср.: *Это — хоромы! Ты молодец!*

Назывные предложения получили широкое распространение в текстах художественной и публицистической литературы благодаря своей краткости и смысловой емкости, часто они образуют цепочки, которые открывают повествование или начало нового фрагмента текста, например: *Вершины Альп... Целая цепь крутых уступов... Самая сердцевина гор* (И. Тургенев); ***Серое небо***, ***дождь***, ***ветер***, *гулять нельзя* (Е. Шварц).

От назывных предложений следует отличать другие случаи изолированного употребления форм именительного падежа: не являются назывным предложением обращение, конструкции экспрессивного синтаксиса с именительным темы, например: ***Золотое детство!*** *Уж такое ли* ***оно*** *было золотое?* (Ю. Олеша).

Историческая справка. Номинативное предложение, как считает З. К. Тарланов, «хронологически замыкает образование типов простого предложения в русском языке»[3]: время их зарождения — XV—XVI вв., но широкое распространение они получили на рубеже XVIII—XIX вв. Рассматривая историю формирования синтаксических структур, многие лингвисты характеризуют номинативные предложения как вторичные, производные от глагольных двусоставных предложений (А. А. Потебня, З. К. Тарланов), объясняют их возникновение утратой глагола *быть* в форме настоящего времени.

Вокативные предложения. Форма именительного падежа может употребляться и не для констатации факта бытия явления, предмета, а для выражения негативной реакции на действия другого лица в ситуации непосредственного общения, как, например, в рассказе А. Аверченко «Петухов» героиня реагирует на упреки мужа в супружеской измене: — *Нет... я не брежу. О, конечно, ты могла быть это время и дома, но кто, кто мне поклянется, что ты не была*

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 2. — С. 57—62.

[2] В трактовке А. А. Шахматова, это «сказуемостные номинативные предложения».

[3] *Тарланов З. К.* Университетский курс... — С. 281—282.

*сегодня на каком-нибудь из скетинг-рингов и не встретилась с одним из своих знакомых?!.. — **Саша!!***

А. А. Шахматов данные конструкции определил как вокативные предложения: «...в них главным и единственным членом является обращение, имя лица, к которому обращена речь, если это имя произнесено с особою интонацией, вызывающею сложное представление, в центре которого стоит данное лицо; в этой мысли может быть выражен упрек, сожаление, укор, негодование»[1].

Данные структуры ситуативно обусловлены: они требуют обязательного объяснения ситуации для определения эмоциональной окраски и интонации, с которой они произносятся. Это затрудняет их квалификацию как самостоятельного типа именных односоставных предложений, чаще их включают в состав нечленимых[2] предложений или относят к обращениям.

Генитивные предложения. Это именные односоставные с бытийной семантикой, главный член которых выражен существительным в форме родительного падежа (*Народу! Шуму! Цветов!*). Впервые они были описаны А. А. Шахматовым в «Синтаксисе русского языка», но в дальнейшем нашли отражение далеко не во всех синтаксических описаниях (например, они отсутствуют в школьной грамматике).

Семантически (значение бытийности) генитивные предложения сближаются с номинативным, ср.: *Вокруг нового романа **много споров*** и *Вокруг нового романа **споров!*** Различие между ними в том, что в номинативном количественная характеристика выражена лексически, а в генитивном грамматически — формой родительного падежа.

Структурной особенностью генитивного предложения является употребление независимой формы родительного падежа. Стремление объяснить эту форму как зависимую вело к поиску пропущенного или подразумеваемого главного члена, от которого зависит родительный падеж, — слова с количественной семантикой (***Сколько** дел!*) или глагола *быть* в безличном употреблении (*Вчера дел-то **было**!*). Современные академические описания дают квалификацию генитивных предложений как самостоятельных структур, при этом выделяются 1) утвердительные генитивные предложения (*Шуму! Криков!*) и 2) отрицательные, констатирующие факт полного отсутствия при помощи отрицательной частицы *ни* (*Ни звука в доме*), которые сближаются с безличными отрицательными предложениями (*В доме нет ни звука*).

В сравнении с номинативным генитивное предложение обладает большей экспрессивностью, поэтому данные именные пред-

---

[1] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — С. 86.

[2] *Скобликова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. — С. 180—185.

ложения функционируют в разных текстах: типичный контекст употребления номинативных предложений — поэтические, публицистические, художественные тексты, а генитивных — обиходно-разговорная речь, которая находит отражение и в художественных текстах.

Лексическое наполнение модели генитивного предложения ограничено словами, которые можно воспринимать и оценивать по количеству и объему: в них исключены имена существительные собственные и собирательные (за исключением оценочно характеризующего употребления: *Тряпья-то! Вранья!*).

Конструкции типа *Врача! Халат! Чаю!* Подобные конструкции занимают промежуточное положение между самостоятельными структурами с семантикой требуемого, желаемого бытия и неполными предложениями с опущенным главным членом: *Позовите врача! Дайте халат!* Первичная структура может представлять собой определенно-личное или инфинитивное: *Денег бы достать* → *Денег бы.*

§ 5. Различные точки зрения на односоставные предложения

В истории русского синтаксиса классификация односоставных предложений неоднократно пересматривалась: от выделения максимального количества многообразных по морфологическому способу выражения главного члена и семантике односоставных предложений до отрицания односоставности как таковой.

А. А. Шахматов определил односоставные предложения как «не представляющие словесного обнаружения тех двух членов, на которые распадается каждая психологическая коммуникация»[1], дальнейшее деление односоставных предложений основывается на определении природы главного члена с описанием значения предложения и определением связи его значения с формой.

Для А. А. Шахматова характерно широкое понимание **определенно-личных предложений**: к ним отнесены бесподлежащные предложения с предикатами не только в формах повелительного наклонения 1-го/2-го лица ед./мн. числа настоящего/будущего времени: *Буду казнить их презрением* (А. Чехов), но и в формах ед. ч. прошедшего времени: *Что говорила, что делала, себя не помнила* (А. Островский), краткого причастия: *Убит, убит, совсем убит* (А. Грибоедов) и формах сослагательного наклонения.

К **неопределенно-личным**, наряду с предложениями с типичным предикатом 3-го лица мн. ч. или прошедшего времени мн. числа (*Подали чай*), Шахматов относил структуры, в которых реализует-

[1] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — Л., 1941. — С. 49.

ся неопределенно-личное значение 1-го лица ед./мн. числа (пословицы, сентенции), 2-го лица ед. числа: *Тише едешь, дальше будешь*; *А то велишь заложить беговые дрожки и поедешь на рябчиков* (И. Тургенев), т. е. обобщенно-личные предложения в современном понимании и инфинитивные бесподлежащные предложения: *Воротить, воротить его!* (Н. Гоголь)

В **безличных предложениях**, по мнению А. А. Шахматова, «главный член не вызывает представления ни о лице, ни о предмете»[1]. Способы выражения главного члена различны. Выделяются:

а) безличные спрягаемо-глагольные предложения с глаголами полного значения: *А на дворе давно уж побелело* (А. Грибоедов) или вспомогательными глаголами в соединении с инфинитивом или наречием: *И стало, наконец, совсем их не слыхать* (И. Крылов); *Бывало грустно им, а скучно не бывало* (И. Крылов);

б) инфинитивные: *Погибать бы мне одной* (А. Островский);

в) причастно-глагольные: *И волка велено в овчарню посадить* (И. Крылов);

г) наречные: *Стыдно, и горько, и больно ей было* (И. Тургенев);

д) междометные: *Тяп да ляп, не сляпаешь избы*; *Ба! Знакомые все лица* (А. Грибоедов).

Отрицательные предложения А. А. Шахматов определил как двучленные безличные предложения, например: *В Москве ведь нет невестам перевода* (А. Грибоедов). В составе безличных описаны и междометные, нечленимые предложения.

В группу именных односоставных предложений А. А. Шахматов включил две разновидности **номинативных предложений**: 1) подлежащно-бессказуемостные (*Тишина*; *Пожар!*) и 2) сказуемо-бесподлежащные (*Молодец!*) и **генитивные предложения** (*Яблок-то, яблок! Блох-то, блох!*).

А. М. Пешковский не выделял в самостоятельную группу определенно-личные предложения с опущенным местоименным личным подлежащим типа *Люблю тебя, Петра творенье...* (А. Пушкин).

В **неопределенно-личных предложениях** подлежащее «намеренно устранено из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределенное»[2]: *Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова* (А. Пушкин).

В **обобщенно-личных предложениях** форма 2-го лица специализировалась на обобщительной роли: *Упустишь огонь — не потушишь* (посл.).

К **безличным предложениям** отнесены случаи не только с безличным или личным в безличном употреблении глаголом, с безлично предикативной формой на *-о*, с кратким страдательным причастием на *-о* (*Про батарею Тушина было забыто* (Л. Толстой),

[1] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — С. 87.
[2] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис... — С. 371.

с безличным глаголом + инфинитив, но и глагольные или причастные конструкции с количественным наречием: *Иль было ей* ***восторгов мало****?* (В. Брюсов);

разные типы отрицательных предложений:

а) отрицательное местоимение + инфинитив: *И точно*, ***не на что*** *было жаловаться* (И. Тургенев);

б) частица *не* + глагол + род. падеж существительного: ***Ни облачка*** *на небе не бродило* (В. Жуковский);

в) частица *не* + страд. причастие + сущ. в род. падеж: *...так из избы не вынесено* ***сору*** (И. Крылов).

Инфинитивные предложения сгруппированы в шесть групп на основе значения инфинитива и интонации:

1) со значением объективной необходимости действия: ***Не нагнать*** *тебе бешеной тройки* (Н. Некрасов);

2) со значением субъективной необходимости: ***Принять*** *его*, ***позвать***, ***просить***, ***сказать***, *что дома*, *что очень рад* (А. Грибоедов);

3) со значением желаемости действия: *Одну минуту*, *еще одну минуту* ***видеть*** *ее*, ***проститься***, ***пожать*** *ей руку...* (М. Лермонтов);

4) эмоциональные восклицательные: ***Шутить***, *и век* ***шутить****! Как вас на это станет?..* (А. Грибоедов);

5) со значением колебания, нерешительности: *Куда* ***деваться*** *от княжон!* (А. Грибоедов);

6) вопросительные: *К чему понапрасну людей* ***беспокоить****?* (И. Тургенев).

К номинативным отнесены предложения с семантикой бытийности, в которых сказуемым является им. падеж, отсутствуют приглагольные члены предложения (обстоятельство, дополнение) и которые имеют только форму настоящего времени. А. М. Пешковский выделил три группы номинативных предложений по значению:

экзистенциальные: ***Ненастный день***; ***Вечерние сумерки***;

указательные: ***Вот мельница***. *Она уж развалилась* (А. Пушкин);

назывные: «***Господин из Сан-Франциско***».

Генитивные, вокативные и слова-предложения не выделены.

Школьная традиция придерживается выделения трех типов спрягаемо-глагольных предложений, учитывая лишь типичные способы выражения главного члена в каждом из них. В состав безличных включены и инфинитивные предложения различной семантики. Назывные предложения рассматриваются так же, как у А. М. Пешковского, к словам-предложениям отнесены ответные реплики *да* и *нет*. Генитивные характеризуются как неполные назывные, а примеры вокативных предложений анализируются как обращения.

В **АГ-54** к односоставным предложениям отнесены:

неопределенно-личные: *Хорошо в деревнях хлеб* ***пекут*** (М. Горький);

обобщенно-личные (к ним отнесены и те случаи, когда в предложении есть местоименное подлежащее в форме 2-го л.): *И хоть **ты** ангел **будь**, / Так **не минуешь** с ними драки* (И. Крылов);

безличные (5 групп в зависимости от грамматической природы главного члена, 5-я группа — отрицательные конструкции);

инфинитивные:

а) *Ну как **не порадеть** родному человечку!* (А. Грибоедов);

б) *Лишь лета **б** нам **дождаться**!* (И. Крылов);

в) ***Шутить! И век шутить**! Как вас на это станет?* (А. Грибоедов) — название действия + оценка его говорящим;

г) *Ничего **не видать** = Ничего не видно* со значением восприятия;

номинативные (повествовательные и вопросительные только в форме настоящего времени, могут быть распространены только определением: *Вот дом моего отца*; *Шесть часов?*);

слова-предложения (не распадаются на отдельные члены предложения, не распространяются при помощи пояснительных слов, выражают утверждение / отрицание, согласие / несогласие или экспрессивно-модальную оценку: *Точно так*; *Как же!*; *Верно!*; *Ничего*).

Определенно-личные, генитивные, вокативные предложения не выделены в самостоятельные группы, определены как неполные предложения.

Авторы **АГ-70** определяют как неполные реализации двусоставного предложения традиционные определенно-личные (*Читаю*; *Идешь*) и обобщенно-личные предложения (*На всех не угодишь*; *На эту печку дров не напасешься*), а односоставные предложения характеризуют в соответствии с грамматической природой главного члена.

Выделяется спрягаемо-глагольный класс, в который включены:

неопределенно-личные:

а) Vf_{3pl} — *Стучат*; *Тебя спрашивают*;

б) *Есть* Adv ($Pron_{2...}$) Inf — *Есть к кому пойти*; *Есть куда поехать.*

безличные предложения:

а) Vf_{3s} — *Вьюжит*; *Не спится*;

б) Vf_{3s} Inf — *Не терпится увидеть*;

в) Gen (Neg) Vf_{3s} — *Дел хватает*; *Денег не хватит.*

В наречный класс отнесены традиционно безличные предложения:

а) Praed — *Холодно*; *О нем не слышно*;

б) Praed Inf — *Можно начинать*; *Лень вставать*;

в) (Neg) Praed Gen — *Довольно разговоров*; *Не слышно голосов*;

г) *Нет* Gen — *Нет ответа*; *Нет никого.*

Инфинитивный класс составляют конструкции:

Inf — *Молчать! Теперь-то себя и показать! Еще раз увидеть ее!*;

D Inf — *Вам начинать*; *Быть грозе*;

Gen (Acc) Neg Inf — *Его не узнать*; *Тебя не переспорить*;

Neg Inf — *В вагон не влезть*;

Neg Inf же — *Не ночевать же тут!*;

Где (*куда*) Inf — *Куда уж спорить!*;

Inf Neg Praed ($Pron_{2...}$) — *Пойти некуда*; *Идти не к кому*;

Inf так Inf — *Ехать так ехать.*

К именному классу отнесены:

номинативные предложения:

а) N_{N1} — *Ночь*; *Звонок! У больного грипп*; *В воздухе гарь*,

б) $Adv_{quantit}$ (или $N_{quantit}$) Gen — *Много дел*; *Масса людей*,

в) Interj Pron N_1 — *Ох* (*уж*) *эти мне бракоделы!*,

г) Interj N_1 — *Ай да мед!*

генитивные предложения:

а) $Gen_{quantit}$ — *Смеху! Шуму!*,

б) Neg Gen — *Ни души*; *На небе ни облачка.*

Для описания традиционных вокативных и слов-предложений АГ-70 вводит понятие «высказывание», более широкое, чем понятие «предложение», а сами конструкции определены как высказывания, функционирующие в относительно независимой позиции. «Такие высказывания представлены списком отдельных лексически не варьируемых словоформ и сочетаний слов, в системе языка закрепивших за собой коммуникативную функцию и соответственно облеченных интонацией предложения»[1].

Авторы **«Русской грамматики»** (**РГ-80**) пересмотрели взгляды на структуру простого предложения (подробно см.: «Структура простого предложения в концепции Н. Ю. Шведовой») и ввели понятие компонента предикативной основы (формы слов, организующие предикативную основу предложения как минимального грамматического образца его построения[2]). Соответственно были выделены двукомпонентные и однокомпонентные структурные схемы предложения, а традиционно определенно-личные и обобщенно-личные предложения определены не как самостоятельный тип предложения, а как регулярная реализация (неполнота) двукомпонентных подлежащно-сказуемостных предложений.

Неопределенно-личные предложения *Стучат*; *Зовут* отнесены к спрягаемо-глагольному, а *Ему* ***рады*** — к неспрягаемо-глагольному классам однокомпонентных предложений.

Безличные предложения в зависимости от грамматической природы компонентов и их количества отнесены к однокомпонент-

---

[1] Грамматика современного русского литературного языка. — С. 574.

[2] Русская грамматика. — Т. II. — С. 85.

Различные точки зрения

Типы предложений		Традиционная точка зрения на односоставные		
		А. А. Шахматов	А. М. Пешковский	Школьная традиция
Спрягаемо-глагольные	Определенно-личные	Определенно-личные	Двусоставное неполное	Определенно-личные
	Неопределенно-личные	Неопределенно-личные	Неопределенно-личные	Неопределенно-личные
	Обобщенно-личные	Отсутствуют	Обобщенно-личные	Обобщенно-личные
Безличные		Спрягаемо-глагольные; инфинитивные причастные; наречные; междометные	Глагольные с безлично-предикативной формой на *-о*; причастные; отрицательные	Рассвело Молчать!
Инфинитивные		Разновидность безличных	Инфинитивные	Разновидность безличных
Именные	Номинатив-ные	Подлежащно-бессказуемостные номинативные Сказуемо-бес-подлежащные именные	Номинативные: экзистенциальные; указательные; назывные	Назывные
	Генитивные	Генитивные (подлежащно-бессказуемостные)	Не выделены в самостоятельную группу	Не выделены в самостоятельную группу
	Вокативные	Вокативные	Не выделены в самостоятельную группу	Рассматриваются как обращения
	Слова-предложения	Не выделены в самостоятельную группу	Не имеют статуса предложения	Не выделены в самостоятельную группу

Таблица 11

на односоставные предложения

предложения АГ — 1953	АГ — 1970	Русская грамматика — 1980
Двусоставное неполное	Неполная реализация N_1V_{fin}	Регулярная реализация (неполнота) N_1V_{fin}
Неопределенно-личные	Неопределенно-личные $V_{f\ pl\ 3}$	Неопределенно-личные $V_{f\ pl\ 3}$; Adj
Обобщенно-личные	Неполная реализация N_1V_{fin}	Регулярная реализация (неполнота) N_1V_{fin}
С безличным глаголом; с личным глаголом в безличном значении; с предикативным наречием; с кратким страдательным причастием; отрицательные конструкции	V_{f3s} V_{f3s} Inf Gen (Neg) Vf_{3s} Praed Praed Inf (Neg) Praed Gen Нет Gen	Однокомпонентные: Vf_{3s} Двукомпонентные: Vf_{3s} Inf; N_2(neg) Vf_{3s} Praed—Inf; Praed (neg) N_4/N_2 Praed part N_2 *Нет* N_2; $Pron_{neg}$ Inf
без частицы *бы* с частицей *бы* инфинитивно-назывные инфинитивно-безличные	Inf D Inf Gen (Acc) Neg Inf Neg Inf Neg Inf же Где (куда) Inf Inf Neg Praed ($Pron_{2...}$) Inf так Inf	Инфинитивный класс (Inf)
Номинативные	N_1 $Adv_{quantit}$ (или $N_{quantit}$) Gen Interj Pron N_1 Interj N_1	Именной класс однокомпонентных предложений: N_1
Двусоставные неполные	$Gen_{quantit}$ Neg Gen (N_2)	Генитивные (N_2):
Рассматриваются как обращения	Относительно независимые высказывания	
Модально-ответные и вопросительные; эмоционально-оценочные побудительные		

ным спрягаемо-глагольные *Светает*; *Знобит* и наречные *Холодно*; *Грустно*; *Натоптано*; *Закрыто* или двукомпонентным предложениям (это не подлежащно-сказуемостные *Запрещается шуметь*; *Несчастья не случилось*; *Можно ехать*; *Приказано наступать*; *Видно/Не видно следы/следов*; *Наготовлено запасов* и с лексически ограниченными компонентами *Нет времени*; *Некому работать*; *Некуда идти*).

В инфинитивный класс однокомпонентных предложений включены предложения со структурной схемой: Inf — *Здесь не пройти*; *Цвести садам! Молчать!*

Номинативные предложения представлены однокомпонентными структурными схемами N_1 — *Тишина*; *Ссора*.

Концепция Г. А. Золотовой (подробно см. гл. 3 «Семантическая организация простого предложения»), представленная в работе «Коммуникативная грамматика русского языка», строится на понимании речемыслительного акта как сопряжения предикатного и субъектного компонентов в категориях времени, лица и модальности, поэтому двусоставность рассматривается как необходимый признак предложения.

Рекомендуемая литература

Акимова Г. Н. О значении глагола «быть» в безличных предложениях // Материалы XXXIV Международной филологической конференции. — Вып. 17. Грамматика (славянский цикл). — Ч. 1. — СПб., 2005. — С. 8—12.

Борковский В. И., *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. — М., 1963.

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. — М.; Л., 1935.

Булыгина Т. В., *Шмелев А. Д.* Я, ТЫ и другие в русском синтаксисе (нулевые местоимения: референция и прагматика) // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997. — С. 335—352.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. — М., 1959.

Гак В. Г. Неопределенно-личность в плане содержания и в плане выражения // ТФГ: Персональность. Залоговость. — СПб., 1991. — С. 72—87.

Грамматика русского языка: в 2 т. — Т. II. — Ч.1. — М., 1954.

Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970.

Золотова Г. А., *Онипенко Н. К.*, *Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика. — М., 1998; 2-е изд., 2004. — С. 112—131.

Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. — М., 2007.

Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги. — Л., 1974. — С. 343—361.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. — М., 2006. — С. 332—337.

Павлов В. М. Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке. — СПб., 1998.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956.
Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — Т. 1—2. — М., 1958.
Пупынин Ю. А. Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке // Межкатегориальные связи в грамматике. — СПб., 1996. — С. 144—152.
Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970.
Рогова К. А. О значении и употреблении обобщенно-личных предложений // Тенденции развития русского языка: Сб. ст. к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой. — СПб., 2001. — С. 155—164.
Русская грамматика: в 2 т. — Т. II. — М., 1980.
Русская грамматика / под ред. Шведовой Н. Ю. и Лопатина В. В. — 2-е изд. — М., 1990. — С. 470—478.
Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. — М., 1980.
Современный русский литературный язык: учебник / под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. — М., 2003.
Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса... в научно-историческом освещении: учеб. пособие. — Петрозаводск, 2007.
Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. — Петрозаводск, 1999.
Тестелец Я. Г. Синтаксические теории // Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. — М., 2001. — С. 310—316, 469—721.
Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941.
Шведова Н. Ю. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. — М., 1964.
Шелякин М. А. О семантике неопределенно-личных предложений // ТФГ: Персональность. Залоговость. — СПб., 1991. — С. 62—86.
Шмелев А. Д. Определенность—неопределенность в аспекте теории референции // ТФГ: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность—неопределенность. — СПб., 1992. — С. 266—279.

3. Неполные и эллиптические предложения

§ 1. Понятие «неполное предложение»

Неполнота синтаксической конструкции возникает вследствие того, что предусмотренные структурой предложения синтаксические позиции (или хотя бы одна из них) остаются лексически не замещенными. Например: *Я могу тебе дать новый учебник по синтаксису. — Спасибо, я уже купил.* В ответной реплике выражение сказуемого переходным глаголом предполагает позицию прямого дополнения, однако лексическое незамещение этой позиции не нарушает смысловой определенности предложения. Таким обра-

зом, неполными являются предложения с лексически не замещенными синтаксическими позициями[1].

Неполные предложения не представляют собой особого структурного типа. По своей структуре они могут быть двусоставными или односоставными. Структурный тип неполного предложения определяется путем сопоставления с полным вариантом. Например: *Вы кто? — Студент.* Ответная реплика представляет собой двусоставное неполное предложение (ср.: *Я — студент*). *Только что звонили из дома. — Кому?* Предложение *Кому?* односоставное (неопределенно-личное) неполное (ср.: *Кому звонили из дома?*).

§ 2. Из истории изучения неполных предложений

В истории изучения русского синтаксиса неполные предложения получали различную трактовку. Представители логической школы в грамматике рассматривали в качестве неполного любое предложение, которое отклонялось от идеального образца, отражающего схему суждения. А. А. Шахматов обосновал существование в русском языке двух самостоятельных структурных типов предложений: двусоставных и односоставных[2]. Тем самым круг неполных предложений был значительно сужен: односоставные предложения, только в силу особенностей строения предикативного минимума (один главный член), не могли быть признаны неполными. В то же время состав синтаксических конструкций, подводимых под понятие неполных предложений, был достаточно разнородным. Это нашло свое отражение в «Грамматике русского языка» 1954 г., где различаются следующие типы неполных предложений[3]:

1. Неполные предложения, представляющие собой взаимосвязанные реплики диалога: *Ты когда вернешься домой? — В шесть часов.* В ответной реплике не повторяются члены предложения, названные собеседником.

2. Самостоятельно употребляемые неполные предложения, особенностью структуры которых является отсутствие сказуемого: *Ты это о чем?* Специфика этих предложений заключается в их самостоятельности, смысловой самодостаточности даже в изоляции от окружающего контекста или ситуации. В приведенном примере значение речи поддерживается наличием в составе предложения подлежащего *ты* со значением лица и дополнения *о чем*, обозначающего предмет речи.

---

[1] *Валгина Н. С.* Современный русский язык: Синтаксис. — 4-е изд. — М., 2003. — С. 194.

[2] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — Л., 1941. — С. 30—31.

[3] Грамматика русского языка. — Т. 2. Ч.1. — С. 89—90.

3. Неполные предложения, представляющие собой устойчивые сочетания: *Спокойной ночи! С праздником! Что нового?*

4. Неполные предложения, входящие в состав сложных предложений: *Я смотрел на него, а он — на меня.* Во второй части сложного предложения не повторяется сказуемое, названное в первой части.

Неоднородность синтаксических явлений, объединенных в АГ-54 понятием «неполное предложение», обусловила то внимание к ним со стороны исследователей, которое было проявлено в дальнейшем. Необходимость дифференцированного подхода к этим синтаксическим явлениям была подчеркнута В. В. Виноградовым, который обратил внимание на самостоятельно употребляемые неполные предложения: *У нас праздник. У них скука. Там столпотворение.* Такие предложения не всегда могут быть грамматически восполнены без нарушения норм русского языка: *У нас* (*проходит? осуществляется?*) *праздник. Там* (*происходит?*) *столпотворение.* По мнению В. В. Виноградова, это особые структурные типы предложений, которые следует изучать не с точки зрения их неполноты, а со стороны их собственных, специфических для них структурных свойств[1]. При таком анализе «при учете структурно-грамматических особенностей так называемых неполных предложений почти каждое из них окажется полным, т. е. адекватным своему назначению и соответствующим образом выполняющим свою коммуникативную функцию»[2].

Таким образом, В. В. Виноградов наметил существенное различие среди неполных предложений в том широком понимании, которого придерживается АГ-54.

С одной стороны, речь идет о неполных предложениях, опирающихся на контекст или ситуацию. В современной учебной литературе принято деление неполных предложений на контекстуальные и ситуативные[3]. В контекстуальных неполных предложениях опущенные члены предложения упомянуты в контексте: *Ты прочитал газету? — Да, прочитал.* В ситуативных неполных предложениях неназванные члены предложения ясны из ситуации. Например: *Идет!* — в ситуации ожидания автобуса на остановке.

С другой стороны, выделяются предложения, которые самостоятельно выражают соответствующее содержание без обращения к контексту или ситуации: *Отец — за ремень.* Дальнейшее изучение этих предложений со стороны их специфических свойств привело к выделению эллиптических предложений — первоначально в составе неполных предложений, впоследствии — в качестве особого типа предложений.

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. 2. Ч. 1. — С. 97.

[2] Там же. — С. 98.

[3] См., например: *Валгина Н. С.* Современный русский язык. — С. 195—197.

§ 3. Эллиптические предложения

Отличительным признаком эллиптических предложений (в сравнении с предложениями неполными) является устранение глагольного компонента, которое не возмещается контекстом или ситуацией[1]. Устранение глагольного сказуемого не препятствует в этом случае самостоятельному функционированию предложения. Например: *Я — в библиотеку.* Здесь усматривается сокращение глагола движения; местоимение *я* непосредственно соотнесено с предложно-падежной формой существительного, обозначающей направление, конечный пункт движения. Ситуация перемещения передается всей синтаксической конструкцией в целом.

Эллипсис характерен для ограниченного числа конструкций, в которых устраненный глагольный компонент входит в определенную семантическую группу. В соответствии с этим выделяют следующие разновидности эллиптических предложений[2]:

1. Предложения со значением движения, перемещения: *Татьяна в лес, / Медведь за нею* (А. С. Пушкин).

2. Предложения со значением речи, мысли: *Я ему про Фому, а он мне про Ерему* (посл.).

3. Предложения со значением «бить», «ударять»: *Вот я тебя палкой!*

4. Предложения со значением «брать», «хватать», «браться», «хвататься»: *Я за свечку. Свечка — в печку* (К. И. Чуковский).

Отдельного комментария заслуживают предложения со значением бытия, наличия, существования: *Вокруг дома ограда. Сегодня суббота.* В АГ-54 эти предложения, наряду с перечисленными выше конструкциями, рассматривались в качестве самостоятельно употребляемых неполных предложений. Введение в синтаксическое описание понятия детерминантов (АГ-70 и РГ-80) открывает возможность для признания такого рода предложений односоставными номинативными, распространенными детерминантами. Квалификация компонентов *вокруг дома*, *сегодня* как распространителей предложения в целом избавляет от необходимости устанавливать присловную зависимость этих компонентов от отсутствующего сказуемого. Ср.: *Вокруг дома* (*находится*, *располагается*) *ограда. Сегодня* (*имеет место быть*) *суббота.*

Таким образом, описанные в АГ-54 самостоятельно употребляемые неполные предложения получают в современном синтаксисе новое осмысление. Одни из них квалифицируются как эллиптические предложения, другие признаются обычными полными предложениями.

---

[1] Ср. определение П. А. Леканта: «Эллипсис — это сокращение глагольного словосочетания в предложении, устранение глагольного компонента (без возмещения его в контексте)». См.: *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — 3-е изд. — М., 2004. — С. 232.

[2] *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения... — С. 233—236.

§ 4. Неполные предложения в синтаксической концепции Н. Ю. Шведовой

Концепция Н. Ю. Шведовой реализована в АГ-70 и РГ-80, где отразилась тенденция к формализации синтаксического описания. Предложение описывается здесь с опорой на понятие структурной схемы. Можно выделить следующие факторы, определяющие место неполных предложений в концепции Н. Ю. Шведовой:

разграничение присловных и неприсловных связей;
наличие конечного списка структурных схем;
правила распространения простого предложения;
выделение полных и неполных регулярных реализаций.

Разграничение присловных и неприсловных связей имеет принципиальное значение, поскольку присловные распространители, независимо от степени их обязательности, в структурную схему не включаются. Если в предложении представлены все компоненты структурной схемы, это полная реализация минимального грамматического образца[1]. Следовательно, на уровне предложения синтаксическая неполнота в таких случаях, как *Мальчик бросил* (ср.: *Мальчик бросил мяч*) не усматривается. Здесь есть все компоненты структурной схемы $N_1 — V_f$. Это существенное отличие от традиционного синтаксиса, где в одном ряду — предложения как с «опущенными» главными, так и второстепенными членами.

Наличие перечня структурных схем — существенный фактор для интерпретации синтаксической неполноты. Если есть структурная схема и в предложении есть все необходимые компоненты, нет оснований усматривать синтаксическую неполноту на уровне предложения. Например: *Мать — в саду*; *Друзья рядом.* Здесь двукомпонентная структурная схема $N_1 — N_2$ ... или Adv. Для АГ-54 предложения такого рода — неполные с отсутствующим сказуемым[2].

Если обратиться к распространению простого предложения, то сама идея о распространении предложения в целом (детерминации) заставляет пересмотреть такой формальный признак неполноты, как наличие второстепенных членов при отсутствии того члена предложения, к которому они должны были бы относиться. Предложение *Уж день!* (А. Грибоедов) А. А. Шахматов рассматривает как двусоставное неполное: «Формальным отличием двусоставных от односоставных является наличие в двусоставных обстоятельства... или такого дополнения, которое не зависит от существительного, составляющего главный член односоставного предложения»[3]. С точки зрения Н. Ю. Шведовой, мы имеем дело с обстоятельственной детерминацией предложения, построенного

---

[1] Русская грамматика. — Т. 2. — С. 120.
[2] Грамматика русского языка: в 2 т. — Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. — М., 1954. — С. 97.
[3] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — С. 56.

на основе однокомпонентной структурной схемы N_1[1]. Таким образом, распространитель предложения не может рассматриваться как потенциальный показатель синтаксической неполноты.

Наконец, фактор, непосредственно влияющий на определение границ неполных предложений в концепции Н. Ю. Шведовой, — выделение полных и неполных регулярных реализаций простого предложения, а также разграничение двух разновидностей неполных реализаций: конситуативно обусловленных и конситуативно не обусловленных. Первая разновидность (конситуативно обусловленные реализации) соответствует неполным предложениям в традиционном синтаксисе. Например: *Ученики опоздали? — Опоздали. Кто этот человек? — Мой друг* (примеры Н. Ю. Шведовой)[2]. Вторая разновидность (конситуативно не обусловленные неполные реализации) неоднородна. Она включает не только предложения типа *Я — к тебе*; *Мы о деле*, но и такие предложения, которые в традиционном синтаксисе считаются односоставными предложениями спрягаемо-глагольного класса (определенно-личными и обобщенно-личными). Ср.: *Иду. — Я иду*; *Идешь. — Ты идешь*; *Иди. — Ты иди*.

Подводя итог, отметим следующие особенности того, как Н. Ю. Шведова описывает предложения, называемые в традиционной грамматике неполными. Во-первых, изменился объем синтаксических конструкций, которым приписывается признак неполноты — как в сторону сокращения неполных предложений, так и в сторону некоторого увеличения («бывшие» определенно- и обобщенно-личные предложения). Во-вторых, в подходе к неполным предложениям, как и к простому предложению в целом, АГ-70 и РГ-80 ориентируются на структурную схему, которая понимается как формально-грамматический минимум. Эта ориентация на полный образец носит здесь еще более жесткий характер, чем в традиционном синтаксисе, так как там и не ставится задача дать конечный список таких образцов. В-третьих, в рамках неполных реализаций объединяются достаточно разнородные явления: реализации конситуативно обусловленные и конситуативно не обусловленные.

§ 5. Неполные предложения в синтаксической концепции Г. А. Золотовой

Обратимся теперь к неполным предложениям в синтаксической концепции Г. А. Золотовой. Как и в концепции Н. Ю. Шведовой, принципиальный подход к неполным предложениям — ориентация на полный образец, в сопоставлении с которым и воспринимается неполное предложение, а также разграничение синтакси-

[1] Русская грамматика: в 2 т. — Т. 2. — С. 367.
[2] Там же. — С. 120.

ческой неполноты на уровне предложения и на уровне словосочетания[1]. Однако выявляются и существенные различия.

Первая особенность в том, что иначе понимается предикативный минимум, тот образец, на который «равняются» неполные предложения. В коммуникативной грамматике само сопряжение субъекта и предиката связано с выражением определенного типового значения: действие субъекта, состояние субъекта, свойство субъекта и др.: *Сестра добрая*; *Сестра шьет*; *Сестре скучно*[2]. Состав неполных предложений, выявляемых в сопоставлении с такими моделями, отличается от традиционного состава еще в большей степени, чем в АГ-70 и РГ-80. С одной стороны, количество неполных предложений увеличивается, поскольку предложение признается принципиально двусоставным. Например: *Не спится*, *няня*; *И скучно*, *и грустно* — неполные речевые реализации двусоставных языковых моделей (*Мне не спится*; *Мне скучно*)[3]. В РГ-80 мы, напротив, найдем однокомпонентные структурные схемы (Vf_{3s} и Praed)[4]. С другой стороны, количество неполных предложений уменьшается за счет некоторых эллиптических предложений, которые традиционная грамматика включала в состав неполных предложений (*Аптека — за углом*; *Книги — для детей*; *Телеграмма — брату*). В понимании Г. А. Золотовой, это полные предложения с определенными типовыми значениями: локативная характеристика предмета (*Аптека — за углом*), указание на адресацию, назначение предмета (*Книги — для детей*; *Телеграмма — брату*)[5] и т. п.

Вторая особенность — последовательное различение полных и неполных предложений как явлений языка и речи. Нельзя сказать, что этот аспект не учитывается в концепции Н. Ю. Шведовой. Неполные регулярные реализации, опирающиеся на контекст или ситуацию, выступали как речевое явление, в отличие от реализаций, конситуативно не обусловленных. Ср.: *Уже пришел. — Кто пришел? — Преподаватель* (конситуативно обусловленные реализации). *Я иду. — Иду* (конситуативно не обусловленная реализация). Однако у Н. Ю. Шведовой это проявления одного типа изменений — неполного представления грамматической структуры предложения[6]. У Г. А. Золотовой аспект неполноты целиком отне-

---

[1] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982. — С. 202.

[2] *Золотова Г. А.* и др. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — С. 104—105.

[3] *Золотова Г. А.* О главных членах предложения: дискуссионные вопросы // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова // Вопросы русского языкознания. Вып. VIII / под ред. М. Л. Ремневой и Е. В. Клобукова. — М., 2000. — С. 12.

[4] Русская грамматика. — Т. 2. — С. 96.

[5] *Золотова Г. А* и др. Коммуникативная грамматика... — С. 108.

[6] Русская грамматика. — Т. 2. — С. 119.

сен не к структуре предложения, а к речевой, контекстной реализации модели[1].

Наконец, отметим еще одно важное различие — различие в том, что может служить признаком неполноты в границах предложения. Для Н. Ю. Шведовой такой ориентир — структурная схема. Схемы исчислимы, они представлены в виде конечного списка. Предусмотрены также типы регулярных реализаций. Есть схемы и их реализации, и именно с ними как с образцами сопоставляются синтаксические конструкции, подлежащие оценке, и делается вывод о статусе этих конструкций: имеем ли мы дело со схемой в исходном виде или с регулярной реализацией, а если с реализацией, то с реализацией какого типа и какой разновидности.

В коммуникативной грамматике создание полного перечня моделей предложения не является принципиально важным для синтаксического описания. Однако появляется новый ориентир — тип синтаксемы (минимальной семантико-синтаксической единицы). Г. А. Золотова различает три типа синтаксем: связанные, обусловленные и свободные[2]. Связанные синтаксемы способны лишь к присловному употреблению: *украшать* ***елку***, *руководить* ***людьми***. Обусловленные синтаксемы функционируют только в определенных моделях предложения (***Мне*** *не спится*; ***Его*** *знобит*). Свободные синтаксемы занимают любую, в том числе и изолированную, синтаксическую позицию. Например: ***У реки*** (название картины). — *Его дом —* ***у реки*** (компонент предложения). — *Дети играют* ***у реки*** (присловная позиция).

В каких случаях синтаксическая неполнота выявляется уже в границах предложения? В тех случаях, когда связанная синтаксема появляется без сопровождения глагола, с которым она должна быть связана[3], так как она должна употребляться только при каком-то другом слове. Если этого слова в предложении нет, следовательно, предложение неполное. Ср.: *Татьяна в лес* и *Татьяна — письмо* (*Татьяна пишет письмо*, *Татьяна читает письмо* и т. п.). В первом случае *в лес* — свободная синтаксема со значением направления действия[4]. *Татьяна в лес* — предложение полное. Во втором случае *письмо* — связанная синтаксема со значением объекта действия[5], т. е. она употребляется исключительно в словосочетании. Следовательно, предложение *Татьяна — письмо* неполное. Таким образом, в оценке предложения как полного или неполного акцент переносится с полного образца, с которым сравнивается синтаксическая конструкция, на синтаксему — минимальную

---

[1] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — С. 132.
[2] *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. —М., 2001. — С. 5.
[3] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — С. 201.
[4] *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. — С. 159.
[5] Там же. — С. 158.

семантико-синтаксическую единицу. Связанная синтаксема в определенных условиях употребления выступает в качестве яркого показателя неполноты предложения.

Г. А. Золотова ставит под сомнение целесообразность выделения эллиптических предложений как переходных явлений между предложениями неполными и полными. Напомним, что характерным признаком эллиптических предложений является устранение глагольного сказуемого, не возмещаемое контекстом или ситуацией: *Петя — в школу*. В рамках выдвигаемой Г. А. Золотовой синтаксической концепции *в школу* представляет собой свободную синтаксему, которая существует «до» предложения со значением направления движения. Присловная позиция (*Петя пошел в школу*) — одна из возможных синтаксических позиций этой формы; она может употребляться и изолированно, например в качестве заголовка газетной статьи (*В школу*), а также в качестве компонента предложения (*Маша — в детский сад, а Петя — в школу*). Свободная синтаксическая форма не обязана своим существованием никакому глаголу (или другому грамматически господствующему слову). Следовательно, идея об устранении глагольного компонента и эллиптичности конструкции лишается теоретического обоснования. Речь идет о самостоятельных языковых моделях — типизированных средствах выражения типовых значений: *Петя — в школу* (указание на направление движения); *Дети — в школе* (указание на местонахождение); *Пособие — для учителей* (указание на предназначенность предмета); *Столик — из дерева* (указание на материал) и т. п.

Таким образом, по мнению Г. А. Золотовой, понятие эллипсиса оказывается для синтаксиса простого предложения фактически не оправданным, а синтаксическая неполнота интерпретируется как исключительно речевое явление[1].

Рекомендуемая литература

Грамматика русского языка: в 2 т. — Т. 2. — Ч. 2. — М., 1954. — С. 88—122.

Русская грамматика: в 2 т. — Т. 2. — М., 1980. — С. 119—120.

Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис. — 4-е изд. — М., 2003. — С. 194—204.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982. — С. 187—203.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., 1988. — С. 3—16.

Золотова Г. А. О главных членах предложения: дискуссионные вопросы // Функциональные и семантические характеристики текста, выска-

[1] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты... — С. 201—202.

зывания, слова. Вопросы русского языкознания. Вып. VIII / под ред. М.Л. Ремневой и Е.В. Клобукова. — М., 2000. — С. 11—23.

Золотова Г.А., *Онипенко Н.К.*, *Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — С. 102—108.

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — 3-е изд. — М., 2004. — С. 219—236.

Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. — М., 2003. — С. 704—705.

4. Осложнение простого предложения

§ 1. Понятие «осложненное предложение»

Осложненное предложение обычно определяется путем перечисления традиционно выделяемых элементов в составе простого осложненного предложения: 1) обособленные обороты; 2) однородные члены предложения; 3) вводные конструкции; 4) слова-обращения; 5) междометия. Открытым остается вопрос, почему конструкции с этими элементами охватываются понятием осложненного предложения. Каким признаком характеризуются осложненные предложения?

Учебная литература испытывает определенные трудности при описании простого осложненного предложения. Так, Н.С. Валгина описывает разновидности осложненных предложений без объединения их общим понятием осложнения и без использования самого термина[1]. В учебном пособии И.П. Распопова и А.М. Ломова осложненные предложения оказываются в кругу особых явлений в синтаксисе простого предложения наряду с неполными предложениями, парцеллированными конструкциями[2]. В учебном пособии П.А. Леканта одни традиционно выделяемые осложняющие компоненты рассматриваются в качестве приемов усложнения членов предложения (обособленные и однородные члены предложения), другие конструкции (обращение, вводные компоненты) описываются в разделе «Реализация предложения в речи», где они стоят в одном ряду с неполнотой и актуальным членением предложения[3].

В научной литературе проблема осложнения простого предложения не пользуется большим вниманием. Основные усилия синтаксистов традиционно были направлены на изучение предикативной основы предложения, на выявление моделей или схем

---

[1] *Валгина Н.С.* Современный русский язык. — М., 2003. — С. 205—257.

[2] *Распопов И.П.*, *Ломов А.М.* Основы русской грамматики. — Воронеж, 1984. — С. 255—279.

[3] *Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — 3-е изд. — М., 2004. — С. 196, 212.

предложения. Что же касается явлений осложнения, то они относятся не к предикативной основе предложения, а к его периферии. Они как бы накладываются на основной структурный состав предложения, не изменяя его. Их можно изъять из предложения — и структурный каркас останется тем же. И, напротив, предложение может «обрастать» осложняющими компонентами, при этом остальные характеристики остаются неизменными, например: *Петя прочитал к экзамену учебник.* Предложение простое, повествовательное, утвердительное, двусоставное, распространенное, полное, неосложненное. Это предложение можно превратить в осложненное различными способами.

Во-первых, с помощью однородных членов: *Петя прочитал к экзамену учебник и лекции* (однородные дополнения). Кроме того, можно осложнить предложение обособленными членами: *Петя прочитал к экзамену учебник, взятый в библиотеке, и лекции, записанные им в тетради* (обособленные определения, выраженные причастными оборотами). В качестве осложняющего компонента может выступать вводное слово: *Петя, вероятно, уже прочитал к экзамену и учебник, взятый в библиотеке, и лекции, записанные им в тетради.* Наконец, осложнять предложение может и обращение: *Вася! Петя, вероятно, уже прочитал к экзамену и учебник, взятый в библиотеке, и лекции, записанные им в тетради. Давай попросим у него.*

Исходное неосложненное предложение как бы «обросло» разнообразными конструкциями, свойственными предложению осложненному. Однако по отношению к предикативной основе, структурной схеме, модели эти явления выступают как периферийные. Тем не менее в школьном курсе русского языка им традиционно уделяется значительное внимание, поскольку с ними связаны правила пунктуации. Однако и в вузовском курсе синтаксиса задача осмысления осложненного предложения остается актуальной. Почему же так трудно дать определение осложненного предложения? Причина — в неоднородности синтаксических явлений, которые традиционно подводятся под понятие «осложнение».

Однородные и обособленные члены — это члены предложения, в отличие от вводных слов и обращений[1]. В АГ-54 говорится, что простое предложение может быть осложнено наличием однородных и обособленных членов[2]. Обратим внимание на то, что ни вводные конструкции, ни обращения в данном контексте не упоминаются. Однако и между однородными и обособленными членами есть существенное различие. Однородные члены занимают в структуре предложения одно синтаксическое место. Ср.: *Сту-*

[1] Дискуссионный вопрос о синтаксическом статусе обращений здесь не рассматривается.

[2] Грамматика русского языка — Т. 2. — Ч. 1. — С. 98.

дент положил на стол тетрадь. — Студент положил на стол тетрадь, ручку, карандаш, резинку, учебник, словарь. Весь этот сочиненный ряд занимает в структуре предложения одно синтаксическое место: прямого дополнения. Ряд однородных членов — это как бы один, но расширенный член предложения. Есть мнение, что однородность лишь количественно расширяет предложение, но не осложняет его[1]. Обособленный член предложения, напротив, выполняет самостоятельную синтаксическую функцию. Ср.: *Петя прочитал учебник. — Петя прочитал учебник*, ***взятый в библиотеке***. Осложнение связано здесь с введением в состав предложения обособленного определения.

Очень специфичны вводные слова и обращения. Вводные слова выражают отношение говорящего к тому, о чем он сообщает, например: *Эта книга переведена на русский язык*; ***Кажется***, *эта книга переведена на русский язык* (неуверенность); ***К счастью***, *эта книга переведена на русский язык* (эмоциональная оценка) и т. п. Что касается обращения, то в своей первичной функции оно называет того, к кому обращаются с речью: ***Мальчик***, *как тебя зовут?*

Таким образом, каждый разряд осложненных предложений имеет свои особенности. Существуют различные подходы к выявлению того общего (или основного) признака, который характеризует осложненное предложение как таковое.

Один подход связан с разграничением центра (предложения с обособленными членами) и периферии (прочие разновидности осложненных предложений)[2]. Основным признаком осложненных предложений считается полупредикативность. Простое предложение монопредикативно (одна грамматическая основа), сложное предложение полипредикативно (несколько грамматических основ). Простое осложненное предложение занимает в этом отношении промежуточное положение, например: *Путники, усталые и голодные, присели отдохнуть.* Наряду с основным сообщением (*Путники присели отдохнуть*) здесь есть дополнительное, второстепенное сообщение (о том, что они были *усталые и голодные*). Однако это дополнительное сообщение не является самостоятельным, оно не развернуто в предикативную конструкцию. Это и есть полупредикативность, основной признак осложненных предложений. При таком подходе предложения с обособленными членами оказываются в центре осложненных предложений, в то время как остальные разряды занимают периферийное положение.

Выделение полупредикативности в качестве признака осложненного предложения подчеркивает промежуточное положение

---

[1] *Перетрухин В. Н.* Расширение, распространение и осложнение в простом предложении // Науч. докл. высш. шк. — Филол. науки. — 1979. — № 4.

[2] См., например: *Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык: в 3 ч. — Ч. 3. — 2-е изд. — М., 1987. — С. 139—140.

простого осложненного предложения между простым неосложненным предложением, с одной стороны, и предложением сложным, с другой стороны. Осложненное предложение оказывается «мостиком» между двумя синтаксическими единицами: предложением простым и предложением сложным. Правда, сам этот «мостик» относится к простому предложению, так как осложненное предложение не является самостоятельной синтаксической единицей.

Другой подход к осложненному предложению связан с тем, что оно рассматривается как построение, приспособленное для выражения смысла большего объема, чем смысл, который выражается в предложениях неосложненных. Акцент смещается в сторону смысловой организации предложения. Осложненное предложение понимается как предложение «многособытийное», в котором обозначены несколько ситуаций. При этом предложение остается монопредикативным, так как семантическое усложнение происходит в рамках простого предложения (одной предикативной основы)[1].

При таком подходе изменяется состав осложненных предложений. С одной стороны, смысловая сложность типична для предложений с обособленными членами и предложений с однородными членами, но нетипична для предложений с вводными конструкциями и обращениями. С другой стороны, семантически сложными могут быть и простые предложения, которые при традиционном подходе не рассматриваются как осложненные, например: *При выходе из аудитории преподаватель выключил свет*. Семантическая сложность здесь налицо[2]. Ср.: *Когда преподаватель выходил из аудитории*, *он выключил свет*. Однако в простом предложении обособленного второстепенного члена нет (*при выходе из аудитории* не обособляется). Для традиционного подхода важен сам факт обособления. Ср.: *Выходя из аудитории*, *преподаватель выключил свет* (обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом). Что же касается семантического подхода, то здесь показатель осложнения — семантическая сложность простого предложения, а форма выражения добавочного смысла отходит на второй план. Таким образом, состав осложненных предложений изменяется по сравнению с традиционным набором конструкций одновременно и в сторону сокращения, и в сторону расширения с тем, чтобы он соответствовал иному пониманию осложненного предложения как предложения, более сложного по смыслу.

Г. А. Золотова также связывает осложнение с большим объемом информации, которая вмещается в рамки простого предложения. Однако ее концепция отличается значительным своеобразием.

---

[1] Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — 3-е изд. — М., 2003. — С. 714—716.

[2] Об особенностях предложений с отглагольными существительными см., в частности: Казаков В. П. Синтаксис имен действия. — СПб., 1994.

В описании тех изменений, которые может претерпевать предложение, Г.А. Золотова отталкивается от модели предложения, его предикативного минимума[1], например: *Сестра шьет. Сестре скучно. Сестра добрая. Сестер три. Сестра — врач.* Этот предикативный минимум может распространяться и осложняться[2].

Во-первых, есть связи, которые заданы «до предложения». Это — распространение слова, образование словосочетания, например: *сестра — моя сестра*, *шьет — шьет платье*, *платье — новое платье*. Это уровень синтаксиса слова. В предложении такое словосочетание занимает позицию одного из компонентов, это распространенный компонент предложения, например:

сестра		шьет
моя	—	платье
		новое

Во-вторых, есть связи, которые возникают не на присловном уровне, а на уровне предложения, например: *По вечерам сестра шьет*[3].

Наконец, предикативный минимум может осложняться: *Пообедав, он прилег отдохнуть. После обеда он прилег отдохнуть.* В рамках одного предложения соотнесены две коммуникативные единицы: *Он пообедал. Он прилег отдохнуть.*

Для характеристики осложненных предложений Г.А. Золотова использует понятие полипредикативности, вкладывая в него отличный от традиционного понимания смысл. Принято считать, что простое предложение монопредикативно, а сложное предложение полипредикативно. Традиционно полипредикативность приписывается сложному предложению. Г.А. Золотова понимает полипредикативность иначе.

«Коммуникативная грамматика русского языка» сравнивает следующие предложения: *После обеда он прилег отдохнуть. Когда он пообедал, он прилег отдохнуть. Пообедав, он прилег отдохнуть*[4]. Все три конструкции рассматриваются как полипредикативные, поскольку в рамках одной коммуникативной единицы взаимодействуют две предикативные единицы. Речь идет о последовательности двух реальных действий одного лица. Все эти конструкции могут быть охарактеризованы как моносубъектные, мономодальные, политемпоральные. Что же касается способа представления

---

[1] *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982. — С. 179.

[2] *Золотова Г.А.* и др. Коммуникативная грамматика... — М., 1998. — С. 207—210.

[3] Речь идет о связи детерминанта с остальным составом предложения.

[4] *Золотова Г.А.* и др. Коммуникативная грамматика... — С. 222.

ситуаций (предложно-падежное сочетание, придаточное предложение, деепричастие), то это касается только техники оформления полипредикативных конструкций.

Другая важная особенность коммуникативной грамматики — то, что осложнение находит свое место в ряду других видоизменений предложения, в синтаксическом поле предложения (на его дальней периферии). Еще в 1982 г. Г. А. Золотова предложила условную схему синтаксического поля[1]:

1) основная модель: *Брат работает*;

2) грамматические модификации: *Брат работал. Брат будет работать*;

3) фазисные, модальные семантико-грамматические модификации: *Брат хочет*, *должен*, *начинает работать*;

4) экспрессивные, коммуникативные модификации: *Разве брат работает?*;

5) монопредикативные синонимические модификации: *Брат за работой. Брат выполняет работу*;

6) полипредикативные осложнения модели: *Брат работает после возвращения из армии*.

Сама попытка найти осложненному предложению место в синтаксическом описании представляется удачной. Все, что происходит с предложением, все его видоизменения упорядочены и систематизированы в виде синтаксического поля, в том числе и осложнение, которое занимает место на периферии этого поля.

Следует подчеркнуть, что вопрос о том, как следует понимать осложнение и какие синтаксические конструкции следует при этом учитывать, остается дискуссионным.

§ 2. Синтагматически связанные виды осложнения простого предложения

1. Однородные члены предложения

Специфика однородных членов заключается в том, что в предложении они объединяются в одну группу, синтаксическая функция которой совпадает с синтаксической функцией любого члена группы. Таким образом, в связь с другими компонентами предложения однородные члены вступают в сочиненном ряду, например:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, *ждала природа*.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,

[1] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — С. 182—183.

В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший ***двор***,
Куртины, ***кровли*** *и* ***забор***,
На стеклах легкие ***узоры***,
Деревья *в зимнем серебре*,
Сорок *веселых на дворе*
И мягко устланные ***горы***
Зимы блистательным ковром.
Все ярко, все бело кругом.

(А. Пушкин)

В приведенном примере существительные *двор*, *куртины*, *кровли*, *забор*, *узоры*, *деревья*, *сорок*, *горы* занимают позицию одного члена предложения — дополнения.

В один ряд включаются только лексически сопоставимые члены предложения[1]. Все члены ряда должны выделяться на одном основании и не должны вступать между собой в отношения частное — общее, как в примере: *В магазине продаются* ***огурцы***, ***помидоры***, ***овощи***. В этом предложении усматривается стилистическая и грамматическая небрежность. В художественной литературе при определенном стилистическом задании возможны намеренные отклонения от правила однородности ряда, например: *Выбежали девки и лакеи со свечами и радостными лицами* (Л. Толстой). *У нее были великолепные саквояжи и рыжие волосы* (А. Грин). Нарушение логической однородности обусловлено здесь стилистическим заданием — создать эффект пестроты, неожиданности перечисления.

В предложении ряд однородных членов может предваряться или завершаться обобщающим словом, которое является тем же членом предложения, что и однородные члены, например: ***Ничто***: ***ни просьбы*** *родителей*, ***ни советы*** *преподавателей*, ***ни уговоры*** *друзей — не могли заставтиь его учиться*; ***Земля*** *и* ***небо — все*** *одето каким-то тусклым серебром* (А. Фет). В функции обобщающих слов обычно выступают местоимения, наречия или другие слова с обобщающей семантикой, например: *все*, *никто*, *ничто*, *везде*, *нигде*, *дела*, *проблемы*, *мастерить* и др.

Однородные члены не усматриваются в следующих случаях:

1) при повторении одних и тех же слов с целью подчеркнуть длительность действия, усиленное проявление признака: *Зимы ждала*, *ждала природа* (А. Пушкин);

2) в цельных выражениях фразеологического характера: *и день и ночь*, *ни взад ни вперед*, *ни то ни се* и т. п.;

3) при сочетании двух глаголов в одной и той же форме, выступающих в роли сказуемого: *пойду прогуляюсь*, *взял да и сказал*, *сядь посиди.*

---

[1] *Валгина Н. С.* Современный русский язык. — С. 207.

То обстоятельство, что в сочиненном ряду однородные члены выполняют одну синтаксическую функцию, приводит некоторых исследователей к мысли, что однородные члены не осложняют, а расширяют предложение[1]. Ср.: *Татьяна увидела двор* (неосложненное предложение с дополнением). — *Татьяна увидела двор, курятины, кровли и забор* (осложненное предложение с однородными дополнениями). Происходит количественный рост компонентов, занимающих одну и ту же позицию в предложении. Иная ситуация наблюдается при обособленных второстепенных членах, которые качественно отличаются от необособленных членов, например: *Проснувшись рано, в окно увидела Татьяна...* Обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом, имеет значение второстепенного сказуемого.

Специфика однородных членов находит отражение в их определении: «В составе предложения отдельные его члены могут выполнять одинаковые синтаксические функции и объединяться одинаковым синтаксическим отношением к одному и тому же члену предложения. Такие члены предложения называются однородными членами. В строе предложения однородные члены характеризуются не только одинаковой синтаксической ролью, но и объединяющей и расчленяющей их интонацией перечисления или сопоставления и сочинительной связью, выражающейся сочинительными союзами или соединительными паузами»[2]. В данном определении указаны основные средства выражения однородности. В бессоюзном ряду главным средством связи служит интонация, в союзном ряду на первый план выходят союзы.

Однородными могут быть и главные, и второстепенные члены.

Однородность сказуемых. Наиболее сложным в теоретическом отношении является вопрос об однородности сказуемых. Традиционно считается, что «сказуемые являются однородными, когда все они относятся к одному подлежащему или к группе однородных подлежащих и связаны друг с другом сочинительными союзами или соединительными паузами»[3], например: *Студент извинился и вошел в аудиторию.* Однако в синтаксической науке однородность сказуемых относится к числу дискуссионных вопросов. Наметились три подхода к решению этой проблемы.

1. Предложения с несколькими сказуемыми, относящимися к одному подлежащему, считаются простыми предложениями с однородными сказуемыми. Это широкий подход, на который ориентируются школьные учебники.

---

[1] *Перетрухин В. Н.* Расширение, распространение и осложнение в простом предложении // Науч. докл. высш. шк. — 1979. — № 4.

[2] Грамматика русского языка. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 600.

[3] Там же. — С. 607.

2. Предложения с несколькими сказуемыми, относящимися к одному подлежащему, трактуются как сложные, в которых сколько сказуемых, столько и простых предложений[1], например: *Пассажир посмотрел расписание поездов и купил билет*. Это предложение рассматривается как сложное, как результат «слияния» двух простых предложений: 1) *Пассажир посмотрел расписание поездов*; 2) *Пассажир купил билет*. Основание для такого решения усматривается в том, что именно в сказуемом сосредоточены значения синтаксической модальности и синтаксического времени, которые формируют предикативность.

3. Более распространенным является дифференцированный подход к предложениям с несколькими сказуемыми, при котором одни из них относят к простым осложненным предложениям, а другие считаются промежуточными между простыми и сложными предложениями[2]. Так, например, предложения с неглагольными сказуемыми предлагается считать простыми осложненными предложениями, особенно в тех случаях, когда есть общая для нескольких именных частей связка, например: *Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная* (А. Пушкин). Аналогично рассматриваются предложения с составным глагольным сказуемым, где один вспомогательный глагол «обслуживает» несколько инфинитивов, например: *Не может волк ни охнуть, ни вздохнуть...* (И. Крылов). При отсутствии общих связок, вспомогательных глаголов, второстепенных членов предлагается усматривать переходность между простыми и сложными предложениями с разной степенью тяготения то к одним, то к другим в зависимости от контекста.

Однородность определений. При рассмотрении второстепенных членов трудности вызывает вопрос об однородности определений. Определения отвечают на вопросы *какой? который? чей?* Но не всегда они являются однородными. Эта особенность порождает трудности и при освоении школьного курса русского языка: постановка запятой зависит от того, являются определения однородными или нет. Ср.: *Старый, заброшенный сад* (определения однородные, запятая нужна). — *Новый автомобильный насос* (неоднородные определения, запятая не ставится). АГ-54 дает следующее определение: «Однородными являются определения, связанные друг с другом отношениями перечисления, находящиеся в одинаковых отношениях к одному и тому же определяемому слову и непосредственно с ним связанные»[3].

Выделяют следующие группы однородных определений[4]:

---

[1] Грамматика современного русского литературного языка. — С. 653; Русская грамматика. — Т. 2. — С. 462.

[2] См., например: *Валгина Н. С.* Современный русский язык. — С. 211—214.

[3] Грамматика русского языка — Т. 2. — Ч. 1. — С. 622.

[4] Там же. — С. 623—626.

1) однородные определения, обозначающие отличительные признаки разных предметов: *Холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных деревьев* (А. Пушкин);

2) однородные определения, обозначающие различные признаки одного и того же предмета, соответствующие друг другу по значению: *Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора* (Ф. Тютчев);

3) однородные определения, обозначающие синонимические или ставшие для говорящего синонимами признаки одного и того же предмета: *Он протягивал мне красную, опухшую, грязную руку...* (И. Тургенев). В отрыве от контекста прилагательные *красный, грязный, опухший* синонимами не являются.

Последняя группа однородных определений заслуживает особого внимания. На контекстуальную однородность обратил внимание еще А. М. Пешковский. Он заметил, что, например, прилагательные *большой* и *каменный* синонимами не являются. Однако в конкретной обстановке могут найтись пункты соприкосновения и между этими словами. В частности, сваха, расхваливая приданое, может сказать *большой и каменный дом*, потому что для нее оба прилагательных указывают на обильное приданое[1]. То, что А. М. Пешковский назвал пунктами соприкосновения, и есть общий признак, основа для объединения разнородных в отрыве от контекста определений.

На однородность определений влияет и их позиция по отношению к определяемому слову. Постпозиция определений, распространенная в поэтической речи, превращает определения в однородные, семантически их сближая, как, например, шесть определений в стихах А. С. Пушкина:

Я знал красавиц недоступных[1],
Холодных[2], *чистых*[3], *как зима*,
Неумолимых[4], *неподкупных*[5],
Непостижимых[6] *для ума...*

(А. Пушкин)

Однородные дополнения и обстоятельства обычно не вызывают трудностей при синтаксическом анализе.

Однородные члены предложения в АГ-70 и РГ-80. Специального комментария заслуживает представление однородных членов в академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 гг. В РГ-80 однородные члены описываются в разделе «Сочинительные связи внутри простого предложения (открытые и закрытые ряды)». Что же такое ряд? Почему возникает необходимость во введении нового понятия?

---

[1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — 7-е изд. — М., 1956. — С. 442—443.

Считается, что «предложение может распространяться рядом словоформ, синтаксически не подчиненных друг другу и связанных между собой союзом и интонацией или только интонацией»[1], например: *Однажды лебедь, рак да щука везти с поклажей воз взялись* (И. Крылов). Здесь представлен ряд словоформ: *лебедь, рак да щука*. Словоформы, составляющие ряд, обычно занимают одну и ту же синтаксическую позицию (в приведенном примере — позицию подлежащего).

Возникает вопрос о соотношении между понятиями ряда и однородности. РГ-80 показывает, что и ряд, и однородность, и сочинение приложимы к одним и тем же языковым явлениям, но освещают их в разных аспектах: сочинение — в аспекте синтаксических связей, однородность — в аспекте членов предложения, ряд — в аспекте конструктивного видоизменения предложения.

Понятие ряда оказывается шире понятия однородности. Ср.:

1) *Никто и никогда не узнает об этом*;

2) *Точка зрения докладчика была принята всеми и сразу*.

В приведенных примерах союз *и* соединяет разные члены предложения: подлежащее и обстоятельство в первом случае, дополнение и обстоятельство во втором случае. При изъятии союза каждая словоформа занимает свое «законное» место:

1) *Никто никогда не узнает об этом*;

2) *Точка зрения докладчика была принята всеми сразу*.

Сочинительная связь, оформленная союзом *и*, ставит разные члены предложения в один ряд, конструктивно преображает предложение.

Таким образом, использование понятия ряда позволяет увидеть в предложении синтаксические явления, которые выходят за рамки однородности членов предложения. Ряд может быть образован как однородными, так и неоднородными членами. РГ-80 рассматривает однородные члены как разновидность более общего синтаксического явления: распространения предложения конструкцией типа ряд.

2. Обособленные члены предложения

Учение А. М. Пешковского об обособленных членах предложения. В истории русской синтаксической науки обособленные члены долгое время рассматривались как сокращенные придаточные предложения (Н. И. Греч, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев). Впервые как особое явление синтаксиса простого предложения обособленные члены были выделены А. М. Пешковским[2]. Автор сравнивает следующие предложения:

---

[1] Русская грамматика. — Т. 2. — С. 166.

[2] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — С. 412—436.

1. *Я удивляюсь, что вы, с вашей добротой, не чувствуете этого* (Л. Толстой);

2. *Я удивляюсь, что вы с вашей супругой не чувствуете этого.*

А. М. Пешковский обращает внимание на различие в интонации и ритме: сочетание *с вашей добротой* интонируется как отдельное предложение, как бы вставленное в предложение *что вы не чувствуете этого.* Внешние различия (интонация, ритм, ударение) связаны с внутренними различиями. Предлог *с* в сочетании *с вашей супругой* имеет значение совместности (*вы и ваша супруга*), а в сочетании *с вашей добротой* — значение характеристики лица (*вы, такой добрый*) и значение противопоставления этой доброты поведению человека в конкретной ситуации (*несмотря на то что вы так добры, вы этого не чувствуете*). Сочетание *с вашей добротой* трансформируется в деепричастный оборот (*вы, будучи так добры*) или в придаточное предложение (*несмотря на то, что вы так добры*).

А. М. Пешковский дает следующее определение: «Обособленным второстепенным членом называется второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и — параллельно — в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению»[1]. Как представитель формального направления в грамматической науке, А. М. Пешковский отмечает прежде всего формальные признаки предложений с обособленными членами: интонацию, паузы, количество ударений, в то время как особая сообщительная функция этих членов предложения, их полупредикативность (если пользоваться термином, который появился позднее) оказывается на втором плане.

Заслуга А. М. Пешковского не только в том, что он подошел к обособлению как к самостоятельному явлению в синтаксисе простого предложения. А. М. Пешковский подробно описал так называемые условия обособления, которые и сейчас приводятся в учебной литературе, в том числе в школьных учебниках.

Прежде всего он выделил общие условия обособления, т. е. условия, обнаруживаемые при обособлении различных второстепенных членов[2].

1. Отношение двух членов предложения как определяющего к определяемому, частного к общему: *Лес этот необходимо было продать, но теперь, до примирения с женой, не могло быть о том и речи* (Л. Толстой). Общее, определяемое — обстоятельство времени *теперь*; частное, определяющее — обособленное обстоятельство времени *до примирения с женой.*

2. Порядок слов. Несмотря на то что русский язык относится к языкам с так называемым свободным порядком слов, есть ти-

---

[1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — С. 416.

[2] Там же. — С. 419—424.

пичные схемы словорасположения. Так, определение обычно стоит перед определяемым словом (*просторная аудитория*), обстоятельства места, времени — после сказуемого (*вернулся из библиотеки*), обстоятельство образа действия — перед сказуемым (*громко разговаривает*), дополнение — в постпозиции к сказуемому (*прочитал книгу*). Когда член предложения покидает свое обычное место и перемещается в другое, нетипичное для него место, он выделяется, и это способствует его обособлению, например: *Разговор его, свободный и любезный, вскоре рассеял мою одичалую застенчивость* (А. Пушкин). Определения *свободный* и *любезный* стоят после определяемого слова *разговор*, они обособлены.

3. Объем обособляемой группы. Степень распространенности члена предложения может влиять на его обособление, например: *Он вошел в кабинет не постучавшись.* Деепричастие не обособляется, поскольку имеет близкое к наречию значение — значение образа действия — и характеризует действие, обозначенное глаголом: *вошел не постучавшись.* При распространении этого обстоятельства возникают условия для обособления: *Он вошел в кабинет, даже не постучавшись предварительно.* Распространение усиливает значение действия, выражаемого деепричастием. Ср.: *Он вошел и даже не постучался предварительно.*

4. Соседство других обособленных групп, например: *В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошел ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным* (А. Пушкин). Обособление деепричастного оборота *держа в руках бумагу* приводит к тому, что обособляется и следующее за ним обстоятельство *с видом чрезвычайно озабоченным.* Если деепричастный оборот изъять из предложения, то и следующее за ним обстоятельство не будет обособляться: *Зурин вошел ко мне в избу с видом чрезвычайно озабоченным.*

5. Намеренное отделение группы от ближайшего члена, к которому она могла бы примкнуть, например:

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

(М. Лермонтов)

Обратим внимание на первую часть сложного предложения. Здесь интонационно и пунктуационно обособлено прилагательное *могучий.* Этого обособления могло бы и не быть. Прилагательное примкнуло бы тогда к глаголу, образовав составное именное сказуемое со знаменательной связкой (*встал могучий*). Акцент был бы перенесен тогда на мощь Каспия, о котором идет речь в стихотворении. Намеренное отделение прилагательного от глагола со-

здает фактически два сообщения: одно основное — Каспий встал (до этого он дремал), другое — добавочное, сообщение о том, что Каспий могуч, как гроза.

Таковы общие условия обособления, актуальные для обособления различных второстепенных членов. Применительно к тому или иному члену предложения они конкретизируются в виде правил, некоторые из которых вошли и в школьный курс русского языка.

Обособленные определения в концепции А. М. Пешковского. Будучи сторонником формального направления в грамматике, А. М. Пешковский понимал члены предложения с сугубо формальной, морфологической точки зрения. В его описании мы встречаем такие терминологические сочетания, как «обособленное существительное», «обособленное прилагательное», «обособленное наречие» и др. Применительно к согласованным определениям (у А. М. Пешковского — прилагательным) выделены следующие условия обособления[1]:

1. Прилагательное, стоящее после своего существительного и имеющее при себе другие второстепенные члены, почти всегда обособляется: *Большая часть дворян бежала в губернии*, *еще безопасные* (А. Пушкин).

2. Два или несколько прилагательных, стоящие после своего общего существительного, обязательно обособляются, если перед этим существительным уже есть одно прилагательное, например: *Это было неуклюжее строение*, *просторное и пространное* (И. Тургенев).

3. Прилагательное, которое могло бы слиться с глаголом в составное сказуемое, обособляется, когда его не хотят сливать с глаголом, например: *И вот дорогою прямой / Пустился*, *робкий и немой* (М. Лермонтов).

4. Прилагательное, стоящее перед существительным, обособляется в том случае, если сознается в связи не только со своим существительным, но и со всем остальным содержанием предложения, например: *Тронутый преданностью старого кучера*, *Дубровский замолчал и предался своим размышлениям* (А. Пушкин). В современных школьных учебниках отмечается, что одним из условий обособления согласованных определений (а также приложений) является добавочное обстоятельственное значение.

5. Обособляется прилагательное, относящееся к существительному и стоящее перед ним, но не непосредственно перед ним: *А через минуту*, *скупой и редкий*, *пошел дождь* (М. Шолохов).

6. Прилагательное, относящееся к личному местоимению, почти всегда обособляется: *А он*, *мятежный*, *просит бури...* (М. Лермонтов).

---

[1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — С. 425—429.

Таковы условия обособления согласованных определений, сформулированные А. М. Пешковским.

В качестве основного условия обособления несогласованных определений (в терминологии А. М. Пешковского — управляемых существительных) выделяется слабость синтаксической связи существительного с окружающими членами, например: *Как-то в магазин пришла молодая женщина, с ярким румянцем на щеках и сверкающими глазами* (М. Горький). Слабость синтаксической связи между определяемым словом *женщина* и определениями (*с ярким румянцем на щеках и сверкающими глазами*) подтверждается тем, что эти определения могут быть оторваны от определяемого слова и преобразованы в самостоятельные предложения. Ср.: *Как-то в магазин пришла молодая женщина. У нее на щеках был яркий румянец. Глаза сверкали.* Обратим внимание на роль лексической семантики обособляемого существительного. Ср.: *Как-то в магазин пришла молодая женщина с большой хозяйственной сумкой.* Здесь обособление предложно-падежной формы *с сумкой* маловероятно.

В современной учебной литературе морфологический язык формальной школы (обособленное прилагательное, обособленное управляемое существительное) «переведен» на язык традиционного учения о второстепенных членах (обособленное определение). Кроме того, выделенные А. М. Пешковским условия обособления были обобщены.

Описание обособленных второстепенных членов, предпринятое А. М. Пешковским, не смогло в полной мере удовлетворить исследователей. Выделяя обособление, А. М. Пешковский считал, что интонационное и пунктуационное выделение членов предложения — это их модификация, которая имеет место при определенных условиях (объем обособляемой группы, порядок слов и др.). При этом невыявленной оставалась причина обособления — желание говорящего или пишущего актуализировать смысловую значимость обособляемой части предложения[1]. Обособление второстепенного члена связано с его повышенным «удельным весом» в высказывании, с его полупредикативностью. Сами термины, например обособленное определение, не вскрывают функцию данного члена предложения, а создают видимость, что это те же члены предложения, только обособленные интонационно и пунктуационно. В действительности обособленные члены предложения отличаются от необособленных членов по значению и по синтаксической функции. Именно на функциональной основе обособленные члены описываются в академических грамматиках русского языка.

---

[1] См.: *Валгина Н. С.* Современный русский язык. — С. 235.

Обособленные определения в АГ-54, АГ-70 и РГ-80. В АГ-54 выделяются следующие группы обособленных согласованных определений[1].

1. Обособленные определения, содержащие в себе, вместе с собственно определительным значением, оттенок добавочного сообщения, например: *Вечерние досуги, не занятые написанием бумаг и решений, он посвящал чтению...* (В. Короленко). Такие обособленные определения по значению могут соотноситься с придаточными определительными предложениями и трансформироваться в них. Ср.: *Вечерние досуги, которые не были заняты писанием бумаг и решений, он посвящал чтению.*

2. Обособленные определения, согласованные, как правило, с подлежащим, но одновременно по смыслу относящиеся и к сказуемому и осложненные добавочным обстоятельственным значением: причинным, условным, уступительным или временным, например: *Довольный праздничным обедом, сосед сопит перед соседом...* (А. Пушкин). Такие обособленные определения называются обстоятельственными определениями. По значению они соотносительны с обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами с формой *будучи*, и с придаточными предложениями с обстоятельственными значениями. Ср.: *Незлопамятный от природы, я искренне простил ему нашу ссору. — Будучи от природы незлопамятен, я искренне простил ему нашу ссору...* (А.Пушкин). — *Так как я был от природы незлопамятным человеком, я искренне простил ему нашу ссору.*

3. Обособленные определения, уточняющие или поясняющие другое определение, например: *Небо уже не гремело, не грохотало и издавало сухие, трескучие, похожие на треск сухого дерева, звуки* (А. Чехов). Отношения уточнения возникают между определениями *трескучие* и *похожие на треск сухого дерева*.

На такие же группы по функции в предложении подразделяются и несогласованные определения[2].

Таким образом, в «Грамматике русского языка» 1954 г. выявлены и описаны основные функции обособленных определений.

На функциональной основе построено описание обособленных групп в АГ-70 и в РГ-80. Следует иметь в виду, что, исходя из принятой в этих грамматиках типологии простого предложения, традиционная терминология второстепенных членов в описании не используется. В соответствии с морфологической принадлежностью главного слова выделяются адъективный, субстантивный, причастный, деепричастный и другие виды оборотов.

В частности, в РГ-80 выделяется два типа конструкций, различающиеся по функции: полупредикативные и поясняющие обособленные обороты. О полупредикативных обособленных оборотах

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 643—647.

[2] Там же. — С. 649—652.

говорится, что они обладают большой информативной нагруженностью: содержат дополнительное сообщение, сопутствующее сообщению, содержащемуся в распространяемой части предложения, и характеризуются относительной информативной самостоятельностью. В отличие от полупредикативных оборотов поясняющие обособленные обороты имеют уточняющий, конкретизирующий характер[1].

Адъективные обороты фигурируют в двух разделах: в составе полупредикативных оборотов и в составе поясняющих оборотов.

Об адъективном обороте с полупредикативным значением говорится, что он называет признак, дополнительный по отношению к признаку, названному в сказуемом[2]: *Дом его, длинный и высокий, был хорошо виден на улице.* Реже такие обороты имеют обстоятельственно-характеризующее значение: *Такой скромный и обходительный, он всегда производил хорошее впечатление в обществе.*

Об адъективном обороте со значением пояснения говорится, что по смыслу такой оборот поясняет, уточняет предшествующее ему прилагательное[3], например: *Третьей, решающей уликой послужил найденный при обыске дневник* (А. Н. Толстой).

Историческая справка. Обороты, выражающие обособленные определения, различаются по времени распространения в русском литературном языке. Так, если XVIII в. можно считать золотым веком употребления причастных оборотов, то адъективные обороты в это время редки. Их развитие и распространение относится к XIX в.[4]. Например: *В спальню вбежали три старые горничные, и графиня, **чуть живая**, вошла и опустилась в вольтеровы кресла* (А. Пушкин).

Представленная выше схема описания обособленных определений используется в академических грамматиках русского языка и применительно к приложению — определению, выраженному именем существительным, которое стоит в том же падеже, что и определяемое слово.

Таким образом, обособленные члены предложения богаче по своим функциям в сравнении с необособленными членами. Возникает вопрос: не имеем ли мы дело с каким-то особым членом предложения (или особыми членами предложения)?

А. А. Камынина проводит границу между теми определениями и приложениями, которые относятся к существительному, и теми оборотами, которые распространяют предложение в целом[5]. Ср.:

---

[1] Русская грамматика. — Т. 2. — С. 181.

[2] Там же. — С. 185.

[3] Там же. — С. 187.

[4] Современный русский литературный язык / под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. — М., 2003. — С. 747—748.

[5] *Камынина А. А.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. — М., 1983. — С. 80—81.

В комнату вбежала девочка, черноглазая, в нарядном платьице. Здесь обособленные определения с полупредикативным значением. Каждое из них может быть развернуто в самостоятельное предложение: *В комнату вбежала девочка. У нее были черные глаза. На ней было нарядное платьице.* Эти определения (*черноглазая, в нарядном платьице*) относятся к существительному *девочка*, характеризуют лицо. Отнесенность к существительному обусловливает их квалификацию как обособленных определений. Аналогичную отнесенность к существительному демонстрирует приложение в следующем примере: *Через полчаса явился уездный лекарь, человек небольшого роста, худенький и черноволосый* (И. Тургенев).

Однако обособленный оборот может относиться и ко всему предложению в целом[1], например: *Человек молчаливый и очень точный, он избегал скороспелых выводов и преждевременных обобщений.* Причинное значение оборота возникает оттого, что он соотносится со сказуемым предложения: *Будучи человеком молчаливым и очень точным, он избегал скороспелых выводов и преждевременных обобщений.* Следовательно, обособленный оборот относится к местоимению *он* не как к части речи, употребляющейся вместо имени (тогда этот оборот был бы обособленным определением), а к местоимению *он* в качестве подлежащего. И в этом случае перед нами особый член предложения — второстепенное именное сказуемое[2].

Таким образом, изучение обособленных членов предложения идет по пути дифференциации явлений, связанных с осложнением простого предложения.

Обособленные обстоятельства. Обособленные обстоятельства могут быть выражены субстантивными или деепричастными оборотами. Обстоятельства, выраженные субстантивными оборотами, обособляются, если они приобретают в предложении дополнительную смысловую нагрузку. А. Ф. Прияткина подчеркивает коммуникативную функцию обособления такого рода: обстоятельства намеренно выделяются с целью подчеркнуть их значимость[3], например: *За неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле* (М. Лермонтов). Во многих случаях обособление субстантивных оборотов факультативно. Чаще всего обособляются обстоятельства, выраженные предложно-падежными сочетаниями с производными предлогами: *благодаря, вопреки, во избежание, вследствие, в случае, по причине, независимо от* и др. Для обособления таких обстоятельств имеет значение место субстантивного оборота в предложении[4]. Обороты с производными

---

[1] *Камынина А. А.* Современный русский язык. — С. 80—86.

[2] Там же. — С. 86.

[3] *Прияткина А. Ф.* Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. — М., 1990. — С. 153.

[4] Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. — М., 2006. — С. 248.

предлогами обособляются, если они располагаются между подлежащим и сказуемым. Ср.: *Во избежание утечки газа кран отключен* — пунктуационного обособления оборота нет. *Кран*, *во избежание утечки газа*, *отключен* — оборот обособляется.

Принято выделять две разновидности обособленных обстоятельств: деепричастные обороты и обстоятельственные обороты, выраженные именем существительным с предлогом (реже — наречием)[1]. Принципиальное различие между ними заключается в следующем. Деепричастие уже в силу своей глагольности несет в себе заряд полупредикативности; оно обычно входит в предложение в обособленном виде: *Выходя из дома*, *он выключил свет во всех комнатах.* Необособление деепричастия не правило, а исключение, следствие утраты деепричастием глагольных свойств: *Он шел не останавливаясь. Он шел молча.* Что же касается субстантивных оборотов, то они могут при определенных условиях обособляться, однако, как правило, свободно включаются в предложение в необособленном виде. Ср.: *Выходя из дома*, *он выключил свет во всех комнатах. — При выходе из дома он выключил свет во всех комнатах.*

Существенными особенностями по сравнению с другими второстепенными членами отличается деепричастный оборот. Принципиальное отличие обособленных обстоятельств, выраженных деепричастиями и деепричастными оборотами, от всех остальных второстепенных членов предложения заключается в том, что обособление — это обычный способ включения деепричастий в состав предложения.

А. М. Пешковский отметил следующие условия обособления деепричастий[2]:

1) деепричастие, имеющее при себе другие второстепенные члены (хотя бы один), почти всегда обособляется: *Иногда шум песен и говор*, *вылетая из сакли*, *заглушали любопытный для нас разговор* (М. Лермонтов);

2) два деепричастия, стоящие рядом, хотя бы и одиночные, всегда обособляются: *Туманы*, *клубясь и извиваясь*, *сползали туда по морщинам соседних скал...* (М. Лермонтов).

Но одиночное деепричастие, стоящее в конце предложения непосредственно после глагола, почти никогда не обособляется: *писал сидя*, *говорил заикаясь*, *стоял вытянувшись*, *ушел не простившись* и др. Необособление деепричастий связано в этом случае с процессом их адвербиализации (перехода в наречия). Ср.: *стоял вытянувшись — стоял навытяжку.*

Таким образом, если для обособления определения необходимы, пользуясь терминологией А. М. Пешковского, определенные условия (степень распространенности, позиция по отношению

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 652.

[2] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — С. 433.

к определяемому слову и др.), то для обстоятельства, выраженного деепричастием, необходимы особые условия, чтобы его не обособлять. Определения обычно приобретают в предложении больший смысловой вес при обособлении. Ср.: *В назначенный час, напудренный и выбритый, князь вышел в столовую* (Л. Толстой). — *В назначенный час напудренный и выбритый князь вышел в столовую.* Что же касается деепричастий и деепричастных оборотов, то они имеют больший смысловой вес именно в необособленном положении[1], например: *Жили Артамоновы ни с кем не знакомясь* (М. Горький). *До двух часов занятия должны были идти не прерываясь* (Л. Толстой). *Дмитрий слушал его нахмурясь* (М. Горький). В примерах такого рода деепричастия и деепричастные обороты, занимая позицию в конце предложения, несут основную коммуникативную нагрузку, обозначают рему сообщения[2].

Итак, обособление определений и обстоятельств, выраженных деепричастиями, существенно различается. Если для прилагательного обычной позицией в предложении является позиция необособленного члена предложения, то для деепричастия обособление выступает в качестве обычного способа включения этой глагольной формы в состав предложения. С чем связано это различие?

Синтаксические особенности деепричастия связаны с его морфологической природой как особой глагольной формы. Л. В. Щерба подводил деепричастие под категорию глаголов и отчасти под категорию наречий[3]. В. В. Виноградов определял деепричастия как гибридную наречно-глагольную категорию[4]. Морфологические особенности деепричастия обусловливают специфику его синтаксических связей в предложении, например: *Позавтракав, он пошел на работу.* Обособленное деепричастие характеризует основное действие, выраженное глаголом-сказуемым (в приведенном примере — временная характеристика), и одновременно обозначает добавочное действие.

Историческая справка. Синтаксическая специфика деепричастий связана с их происхождением. А. А. Потебня считал, что деепричастие сформировалось на базе предикативного употребления именного действительного причастия. Например: *Радуется купець прикупъ створивъ* (Лаврентьевская летопись 1377 г.). — *Радуется купец, получивший прибыль* (*получив прибыль*). Обозначая добавочные действия, именные причастия утрачивали формы склонения, и к концу XIV в. на их основе возникают деепричастия[5].

---

[1] *Распопов И. П., Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — С. 260.

[2] Там же.

[3] *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — С. 78.

[4] *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М., 1986. — С. 319.

[5] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. — Т. I—II. — М., 1958. — С. 185—187. См. также: *Георгиева В. Л.* История синтаксических явлений русского языка. — М., 1968. — С. 101—106.

Специфика деепричастий и деепричастных оборотов заключается в том, что они в большинстве случаев синтезируют свойства двух членов предложения — сказуемого (обозначение действия) и обстоятельства (обозначение признака действия). В связи с тем что такого рода синкретичные компоненты в традиционном учении о членах предложения не выделяются, деепричастия и деепричастные обороты рассматриваются в предложении как обстоятельства

времени: *Прождав преподавателя десять минут*, *студенты разошлись*;

причины: *Василиса Егоровна*, *не видя мужа*, *вторично послала за ним Палашку* (А. Пушкин);

условия: *Не зная броду*, *не суйся в воду* (пословица);

образа действия: *Бразды пушистые взрывая*, *летит кибитка удалая* (А. Пушкин);

цели: *Желая укрыться от дождя*, *мы зашли в подъезд*;

следствия: *С полей сошел снег*, *обнажив груды мусора*;

уступки: *Прожив в доме три года*, *он так и не познакомился с соседями*.

Деепричастные обороты могут также выступать в роли синкретичных обстоятельств, в которых совмещаются признаки обстоятельств различного типа[1].

Значение деепричастного оборота может быть выявлено либо с помощью смыслового вопроса, либо путем преобразования оборота в придаточное предложение: *Я молчал*, *боясь рассердить его еще сильнее*. — *Я молчал* почему? — *Я молчал*, *так как боялся рассердить его еще сильнее*.

Особенно ярко наречные свойства деепричастия проявляются тогда, когда деепричастие выполняет функцию обстоятельства образа действия. Когда наречные свойства деепричастия «перевешивают» его глагольные свойства, деепричастие может не обособляться: *сидел расставив ноги*, *стоял склонив голову*. Активизации наречных свойств деепричастия способствует его употребление в одном синтаксическом ряду с наречием: *Он прошел по коридору быстро и не глядя на окружающих*.

Практика синтаксического анализа показывает, что уподобление деепричастного оборота тому или иному обстоятельству возможно не всегда. Сравним следующие предложения: *Мы долго не встречались с ним*, *поссорившись из-за пустяка*; *Мы долго не встречались с ним*, *лишь изредка обмениваясь письмами*.

В первом предложении деепричастный оборот выполняет функцию обстоятельства причины. Он отвечает на смысловой вопрос *почему?* (*Почему мы долго не встречались с ним?*) и может быть преобразован в придаточное предложение причины: *Мы долго не встречались с ним*, *потому что поссорились из-за пустяка*.

---

[1] *Чупашева О. М.* Трудности синтаксического анализа. — М., 2004. — С. 69.

Во втором предложении ни один из смысловых вопросов подобрать не удается (*как? когда? почему? при каком условии? с какой целью?*). Невозможно преобразование оборота в придаточное предложение, однако второе предложение может быть трансформировано в предложение с однородными сказуемыми: *Мы долго не встречались с ним и лишь изредка обменивались письмами.* Значение деепричастного оборота сводится здесь к обозначению второстепенного, добавочного действия. Ср. также: *Не обращая внимания на шум в коридоре, преподаватель продолжал занятие. — Преподаватель не обращал внимания на шум в коридоре и продолжал занятие.*

Таким образом, деепричастия и деепричастные обороты отличаются от «классических» обстоятельств, выраженных наречиями или предложно-падежными формами существительных.

Во-первых, их обособление не преследует специальных коммуникативных целей, например: *Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками* (А. Пушкин). Деепричастные обороты *гоняя голубей, играя в чехарду с дворовыми мальчишками* не могут быть включены в предложение иначе как в обособленном виде. Дополнительная предикативность деепричастия — в природе этой глагольной формы, еще «до предложения» она задается принадлежностью деепричастия к глаголу.

Во-вторых, далеко не любое деепричастие в предложении может быть уподоблено определенному обстоятельству, например: *Старик угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только покрякивая* (А. Пушкин). В этом предложении два деепричастных оборота. Первый оборот — *отворотясь от меня* — является обстоятельством образа действия: *сидел, отворотясь от меня.* Второй деепричастный оборот — *изредка только покрякивая* — фактически имеет только то значение, которое предопределено его морфологической природой как глагольной формы, а именно обозначение второстепенного действия (основное действие выражается личной формой глагола).

Независимо от того, имеет деепричастный оборот обстоятельственное значение или нет, любое деепричастие, не перешедшее в наречие, обозначает второстепенное действие. На этом основании для квалификации синтаксической функции деепричастия предлагается использовать термин «второстепенное сказуемое»[1]. Деепричастие рассматривается в качестве морфологизованного выражения второстепенного сказуемого[2].

Понятие второстепенного (добавочного) действия нуждается в комментарии. Когда говорится, что деепричастие обозначает в пред-

---

[1] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — Л., 1941. — С. 45; *Распопов И. П., Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — С. 261.

[2] *Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису русского языка. — М., 1980. — С. 103.

ложении второстепенное действие, речь не идет о разграничении основных и второстепенных действий в самой внеязыковой действительности. «Добавочное действие» есть не что иное, как обозначение синтаксической позиции в предложении, позиции не сказуемого, не главного члена предложения. Сравним два глагола, называющие действия одного лица: *сидеть* и *читать*. Какое из двух действий окажется добавочным, а какое — главным, определяет субъект речи. Ср.: *Читает газету, сидя у окна. — Сидит у окна, читая газету.* Действие, которое оценивается как добавочное, облекается в форму деепричастия, а действие, которое оценивается как основное, выражается личной формой глагола.

Как показано выше, квалификация деепричастий и деепричастных оборотов в предложении только как обстоятельств является неполной, она отражает только одну из возможностей их употребления, обусловленную наречными свойствами этой формы. Что же касается глагольной природы деепричастия, то она проявляется в выполнении функции второстепенного сказуемого. С учетом того, что деепричастие может проявлять в предложении преимущественно глагольные или наречные свойства, оно описывается в академических грамматиках русского языка. В АГ-54 обособленные обстоятельства, выраженные деепричастиями, делятся на два основных разряда[1]:

обособленные обстоятельства, которые обозначают действие, сопутствующее действию, обозначенному сказуемым, являющиеся по своему значению как бы второстепенным сказуемым: *Пассажиры молчали, глядя в окно*;

обособленные обстоятельства, выраженные деепричастиями, которые обозначают признак действия, обозначенного сказуемым, характеризуют его в отношении способа действия, причинной обусловленности и в других отношениях: *Он ушел, почувствовав себя лишним* (причинная обусловленность). Ср.: *Он ушел, потому что почувствовал себя лишним.*

С учетом выполняемых в предложении функций деепричастия и деепричастные обороты описываются также в АГ-70 и в РГ-80[2].

§ 3. Синтагматически не связанные виды осложнения простого предложения

Синтагматически не связанные виды осложнения простого предложения — это слова и конструкции, грамматически не связанные с членами предложения, в отличие от однородных и обособленных

---

[1] Грамматика русского языка. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 652.

[2] Грамматика современного русского литературного языка. — С. 645; Русская грамматика. — Т. 2. — С. 181—182.

членов (синтаксически связанных видов осложнения). Иначе говоря, они не обнаруживают синтаксической связи с членами предложения и не являются членами такого предложения, ср.: *Это*, ***конечно*** (вводное слово), *случается довольно часто*, *что человек*, *написав два письма* (обособленное обстоятельство времени), *заклеивает их*, *перепутав конверты* (обособленное обстоятельство образа действия) (Тэффи).

К данным разнородным по своей природе явлениям, которые объединяет грамматическая и смысловая чужеродность составу предложения, относят вводные и вставные конструкции, обращения, междометия[1]. А. М. Пешковский, описывая вводные слова и словосочетания, именительный темы, обращения, междометия, назвал данные явления «в н у т р е н н о чуждыми приютившему их предложению, подобно пуле, попавшей в организм»[2], но некоторые синтаксисты выводят данные построения за пределы осложнения предложения: А. Ф. Прияткина, например, обращение и вводные конструкции, выражающие субъективную оценку, предлагает относить к иному синтаксическому плану, не определяя к какому, для вставных и присоединительных конструкций она допускает такую возможность[3].

С помощью вводных конструкций говорящий/пишущий выражает субъективное отношение к передаваемой информации, например: *Площадка*, ***пожалуй***, *уже начинала свежо зеленеть. Да*, *да*, *уже*, ***безусловно***, *появлялась новая трава!* (Ю. Олеша). Вставные конструкции вносят в предложение (или текст) дополнительную информацию, контрастирующую с содержанием предложения или менее значимую, например: *Сидел он на табуретке боком*, *спустив левое колено к полу*, *словно ямщик на облучке*, *и*, *лихо расставив локти*, *тоже как-то по-ямщицки* (***будто правил тройкой***), *лупил по клавишам* (Тэффи). Обращение, называющее собеседника, является средством привлечения его внимания, междометия — средством выражения (но не называния) эмоций и волевых побуждений говорящего, например: — ***Ах*** (междометие), ***дорогая моя*** (обращение)***!*** *Уморили вы меня! Ну можно ли так пугать* (Тэффи).

Вводные конструкции (**слова**, **предложения**) — вид осложнения элементами, не являющимися членами предложения и выражающими субъективную модальность, т. е. отношение пишущего (говорящего) к собственному высказыванию, например: *Разговор*, ***конечно***, *оборвался* (И. Бунин); *Наш уважаемый доктор*, ***как известно***, *терапевт*, *а не хирург* (Е. Шварц). Вводная конструкция характеризует 1) содержание всего предложения (в абсолютном начале

[1] *Дмитриева Л. К.* Обращение и вводный компонент. — Л., 1976.

[2] *Пешковский А. М.* Указ. раб. — С. 404.

[3] *Прияткина А. Ф.* К определению понятия «осложненное предложение» (О специфике связей и отношений в осложненном предложении) // Синтаксические связи в русском языке: Межвуз. темат. сб. — Владивосток, 1981. — С. 10.

или конце предложения): ***Очевидно***, *большому поэту мало быть только поэтом* (Ю. Олеша); 2) какой-то член предложения (стоит рядом с ним в середине предложения): *Увлечение было модным и*, ***пожалуй***, *изысканным* (Ю. Трифонов).

Сопоставление вводных слов, не являющихся членами предложения, и омонимичных им союзов и членов предложения позволяет выявить специфику вносимых в предложение вводными конструкциями значений. Например, слово *однако* может быть как вводным (в середине или конце предложения) со значением подчеркнутого несоответствия данной в предложении информации представлениям, ожиданиям говорящего (пишущего), так и противительным союзом (= *но*), используемым для связи однородных членов, частей сложного предложения или предложений в тексте, который открывает соединяемую структуру. Ср.: *Сны эти*, ***однако***, *изредка повторялись* (Л. Улицкая) ↔ *Она не всегда понимала суть происходящего*[1], *однако ей ничего не приходилось делать против воли*[2] (Л. Улицкая). Слово *наконец* (как и *таким образом*, *в самом деле* и др.) является вводным (если стоит в перечислительном ряду) или обстоятельством, если по значению равно наречному выражению *в конце концов*: *А рядом с бочонками были на циновках разложены сувениры*: *засушенные морские коньки*, *похожие на бессмертники*, *связки белых и желтых ракушек — бусы*, *плоские сиреневые камешки — с морем*, *чайками и пальмами и*, ***наконец***, *крабы* (Ю. Домбровский). — *Они писали и писали в Рим*, *плакали и плакали и наконец все-таки доплакались* (Ю. Домбровский).

Некоторые синтаксисты делают попытку охарактеризовать вид связи вводных конструкций с компонентами предложения как соотносительную связь модально-персонализирующего характера[1].

Все синтаксические способы оформления вводных конструкций: вводные слова (*разумеется*, *пожалуй*, *видно*, *по-видимому*), предложно-падежные сочетания (*по слухам*, *к счастью*, *на беду*), словосочетания (*по сведениям сослуживцев*, *между нами говоря*, *правду сказать*) и предложения (*как мне кажется*, *как рассказывают очевидцы*) — отличает типизированность способов грамматического выражения (застывшие формулы, например, определенные грамматические классы слов: *по-моему*, *возможно*, *разумеется*), даже стереотипные вводные предложения обладают ограниченными возможностями лексического варьирования и распространения.

Вводные предложения, осложняющие предложение, как и вводные слова, могут включаться в предложение союзами *если*, *как*, *сколько* и др., но при этом не становятся придаточными частями, так как не выражают значений аналогичных придаточных: *Иным было отношение к присяжным Плевако — отношение*, ***если можно так выразиться***, *проникновенное и подчас умиленное* (А. Кони); *По-*

[1] *Дмитриева Л. К.* Обращение и вводный компонент. — С. 33—45.

казываться народу, ***как вам известно***, *считается для верховной власти неприличным на Востоке* (И. Гончаров).

Вводные конструкции отличает стереотипность передаваемых ими модальных смыслов, что позволяет выделить следующие функции вводных:

1) указание на источник информации, первичная функция вводных, известная древнерусским текстам (*по словам...*, *по слухам*, *по мнению...*, *помнится*, *мол*, *дескать*, *говорят*, *как сообщают газеты*, *по-моему*);

2) комментирование логики изложения (*наоборот*, *во-первых*, *во-вторых*, *наконец*, *с одной/с другой стороны*, *главное*, *напротив*, *итак*, *таким образом*, *следовательно*) и способов выражения мыслей (*словом*, *другими словами*, *правду сказать*, *так сказать*, *иначе/вернее/точнее/короче говоря*), например: *У Плюшкина*, ***по словам Собакевича***, *люди мрут как мухи* (Н. Гоголь); *Но никто не глядел назад*, ***наоборот***, *смотрели все на озеро*, *на рассвет*, *на далеких рыбаков*, *следили за утками* (Ю. Казаков); ***Словом***, *происходит то*, *чего я не умею описать* (Ю. Олеша);

3) выражение уверенности/неуверенности в сказанном (*конечно*, *несомненно*, *без сомнения*, *разумеется*, *действительно*, *в самом деле*, *по-видимому*, *видно*, *вероятно*, *пожалуй*, *возможно*, *кажется*, *должно быть*, *в сущности*, *по существу*, *по сути*, *надо полагать*, *думаю*), например: *Все это я вижу и улавливаю детским чутьем*, *хотя*, ***конечно***, *объяснить и понять не могу* (Ф. Искандер);

4) характеристика обыденности явления (*случается*, *бывает*, *бывало*, *по обыкновению*), например: *Ведь могут подружиться и*, ***случается***, *дружат люди*, *объединенные нелюбовью к своей профессии* (В. Гроссман);

5) передача эмоционального отношения к сообщаемому (*к счастью*, *на радость*, *к удивлению*, *к сожалению*, *к досаде*, *к ужасу*, *странное дело*, *не ровен час*, *на беду*, *спасибо еще*), например: *Но*, ***к счастью***, *лучшие строчки сохранились* (В. Катаев);

6) указание на заинтересованность во внимании собеседника (*между нами говоря*, *между нами будет сказано*, *видите ли*, *поймите*, *понимаешь ли*, *извините*, *согласитесь*, *представьте*, *вообразите*, *поверьте*, *скажем*, *допустим*), например: ***Между нами говоря***, *жизнь в городах куда веселее* (А. Грин).

Побочная функция вводных конструкций — связующая, союзная.

Вводные близки вставным конструкциям (оба вида осложнения называют общим термином парентезы[1]), но отличаются от них следующим: 1) меньшей самостоятельностью и содержательностью (не сообщают о фактах действительности, представляют собой автокомментарий сказанного); 2) открытым субъективным началом;

---

[1] *Распопов И. П.*, *Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — Воронеж, 1984. — С. 265.

3) типизированностью способов выражения; 4) позицией в предложении (в отличие от вставных конструкций могут открывать предложение); 5) пунктуационным оформлением — выделяются запятыми, реже тире.

Историческая справка. Вводные конструкции являются довольно поздним по времени возникновения видом осложнения предложения: до XV в. в памятниках русской письменности они единичны, в XV—XVII вв. расширяются состав и функции вводных конструкций, с XVIII в. получают распространение вводные, передающие уверенность, предположительность, эмоциональное отношение говорящего к сказанному.

Вставные конструкции — вид осложнения предложения элементами, которые не являются членами предложения[1]. Они представляют собой включенные в состав (базового) предложения слова, словосочетания, предложения, которые прерывают ход выражения мысли ассоциативно возникающими уточнениями, пояснениями, дополнениями и замечаниями. В устной речи вставки произносятся несколько быстрее, чем слова базового предложения, при этом они не нарушают его общей интонации. На письме вставные конструкции выделяются скобками, реже тире, например: *Быть может* (***лестная надежда!***), / *Укажет будущий невежда* / *На мой прославленный портрет* / *И молвит*: *то-то был Поэт!* / (А. Пушкин); *В день отъезда*, — ***очень памятный день для семьи из Сан-Франциско!*** — *даже и с утра не было солнца* (И. Бунин). Такие сильные знаки указывают на чуждость вставки основной мысли.

Первое описание вставных конструкций дано в книге М. Смотрицкого «Грамматики славенския правилное синтагма»[2], с некоторыми изменениями повторено в «Российской грамматике» М. Ломоносова[3], но до 50-х гг. XX в. в школьной и вузовской грамматиках вставные конструкции определялись как разновидность вводных. В настоящее время они оцениваются как самостоятельный вид осложнения предложения.

Вставные конструкции отражают такую особенность речемыслительной деятельности, как ассоциативность: у говорящего по ходу изложения мысли возникают новые размышления, и он, отвлекаясь от основной мысли, добавляет информацию различного рода. При

---

[1] Вставная конструкция может быть осложнением не только предложения, но и текста, например: *Вернулись студенты и попросили кота выйти вон.* (*Это важный юридический момент*: *если бы студенты сразу схватили кота*, *это было бы нарушением котовых прав*; *нет*, *студенты сделали устное заявление*: *вербально УКАЗАЛИ коту*, *что желательно было бы обойтись без его присутствия*.) *Высказанное пожелание не имело воздействия*; *кот не внял* (Т. Толстая). Размер таких вставок колеблется от предложения до нескольких абзацев.

[2] *Смотрицкий М.* Грамматики славенския правилное синтагма. — Евье: Тип. Бр-ва Св. Духа, 1619.

[3] *Ломоносов М. В.* Российская грамматика // Полн. собр. соч. — Т. 7. — М.; Л., 1952.

этом говорящий (пишущий) оценивает такую информацию как второстепенную, факультативную. Вставные конструкции характерны как для устной речи, в которой данный речемыслительный механизм проявляется непосредственно, так и для письменной речи, в которой употребление вставных конструкций может стать специальным приемом передачи информации, с ее дифференциацией на основную (в базовом предложении) и факультативную (во вставке), например: *Я смотрела на эту удивительную женщину со старозаветным париком на голове* (***парик был фальшивый***, ***просто черная повязка с белой ниткой поперек***, ***изображающей пробор***) (Тэффи).

Вставные конструкции передают разноплановую информацию о действительности или авторский комментарий к сказанному в отличие от вводных, всегда выражающих открытое отношение говорящего (пишущего), т.е. субъективную модальность. Они разнообразнее, чем вводные, по объему, по своей грамматической структуре (от вопросительного или восклицательного знаков, слов и словосочетаний до нескольких предложений в скобках), свободны в лексическом наполнении, поэтому для данных конструкций невозможно составить определенного списка, как для вводных. В отличие от вводных, вставные конструкции не могут стоять в абсолютном начале предложения, так как для их появления нужны слова (информация), являющиеся толчком для переключения на другую мысль.

Степень связанности вставных слов с базовым предложением различна. В одних случаях слова во вставке не обнаруживают грамматической зависимости от базового предложения — они или стоят в им. п., или представляют собой предложения без показателей связи, т.е. союзов, союзных слов, начинающих вставку вводных, например: *Сорок лет строилось на народные деньги* (***сбор пожертвований***) *грандиозное архитектурное сооружение — храм Христа Спасителя* (В. Солоухин); *Господин из Сан-Франциско —* ***имени его ни в Неаполе***, ***ни на Капри никто не запомнил*** *— ехал в Старый Свет на целых два года, с женой и дочерью, единственно ради развлечения* (И. Бунин). В других — содержат такие показатели синтаксической связи, благодаря чему формально можно снять скобки и включить вставные слова в базовое предложение, например: *В маленьких городах* (***обычно на въезде***) *мотель имеет один, изредка два этажа* (В. Песков); *Но приличные люди в древности* (***как***, ***впрочем***, ***и теперь***) *ценили в искусстве — искусство и осуждали излишество и расточительство* (Т. Толстая); *Я вздрогнул и ясно почувствовал, что краска сошла у меня с лица* (***хотя и так ее очень немного у меня***) (М. Булгаков). При снятии скобок такие элементы легко включаются в базовое предложение в качестве членов предложения или частей сложного предложения, но утрачивают при этом функцию передачи ассоциаций пишущего (говорящего).

В XX в. стремление к максимальной сжатости (компрессии) передаваемой информации предопределило распространение вставок

в научных и публицистических текстах[1]. В художественной прозе они стали ресурсом различных стилистических приемов углубления повествования: создания его двуплановости, внесения субъективного авторского начала (см.: § 2 раздела «Изменения в синтаксическом строе»).

Историческая справка. Становление вставных конструкций относится к XVIII в.[2], хотя данный вид осложнения предложения как прием нелинейной подачи информации отмечается уже в древнерусских текстах[3]. Развитие в XVIII в. логизированной письменной фразы, требовавшей линейного и семантического упорядочения элементов структуры предложения, предопределило распространение вставных конструкций в текстах различных функциональных стилей. С середины XIX в. основное графическое средство оформления вставных конструкций — круглые скобки.

Обращение. Трактовка обращения как синтаксического явления противоречива: Н. Ю. Шведова в РГ-80, например, описывает распространение предложения включением обращения («Обращение — это распространяющий член предложения, имя в форме им. п., возможно — с зависящими от него словоформами, называющий того, к кому адресована речь»)[4], другие включают обращение в виды осложнения простого предложения[5], третьи отрицают

---

[1] *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990. — С. 56—58; Современное употребление скобок (в связи с новыми синтаксическими явлениями) // РЯШ. — 1980. — № 3.

[2] См.: *Вяткина С. В.* Скобки в русских текстах начала XVIII века // Русский язык конца XVII — начала XIX века (Вопросы изучения и описания): Сб. 2. — СПб., 2001. — С. 131—142; Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке // Тенденции развития русского языка: Сб. статей. — СПб., 2001. — С. 46—58.

[3] *Спринчак Я. А.* Очерк русского исторического синтаксиса. Простое предложение. — Киев, 1960. — С. 216. О существовании вставных конструкций в древнерусских текстах свидетельствуют способы их оформления при переводе на современный русский язык, например перевод «Повести о Куликовской битве» О. А. Лихачевой (Повесть о Куликовской битве: Текст и перевод по списку лицевого свода XVI в. — Л., 1984. — С. 284, 296, 298, 302 и др.); перевод «Сказания о Мамаевом побоище» В. В. Колесова «*...приспе же въ 5 день месяца септевриа, на память святого пророка Захарии, в той же день убиение сродника его князя Гльба Владимеровича, приехаша два от стражь его, Петръ Горьскый да Карпъ Олексинъ и приведоша языкъ нарочитъ от сановитых царева двора*». — «*...настал уже пятый день месяца сентября — день памяти святого пророка Захарии* (*в тот же день и убиение предка Дмитрия — князя Глеба Владимировича*), *и прибыли двое из его сторожевой заставы, Петр Горский да Карп Олескин, привели знатного языка из числа сановников царского двора*» (Воинские повести Древней Руси. — Л., 1985. — С. 220 и 253). Факт употребления скобок в книгах первой половины XVI столетия был отмечен В. Классовским (Знаки препинания в пяти важнейших языках. — СПб., 1882. — С. 3).

[4] Русская грамматика. — Т. 2. — С. 163.

[5] *Кручинани Н. И.* Обращение // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 340—341; *Вялкина Л. В.* Обращение // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1998. — С. 276—277.

возможность отнесения обращения к видам осложнения предложения, присваивая данным структурам, вслед за А. А. Шахматовым, статус именных односоставных предложений[1], четвертые относят «к числу особых явлений синтаксиса», считая, что обращение находится вне системы синтаксических связей, существующих в предложении[2].

В РГ-80 подчеркивается, что любое предложение со сказуемым в форме 2-го лица «с абсолютной регулярностью может распространяться обращением, называющим субъект, который либо обозначен в подлежащем местоимением, либо не обозначен совсем»[3], связь обращения с составом предложения существует. Обращение характеризуется функциональной двойственностью: «...оно одновременно выражает вокативность и императивную модальность»[4].

Междометия. Междометие может быть оформлено как самостоятельное высказывание (см. § 1 гл. 2 раздела «Простое предложение») или включаться в предложение. Например, междометия *ах*, *ай*, *и-и*, *о*, *ну*, *у-у*, *увы*, *эк*, *эх*, выражая эмоциональную оценку высказывания, практически не употребляются вне предложения, включаются в предложения, эмоционально усиливая смысл слов: ***Эх***, *как важно развернулся!* ***Фу ты***, *какая пышная фигура! — говорил он*, *остановивши коня* (Н. Гоголь).

Модальные частицы. Модальные частицы, не являясь компонентами структуры предложения, выражают различные субъективно-модальные значения. РГ-80 выделяет следующие значения, которые выражают частицы: эмоционально окрашенное подчеркивание, усиление (*же*, *вот*, *а еще*), волевые проявления (*дай*), характеристику сообщаемого со стороны его свойств, качеств (*уж и*, *ну и*, *вот как*, *то-то*), со стороны отношения ко времени (*едва не умер*, *бывает*, *нет-нет да и*, *чуть было*)[5].

Характеристика модальных частиц как вида осложнения простого предложения является спорным вопросом.

Рекомендуемая литература

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990. — С. 56—58.

Акимова Г. Н. Современное употребление скобок (в связи с новыми синтаксическими явлениями) // Русский язык в школе. — 1980. —№ 3.

Бабайцева В. В., *Максимов Л. Ю.* Современный русский язык: в 3 ч. — Ч. 3: Синтаксис. — 2-е изд. — М., 1987.

---

[1] *Проничев В. П.* Синтаксис обращения. — Л., 1971.

[2] *Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису... — С. 184.

[3] Русская грамматика. — Т. 2. — С. 163—164.

[4] *Дмитриева Л. К.* Обращение и вводный компонент. — Л., 1976. — С. 31.

[5] Русская грамматика. — Т. II. — С. 223—225.

Валгина Н. С. Современный русский язык. — М., 2003.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / отв. ред. Г. А. Золотова. — 3-е изд. — М., 1986.

Вяткина С. В. Скобки в русских текстах начала XVIII века // Русский язык конца XVII — начала XIX века (Вопросы изучения и описания): Сб. 2. — СПб., 2001. — С.131—142.

Вяткина С. В. Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке // Тенденции развития русского языка: Сб. статей. — СПб., 2001. — С. 46—58.

Грамматика русского языка: в 2 т. — Т. 2: Синтаксис. — Ч. 1. — М., 1954.

Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970. — С. 643—647.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982.

Золотова Г. А., *Онипенко Н. К.*, *Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — С. 207—210.

Камынина А. А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. — М., 1983.

Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — 3-е изд. — М., 2004.

Перетрухин В. Н. Расширение, распространение и осложнение в простом предложении // НДВШ. Филологические науки. — 1979. — № 4.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — 7-е изд. — М., 1956.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. — М., 2006.

Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. — М., 1990.

Распопов И. П., *Ломов А. М.* Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. — Воронеж, 1984. — С. 255—279.

Русская грамматика: в 2 т. — Т. 2. — М., 2005.

Современный русский язык / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. / под ред. В. А. Белошапковой. — 3-е изд. — М., 2003.

Чупашева О. М. Трудности синтаксического анализа. — М., 2004.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1957.

5. Структура простого предложения в концепции Н. Ю. Шведовой («Русская грамматика»)

§ 1. Понятие «структурная схема предложения». Компоненты структурной схемы

В конце 60-х гг. XX в. в русской синтаксической науке появился тип описания формальной организации предложения, основанный на понятии структурной схемы. Структурная схема понима-

ется как «отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения»[1]. Новый подход лег в основу описания простого предложения в АГ-70 и РГ-80. Введение понятия структурной схемы отвечало общей тенденции к формализации грамматики. В то же время подход к описанию предложения, реализованный в академических грамматиках, не является единственно возможным. В конце XX в. в науке о русском синтаксисе выявились два понимания минимума предложения[2].

То понимание минимума, которое было выдвинуто Н. Ю. Шведовой и представлено в АГ-70 и РГ-80, обращено к формальной организации предложения. В схему не включаются присловные распространители. Минимум предложения предстает в виде формально-грамматического минимума. Например, структурная схема N_1 — V_f соответствует следующим предложениям: *Мальчик спит. Мальчик бросил мяч. Мяч находится в комнате.*

Другое понимание минимума предложения связано с его интерпретацией как минимума смыслового, номинативного. В этом случае в структурную схему включаются и некоторые присловные распространители, необходимые для смысловой достаточности синтаксической конструкции, например: *Мальчик бросил мяч* — $N_1V_fN_4$. В структурную схему включается распространитель переходного глагола, выраженный именем существительным в форме вин. падежа. *Мяч находится под столом* (*за стулом*, *там*) — $N_1VfN_2...{}_{loc}$/ Adv_{loc}. В структурную схему входит необходимая для смысловой завершенности конструкции падежная или предложно-падежная форма с пространственным значением или наречие.

Познакомимся с типологией простого предложения, представленной в РГ-80. Структурная схема определяется здесь как имеющий свою формальную организацию и свое языковое значение синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное нераспространенное предложение. Такие структурные схемы являются абстракциями, отвлеченными от неограниченного множества конкретных предложений[3], например: N_2 (neg) Vf_{3s} — *Работы прибавляется*; *Времени не остается*; *Денег не хватает* и т. п. Структурные схемы обозначаются по принципу морфологической символики: Vf — личная форма глагола, Vf_{3s} — спрягаемый глагол в форме 3-го л. ед. числа, N — существительное (цифры от 1 до 6 обозначают соответствующие падежи, N_2... = существительное в форме одного из косвенных падежей), Adj — прилагательное, Adv — наречие и т. п.

Структурные схемы могут быть как живыми, действующими, по которым в современном русском языке свободно строятся раз-

---

[1] Современный русский язык: учебник / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 2003. — С. 717.

[2] Там же. — С. 718.

[3] Русская грамматика. — Т.2. Синтаксис. — М., 1980. — С. 84—85.

нообразные предложения, так и несвободными, фразеологизированными, которые организуются лексически замкнутым кругом слов (*Неделя как неделя*; *Нет чтобы промолчать*; *Мне сейчас не до смеха*; *Чем он не жених* и др.).

В зависимости от того, как организуется предикативный минимум (одной или двумя словоформами), различаются структурные схемы двухкомпонентные и однокомпонентные. Ср.: V_{f3s} Inf (*Запрещается шуметь*) — двукомпонентная схема, N_1 (*Тишина*) — однокомпонентная схема. Всего в РГ-80 31 свободная структурная схема, из них двухкомпонентных схем — 22, однокомпонентных — 9.

§ 2. Парадигма предложения как система его форм

Понятия формы и парадигмы предложения были введены в научный обиход Н. Ю. Шведовой и использованы при описании простого предложения в академических грамматиках 1970 и 1980 гг. Эти ключевые грамматические понятия уже давно занимают центральное место в другом разделе грамматики — морфологии. Например, система падежных форм существительного *стол* образует парадигму его склонения (*стол*, *стола*, *столу* и т. д.). Содержательное различие между формами этого слова проходит по линии падежных значений. Каким же образом и в пределах каких значений может варьироваться предложение, оставаясь при этом самим собой, чтобы можно было говорить о разных формах одного предложения?

Структурная схема в понимании «Русской грамматики» 1980 г. — синтаксический образец, который имеет не только формальную организацию, но и свое языковое значение. Этим значением, общим для всех структурных схем, является предикативность[1], понимаемая как категория, которая с помощью формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным временным планом действительности. Объективно-модальные значения, формирующие предикативность, выражаются с помощью синтаксических времен и наклонений.

Н. Ю. Шведова конкретизирует перечень синтаксических наклонений, который включает синтаксический индикатив (настоящее, прошедшее и будущее время) и синтаксические ирреальные на-

[1] Предикативность рассматривается как грамматическое значение, общее для всех предложений. Кроме того, в РГ-80 выделяется семантика, свойственная каждой отдельной структурной схеме. Внимание к семантике структурной схемы и семантической структуре предложения отличает РГ-80 от АГ-70, где данный аспект описания предложения не учитывался. Подробнее о семантической организации простого предложения см. главу III «Семантическая организация простого предложения».

клонения: сослагательное, условное, желательное, побудительное и долженствовательное. Для синтаксического индикатива характерна временная определенность, для синтаксических ирреальных наклонений — временная неопределенность.

Все эти частные модально-временные значения выражаются определенными видоизменениями формальной организации предложения — формами предложения, а вся система форм предложения называется его парадигмой. Различие между формами предложения носит не лексический, а грамматический характер. Ср.: *Мальчик спит. — Мальчик спал. — Мальчик будет спать* (одно предложение, формы синтаксического индикатива). *Мальчик спит. — Мальчик сонный* (разные предложения).

Полная парадигма предложения восьмичленна, исходной формой является форма настоящего времени синтаксического индикатива. Приведем парадигму предложения, построенного на основе структурной схемы $N_1 — V_f$ (*Он учится*).

Синтаксический индикатив:

Настоящее время: *Он учится.*

Прошедшее время: *Он учился.*

Будущее время: *Он будет учиться.*

Синтаксические ирреальные наклонения:

Сослагательное наклонение: *Он учился бы* (значение возможности в неопределенном временном плане).

Условное наклонение: *Учился бы он* (*если бы он учился*), *мать бы не огорчалась* (значение стимулирующей причины).

Желательное наклонение: *Учился бы он! Хоть бы он учился! Если бы он учился! Лишь бы он учился!*

Побудительное наклонение: *Пусть он учится!*

Долженствовательное наклонение: *Послали его учиться*, *он и учись*[1].

Как показывает приведенная выше парадигма, формы предложения могут быть вариативными, например формы желательного наклонения: *Учился бы он! Хоть бы он учился!* Парадигма характеризует не только глагольные предложения, например: *Тишина* (структурная схема N_1) — *Тишина. Была тишина. Будет тишина. Была бы тишина* и т. д.

Не любое предложение имеет полный набор форм. Некоторые классы предложений имеют неполные парадигмы. Например, у предложений *Светает*; *Темнеет*; *Холодает* и т. п. (структурная схема V_{f3s}) отсутствует форма долженствовательного наклонения.

Учение о парадигме было применено Н. Ю. Шведовой для описания всех классов предложений русского языка: для каждой структурной схемы в АГ-70 и РГ-80 приведена парадигма. Использование понятия парадигмы позволило увидеть такие соотношения

[1] Данная форма характерна для разговорной речи и просторечия.

между предложениями, которые в традиционном синтаксисе отходили на второй план перед другими принципами классификации. Для традиционного синтаксиса различие между предложениями *Зима* и *Была зима* носит принципиальный характер. Предложение *Зима* является односоставным, предложение *Была зима* — двусоставным. В концепции Н. Ю. Шведовой это одно и то же предложение, но только в разных формах синтаксического индикатива: настоящего и прошедшего времени.

§ 3. Регулярные реализации простого предложения

Предложение в речи/тексте может претерпевать изменения, не связанные с выражением модально-временных значений. Речь идет о достаточно разнородных явлениях, объединяемых Н. Ю. Шведовой понятием «регулярные реализации»: это неполнота, введение связок и связочных образований, замещение позиции одного из компонентов структурной схемы. Общим для них является то, что все они возводятся к той или иной структурной схеме и не представляют собой самостоятельных схем. В РГ-80 выделяются следующие виды регулярных реализаций:

1. Неполные реализации. Среди них различаются реализации конситуативно обусловленные и конситуативно не обусловленные. Конситуативно обусловленные реализации представляют собой неполные предложения, например: *Кто этот человек? — **Мой друг**.* Ср.: *Этот человек — мой друг* (структурная схема $N_1 — N_1$). Конситуативно необусловленным реализациям соответствуют односоставные предложения спрягаемо-глагольного класса (определенно-личные и обобщенно-личные), например: ***Иду в библиотеку**. — Я иду в библиотеку* (структурная схема $N_1 — V_f$).

2. Реализации со связками (*это*, *есть*, *являться* и др.), например: *Труд — лучшее средство против старости. — Труд **является** лучшим средством против старости.* Традиционный синтаксис оперирует в этих случаях понятием составного именного сказуемого с отвлеченной связкой.

3. Реализации с полузнаменательными глаголами (*становиться*, *делаться*, *казаться*, *оказываться* и др.), например: *Мой сосед — интересный собеседник. — Мой сосед **оказался** интересным собеседником* (структурная схема $N_1 — N_1$). Этот вид регулярных реализаций функционально связан с предыдущим. В традиционном синтаксисе соответствующие явления рассматриваются при характеристике составного именного сказуемого с полузнаменательной (полуотвлеченной) связкой.

4. Реализации с замещением позиции. Речь идет о случаях, когда в позиции компонента предложения оказываются нехарактерная для данного компонента форма, сочетание слов или даже пред-

ложение, например: *Настроение прекрасное. — Настроение — **лучше не надо***; *Характер у него трудный. — Характер у него — **ой-ой-ой!*** В приведенных предложениях воплощена структурная схема N_1 — Adj $_{\text{полн.ф.}}$ Очевидно, что реализации такого рода принадлежат разговорной и экспрессивной речи и лежат на периферии языковых явлений.

Таков набор регулярных реализаций простого предложения в РГ-80. Знакомство с ними позволяет сделать следующие наблюдения. С одной стороны, новое осмысление получили синтаксические явления, которые уже были описаны в традиционном синтаксисе, в частности в учении о составном именном сказуемом. С другой стороны, очевидна неоднородность выделенных регулярных реализаций. В одном ряду оказываются реализации явно речевые (например, неполные регулярные реализации) и языковые явления, например введение в предложение ограниченного круга полузнаменательных глаголов.

§ 4. Распространение предложения

РГ-80 понимает распространение предложения как «введение в его состав таких членов, которые, не являясь компонентами структурной схемы предложения (предикативной основы), расширяют его состав»[1]. В отличие от традиционной теории членов предложения, которая выделяет три разряда второстепенных членов (определения, дополнения и обстоятельства) и рассматривает их в одном ряду, РГ-80 исходит из неоднородности распространяющих членов. В частности, различаются следующие распространители[2]:

связанные присловной связью с тем или иным членом предложения;

распространяющие предложение в целом — детерминанты;

распространяющие одновременно два главных члена предложения (*Он **с бородой** выглядит стариком*).

В основе указанной дифференциации лежит различение связей присловных и неприсловных. Присловные подчинительные связи характеризуют словосочетание как синтаксическую единицу и описываются в разделе «Словосочетание». В составе предложения компоненты словосочетания могут выполнять различные функции, в том числе занимать позиции главных членов, например: *Разговоры о разбойниках взволновали его воображение* (А. Пушкин). В составе предложения — три простых словосочетания: *разговоры о разбойниках*, *взволновали воображение*, *его воображение*. Стержневые сло-

[1] Русская грамматика. — Т. 2. Синтаксис. — С. 136.
[2] Там же. — С. 90.

ва первых двух словосочетаний являются главными членами предложения, построенного на основе структурной схемы $N_1 — V_f$.

В отличие от присловных распространителей детерминанты выделяются на уровне предложения. Детерминант не связан с каким-либо определенным членом предложения и присоединяется к предложению в целом, например: ***В небе*** *неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву* (Н. Гоголь). Обстоятельственный детерминант *в небе* дает описываемой ситуации пространственную характеристику.

В качестве члена предложения, распространяющего предложение, РГ-80 рассматривает обращение[1], например: — *Что вы такое сказали,* ***Иван Никифорович?*** *— спросил он, возвысив голос* (Н. Гоголь).

Таким образом, описание распространения предложения в РГ-80 отличается от традиционного представления о простом распространенном предложении.

Рекомендуемая литература

Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1970. — С. 541—547.

Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Т. 2: Синтаксис. — М., 1980. — С. 92—123, 136—180.

Современный русский язык / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. / под ред. В. А. Белошапковой. — 3-е изд. — М., 2003. — С. 716—763.

Шведова Н. Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» / Мысли о современном русском языке: сб. статей / под ред. В. В. Виноградова. — М., 1969. — С. 67—80.

Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии) / Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. — М., 2005. — С. 55—115.

Глава 3
Семантическая организация простого предложения

В современном синтаксисе представлены различные подходы к изучению семантики предложения. Для одних исследователей исходным пунктом описания является формальная организация предложения (Н. Ю. Шведова). Другое направление ориентируется

[1] Квалификация обращения в качестве члена предложения расходится с тем, как решает вопрос о синтаксическом статусе обращения традиционный синтаксис, который не считает обращение членом предложения.

на структуру самого события, на ситуацию как на денотат предложения (Т. П. Ломтев, В. Г. Гак и др.). Обращается внимание и на то, как отражается в предложении осмысление мира человеком (Н. Д. Арутюнова). Особое место занимает синтаксическая концепция Г. А. Золотовой, с позиций которой определенное типовое значение характеризует модель предложения.

Остановимся более подробно на различных подходах к изучению смысла предложения.

§ 1. Синтаксическая семантика предложения в «Русской грамматике» 1980 г.

Понятие значения предложения рассматривается в РГ-80 как иерархически структурированное. Синтаксическая семантика понимается здесь трехступенчато.

Прежде всего структурная схема предложения — отвлеченный образец, по которому строится предложение, — имеет грамматическое значение, общее для всех таких отвлеченных образцов. Это предикативность — значение, общее для всех структурных схем и присущее любой структурной схеме. Предикативность понимается в РГ-80 как «категория, которая целым комплексом формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным временным планом действительности»[1]. Предикативность объединяет, но не дифференцирует различные структурные схемы и предложения.

Следующей ступенью является семантика структурной схемы. Считается, что структурная схема может быть семантически значима сама по себе: она приспособлена для выражения определенного типового содержания. В частности, схема N_1 — V_f выражает отношение между субъектом и его предикативным признаком (действием или процессуальным состоянием). Например: *Ребенок играет. Ребенок веселится.* Схема Praed выражает наличие состояния, бессубъектного или отнесенного к субъекту. Например: *Ребенку весело* (*холодно*, *грустно*). Различие между приведенными примерами заключается в процессуальности состояния ребенка в одном случае (*Ребенок веселится*, т. е. совершает какие-то действия) и в отсутствии этого признака в другом случае (*Ребенку весело*). Различие в значении структурных схем связано с морфологическим выражением компонентов: личная форма глагола и слово категории состояния (предикативное наречие)[2].

---

[1] Русская грамматика. — Т. 2. — С. 86.

[2] Ср. наблюдения Л. В. Щербы: *он сердит* (состояние) — *он сердится* (состояние в виде действия) — *он сердитый* (качество). См.: *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — С. 75.

С одной стороны, структурная схема специализирована на выражении определенного содержания, с другой стороны, не любое содержание может быть передано с помощью той или иной структурной схемы. Например, схема Vf_{3s} подчеркивает нецеленаправленность, непроизвольность действия, несвязанность его с сознательной деятельностью человека. Поэтому, если действие может быть представлено и как целенаправленное, и как отвлеченное от производителя, оно может быть передано как схемой $N_1 — V_f$ (*Ребенок носился по двору как угорелый*), так и схемой Vf_{3s} (*Где тебя носило?*). Но если речь идет об активных, сознательных действиях человека, использование схемы Vf_{3s} становится невозможным. Например: **Извини, что вчера на улице я с тобой не поздоровался: меня очень спешило на автобус.* Ср.: *Я очень спешил на автобус*[1].

Наконец, третья ступень синтаксической семантики — семантическая структура предложения, которая формируется в процессе построения по определенной структурной схеме того или иного конкретного предложения. Например: *Мальчик бежит* — отношение между субъектом и его действием. *Мальчик веселится* — отношение между субъектом и его процессуальным состоянием. Тем самым в конкретных предложениях конкретизируется семантика структурной схемы $N_1 — V_f$: отношение между субъектом и его признаком — действием или процессуальным состоянием. Ср. также: структурная схема N_1 (*Ночь*; *Тишина*). Семантика схемы определяется в «Русской грамматике» как «существование, наличие предмета или предметно представленного действия, состояния»[2]. В предложениях, построенных на основе этой структурной схемы, семантика схемы конкретизируется: *Улица. Фонарь. Аптека* — наличие предмета. *Ночь*; *Тишина* — существование предметно представленного состояния. *Ссора. Взрыв* — наличие предметно представленного действия. Таким образом, семантическая структура предложения формируется взаимным действием семантики структурной схемы и лексической семантики слов, которые занимают позиции ее компонентов.

В формировании семантической структуры предложения принимают участие не только главные члены предложения, но и распространители, особенно детерминанты. Значение предложения не ограничивается только «схемной» семантикой. Например: *У них ссора. У них спор.* В предложениях, построенных на основе структурной схемы N_1, субъектный детерминант *у них* выражает категорию субъекта — одну из основных семантических категорий.

Под семантическими категориями понимаются те единицы значения, которые возникают на основе взаимодействия семантики

---

[1] Пример заимствован у В. А. Белошапковой. См.: Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — С. 783.

[2] Русская грамматика: в 2 т. — Т. 2: Синтаксис. — С. 358.

структурной схемы и лексических значений слов, входящих в предложение. Основными семантическими категориями признаются следующие:

предикативный признак;

субъект — производитель действия или носитель состояния;

объект — предмет, на который направлено действие или к которому обращено состояние.

Характеристика семантической структуры предложений, построенных на основе той или иной структурной схемы, включается в РГ-80 в описание всех структурных схем.

§ 2. Описание семантики предложения с опорой на понятие пропозиции

Другой подход к изучению семантики предложения ориентирован на выявление того «положения дел», которое обозначается предложением. В этих целях используется понятие пропозиции, заимствованное из логики. Пропозиция — это «объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных значений и от тех особенностей, какие придает ему та или иная формальная организация предложения»[1].

Обязательными субъективными значениями, входящими в содержание каждого предложения, являются следующие значения[2]:

предикативность — выражение языковыми средствами категории времени. Сообщая о каком-либо событии, говорящий обязательно помещает это сообщение в определенный временной план, если событие мыслится как реальное. В ином случае событие может представляться как мыслимое. Например: *Мальчик прочитал книгу.* Говорящий считает, что событие имело место в прошлом. *Мальчик читает книгу.* Говорящий помещает событие в план настоящего времени. *Прочитал бы мальчик эту книгу!* Событие мыслится как желаемое;

целеустановка предложения — выражение коммуникативного задания говорящего. Например: *Мальчик прочитал книгу* (говорящий знает и говорит, что мальчик прочитал книгу). *Мальчик прочитал книгу?* (говорящий не знает и спрашивает, прочитал ли мальчик книгу);

персуазивность — оценка говорящим объективного содержания предложения с точки зрения его достоверности или недостоверности. *Вероятно, мальчик уже прочитал книгу* (говорящий не уверен в том, что мальчик прочитал книгу). Достоверность

---

[1] Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. — С. 775.

[2] Там же. — С. 771—772.

может выражаться имплицитно, т.е. без специальных показателей. *Мальчик прочитал книгу.* Но могут быть и специальные показатели — модальные слова. В качестве показателей значения достоверности могут использоваться модальные слова: *безусловно*, *конечно*, *несомненно*, *разумеется* и др. В качестве показателей недостоверности, которая в обязательном порядке выражается эксплицитно, используются такие модальные слова и частицы, как *вероятно*, *возможно*, *может быть*, *вряд ли*, *едва ли*, *разве*, *неужели* и др.

Таким образом, предикативность, целеустановка и персуазивность — те субъективные значения, которые обязательно выражаются в каждом предложении и от которых необходимо абстрагироваться в процессе выявления объективного содержания предложения.

Каким образом может быть описано объективное содержание предложения с опорой на понятие пропозиции? Структуру пропозиции определяет предикат, который устанавливает отношения между различными участниками ситуации — актантами[1]. Следует подчеркнуть, что речь идет о семантическом предикате и семантических актантах. Семантический предикат — это не слово, не выражение, а семантическая единица со значением признака: действия, состояния, качества, отношения. Эта единица словесно воплощается в предложении. Семантические актанты не члены предложения, а обобщенные значения субъекта и объекта, которые, в свою очередь, выражаются в предложении с помощью тех или иных его членов. Например: *Петя рассказал. Рассказ Пети. Петин рассказ.* Это три варианта языкового представления одной пропозиции. Ее структура — предикат и один актант (субъект).

Значение семантического предиката предопределяет, сколько актантов должно быть при нем и какие это должны быть актанты, т.е. их количество и качество. Например: *Стемнело* (нет ни одного актанта). *Петя пришел* (один актант — субъектный). ***Петя*** *читает* ***книгу*** (два актанта). ***Петя*** *подарил* ***книгу Васе*** (три актанта). Предикат и актанты — единицы плана содержания — выражаются, материализуются на синтаксическом уровне в виде предложения или иной синтаксической конструкции (деепричастной, инфинитивной, причастной, адъективной или субстантивной). Иначе говоря, пропозиция получает в предложении словесное выражение.

---

[1] Современный русский язык / под ред. В.А.Белошапковой. — С. 775. Понятие актантов ввел Л.Теньер, который использовал его для обозначения участников действия, выраженного сказуемым (см.: *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. — М., 1988. — С. 117). Однако Л.Теньер понимал под актантами определенные члены предложения, тесно связанные со сказуемым, т.е. имел в виду единицы синтаксической структуры, а не смысловой организации.

§ 3. Логико-синтаксические типы предложения в концепции Н. Д. Арутюновой

Н. Д. Арутюнова обратила внимание на то, как в предложении отражается процесс осмысления мира человеком. Она выделяет четыре типа отношений, устанавливаемых говорящим[1].

Отношения экзистенции. Они соединяют концепт и предмет, понятие и материю. Например: *В этой стране есть огромные змеи. Снежный человек существует.* Мысль движется от понятия к субстанции. Утверждается, что существует (или не существует) объект, наделенный определенными признаками.

Отношения характеризации. Мысль движется в обратном направлении: от объекта к его признакам, свойствам. *Море сегодня спокойно. Эта змея огромна.* Данным является некоторый объект, в котором выделяется тот или иной признак.

Отношения номинации. Они соединяют объект и его имя, т. е. элемент предметного мира и элемент языкового кода. *Этого мальчика зовут Коля. Это Коля. Это дерево — сосна.*

Отношения идентификации. Эти отношения рефлексивны, обращены на один объект. *Этот человек — мой сосед.* Устанавливается тождество объекта самому себе.

Перечисленные четыре типа отношений соотносятся с особыми логико-синтаксическими структурами: экзистенциальными предложениями, предложениями характеризации, предложениями именования и предложениями тождества. Понятие логико-синтаксических типов предложения используется и в учебной литературе, например в учебнике «Современный русский язык» под ред. Л. А. Новикова[2]. Здесь выделяются четыре логико-синтаксических типа предложения.

Предложения характеризации: *Он умный.* Сообщается о признаках, состояниях конкретных предметов, событий, явлений. *Он поехал на дачу. Этот город очень красивый.* Тот компонент предложения, который характеризуется, называется субъектом предложения, а тот компонент, который характеризует субъект, называется предикатом. Общий принцип организации предложения следующий: субъект по своей референции должен быть конкретнее предиката.

Предложения характеризации представлены в двух разновидностях:

1) субъект — существительное с конкретной референцией, предикат — слово с понятийной референцией: *Этот парк очень популярен у горожан*;

---

[1] *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. — М., 1976. — С. 18—20.

[2] Современный русский язык: учебник / под общ. ред. Л. А. Новикова. — СПб., 2001. — С. 699—701.

2) и субъект, и предикат имеют понятийную референцию: *Тигр — хищное животное.* Здесь понятие, представленное субъектом (*тигр*), является более узким, более конкретным, чем понятие, заключенное в предикате (*хищное животное*).

Предложения именования: *Этот циклон называется Марта.* Именуемый компонент является субъектом предложения, а имя, которое ему приписывается, — его кодовое наименование. Общий принцип организации предложения следующий: только субъект имеет референцию, причем конкретную.

Предложения тождества: *Багровый — это темно-красный.* Первый компонент называется отождествляемым субъектом, второй компонент — отождествляющим компонентом. Общий принцип организации предложения следующий: оба компонента предложения имеют одинаковую референцию.

Бытийные предложения: *В этом оперном театре есть хорошие солисты.* В бытийных предложениях выделяются следующие компоненты: локализатор (детерминант со значением места, где нечто бытует) + глагол бытия + имя бытующего предмета. Общий принцип организации предложения следующий: локализатор имеет конкретную референцию, имя бытующего предмета имеет понятийную референцию. Например: *В этом саду есть клубника.*

Выделение указанных выше логико-синтаксических типов предложения основывается на концепции Н.Д.Арутюновой.

§ 4. Синтаксическая семантика в концепции Г.А.Золотовой

Г.А.Золотова критически оценивает распространенный подход к синтаксической семантике как к своеобразной надстройке над грамматической структурой. Грамматика представляется в этом случае как непричастная семантике, десемантизированная. Рассмотрение синтаксиса и семантики в качестве параллельных ярусов, с точки зрения Г.А.Золотовой, неприемлемо. Критически оценивается и та модель описания семантики предложения, которая принята в РГ-80. Автор пишет: «Когда уже нельзя отрекаться от семантики, ее впускают на чердак, в мезонин, строят двухэтажные, даже пятиэтажные схемы. Но это самообман, иллюзия признания. Ведь у семантики нет средств выражения на другом “уровне”, она вся тут, в предложении, в единстве формы и значения»[1]. Г.А.Золотова исходит из того, что типы предложения в целом от-

[1] *Золотова Г.А.* О традициях и тенденциях в современной грамматической науке // Вопросы русского языкознания: Сб. — Вым. XII. Традиции и тенденции в современной грамматической науке. — М., 2005. — С. 9.

ражают общую модель того, как человек видит мир, как языковое сознание расчленяет действительность.

Ключевое место в синтаксической концепции Г. А. Золотовой занимает понятие синтаксемы — синтаксической единицы, которая определяется как «минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений»[1]. Например: *Страшно становилось ей от этих дум...* (И. С. Тургенев). В предложении представлена фазисная модификация модели *Ей страшно* со значением «состояние субъекта». Субъектом (подлежащим) является именная синтаксема дат. п. со значением субъекта состояния (*ей*), предикатом (сказуемым) — синтаксема слова категории состояния (предикативного наречия) со значением эмоционального состояния лица (*страшно*) в сочетании с глаголом-модификатором (*становиться*). Каузативная именная синтаксема, выраженная существительным в род. п. с предлогом (*от дум*), выступает в качестве осложнителя модели.

Семантическая составляющая синтаксем, формирующих предложение, избавляет от необходимости разделять смысловую и формальную организацию предложения. Обратим внимание на то, что предложение *Страшно становилось ей от этих дум* в традиционном синтаксисе рассматривалось бы как предложение односоставное безличное. С позиций «Русской грамматики» 1980 г. данное предложение представляет собой регулярную реализацию предложения *Страшно ей от этих дум*, построенного на основе однокомпонентной структурной схемы наречного класса.

Отказ от фетишизации морфологической формы связан в синтаксической концепции Г. А. Золотовой с принципом двусоставности предложения. Элементарные единицы синтаксиса — синтаксемы — вступают в предикативную связь и образуют модель предложения с определенным типовым значением. Это значение и определяется как обобщенный смысловой результат предикативного сопряжения субъектного и предикатного компонентов[2].

Выделяются следующие пять основных моделей предложений с их типовыми значениями[3]:

Сестра шьет. Типовое значение — действие субъекта (акциональный признак);

Сестре скучно. Типовое значение — состояние субъекта (статуальный признак);

---

[1] *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. — 2-е изд. — М., 2001. — С. 4.

[2] *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — С. 104.

[3] Там же. — С. 105.

Сестра добрая. Типовое значение — свойство предмета (квалитативный признак);

Сестер три. Типовое значение — количество предметов (квантитативный признак);

Сестра — врач. Типовое значение — отнесение к классу предметов (квалификативный признак).

В отличие от АГ-70 и РГ-80 коммуникативная грамматика Г.А. Золотовой не предлагает конечный список моделей предложения, однако приведенные основные модели дают представление о сути подхода к описанию предложения. Основная особенность заключается в том, что семантика — не вне грамматической структуры, а в самом конструктивном составе предложения.

§ 5. Теория функционального синтаксиса А. Мустайоки

А. Мустайоки, в отличие от Г.А. Золотовой, настаивает на необходимости различать два уровня лингвистического анализа: семантический и формальный[1]. Следуя функциональному подходу к описанию языкового материала «от смысла к языковым средствам», автор использует понятие семантической структуры, которая понимается как «схематизированное структурированное представление о том, что говорящий намерен выразить»[2].

Семантический уровень обнаруживает связь с действительностью, с одной стороны, и с языковым уровнем, с другой стороны[3]. В процессе речевого акта исходным пунктом является определенная ситуация, которую говорящий ограничивает с учетом своих коммуникативных потребностей. В результате образуется «положение дел», составляющее основу семантической структуры. На следующем этапе говорящий выбирает с учетом контекста общения языковое выражение семантической структуры, соответствующее решаемой коммуникативной задаче.

Центральное место в семантической структуре занимает предикат, семантика которого предопределяет наличие актантов и их роли. Предикат и связанные с ним актанты составляют ядерную семантическую структуру. Например, в семантической структуре, которая лежит в основе предложения *Виктор убрал комнату* предикат «убрать» (физическое действие) имеет два актанта: «Виктор» (агенс) и «комната» (объект)[4]. Однако в предложении выражается

---

[1] *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. — М., 2006. — С. 120.

[2] Там же. — С. 24.

[3] Там же. — С. 25.

[4] Там же. — С. 152.

не только ядро семантической структуры (предикат и актанты), но и другие семантические компоненты: модификаторы и спецификаторы. Например: *Виктор начал убирать комнату* (модификатор «Фаза»), *Виктор не убирал комнату* (спецификатор «Отрицание»).

В монографии А. Мустайоки представлена следующая классификация ядерных семантических структур[1] (примеры А. Мустайоки):

1) физическое действие и деятельность (*Петя открыл окно*; *Нина отдыхала на юге*);

2) передвижение и локация (*Нина уже пришла домой*; *Все вещи были уже в сумке*);

3) социальное действие и деятельность (*Мы встретились с гостями у входа в дом*; *Петя очень нравится учителю*);

4) интеллектуальная деятельность (*Нина все знает*; *Виктор вспоминает свое детство*);

5) существование (*У нас в доме гости*; *Вокруг города леса*);

6) обладание / владение (*У Пети много друзей*; *У Ивановых новая машина*);

7) эмоции (*Нам скучно*; *Виктор гордится своим сыном*);

8) физиологическое состояние (*Мне нездоровится*; *Я устал*);

9) физическое состояние (*Трава была сырая*; *Руки у малыша грязные*);

10) состояние окружающей среды (*На улице холод*; *В комнате душно*);

11) характеристика (*Степан ленивый*; *Лед тает на солнце*);

12) идентификация (*Того мальчика зовут Джезеппе*; *Нина — дочь Никиты*).

Приведенные выше ядерные семантические структуры не основываются, по мнению А. Мустайоки, на каком-либо определенном языке и его категориях и, таким образом, являются относительно универсальными[2].

В данной главе были представлены некоторые подходы к описанию семантики предложения, отраженные в научной и учебной литературе. Следует подчеркнуть многовариантность решения проблемы, как описывать смысл предложения, где его искать, что понимать под смыслом предложения. Вторая половина XX в. ознаменовалась повышенным интересом к семантике предложения, появилось значительное количество работ, посвященных этой проблеме. Семантика предложения нашла свое место в «Русской грамматике» 1980 г. Вместе с тем проблема описания смысловой организации предложения остается дискуссионной.

---

[1] *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. — М., 2006. — С. 203—204.

[2] Там же. — С. 426.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. — М., 1976. — С. 5—20.

Золотова Г.А. О традициях и тенденциях в современной грамматической науке // Вопросы русского языкознания: сб. — Вып. XII: Традиции и тенденции в современной грамматической науке. — М., 2005. — С. 7—12.

Золотова Г.А., *Онипенко Н.К.*, *Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — С. 102—108.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. — М., 2006. — С. 18—68.

Русская грамматика: в 2 т. — Т. 2: Синтаксис. — М., 1980. — С. 123—136.

Современный русский язык: учебник / под ред. В.А. Белошапковой. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2003. — С. 764—785.

Современный русский язык: учебник / под общ. ред. Л.А. Новикова. — 3-е изд. — СПб., 2001. — С. 690—758.

Глава 4
Коммуникативная организация простого предложения

§ 1. Актуальное членение предложения

Каждое предложение, обладая определенной синтаксической структурой, является средством общения, коммуникации, в процессе которой говорящий по-разному эшелонирует фрагменты передаваемой информации в зависимости от собственных интересов и знаний собеседника, т.е. определенную ее часть делает актуальной. Термин «актуализация», предложенный Ш. Балли, означает превращение языкового знака в акте коммуникации в значимый, выделенный. Одно и то же предложение из-за коммуникативной цели, которую преследует говорящий, может приобретать разный смысл. Это становится очевидным из ответа на вопрос, поставленный к предложению, в котором дается значимая для акта коммуникации информация, например:

Студенты / уехали в диалектологическую экспедицию. — Где сейчас студенты? — ***Уехали в диалектологическую экспедицию***;

В диалектологическую экспедицию уехали / студенты. — Кто уехал в диалектологическую экспедицию? — ***Студенты***;

Уехали студенты / в диалектологическую экспедицию. — Куда уехали студенты? — ***В диалектологическую экспедицию***.

Актуальное членение предложения — это смысловое членение предложения, в контексте его употребления, на исходную часть

высказывания — **тему**, в которой содержится известная или ясная из ситуации общения информация (она отражена в вопросе к предложению), и **рему**, в которой сообщается нечто новое о первой части (содержится в неполном ответе), что и является коммуникативной целью высказывания. Приведенные выше примеры иллюстрируют данное определение. Варианты предложения, различающиеся актуальным членением, составляют, по определению авторов РГ-80, коммуникативную парадигму[1].

Изучение предложения как единицы речевого общения, зависимой от контекста употребления и от ситуации общения, общих знаний участников коммуникативного акта привело к введению термина «высказывание». В отличие от предложения, языковой единицы определенной структуры, высказывание, единица речевого общения, характеризуется замыслом говорящего, учетом адресата информации, общностью их фоновых знаний. Если для теории предложения первостепенны характеристика структуры предложения, форм, занимающих ту или иную синтаксическую позицию, то для акта коммуникации важно целеполагание при передаче информации, т.е. распределение информации по степени значимости.

Термин «актуальное членение предложения» был введен Вильямом Матезиусом, ученым Пражского лингвистического кружка[2], связавшим порядок слов в предложении с актуальным членением. До него различия порядка слов в предложениях рассматривались в отношении к логике, к психологии говорящего. Так, немецкий ученый XIX века Г. Пауль наряду с грамматическими субъектом и предикатом в предложении выделял психологический субъект (известное) и психологический предикат, наиболее важную часть высказывания, на которую падает основное ударение, показав на примере предложения *Карл едет завтра в Берлин*, что каждый из четырех компонентов конструкции может стать психологическим сказуемым в зависимости от того, что известно и что неясно. В русской лингвистике подобные попытки интерпретации были предприняты А. А. Потебней, Ф. Ф. Фортунатовым, А. М. Пешковским[3].

Термины «тема» и «рема»[4] являются ключевыми в теории актуального членения. Они заменили употреблявшиеся ранее для обозначения коммуникативного центра высказывания — ремы — и исходной части — темы — термины: «основа высказывания» /

---

[1] Русская грамматика. — Т. II. — С. 91.

[2] *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.

[3] *Шевякова В. Е.* Актуальное членение предложения // Лингвистический энциклопедический словарь. — С. 22—23.

[4] Термин известен уже античным грамматикам, но в другом значении: Платоном и его последователями в качестве языковых выражений субъекта и предиката в суждении-предложении выделялись имя (*onoma*) и глагол (*rhema*).

«ядро высказывания» (Г. Пауль[1]), «новое»/»данное»[2], «смысловой субъект» / «предицируемая часть» / «основа высказывания»[3]. В настоящее время разграничиваются понятия «рема», «новое», «неизвестное»[4] и «тема», «данное», «известное».

В составе текста рема, как правило, содержит новую информацию, а тема — уже данную, известную. Например, выделенная часть ремы[1] высказывания (1) становится темой[2] высказывания (2) как уже упоминавшаяся информация: (1) *В наших русских газетах* (тема[1]) / *часто встречаются особого рода статьи, озаглавленные обыкновенно* «***Силуэты***», *или* «*Профили*», *или* «*Встречи*», *или* «*Наброски с натуры*» (рема[1]). (2) ***В этих*** «***силуэтах***» (тема[2]) / *изображаются иностранные общественные деятели, министры или знаменитости в области науки и искусств* (рема[2]) (Тэффи). Но высказывание в начале текста (в данном случае рассказа Тэффи «Свои и чужие») еще не содержит известной читателю информации, хотя она представлена в теме[1]. Таким образом, тема высказывания может содержать «новое» (новую информацию), а объем этих понятий — не совпадать. Термины «известное»/«неизвестное» отражают иной ракурс характеристики информации в высказывании — это оценка информированности самого адресата.

Средством определения рематической части высказывания является не только постановка вопроса, как было показано в начале параграфа, но и возможность отрицания информации в позиции ремы: *1*) *Студенты / уехали в диалектологическую экспедицию. — Студенты / **не уехали в диалектологическую экспедицию***; *2*) *В диалектологическую экспедицию уехали / студенты. — В диалектологическую экспедицию уехали / **не студенты*** (*а аспиранты*). В зависимости от коммуникативной цели возникают разные варианты порядка слов, как было показано в приведенных выше примерах, при этом важная информация попадает в конец высказывания и тем самым актуализируется.

Проблемы актуального членения предложения на русском материале были подробно описаны И. П. Распоповым[5], И. И. Ковтуновой[6]. В результате их исследований была выявлена роль порядка слов в актуальном членении предложения.

---

[1] *Пауль Г.* Принципы истории языка. — М., 1960. — С. 338.

[2] *Крушельницкая К. Г.* К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. — 1956. — № 5.

[3] *Распопов И. П.* Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970. — С. 99.

[4] *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.

[5] *Распопов И. П.* Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970.

[6] *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М., 1976.

Высказывания, в которых выделяются два состава актуального членения, называются **расчлененными**. И. И. Ковтунова связывает актуальное членение высказывания с грамматическим членением предложения, в котором выделяет три основных компонента: группа подлежащего, группа сказуемого, группа детерминанта.

Если в предложении представлены все три группы, то группа детерминанта попадает в позицию темы, например: (1) *За холмами*^{T} */ глухо прогремел гром*^{P} (А. Чехов). В позиции ремы — группа сказуемого с подлежащим. В следующем примере в позицию ремы попадает комплекс из группы сказуемого в препозиции к группе подлежащего: (2) *К крыльцу главной гостиницы губернского города С...а*^{T} */ подъехала дорожная коляска*^{P} (И. Тургенев). При изменении порядка слов в позицию темы попадет группа подлежащего: *Дорожная коляска*^{T} */ подъехала к крыльцу главной гостиницы губернского города С...а*^{P}.

Но возможны высказывания без темы, содержащие только рему. Их называют **нерасчлененными**. К нерасчлененным, например, относится высказывание, если оно представляет собой двусоставное предложение со сказуемым, указывающим на бытие, протекание действия и стоящим перед группой подлежащего: *Прошел целый год.* При изменении порядка слов в (1) *Глухо прогремел гром за холмами* высказывание станет нерасчлененным.

К нерасчлененным относятся высказывания, представленные односоставными предложениями, не распространенными детерминантами (в противном случае высказывание становится расчлененным: группа детерминанта попадает в позицию темы), например: *Темнеет*^{P}. *У меня*^{T} */ нет света*^{P} (В. Инбер); *Жаркий июльский полдень*^{P}. *На Дубравинской барской усадьбе*^{T} */ словно все вымерло*^{P} (М. Салтыков-Щедрин); *Привезли апельсинов...* (И. Гончаров)[1].

На основе соотнесения синтаксической структуры, семантики и возможностей актуального членения предложения И. П. Распопов выделил шесть коммуникативно-синтаксических типов простых повествовательных предложений[2]:

1) тематически не детерминированные (т. е. не предполагающие темы высказывания) констатирующие предложения, односоставные и двусоставные глагольного строя, например: *Начинало уже заметно смеркаться*^{P} (Л. Толстой);

2) тематически не детерминированные ситуативно-констатирующие предложения (безличные, неопределенно-личные и двусоставные, включающие обстоятельственные детерминанты в тематической позиции), например: *Из хаты*^{T} */ повеяло сыростью*^{P} (М. Лермонтов); *За перегородкой*^{T} */ пошептались и замолкли*^{P} (Л. Толстой);

---

[1] Примеры из указанной работы И. П. Распопова.

[2] *Распопов И. П.* Указ. раб. — С. 114—133.

3) тематически детерминированные предложения с констатирующим описательно-процессуальным или квалификативно-качественным значением (двусоставные с личным субъектом и неопределенно-личные), например: *Старик^{T} / печально усмехнулся^{P}*; *Сидеть в Москве^{T} / было невмоготу^{P}* (К. Паустовский); *Егорушке^{T} / дали ложку^{P}* (А. Чехов);

4) тематически детерминированные с ситуативно-констатирующим описательно-процессуальным или квалификативно-качественным значением (двусоставные и неопределенно-личные): *В свободное время Щедрин^{T} / много читал^{P}* (К. Паустовский);

5) тематически детерминированные с уточняющим значением (двусоставные и односоставные предложения, грамматическая основа которых оказывается в позиции темы): *Выехал я на станцию^{T} / в десять часов утра^{P}* (А. Чехов);

6) тематически детерминированные, выражающие отношение (двусоставные предложения глагольного строя, в позиции ремы оказывается предикат): *Панделевский^{T} / побаивался^{P} / Рудина^{T}* (И. Тургенев).

Создав данную классификацию коммуникативных типов предложения, И. П. Распопов поставил, по его собственному признанию, знак равенства между терминами «предложение» и «высказывание»[1]. Приведенные им примеры повествовательных предложений отражают в первую очередь следование ремы после темы.

Движение от темы к реме является стилистически нейтральным и называется прямым порядком. Порядок, при котором рема предшествует теме, называется регрессивным, субъективным (термин В. Матезиуса), инверсией.

Инверсия (от лат. inversio — перестановка, переворачивание), в узком смысле данного термина, — перестановка, нарушающая стилистически нейтральный порядок слов, например: *Прекрасны^{P} / петербургские белые ночи^{T}*. Ср.: *Петербургские белые ночи^{T} / прекрасны^{P}*. При препозиции интонационно выделенной ремы теме актуальное членение предложения не меняется. В более широком значении инверсией называют любую перестановку, например в поэтической речи: *Люблю тебя*, *Петра творенье*, / *Люблю твой строгий*, *стройный вид*... / *Твоих оград узор чугунный*, / *Твоих задумчивых ночей* / *Прозрачный сумрак*, *блеск безлунный*... (А. Пушкин) — ср. *Люблю тебя*, *творенье Петра*, *люблю твой строгий*, *стройный вид*... *чугунный узор твоих оград*, *прозрачный сумрак безлунный блеск твоих задумчивых ночей*.

При инверсии синтаксическое членение предложения приходит в противоречие с актуальным членением высказывания, а логическое ударение, падающее на рему, компенсирует утрату порядком слов его основной функции. В разговорной речи и поэтическом

[1] *Распопов И. П.* Строение простого предложения... — С. 184.

тексте порядок слов отличается большей свободой и субъективностью, например: *Жуткая*^{P} */ с ним приключилась история*^{T}.

В настоящее время существует несколько подходов к интерпретации актуального членения предложения. Так, К. Г. Крушельницкая отождествляет актуальное членение предложения с синтаксическими категориями предложения. Во многом ее идеи были развиты И. И. Ковтуновой. Другие лингвисты (Я. Фирбас, Ф. Данеш) усматривают в актуальном членении предложения в первую очередь явление семантической природы и определяют тему и рему как фактор известности/неизвестности. Коммуникативное членение проводили в соответствии со структурой логического суждения Л. В. Щерба, В. В. Виноградов. Далее этот подход был принят в теории логико-грамматического членения предложения (В. З. Панфилов): тема определялась как логический субъект, а рема — логический предикат. В. Матезиус отчасти примыкал к этому направлению, так как он отождествлял тему и рему с психологическим субъектом и предикатом. И. П. Распопов, выделяя основные коммуникативно-синтаксические типы простых повествовательных предложений, учитывал как грамматическое строение предложения, так и его лексико-грамматический состав, а фактически дал и семантическую классификацию предложений.

Современные лингвистические теории относят актуальное членение высказывания к явлениям речи и связывают с теорией речевых актов. Новый подход представлен в работе О. Б. Йокояма, которая для объяснения порядка слов отказалась от привычных понятий темы и ремы[1].

§ 2. Средства выражения актуального членения предложения

Языки разного грамматического строя обладают и различным арсеналом средств, указывающих на данное и новое[2].

Например, в английском языке сигналами актуального членения являются артикли: неопределенный артикль *a* — сигнал ремы, определенный артикль *the* — сигнал темы. Английское предложение *A boy came up to the window* не может быть переведено на русский язык с аналогичным порядком слов *Мальчик подошел к окну*, так как неопределенный артикль при подлежащем *a boy* указывает на первое появление слова в тексте, т. е. на рематичность подлежащего, тогда как определенный артикль при обстоятельстве *the window* — сигнал темы (русскому переводу *Мальчик подошел к окну*

[1] *Йокояма О. Б.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. — М., 2005.

[2] Там же.

соответствует *The boy came up to the window*). Следовательно, адекватный перевод английского предложения на русский возможен только при изменении порядка слов в русском варианте: *К окну подошел мальчик*. В таком случае в русском языке средство выражения актуального членения — порядок слов.

Средства выражения актуального членения в русском языке — порядок слов и интонация в их взаимодействии (причем интонационное оформление высказывания выдвигается на первый план в устной речи, а порядок слов — в письменном тексте).

Порядок слов — расположение элементов структуры предложения в определенной линейной последовательности.

Термин «свободный» означает, что он не выражает грамматических отношений, это «эффективная перцептивная стратегия»[1]. Точнее определить порядок слов в русском языке не как свободный, а как несвязанный: за каждым членом предложения не закреплено одно определенное место. Термин «несвободный» по отношению к русскому порядку слов следует понимать в том смысле, что последовательность слов в предложении задается их ролью как компонентов актуального членения предложения и поэтому не может быть произвольной: изменение порядка слов приводит к изменению коммуникативного смысла высказывания. Порядок слов во взаимодействии с интонацией является главным средством оформления актуального членения предложения.

Порядок слов функционирует одновременно и на структурно-синтаксическом, и на коммуникативном уровнях:

оформляет структуру (формальную организацию высказывания) предложения,

выражает актуальное членение (средство оформления перспективы высказывания),

выполняет стилистическую функцию.

Русский язык флективный, флексии указывают на характер зависимости словоформ в предложении, поэтому характер зависимости определяется не собственно позицией словоформы в предложении, а флексией. Тем не менее в линейном расположении словоформ есть определенная частотность.

Существуют определенные закономерности в расположении слов как в предложении, так и в словосочетании. Например: *Хорошо подготовленные студенты успешно сдали сложный экзамен по синтаксису*. Грамматическое подлежащее (*студенты*) предшествует грамматическому сказуемому (*сдали*), обстоятельство образа действия предшествует сказуемому (*успешно сдали*), прямое дополнение следует за сказуемым (*сдали экзамен*) и т. д. В субстантивных словосочетаниях с прилагательным в роли зависимого слова — в норме, а именно в 99 % случаев — прилагательное предшествует

[1] *Йокояма О. Б.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. — С. 397.

существительному (*сложный экзамен*). В субстантивном сочетании с существительным в роли зависимого слова преложено-падежная форма находится в постпозиции по отношению к главному слову (*экзамен по синтаксису*). Следует иметь в виду, что в речи/тексте порядок слов обусловлен актуальным членением предложения и выступает в качестве одного из основных средств его выражения.

В каких случаях порядок слов выполняет грамматическую функцию?

1. Если возникает ситуация омонимии именительного и винительного падежей словоформ, порядок слов позволяет определить субъектно-объектные отношения: *День сменяет ночь*; *Мать любит дочь*; *Колесо задело бревно*; но при этом особую роль играет логическое ударение, так как, по наблюдениям А. М. Пешковского, винительный падеж может стоять перед глаголом, но в таком случае он выделяется интонационно.

2. В предложениях тождества порядок слов, при котором нормативна препозиция субъекта, позволяет определить словоформы как субъект или предикат: *Мой брат — учитель*; *Учитель — мой брат*. Данная функция порядка слов описана в РГ-80 для схемы N_1-N_{n1}.

3. Порядок слов приобретает грамматическое значение и в других безглагольных конструкциях, определяя, например, атрибутивно-предикативные отношения: *Хорошая погода* (номинативное предложение); *Погода хорошая* (двусоставное предложение).

4. Порядок слов может быть значимым для определения типа второстепенных членов, причем письменная фраза, не фиксирующая логическое ударение, становится двусмысленной: *Как поразили ее слова брата! Как поразили ее слова брата!*

5. В зависимости от места словоформы в предложении она может быть присловным или приосновным распространителем, т. е. детерминантом: *В джунглях^T / начиналась ночь^P*; *Начиналась ночь в джунглях — непроглядная ночь, круто засыпанная звездами.*

О. Б. Йокояма для объяснения порядка слов применяет трансакционную модель дискурса. Она стремится объяснить порядок слов, исходя из характеристики денотативного и коннотативного знания говорящего (пишущего). При этом ей удается охватить все типы предложений по цели высказывания: повествовательные, вопросительные и повелительные.

Грамматическая функция порядка слов охватывает ограниченное количество случаев, поэтому она не играет такой роли в русском языке, как в языках аналитического строя. Порядок слов в первую очередь оформляет актуальное членение предложения, что было проиллюстрировано в § 1.

Актуальное членение может быть выражено и интонационно, что явно проявляется только в устной речи, например: *Андрей^T /*

поехал в Москву^{P} и *Андрей поехал*^{T} / *в Москву*^{P}. Фразовое ударение сосредоточено на реме как главной коммуникативной части высказывания.

Дополнительным средством выражения актуального членения (в письменном тексте особенно) являются разные частицы. Например, частицы *а*, *же* — сигнал темы: *И вот дома. А никуда я больше из Москвы*^{T} / *не поеду*^{P} (М. Булгаков); *На работе же про него*^{T} / *забыли*^{P}; частицы *и*, *только*, *лишь*, *только лишь*, *всего лишь*, *именно*, *как раз* — сигнал ремы: *Не нравилось ему*^{T} / *лишь изобилие собак и кошек*^{P} (М. Булгаков).

Описание актуального членения изолированных предложений является довольно условной процедурой. В действительности в полной мере свой коммуникативный потенциал предложение проявляет в тексте, в котором порядок слов и актуальное членение предложения предопределяется позицией предложения в структуре текста и его окружением (см. «Сложное стинтаксическое целое (ССЦ) и текст»).

Рекомендуемая литература

Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. — М., 2005.

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М., 1976.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.

Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Глава 1
Синтаксис сложного предложения. Общие вопросы

§ 1. Понятие «сложное предложение». Синтаксический статус сложного предложения

Вопрос о природе явления, подводимого под понятие «сложное предложение», остается дискуссионным в русской лингвистике. Одни исследователи (В. А. Белошапкова, В. А. Богородицкий, С. Г. Ильенко, Л. Ю. Максимов, Н. С. Поспелов и др.) признают сложное предложение синтаксической единицей особого, более высокого по сравнению с простым предложением, уровня. Эта точка зрения является господствующей в современной синтаксической науке. Вместе с тем некоторые лингвисты отрицают существование сложного предложения, отрицая и сам термин «сложное предложение». Так, акад. Шахматов данное явление определяет как «сцепление» или «сочетание» простых предложений, а А. М. Пешковский — как «сложное целое». При втором подходе сложные предложения рассматриваются как «составленные из простых предложений (или их конструктивных аналогов) композиционно-синтаксические единства» (И. П. Распопов).

В зависимости от решения вопроса о синтаксическом статусе сложного предложения решается и вопрос о характеристике составляющих сложное предложение компонентов. Сторонники самостоятельного статуса сложного предложения характеризуют эти компоненты как предикативные части (не предложения!), тогда как сторонники второй точки зрения считают компонентами сложного предложения простые предложения, претерпевающие в составе сложного предложения некоторые структурные преобразования.

С семантической точки зрения сложное предложение является полипропозитивной единицей: в ней выражается несколько «положений дел», ситуаций внеязыковой действительности, в то время как простое предложение монопропозитивно (отражает одну ситуацию, одно событие внеязыковой действительности). Данный аргумент не может служить критерием для различения простого и сложного предложений.

Семантическое усложнение простого предложения может сделать его полипропозитивной единицей: полипропозитивными яв-

ляются простые предложения, осложненные различными отглагольными образованиями (причастиями, деепричастиями, инфинитивами, девербативами) и некоторыми другими явлениями — их полипропозитивность доказывается возможностью их преобразования в сложные предложения: *Спор, вспыхнувший из-за пустяка, надолго охладил наши отношения. — Спор, который вспыхнул из-за пустяка, надолго охладил наши отношения*; *От счастья я готов был все ему простить. — Я готов был все ему простить, потому что был счастлив.*

Наоборот, некоторые типы сложного предложения являются монопропозитивными — сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным, например: *Странно, что вы мне раньше об этом не сказали.* При наличии двух предикативных частей только придаточное выражает пропозицию, а главная часть содержит оценку субъекта речи.

Критерий моно- и полипропозитивности не является достаточным основанием для разграничения простого и сложного предложения также из-за отсутствия четкой границы между этими синтаксическими явлениями и наличия в языке большого числа переходных структур. И все же можно говорить о том, что «идеальное» (неосложненное) простое предложение является единицей монопропозитивной, предназначенной для выражения одной внеязыковой ситуации, а «идеальное» сложное предложение представляет собой полипропозитивную конструкцию.

§ 2. Сложное предложение в кругу других синтаксических единиц

Явления, рассматриваемые в рамках сложного предложения, характеризуются качественной неоднородностью, что приводит к спорам о границах между сложным и простым предложениями, с одной стороны, между сложным предложением и текстом — с другой.

К переходным случаям между простым и сложным предложениями относятся предложения со сравнительным оборотом; с целевой инфинитивной конструкцией, включающей союз *чтобы*; с однородными сказуемыми; предложения с выделительными структурами типа *что касается..., то*; *что до..., то*; с инфинитивным подлежащим, предложения, осложненные обращением, некоторые другие синтаксические построения. Данные структуры разными грамматиками относятся то к числу простых, то к числу сложных предложений, что говорит об отсутствии четкой границы между ними.

Наиболее наглядный пример отсутствия четкой границы между простым и сложным предложениями — предложения со сравни-

тельными оборотами. Попытки найти критерии, по которым можно было бы отличать неполные придаточные предложения с союзами *как*, *точно* от сравнительного оборота, нельзя назвать успешными. Ср. примеры а) простого предложения со сравнительным оборотом: *Чертопханов сидел*, *как истукан*, *только глазами поводил кругом и дышал полной грудью* (И. Тургенев); *С ними надобно обращаться*, *как с детьми* (И. Тургенев); *Вошла Матрена*, *белая*, *как полотно* (А. Толстой); б) сложного предложения с придаточным сравнительным: *Сердце билось тревогой и радостью*, *как у птицы в вышине* (А. Толстой); *Дождиком трава и деревья питаются*, *как мы хлебом* (А. Чехов)[1].

Предложения, имеющие в своем составе целевой инфинитив с союзом *чтобы*, также допускают различную квалификацию — как сложных предложений с придаточным цели и как простых предложений. В ряде подобных конструкций *чтобы* вообще является факультативным элементом, как, например, при глаголах движения: *Я приехал*, *чтобы объясниться* (И. Тургенев); *Он вышел*, *чтобы взглянуть на больную* (А. Чехов); в других же случаях изъятие *чтобы* без разрушения конструкции невозможно, например: *Я там немного поссорился*, *чтобы развеять скуку* (М. Горький); *Он смотрел в зеркальное стекло*, *чтобы видеть ее окно* (К. Федин). Как замечает Г. Д. Зайцева, «синтаксически всякий глагол активного действия может сочетаться с инфинитивом, называющим цель этого действия. Но лексико-семантические характеристики синтаксически потенциально сочетающихся слов (глагола и инфинитива) не всегда допускают реализацию такой сочетаемости»[2]. Таким образом, союз *чтобы* в целевых конструкциях с инфинитивом может рассматриваться как средство преодоления ограниченной сочетаемости инфинитива с личным глаголом, что позволяет говорить о переходном характере подобных конструкций.

Некоторые явления, рассматриваемые в разделе синтаксиса осложненного простого предложения, квалифицируются рядом языковедов как разновидности сложного предложения. Особенно это относится к предложениям с однородными сказуемыми, поскольку именно сказуемое является предикативным центром предложения. Наряду с точкой зрения, согласно которой предложения с однородными сказуемыми любого типа являются сложными, существует более дифференцированный подход, учитывающий, имеются ли при сказуемых зависимые второстепенные члены, детерминанты, является ли сказуемое глагольным или именным. Значительно реже к сложным предложениям относятся предложения,

---

[1] Примеры Л. А. Киселевой. См.: *Киселева Л. А.* Конструкции со сравнительными союзами в современном русском языке. АКД. — Л., 1956.

[2] *Зайцева Г. Д.* Инфинитивная конструкция с союзом «чтобы» в современном русском языке. АКД. — Л., 1983.

осложненные обращением (из сторонников этой точки можно назвать В. П. Проничева[1]).

Особое место занимают предложения с выделительными оборотами, напоминающими придаточные предложения: *Что касается праздника, он начнется позже*; *Чего здесь действительно много, так это разговоров*; *Если кто и работал, так это Сидоров*; *Дело в том, что для ремонта не хватает деталей*. По мнению В. А. Белошапковой, «эти предложения... имеют лишь один предикативный центр, один модально-временной план и являются простыми»[2].

Противоположность данного явления — формально простые предложения, в которых отражается несколько событий (пропозиций) и которые иногда рассматриваются как сложные. Например, некоторые предложения с инфинитивным подлежащим А. М. Пешковский был склонен относить к «сложным целым», т. е. к сложным предложениям, например: *Жизнь прожить — не поле перейти* (пословица)[3], но в настоящее время такие предложения рассматриваются как простые.

Нет четкой границы между сложным предложением и текстом. Это особенно касается бессоюзных сложных предложений с перечислительными отношениями между частями (*Дул сырой, холодный ветер, с темного неба моросил мелкий дождь* (А. Чехов), в отношении которых «невозможно установить, имеем ли мы дело со сложным предложением или с рядом соположенных предложений»[4].

§ 3. Средства связи между частями сложного предложения

Средства связи между частями сложного предложения разнообразны. К ним относятся 1) союзы и союзные слова, 2) местоименные корреляты, 3) разного рода конкретизаторы при сочинительных союзах широкой семантики (местоименные наречия, вводные слова, частицы), 4) синтаксическая валентность опорных слов, 5) некоторые лексические показатели, 6) соотношение видо-временных значений сказуемых в составе предикативных частей, 7) порядок следования частей сложного предложения, 8) интонация.

---

[1] *Проничев В. П.* Синтаксис обращения. — Л., 1971.

[2] *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. — М., 1967. — С. 37—38. Существуют и иные точки зрения: Г. П. Уханов, например, считает данные конструкции сложноподчиненными предложениями с придаточным касательства.

[3] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис... — С. 278.

[4] *Распопов И. П., Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — С. 281.

Значимость этих средств в связывании частей сложного предложения не одинакова. Наиболее сильным средством связи являются союзы и союзные слова. Союзы используются не только в сложном, но и в простом предложении, однако число союзов, употребляющихся в составе сложного предложения, больше. В простом предложении практически не используются подчинительные союзы (исключение представляют союзы *как*, *будто*, *словно*, *чтобы* и некоторые другие), а также некоторые сочинительные союзы (например, относимые некоторыми исследователями к сочинительным союзам лексемы *также*, *тоже*, *же*, *а то*, *а не то* и др.).

Спецификой употребления сочинительных союзов в сложном предложении является то, что они способны передавать более широкий спектр семантических отношений между предикативными частями, чем это имеет место в простом предложении. Ср.: *Брат говорил тихо, но уверенно* (противительные отношения). — *Брат что-то говорил, но его никто не слушал* (противительные отношения); *Брат говорил тихо, но я его внимательно слушал* (уступительные отношения).

Необходимость конкретизировать смысловые отношения между частями сложного предложения вызывает употребление при сочинительных союзах разного рода конкретизаторов (*зато*, *поэтому*, *только*, *тем не менее*, *значит* и мн. др.), которые при опущении сочинительного союза берут на себя его функции. Ср.: *Мысль эта ужаснула Лизу, **и** она решилась на другое утро опять явиться в рощу Акулиной* (А. Пушкин). → *Мысль эта ужаснула Лизу, **и поэтому** она решилась на другое утро опять явиться в рощу Акулиной.* → *Мысль эта ужаснула Лизу, **поэтому** она решилась на другое утро опять явиться в рощу Акулиной.*

Роль союзов в формировании связи между частями сложного предложения неодинакова. В одних случаях союз является не только показателем связи, но и определяет сам характер связи: *Я вам все расскажу, **когда** вы придете. — Я вам все расскажу, **если** вы придете*; *На улице **то** идет снег, **то** подмораживает. — На улице идет снег, **но** подмораживает*, в других случаях союз лишь подчеркивает связь, а характер связи определяется лексическим наполнением предикативных частей или синтаксической валентностью опорного слова; в этих случаях возможно опущение союза без нарушения смысла, ср.: *Слуга вошел и объявил*, (*что*) *лошади готовы* (А. Пушкин); *Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна*, (*и*) *ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками* (М. Лермонтов).

Помимо союзов, которые употребляются только для связывания частей, в качестве средств связи в сложном предложении используются союзные слова: выступая в связующей функции, союзные слова (относительные местоимения и местоименные наречия) одновременно включаются в грамматическую структуру одной

из предикативных частей: *Лиза вышла из лесу*, *перебралась через поле и опрометью побежала на ферму*, ***где*** *Настя ждала ее* (А. Пушкин) — *где* выступает в функции обстоятельства; *Я беспощадно погонял измученного коня*, ***который***, *хрипя и весь в пене*, *мчал меня по каменистой дороге* (М. Лермонтов) — *который* выступает в функции подлежащего.

Некоторые союзные слова (*что*, *когда*, *как*, *чем*) омонимичны союзам. Ср. примеры а) с союзами: *Трудился так крестьянин мой*, / ***Что*** *градом пот с него катился* / (И. Крылов); *Мы были уж на середине*, *на самой быстрине*, ***когда*** *она вдруг на седле покачнулась* (М. Лермонтов); *Фокусник обращался к нему всякий раз*, ***как*** *ему нужен был носовой платок*, *часы*, *кольцо и проч.* (М. Лермонтов); б) с союзными словами: *Охотно мы дарим*, / ***Что*** *нам не надобно самим* (И. Крылов), *Он не слышал*, ***когда*** *тронулся автобус* (В. Астафьев), *Он видит*, ***как*** *поле отец удобряет*, / ***Как*** *в рыхлую землю бросает зерно*, / ***Как*** *поле потом зеленеть начинает*, / ***Как*** *колос растет*, *наливает зерно...* (Н. Некрасов). В некоторых случаях возможно двоякое прочтение лексемы — и как союза, и как союзного слова, например: *Гости слышали*, ***как*** *он заказывал повару обед* (Н. Гоголь).

Местоименные элементы в сложных предложениях выступают как дополнительное — наряду с союзами — средство связи частей. Употребление местоименных элементов в составе сложного предложения может иметь различный характер. Они могут выполнять функцию коррелята — местоименно-указательного слова в главной части, с которым непосредственно соотносится содержание зависимой части. Употребление местоименных коррелятов может носить а) обязательный характер: *Прокуратор начал* ***с того***, *что пригласил первосвященника на балкон...* (М. Булгаков), *Мысли его* ***так*** *были заняты своим предметом*, *что один только сильный удар грома заставил его очнуться и посмотреть вокруг себя...* (Н. Гоголь); или б) факультативный характер: *Она думала* ***о том***, *что хорошо бы поселиться на всю жизнь в этом монастыре*, *где жизнь тиха и безмятежна*, *как летний вечер...* (А. Чехов).

В некоторых случаях корреляты способны брать на себя связующую функцию, например: *Дочь*, *увидя его*, *внезапно заплакала*: ***так*** *велик и древен показался ей этот покойник...* (И. Бунин) (ср. возможную трансформацию: *Дочери* ***так*** *велик и древен показался этот покойник*, *что она*, *увидя его*, *внезапно заплакала*).

Важным связующим средством является соотношение видо-временных форм предикатов частей сложного предложения. Разные типы сложного предложения накладывают ограничения на возможные сочетания видовых и временных форм сказуемых в его частях. В таких предложениях, как *Он никак не мог предположить*, *что священники носят брюки...* (А. Чехов), ограничения на набор видо-временных форм предикатов минимальны; в других случаях ограничения могут быть достаточно существенными: так, в пред-

ложениях с целевым союзом *чтобы* в придаточной части возможен предикат лишь в форме инфинитива или желательного наклонения (*Я вышел из комнаты, чтобы не участвовать в споре*; *Я вышел из комнаты, чтобы меня не заставили участвовать в споре*).

В установлении связи между частями сложного предложения определенную роль играет порядок их следования. Одни типы сложного предложения допускают только фиксированный порядок следования частей, например: *Аксинья вбежала в комнату, где в это время была стирка* (А. Чехов); *Надобно знать, что тому три недели послала я приказчика на почту для моего Ванюши* (А. Пушкин), другие типы сложного предложения не имеют ограничений в следовании частей: *Говорю я много, а он все молчит* (А. Чехов). → *Он все молчит, а я говорю много*; *Перед тем как идти в гости, она завязала Лаевскому галстук...* (А. Чехов). → *Она завязала Лаевскому галстук, перед тем как идти в гости.* Иногда изменение порядка следования компонентов сложного предложения ведет к модификации смысловых отношений между ними. Например, в предложениях с союзом *так как* при препозиции придаточной части сложное предложение выражает причинно-следственное значение (*Так как уже стемнело, нужно было зажигать свет*), при постпозиции — значение причинной мотивировки (*Нужно было зажигать свет, так как уже стемнело*)[1].

Интонация как средство оформления отношений между частями сложного предложения выступает на первое место при отсутствии в сложном предложении союзов и союзных слов. Ср. различный интонационный рисунок в следующих бессоюзных предложениях: *Оборачиваюсь*: *Грушницкий!* (М. Лермонтов); *Ехали на розвальнях — с подрезами уже не проедешь* (И. Бунин), *Посинел во дворе дым вьюги, выше крыш намело сугробы, завалило ворота и калитку...* (И. Бунин). Роль интонации в сложном предложении не сводится только к дифференцированию смысловых отношений между его частями: во всех сложных предложениях с помощью интонации происходит объединение частей в единое целое.

§ 4. Сочинительные и подчинительные отношения в сложном предложении

Семантико-синтаксические отношения между частями сложного предложения традиционно описываются при помощи понятий «сочинение» («паратаксис») и «подчинение» («гипотаксис»): отношения равноправия между соединяемыми частями называются сочинительными; отношения, при которых части предложения не

[1] *Белошапкова В.А.* Сложное предложение в современном русском языке. — М., 1967. — С. 50.

равноправны, т. е. одна часть зависит от другой, называются подчинительными.

Понимание лингвистами сущности сочинительных и подчинительных отношений не является единым. Отсутствие четких семантических критериев, лежащих в основе выделения этих двух типов синтаксических отношений между частями сложного предложения, позволило в свое время М. Н. Петерсону усомниться в необходимости использования понятий «сочинение» и «подчинение» в сфере сложного предложения[1]. Возражая Петерсону, А. М. Пешковский выдвинул свой критерий разграничения сочинительных и подчинительных отношений, а именно критерий обратимости — необратимости отношений.

Сочинительные отношения в сложном предложении отражают двустороннюю, обратимую связь между компонентами, а подчинительные отношения — одностороннюю, необратимую связь. Это находит свое отражение в особенностях функционирования «показателей отношения», в частности союзов. При сочинении союзы ставятся либо перед каждой предикативной частью, либо занимают положение между частями, не входя ни в одну из них, что позволяет делать перестановку частей без изменения смысла предложения: *Они удалились*, ***а*** *я продолжал свой путь с большой осторожностью...* (М. Лермонтов) — *Я продолжал свой путь с большой осторожностью*, ***а*** *они удалились*; ***То*** *проезжала телега*, *поднимая пыль...*, ***то*** *вели за рога корову...* (А. Чехов) — ***То*** *вели за рога корову*, ***то*** *проезжала телега*, *поднимая пыль.*

При подчинительных отношениях союзы принадлежат той части сложного предложения, перед которой они стоят, и составляют с ней органическое целое, что препятствует перестановке частей, ср.: *Он побежал*, ***как будто*** *члены его получили вновь юношескую силу и гибкость* (М. Лермонтов). — **Члены его получили вновь юношескую силу и гибкость*, ***как будто*** *он побежал*. А. М. Пешковский не отрицал того факта, что в некоторых случаях общие положения относительно способности к перестановке частей, соединенных сочинительными отношениями, могут нарушаться, — это наблюдается при употреблении во второй части анафорического местоимения, при употреблении союза *и* в причинно-следственном значении и т. д. Таким образом, утверждение о том, что в основе сочинительных отношений лежит обратимость, не является в полной мере универсальным правилом, однако именно точка зрения Пешковского на природу сочинения и подчинения в сложном предложении получила наибольшее распространение.

---

[1] *Петерсон Н. М.* Очерк синтаксиса русского языка. — Пг., 1923. М. Н. Петерсон предложил использовать формальную классификацию сложных предложений, в которой бы учитывались только средства связи частей предложения: 1) соединение частей без союзов; 2) при помощи союзов; 3) при помощи относительных слов.

Существуют другие различительные признаки подчинительных и сочинительных отношений в сложном предложении: 1) при подчинении степень связанности частей больше, чем при сочинении; 2) при подчинении одна из частей может располагаться внутри другой (интерпозиция), что при сочинении невозможно; 3) при сочинении каждая из частей представляет собой отдельную коммуникативную единицу, при подчинении — сложное предложение может являться одной коммуникативной единицей[1].

А. М. Пешковский полагал, что сочинительные и подчинительные отношения пронизывают всю систему сложных предложений — не только союзных, но и бессоюзных. У бессоюзных предложений функцию «показателя отношения» берет на себя интонация. Вместе с тем он указывал на то, что отношения между частями бессоюзного отношения могут носить недифференцированный характер. На настоящем этапе развития русской синтаксической науки бессоюзные предложения обычно не рассматриваются с позиции сочинительных и подчинительных отношений в связи с недостаточной формальной выраженностью в них этих отношений.

Однако и в сфере союзных предложений, делимых в зависимости от типа союзов на сложносочиненные и сложноподчиненные, граница между сочинительными и подчинительными отношениями не столь очевидна. Здесь наблюдаются три типа переходных построений, когда:

сочинительными средствами выражаются подчинительные отношения;

подчинительные средства участвуют в передаче сочинительных отношений;

наблюдается контаминация сочинительных и подчинительных средств.

Пример выражения сочинительными средствами подчинительных отношений наблюдается, в частности, при употреблении союза *и* в причинно-следственном или целевом значении: *Солнце зашло, и на улице сразу похолодало* (= *Солнце зашло, в следствие чего на улице сразу похолодало*). Обратный случай мы видим при выражении сопоставительных отношений с помощью подчинительных средств, например при помощи союзов *если... то...* и *в то время как*: *Если я люблю кино, то моя сестра терпеть его не может*; *Я люблю кино, в то время как моя сестра терпеть его не может* (= *Я люблю кино, а моя сестра терпеть его не может*). Наконец, в некоторых случаях сочинительные и подчинительные средства могут сочетаться: *Хотя времени у нас было очень мало, но мы все успели сделать.*

Отсутствие четких границ между подчинительными и сочинительными отношениями вызвано как сложностью и разнородно-

---

[1] *Распопов И. П.*, *Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — Воронеж, 1984. — С. 288.

стью круга явлений, подводимых под сочинение и подчинение, так и живыми языковыми процессами перехода сочинения в подчинение и наоборот. Лингвисты по-разному очерчивают круг явлений, относимых к сочинению и подчинению. Иллюстрацией этого является разное понимание круга средств сочинения, из которого многими исключаются пояснительные и — реже — присоединительные союзы (их или относят к гибридным элементам, сочетающим черты сочинения и подчинения, либо выводят в особую группу средств, находящихся за рамками сочинения и подчинения).

Отнесение ряда синтаксических явлений к сложносочиненному или сложноподчиненному предложению носит в некоторых случаях достаточно условный характер, поскольку в одних случаях сочинительные конструкции не обладают одним или несколькими свойствами, присущими сочинению, в других случаях подчинительные конструкции не обладают какими-либо из комплекса подчинительных черт. К переходным сочиненно-подчиненным конструкциям — конструкциям, в разной степени сочетающим черты сочинения и подчинения, И. Ю. Наумова[1] относит 15 классов предложений, из которых три имеют внешние признаки сочинения (т. е. сочинительные союзы), а 12 классов — внешние признаки подчинения.

Среди сочинительных конструкций, обладающих признаками подчинения, находятся предложения с союзом *и*, оформляющим причинно- или условно-следственные отношения (*Но вот приходит время*, ***и*** *на усадьбе зацветают липы* (С. Гейченко)), предложения с отношениями альтернативной мотивации с союзами *а то*, *а не то*, *иначе* (*Поторопись*, ***а то*** *мы опоздаем на спектакль*) и предложения с повторяющимися союзами *то ... то*, *то ли ... то ли*, *или ... или* и др.

Значительно разнообразнее подчинительные конструкции, которые обладают теми или иными признаками сочинения. Для предложений с союзами *чем ... тем*, *если ... то*, *в то время как*, *между тем как*, *хотя и ... но* часто характерна семантика сопоставления, которая сближает их с сочинительными конструкциями. В предложениях с союзом *чем ... тем* промежуточный — между сочинением и подчинением — характер конструкции подчеркивается также однотипным строением предикативных частей и их обратимостью. В силу этого выделение главной и зависимой частей в предложении этого типа носит часто формальный характер.

Другие сложноподчиненные предложения: с придаточными присоединительным, частично с присубстантивным (присубстантив-

---

[1] *Наумова И. Ю.* Сложные предложения промежуточного типа (сочиненно-подчиненные конструкции). АКД. — Липецк, 1995. — С. 9. Далее приводятся примеры и классификация И. Ю. Наумовой.

но-распространительным) и со сравнительным — сближаются с сочинительными конструкциями наличием присоединительного оттенка. Присоединительный оттенок в отношениях свидетельствует о меньшей зависимости придаточной части от главной, о ее большей автономности. Как отмечалось выше, для сложносочиненных предложений характерна менее тесная связь предикативных частей, чем для сложноподчиненных предложений. Таким образом, наличие присоединительного оттенка в подчинительных конструкциях сближает их со сложносочиненными предложениями.

Придаточное присоединительное соединяется с главной частью с помощью местоимения *что* или местоименных наречий *отчего*, *почему*, *где*, *куда*, *откуда*, *как* с вмещающим значением, например: *Краска проступила на щеках издателя*, *глаза его сверкнули*, ***чего*** *я никак не предполагал*, *что это может быть* (М. Булгаков). Связь между частями настолько слаба, что они обе по сути автономны.

Подобное явление наблюдается в сложноподчиненных предложениях с присубстантивно-распространительным придаточным. Главная часть в этом типе сложноподчиненного предложения в смысловом отношении обладает законченностью и не нуждается в распространении; придаточное, таким образом, приобретает значительную самостоятельность, например: *Вчера ко мне наконец пришло письмо от отца*, ***которое*** *очень меня обрадовало* (ср.: *Вчера ко мне наконец пришло письмо от отца*, ***и оно*** *очень меня обрадовало*).

Присоединительный оттенок имеют и некоторые придаточные сравнительные (в этом случае в главную часть невозможно ввести местоименный коррелят *так*): *Около изб не было видно ни людей*, *ни деревьев*, *ни теней*, ***точно*** *поселок задохнулся в горячем воздухе и высох* (А. Чехов). В данном предложении главная часть семантически автономна и не нуждается в дальнейшем распространении, поэтому придаточное сравнительное имеет присоединительный оценочно-комментирующий характер. Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы понять сложную организацию того комплекса явлений, которые подводятся под сочинение и подчинение. Между сочинением и подчинением много взаимных переходов, отчего граница между ними не является четкой и однозначной.

В последние годы интерес к проблеме сочинения и подчинения в сложном предложении заметно оживился. Многих исследователей не устраивает восходящий к А. М. Пешковскому взгляд на проблему разграничения сочинительных и подчинительных отношений в сложном предложении, поэтому вновь привлекают внимание аргументы М. Н. Петерсона, считавшего, что нет объективных критериев, которые позволяют различать сочинение и подчинение в сложном предложении.

Одни исследователи полагают, что в споре А. М. Пешковского и М. Н. Петерсона прав был последний. Такой точки зрения при-

держиваются, в частности, Т. А. Колосова и М. И. Черемисина. Значимость проблемы различения сочинения и подчинения кажется им теоретически неправомерной: «...стремясь распределить все модели сложных предложений между сочинением и подчинением, мы упускаем из виду многие другие особенности этих построений, которые было бы важно отразить в классификациях»[1]. При таком взгляде на сочинение и подчинение в сложном предложении эти исследователи не видят смысла в распределении всех сложных союзных конструкций на сочинительные и подчинительные: главное внимание сосредоточивается на изучении показателей связи между частями сложного предложения[2].

Другие исследователи, признавая слабость аргументации А. М. Пешковского при защите терминов «сочинение» и «подчинение» применительно к сложному предложению, не отказываются от разделения сложных предложений на сочинительные и подчинительные конструкции, но полагают, что определение этих понятий должно строиться на иной основе.

А. М. Ломов и Р. Гусман Тирадо, например, связывают различия между сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями с особенностями организации информации в сложном предложении, с коммуникативным статусом частей сложного предложения. По их мнению, «различия между подчинением, сочинением и бессоюзным соединением следует искать в используемых ими способах организации информации». При подчинении происходит либо включение информации, передаваемой придаточным, в главное, например: *Она с радостью соображала, что в ее измене нет ничего страшного* (А. Чехов), либо, наоборот, информация главной части включается в состав придаточной, например: *Приходит он сильно навеселе, чего с ним никогда не бывает зимою* (А. Чехов). Сочинение упорядочивает информацию на основе простого соположения двух или более информационных блоков, которые интерпретируются как явления одного ранга (но не обязательно как равноправные). Именно этим объясняется способность частей сложносочиненного предложения к самостоятельному употреблению.

Вместе сочинение и подчинение противопоставлены бессоюзному соединению частей сложного предложения, при котором характер организации информации в сложном предложении не задается инвариантно: необходимые сведения об организации информации получаются в результате учета «реальных отношений,

---

[1] *Колосова Т. А., Черемисина М. И.* Заметки о понятиях «сочинение» и «подчинение» в их соотношении друг с другом // Синтаксические отношения в сложном предложении. — Калинин, 1989. — С. 38.

[2] Опыт такой классификации представлен в работе: *Колосова Т. А., Черемисина М. И.* О принципах классификации сложных предложений // Вопросы языкознания. — 1984. — № 6. — С. 69—80.

существующих между ситуациями, различных пресуппозиций, сопутствующих речевому акту, и, наконец, опыта человеческого сознания»[1].

Рекомендуемая литература

Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. — М., 1967. — С. 37—38.

Колосова Т.А., *Черемисина М.И.* Заметки о понятиях «сочинение» и «подчинение» в их соотношении друг с другом // Синтаксические отношения в сложном предложении. — Калинин, 1989.

Колосова Т.А., *Черемисина М.И.* О принципах классификации сложных предложений // Вопросы языкознания. — 1984. — № 6. — С. 69—80.

Петерсон Н.М. Очерк синтаксиса русского языка. — Пг., 1923.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — 7-е. изд. — М., 1956.

Распопов И.П., *Ломов А.М.* Основы русской грамматики. — Воронеж, 1984.

Глава 2
Сложносочиненное предложение

Сложносочиненным называется сложное предложение, части которого связываются при помощи сочинительных союзов. Части сложносочиненного предложения грамматически не зависят друг от друга, являются равноправными и равнозначными. Эта точка зрения восходит к Ф.И.Буслаеву, называвшему части сложносочиненного предложения «равносильными», и разделяется многими лингвистами (В.А.Богородицким, А.Н.Гвоздевым и др.). А.А.Шахматов считал сочинительными отношения, которые выражают сочетание мыслей, находящихся в одной плоскости; по мнению А.М.Пешковского, сочинительные отношения обладают свойством обратимости.

§ 1. Место сложносочиненного предложения в системе сложных предложений

Границы сложносочиненного предложения являются не вполне ясными: споры вызывает разграничение сложносочиненного и простого предложений, сложносочиненного и других типов слож-

[1] *Ломов А.М.*, *Гусман Тирадо Р.* К интерпретации русского сложноподчиненного предложения // Вестник Воронежского гос. ун-та. — Серия 1. Гуманитарные науки. — 2001. — № 1. — С. 106—108.

ного предложения (сложноподчиненного и бессоюзного), сложносочиненного предложения и текста.

Споры о границе между сложносочиненным и простым предложением возникают в связи с вопросом об однородности сказуемых. В современной лингвистике вопрос квалификации рядов однородных сказуемых не имеет однозначного решения. Исследователи, признающие предложения с однородными сказуемыми сложными, указывают на особый статус сказуемого в предложении: сказуемое объявляется носителем предикативных категорий предложения и как следствие этого единственным конституирующим элементом[1].

Противники этой точки зрения указывают, во-первых, на то, что однородные предикаты не столько называют разные признаки субъекта, сколько один сложный признак, «объединяясь вокруг семантического инварианта»[2].

Во-вторых, отмечается, что сочинительные союзы в составе сложного предложения выражают более разнообразный круг отношений, чем в составе простого, в силу чего существует трудность трансформации сложносочиненных предложений с одним и тем же субъектом в предложения с однородными сказуемыми. Например, невозможно преобразовать в предложение с однородными сказуемыми следующее сложносочиненное предложение *Да, настанет время, и оно уже у ворот*[3]. Представляется, что наиболее рациональным является подход (отражен, например, в учебнике Н. С. Валгиной), согласно которому предложения с однородными сказуемыми признаются переходными структурами между простым и сложным предложениями.

Не слишком отчетливыми оказываются границы между сложносочиненным предложением и текстовыми единицами. Так, некоторые исследователи выводят за пределы сложносочиненного предложения предложения открытой структуры (с перечислительным значением), обосновывая свою точку зрения тем, что сложное предложение обладает цельностью, завершенностью, а перечислительные отношения такой цельности не создают; употребляемые в составе такого предложения союзы «могут быть признаны союзами лишь условно», они потеряли роль выразителя синтаксических отношений и приближаются функционально к частицам[4].

---

[1] *Белошапкова В. А.* Сложное предложение... — С. 33—34; Русская грамматика. — Т. 2. — С. 462.

[2] *Тарланов З. К.* Синтаксические границы сложного предложения: к спорам вокруг известного // Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. — Петрозаводск, 2005. — С. 101.

[3] *Холодов Н. Н.* Сложносочиненные предложения в современном русском языке. — Ч. 1. — Смоленск, 1975. — С. 11—12.

[4] *Валимова Г. В.* Сложное предложение и сочетание предложений // Теоретические проблемы синтаксиса в современных индоевропейских языках. — Л., 1975. — С. 186—187. Той же точки зрения придерживается И. П. Распопов (*Распопов И. П.* Спорные вопросы синтаксиса. — С. 108).

Г. Ф. Гаврилова приводит и другие случаи соприкосновения сложносочиненного предложения и текста. К случаям, стоящим на грани сложного предложения и связного синтаксического целого, она относит сложносочиненные предложения, выражающие причинно-следственное значение: *Жидкая, прозрачная бородка уже поседела, и это старило его на много лет* (А. Чехов). — *Жидкая, прозрачная бородка уже поседела. Это старило его на много лет*, а также сложносочиненные предложения, выражающие противительно-ограничительные отношения: *Он зашел к ней в комнату, что-то заговорил с ней, а она как закричит* (К. Симонов). — *Он зашел к ней в комнату, что-то заговорил с ней. Она как закричит.* В этих случаях сочинительный союз выступает только в качестве показателя связи, отношение же между частями передается при помощи вещественного наполнения частей[1].

Непростым оказывается вопрос, связанный с отграничением сложносочиненного предложения от других видов сложного предложения. Проблема разграничения сложносочиненного и бессоюзного предложения связана с трактовкой средств связи сложносочиненного предложения: если строго придерживаться определения сложносочиненного предложения, то средствами связи в нем могут выступать только сочинительные союзы, между тем, как было показано выше, вместе с некоторыми сочинительными союзами могут употребляться так называемые конкретизаторы (вторые союзные элементы), которые в ряде случаев берут на себя связующую функцию: *Приближалась темная туча, и мы поспешили домой. — Приближалась темная туча, и* ***поэтому*** *мы поспешили домой. — Приближалась темная туча,* ***поэтому*** *мы поспешили домой.*

Квалификация предложений, части которых соединяются при помощи слов *поэтому, значит, между тем* и т. п., остается противоречивой. Е. Н. Ширяев, например, относит эти конструкции к числу бессоюзных на том основании, что слова типа *поэтому, оттого* не являются союзами, другие исследователи данные предложения включают в число сложноподчиненных (на основании отношений, оформленных при помощи данных связующих средств) или даже к числу сложносочиненных. Неясен и вопрос о том, могут ли частицы *зато, однако* и т. п. оформлять связь в сложносочиненном предложении.

Вопрос о границе между сложносочиненным и сложноподчиненным предложением возникает главным образом в связи с дискуссиями относительно пояснительных и присоединительных союзов и отношений. Причисление конструкций с присоединитель-

[1] *Гаврилова Г. Ф.* Сложносочиненное предложение в системе других синтаксических конструкций // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. — Л., 1984. — С. 17—18. Из новых работ на эту тему см.: *Малычева Н. В.* Сочинительные конструкции в русском языке // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. — Вып. 7. — М.; Ставрополь, 2001. — С. 259—264.

ными и пояснительными отношениями к числу сочинительных носит достаточно условный характер, так как присоединение и пояснение имеют как черты сочинения, так и черты подчинения, в связи с чем не меньше оснований причислять их к подчинительным связям. Наиболее разумным представляется отнесение их к отдельному типу связи[1], отличному от сочинения и подчинения. Однако традиционно предложения с пояснительно-уточнительными и присоединительными союзами относят к сложносочиненным предложениям.

§ 2. Классификации сложносочиненных предложений

Наиболее распространена классификация сложносочиненных предложений на основе семантических групп сочинительных союзов[2]; трудность представляет определение их числа и состава семантических групп. С XIX в., с грамматики Н. И. Греча, выделяются следующие группы союзов: соединительные, противительные, разделительные союзы; в середине XX в. к ним были добавлены пояснительные и присоединительные союзы (иногда в отдельную группу выделяют также градационные союзы, другие исследователи включают их в число соединительных либо противительных союзов). Вопрос о включении в состав сочинительных союзов пояснительных и присоединительных союзов остается дискуссионным.

В. А. Белошапкова предложила использовать в качестве классифицирующего признак открытости/закрытости сочинительного ряда. Сложносочиненные предложения открытой структуры являются сочетанием неопределенного числа предикативных единиц, закрытой структуры — только двух (закрытый ряд не может быть продолжен[3]). Предложения открытой структуры делятся на предложения с соединительными и разделительными союзами; закрытой структуры — на предложения с союзами, допускающими и не допускающими второй союзный элемент (конкретизатор).

---

[1] *Уханов Г. П.* Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению // Исследование по славянской филологии. — М., 1974. — С. 336—342. А. М. Ломов также считает, что присоединительные и пояснительные отношения не имеют прямого отношения ни к сочинению, ни к подчинению (*Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису... — С. 243, 343).

[2] По мнению И. П. Распопова, «возможность четкой классификации сложносочиненных предложений на каких-либо структурных основаниях, кроме общепринятого распределения их по соответствующим союзным группам, представляется сомнительной» (*Распопов И. П., Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — С. 292).

[3] *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. — С. 62—69.

У данной классификации несколько недостатков. Во-первых, признак открытости/закрытости структуры «дифференцирует не сложные предложения как таковые, а отношения между составляющими их частями»[1]. Именно поэтому предложения с одними и теми же союзами в этой классификации оказываются в разных рубриках. Во-вторых, признак открытости/закрытости структуры, не имея специальных материальных средств своего обнаружения, не имеет и четких границ, «теряющихся где-то среди сложносочиненных предложений с союзом *и*»[2]. Все это заставляет нас придерживаться традиционной классификации сложносочиненных предложений по союзам.

Сложносочиненные предложения с соединительными союзами. Соединительные союзы *и*, *да* (=*и*), *ни... ни* (союзы *тоже*, *также*, *не только... но и* включаются в группу соединительных нерегулярно) оформляют различные отношения: собственно соединительные и несобственно-соединительные (результативные, причинно-следственные, уступительные отношения и пр.).

Союз *и* способен под влиянием контекста (соотношение модально-временных форм глаголов-сказуемых, лексическое наполнение частей сложного предложения, наличие конкретизаторов) выступать в качестве средства оформления разнообразных семантических отношений. Эта способность союза побуждает некоторых исследователей считать его асемантичным: союз *и*, «соединяя компоненты сложного предложения, указывает только на наличие отношения, связи явлений или фактов и в семантическом плане образует почти нулевую категорию»[3].

Соединительные союзы способны оформлять следующие значения.

П е р е ч и с л и т е л ь н о е значение, которое реализуется в виде значения одновременности либо следования действий, состояний. Перечислительные отношения имеют открытый характер, т.е. потенциально перечислительный ряд может быть продолжен до бесконечности. Другим свойством сложносочиненных предложений с перечислительными отношениями является обратимость — способность компонентов предложения меняться местами без изменения общего смысла предложения (этим свойством обладают только предложения со значением одновременности событий, состояний). Одновременность: *В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке*, ***и*** *казак мой*, *вопреки приказанию*, *спал крепким сном*, *держа ружье обеими руками* (М.Лермонтов); следование: *Анна*

---

[1] *Распопов И.П.*, *Ломов А.М.* Основы русской грамматики. — С. 272.

[2] *Холодов Н.Н.* Сложносочиненные предложения в современном русском языке. — Ч. 1. — Смоленск, 1975. — С. 16.

[3] *Скорлуповская Е.В.* Союзные функции некоторых лексических элементов в русском сложном предложении. АКД. — М., 1966. — С. 2—3.

Власьевна рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, ***и***, *нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом* (А. Пушкин).

В отличие от простого предложения, где союз *и* употребляется в собственно соединительном значении, в сложносочиненном предложении он осложняется различными дополнительными смысловыми оттенками.

Кроме союза *и*, собственно-соединительные отношения могут также оформляться с помощью союза *да* и повторяющихся союзов *и... и*, *ни... ни*. Эти союзы помимо соединительной семантики обладают дополнительными смысловыми оттенками. Так, союз *да* в соединительно-перечислительном значении, как отмечает Н. Н. Холодов, имеет дополнительный элемент ограниченности, он используется, чтобы подчеркнуть ограниченное количество перечисляемых фактов либо ограниченность характера проявления этих фактов: *Только изредка доносились до слуха скрипучие шаги оленей* ***да*** *иногда потрескивали старые лиственницы* (Г. Федосеев)[1]. Союзы *и... и*, *ни... ни*, наоборот, «указывают, что детали описываемой картины многочисленны и многообразны»[2], оба союза характеризуются усилительной семантикой. Предложения, оформляемые с помощью этих союзов, имеют тесную смысловую связь с предшествующим контекстом, относительно которого выполняют разъясняюще-мотивирующую функцию[3]: *Дело не клеилось.* ***И*** *люди не все*, ***и*** *погода давила душу* (С. Антонов); *Я не могу расти в покое: /* ***Ни*** *солнца мне не виден свет, /* ***Ни*** *для корней моих простору нет, /* ***Ни*** *ветеркам вокруг меня свободы* (И. Крылов).

Результативно-следственное значение оформляется союзом *и*:

Было темно, ***и*** *никто не мог этого видеть* (М. Лермонтов); *Становилось жарко,* ***и*** *я поспешил домой* (М. Лермонтов); *...участь Марьи Ивановны живо представилась мне,* ***и*** *сердце у меня так и замерло* (А. Пушкин). Результативно-следственный характер отношений между частями сложносочиненного предложения может подчеркиваться при помощи конкретизаторов *поэтому*, *оттого*, *потому*, *в результате*, *в конце концов* и некоторых других, например: *Книг было мало,* ***и потому*** *я прочел ее несколько раз* (К. Паустовский).

Противительно-уступительное значение редко оформляется союзом *и* без участия конкретизаторов (*все же*, *все-таки*, *тем не менее*, *ведь* и др.): *Он понимал непрочность этого своего счастья,* ***и все же*** *удар был нанесен неожиданно* (Н. Николаева); *В ли-*

---

[1] *Холодов Н. Н.* Союз «да» в сложносочиненных предложениях // Русская речь. — 1970. — № 3. — С. 59—61.

[2] *Скобликова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения (теоретический курс). — 3-е. изд. — М., 2006. — С. 113.

[3] Русская грамматика. — Т. 2. — М., 1980. — С. 618.

*тературном мире у него были одни враги, во всяком случае среди тогдашних корифеев нашей литературы, **и тем не менее** он с нежностью относился к творчеству своих товарищей по перу* (В. Пьецух) — данные предложения невозможны без конкретизаторов.

Особую разновидность в составе соединительных союзов составляют градационные союзы типа *не только... но и*, выделяемые иногда в отдельную группу, а иногда включаемые в состав противительных союзов. Соединяя два явления, градационный союз *не только... но и* сигнализирует, что говорящий второе явление считает более важным. Например: *На этот раз **не только** не отворили у Рогожина, **но** не отворилась даже и дверь в квартиру старушки* (Ф. Достоевский); *... От господина Лужина **не только** не будет ей ни малейшей выгоды, **но** даже наверно будет явный ущерб* (Ф. Достоевский). Помимо союза *не только... но и*, к градационным союзам относятся *не столько ... сколько, не то чтобы... но* (*а*): ***Не то чтобы** руки его так дрожали, **но** он все ошибался...* (Ф. Достоевский).

Сложносочиненные предложения с противительными союзами. Группу противительных союзов формируют лексемы *а, но, да* (=*но*); нерегулярно в группу включают лексемы *зато, однако, же* (некоторые исследователи оценивают их как союзные частицы, а не как союзы). Союзы *а то, а не то* одни исследователи включают в состав противительных союзов, другие — в состав разделительных. При помощи противительных союзов могут оформляться самые разные отношения: сопоставительные, противительные, которые осложняются ограничительными, уступительными, возместительными отношениями, отношениями несоответствия. Союзы *а, но, да* (=*но*), подобно союзу *и*, способны уточняться различными конкретизаторами (*тем не менее, все-таки, между тем* и др.).

Сопоставительные отношения оформляются союзом *а* и союзом (союзной частицей) *же*:

*Максим Максимыч сел за воротами, **а** я ушел в свою комнату* (М. Лермонтов); *Мальчик ходил по комнате, **а** женщина сидела и плакала* (К. Симонов); *Незнание маршрута, — возможность проезда Плеве по Литейному и Пантелеймоновской, — заставило поставить на Цепном мосту Каляева, недостаточное **же** знакомство Сазонова с каретой министра заставило ввести в дело Мацеевского* (Б. Савинков).

Особенностью союза *же*, обусловленной происхождением от частицы, является его постановка после первого слова второй предикативной части.

Общее значение противительных отношений определяют как «вопреки ожидаемому» (М. В. Ляпон): «...вторая часть строится говорящим и интерпретируется адресатом как противоположная возможному продолжению первой части, т. е. тому ожи-

данию, которое следует из нее»[1]. Противительные отношения реализуются в виде различных вариантов, принципы выделения которых вызывают споры (по мнению З. Н. Бакаловой, «семантическая типизация несоответствия весьма затруднительна, если не невозможна»). Остановимся на некоторых разновидностях.

Противительно-ограничительные отношения (вторая часть предложения указывает на событие, явление, препятствующее осуществлению того, о чем говорится в первой части) оформляются союзами *но*, *да*, *однако* и союзной частицей *только*: *За городом я*, *наверное*, *замерз бы*, ***но*** *меня спасла случайность* (М. Булгаков);

Противительно-уступительные отношения (следствие, названное во второй части предложения, противоположно тому, что следовало из содержания первой части): *Официальная проверка установила полную невиновность Кокоринова*, ***однако*** *душевное равновесие его было нарушено...* (Н. Лесков); *Позади оставался долгий и трудный день*, ***но*** *он не чувствовал усталости* (К. Паустовский). Для противительно-уступительных предложений характерно активное использование конкретизаторов *тем не менее*, *несмотря на это*, *все же*, *все-таки*, *между тем* и др.: *Со мной заряженное ружье*, ***но все-таки*** *я часто оглядываюсь* (Ю. Казаков). *Королевич их презирал*, ***но все же*** *ему льстило такое поклонение* (В. Катаев).

Противительно-возместительные отношения отличаются от ограничительных и уступительных отношений наличием оценочного компонента: в предложении рассматривается одно событие, ситуация, причем в одной части это событие, ситуация оценивается положительно, а в другой отрицательно. Возместительные отношения оформляются с помощью союзов *зато*, *но*, *а*: *Правая рука*, *правда*, *покороче сделалась*, ***зато*** *левая безобразно вытянулась...* (М. Салтыков-Щедрин).

Сложносочиненные предложения с разделительными союзами. Разделительные союзы (*или*, *либо*, *то... то*, *то ли... то ли*, *не то... не то*, *а то*, *а не то*, *иначе*) выражают отношения взаимоисключения или чередования.

Отношения чередования (иначе: альтернативно-временные) оформляются повторяющимся союзом *то...то*. События, о которых говорится в частях сложносочиненного предложения, соединенного этим союзом, представляются как чередующиеся, не совмещающиеся в одном временном плане (последнее позволяет некоторым исследователям называть отношения чередования отношениями темпорального взаимоисключения[2]): *То падал как буд-*

---

[1] *Усова Н. В.* Противительные конструкции с союзом «но» в современном литературном языке (роль союза «но» и сопровождающих его вторичных скреп в формировании и выражении противительных отношений). АКД. — Томск, 1986. — С. 9.

[2] *Хегай В. М.* Виды разделительных отношений в современном русском языке // Сложное предложение. — Калинин, 1979. — С. 144.

то туман, *то вдруг припускал косой*, *крупный дождь* (Л. Толстой); *То солнце тусклое блестит*, *то туча черная висит* (Н. Некрасов).

Отношения взаимоисключения оформляются различными союзами и могут иметь различные оттенки. Выделяют до 9 различных оттенков разделительного значения: собственно-разделительное, разделительно-предположительное, разделительно-временно́е и пр.[1] Наибольшими возможностями обладает союз *или*: ***Или*** *я убью его*, ***или*** *он попадет мне в голову*, *в локоть*, *в коленку* (Л. Толстой) — собственно-разделительное значение; *Что*, *вы сами прячетесь*, ***или*** *сын вас прячет?* (Ф. Достоевский); *Один шнур*, *должно быть*, *длинней был*, ***или*** *Родион с запозданием запалил его* (В. Чивилихин) — разделительно-предположительное значение; *Я конэсер-с*, *конэсер*, ***или***, *как простонароднее выразить*, *я в лошадях знаток* (Н. Лесков) — разделительно-пояснительное значение; *Да говорите же*, *или я уйду обратно* (А. Гайдар) — значение альтернативной мотивации и пр.

Почти столь же широки возможности союза *либо* в передаче различных разделительных оттенков: нехарактерными для него являются лишь разделительно-пояснительные отношения. Например: *Я ответил*, *что другого такого места поблизости нету и кругом народ бывает*: ***либо*** *стадо пасется*, ***либо*** *картошку перепалывают*, ***либо*** *мальчишки возле чужих огородов околачиваются* (А. Гайдар); ***Либо*** *сам он плох*, ***либо*** *его наука никуда не годится* (В. Вересаев).

Остальные разделительные союзы, использующиеся в предложениях взаимоисключения, имеют более узкий (дифференцированный) характер. Так, союзы *то ли...то ли*, *не то...не то* выражают взаимоисключение с оттенком неуверенности, предположения: *От Ремизова связной не вернулся*: ***то ли*** *был убит по пути*, ***то ли*** *Ремизов не мог ничем помочь* (К. Симонов); ***Не то*** *он завидовал Наталье*, ***не то*** *он сожалел о ней* (И. Тургенев). Вместо союзов *то ли...то ли*, *не то...не то* в союзной функции могут использоваться повторяющиеся вводно-модальные слова *может*, *возможно*: ***Может***, *он надоел ему*, ***может***, *некому было ухаживать за медвежонком*, *мы не знаем* (Ф. Искандер).

Союзы *а то*, *а не то*[2] специализируются в выражении отношений альтернативной мотивации, суть которых в том, что при осуществлении события, названного в первой части, событие второй части не осуществляется, неосуществление же первого события влечет за собой осуществление второго события: *Надо вот скорее*

---

[1] См.: *Ананьева О. А.* Полипредикативные разделительные предложения с союзом «или»: строение и семантика. АКД. — Самара, 2005; *Хегай В. М.* Виды разделительных отношений... — С. 139—145; *Холодов Н. Н.* Сложносочиненные предложения с разделительными союзами // Русский язык в школе. — 1975. — № 4. — С. 65—70.

[2] Некоторые исследователи включают эти союзы в разряд противительных.

греться да ехать, ***а то*** *к почтовому поезду опоздаем* (А. Чехов); *Уйди*, *говорит*, ***а не то*** *застрелю и тебя* (А. Гайдар). При выражении отношений альтернативной мотивации могут использоваться также союз *или* и лексические элементы *иначе*, *в противном случае*, выполняющие союзную функцию: *Я должна с ним держаться*, *как со всеми*, ***иначе*** *он меня будет презирать* (И. Эренбург).

Сложные предложения с присоединительными союзами. Суть присоединительных отношений состоит в том, что вторая часть присоединяет к первой добавочное сообщение, ассоциативно возникающее в момент построения первого высказывания. Присоединительные конструкции возникают в результате смешения форм устной и письменной речи. Конструкции с присоединительными союзами чаще всего рассматриваются в рамках сложносочиненного предложения, впрочем, некоторые лингвисты рассматривают присоединение как особый вид связи, отличный и от сочинения и от подчинения (М. В. Карпенко, А. Ф. Прияткина, Г. П. Уханов и др.).

Наиболее типичным присоединительным союзом является союз *да и*: *Башкирцы — народ напуганный*, ***да и*** *киргизцы проучены* (А. Пушкин); *На этот раз вечер был прелестный*, ***да и*** *публики было довольно* (Ф. Достоевский). В значении союза *да и* помимо присоединительной семантики заключен элемент градации: компонент, присоединяемый им, выделяется, усиливается, представляется как более важный[1].

Кроме союза *да и*, в выражении присоединительных отношений участвуют различные союзы, союзные сочетания, а также наречия и частицы, выступающие в функции союза: *и*, *а*, *да*, (*и*) *притом*, (*и*) *при этом*, *причем*, (*и*) *даже*, *также*, *тоже*, (*и*) *вдобавок* и пр. Например: *Левин*, *остановившись*, *кричал*, ***и*** *доктор* ***тоже*** *горячился* (Л. Толстой); *Печь*, *по-видимому*, *уже давно не топилась*; *свечей* ***тоже*** *не отыскалось* (Ф. Достоевский); *Граф Коркин*, *барон Кизель могут подтвердить*, ***и притом*** *Анна Павловна так любит своего мужа* (И. Гончаров); *Я там чуть-чуть не умер с голода*, ***да еще вдобавок*** *меня хотели утопить* (М. Лермонтов).

Сложные предложения с пояснительными союзами *а именно*, *то есть*. Предложения с этими союзами отличаются неясностью грамматической природы пояснительных отношений. Одни ученые относят пояснение к разновидности подчинительных отношений, другие — к разновидности сочинительных, есть также сторонники, которые относят их к явлению, отличному от сочинения и подчинения, что приводит к исключению сложных предложений с союзами *а именно*, *то есть* из состава сложносочиненного предложения. Как отмечает А. Ф. Прияткина, сложное предложение с по-

---

[1] *Серебряная Ф. И.* Союз «да и» в современном русском языке и его история. АКД. — М., 1964. — С. 7.

яснительными союзами по своему внутреннему синтаксическому строению неоднородно, в одних случаях оно сближается со сложноподчиненными, а в других — со сложносочиненными, «но ни в одном из них не отвечает полностью значению сложносочиненного и сложноподчиненного предложения»[1]. По-видимому, выделение пояснительных предложений в отдельную группу сложного предложения является наиболее правильным с позиции семантики пояснительных отношений.

Союзы *то есть*, *а именно* стали оформлять пояснительную связь в русском языке довольно поздно — не ранее чем с середины XVII в.[2] и с XVIII—XIX вв. являются специализированным средством для выражения пояснения, например: *А между тем там про него все узнали* (*и даже весьма скоро*) *одно очень замечательное обстоятельство*, ***а именно***: *в ту самую роковую для него ночь*, *после неприятного приключения у Настасьи Филипповны*, *Ганя*, *воротясь домой*, *спать не лег*, *а стал ожидать возвращения князя с лихорадочным нетерпением* (Ф. Достоевский); *Во внутренней жизни его в продолжение его кураторства все шло благополучно*, *то есть в свое время являлись на свет дети*, *в свое время у них резались зубы* (А. Герцен).

Союзы *а именно*, *то есть* присоединяют поясняющую часть, раскрывающую содержание поясняемой части. В этой функции союзы *то есть*, *а именно* взаимозаменяемы. Однако союз *то есть* может присоединять вторую часть с оценкой первой. Вся часть приобретает присоединительный, добавочный характер и легко парцеллируется: *Мы вовремя вас остановили*, ***то есть***, *просто сказать*, *мы спасли вас* (А. Герцен). Синонимическая замена *то есть* союзом *а именно* невозможна.

Историческая справка. Сложносочиненное предложение представляло собой развитую синтаксическую категорию уже в древнерусском языке. Вместе с тем существовал ряд особенностей в употреблении древнерусского сложносочиненного предложения по сравнению с современным русским языком. Отличия были связаны, во-первых, с неразвитостью сложноподчиненных предложений, в силу чего отсутствовало четкое противопоставление сочинения подчинению и сочинительные конструкции использовались для передачи подчинительных отношений. Ф. И. Буслаев приводил примеры сложносочиненных предложений, в которых при помощи союзов *и*, *а* оформлялись подчинительные отношения, например: *Не бывала пакость такова*, ***и*** *Псковъ сталъ* (Псковская летопись), где значение второй части можно передать в переводе на современный язык — «с тех пор как Псков встал». Нечеткое размежевание сочинительных и подчинительных отношений приводило к контаминации сочинительных и подчинительных средств связи в пределах предложе-

[1] *Прияткина А. Ф.* Служебные слова, выражающие уточнение и пояснение, в современном русском языке. АКД. — М., 1954. — С. 11.

[2] *Гребенщикова Н. С.* История союзного оформления пояснительных отношений в русском языке. АКД. — М., 1977. — С. 6, 10—11.

ния, что нетипично для современного языка: ***Оже*** *на ны приде*, ***а*** *мы ся с ним бьемъ* (Ипатьевская летопись).

Во-вторых, со временем произошли изменения в системе сочинительных союзов: часть союзов ушла из употребления, у некоторых союзов развились новые значения либо, наоборот, была утрачена способность выражать некоторые значения. Так, ушли из употребления противительные союзы *ано*, *ан*, *ино*, *ин*: *...на утро пришел*, ***ано*** *мне бог дал шесть язей*, *да две щуки...* (Житие протопопа Аввакума). Союз *и* перестал употребляться для оформления противительных отношений (в современном языке это значение возможно при наличии конкретизаторов): *Земля наша крещена*, ***и*** *несть у нас учителя* (Лаврентьевская летопись). Союз *а* практически утратил способность употребляться в соединительном значении (с присоединительным оттенком): *Того же лета бысть моръ во Пскове*, ***а*** *пришол тотъ моръ изъ Юрьева отъ немець* (II Псковская летопись). Сократилось употребление сопоставительного союза *же* в современном русском языке. Существенно изменились функции союза *да*: в древнерусском языке он не употреблялся в качестве противительного, но мог употребляться в соединительной функции, однако чаще он употреблялся в качестве побудительной частицы или для оформления причинно-следственных отношений. Уже в письменный период происходит формирование разделительных союзов *то... то...*и *либо*.

В-третьих, для древнерусского сложносочиненного предложения была типична многочленная конструкция: *Индеяны же не едят никоторого мяса...* ***а*** *свиней же у них вельми много*; ***а*** *едят же днем дважды*, ***а*** *ночи не едять*, ***а*** *вина не пьють ни сыты*; ***а*** *с бесермени не пиють ни ядять* (Хожение Афанасия Никитина). Со временем многочленные конструкции сменяются конструкцией из двух предикативных частей, которая в современном русском языке является наиболее распространенной; многочленные конструкции с повторяющимися союзами *и*, *да* в современном русском языке представляют собой периферийное явление. По-видимому, выдвижению двучленных сочинительных конструкций в центр сложносочиненного предложения способствовало возникновение новых средств связи, дифференцирование значений сочинительных союзов, а также влияние структуры развивающегося сложноподчиненного предложения. Многочленные структуры в древнерусском языке были связаны с устной речью (они достаточно типичны и для современной разговорной речи), союзы *и*, *а*, *да*, *но* в их составе обладали присоединительным оттенком.

Сложносочиненное предложение оказалось очень устойчивым во времени. Активное развитие подчинительных отношений в сфере сложного предложения, наблюдаемое в русском языке на протяжении последних нескольких столетий, не привело к исчезновению сложносочиненного предложения, хотя произошло сужение сферы его употребления: для передачи подчинительных отношений стало активно употребляться сложноподчиненное предложения. При активном распространении сложноподчиненного предложения сложносочиненное предложение проявило удивительную «живучесть».

Исследования языка художественной и публицистической литературы конца XX — начала XXI в. показывают даже некоторое усиление позиций сочинительных конструкций: они стали активно использоваться для пе-

редачи авторского отношения к изображаемой действительности (для выражения субъективно-модальных смыслов), т. е. произошла активизация присоединительного значения некоторых сочинительных союзов, в частности союзов *и*, *а*, *но*. Эти союзы используются в двучленных конструкциях, в которых вторая часть выражает авторский комментарий относительно первой части.

Рекомендуемая литература

Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. — М., 1967.

Валимова Г. В. Сложное предложение и сочетание предложений // Теоретические проблемы синтаксиса в современных индоевропейских языках. — Л., 1975.

Гаврилова Г. Ф. Сложносочиненное предложение в системе других синтаксических конструкций // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. — Л., 1984.

Малычева Н. В. Сочинительные конструкции в русском языке // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. — Вып. 7. — М.; Ставрополь, 2001. — С. 259—264.

Морозкина О. Б. Семантические условия употребления союзов *и*, *а*, *но* // Сложное предложение. — Калинин, 1979. — С. 60—69.

Попова И. А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950. — С. 355—396.

Уханов Г. П. Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению // Исследование по славянской филологии. — М., 1974. — С. 336—342.

Хегай В. М. Виды разделительных отношений в современном русском языке // Сложное предложение. — Калинин, 1979. — С. 139—145.

Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения с разделительными союзами // Русский язык в школе. — 1975. — № 4. — С. 65—70.

Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. Ч. 1—2. — Смоленск, 1975.

Глава 3
Сложноподчиненное предложение

§ 1. Определение понятия

Сложноподчиненное предложение — разновидность сложного предложения, части которого соединяются при помощи подчинительных союзов и союзных слов (относительных местоимений и наречий). Сложноподчиненное предложение состоит из главной и придаточной частей; придаточная часть грамматически зависит от

главной, распространяя ее; показателем грамматической зависимости придаточной части являются входящие в ее состав подчинительные союзы и союзные слова.

Сложноподчиненное предложение в ряде случаев передает содержание, которое может быть передано сложносочиненным предложением, на этом основании некоторыми лингвистами (например, М. Н. Петерсоном) отрицается разграничение сочинительных и подчинительных союзов. Ср.: *Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться* (М. Лермонтов). → *Так как душно стало в сакле, я вышел на воздух освежиться*; *Минные осколки угодили ему в берцовую кость, но лежал он легко, ни разу не закряхтев, не поморщившись* (Е. Носов). → *Хотя минные осколки угодили ему в берцовую кость, лежал он легко, ни разу не закряхтев, не поморщившись.* Тем не менее различие между сочинительными и подчинительными союзами есть: сочинительные союзы в силу своей очень абстрактной семантики не задают однозначных отношений между частями предложения, в то время как подчинительные союзы более или менее однозначно задают тип отношений между частями (это касается лишь группы семантических союзов) — «союз порождает то направление, по которому порождается вторая часть»[1].

Не все союзы можно подвергнуть однозначному распределению на подчинительные и сочинительные: споры вызывают, например, пояснительные союзы *то есть, а именно.* Свойством обратимости, о котором писал А. М. Пешковский, обладают не все сложносочиненные предложения, и в то же время им обладают некоторые сложноподчиненные предложения, например: *Шел дождь, хотя светило солнце.* → *Светило солнце, хотя шел дождь*; *Я выбрался из леса, когда садилось солнце.* → *Солнце садилось, когда я выбрался из леса.* Ярким отличием сложноподчиненных предложений от сложносочиненных является использование в первых в качестве средства связи союзных слов.

§ 2. История изучения и классификации сложноподчиненного предложения

В разное время в отечественной лингвистике сложились три основные классификации сложноподчиненных предложений: классификация, построенная на уподоблении придаточной части тому или иному члену предложения главной части (логическая); классификация по средствам связи частей сложноподчиненного предложения (формальная); структурно-семантическая классификация.

---

[1] *Гатинская Н. В.* Конструктивные различия сложносочиненных и сложноподчиненных предложений // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. — Вып. 1. — М., 2000. — С. 187.

Первая классификация складывается в трудах А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. И. Давыдова и получила окончательное оформление у Ф. И. Буслаева. Н. И. Греч, в зависимости от того, какую часть речи в главном предложении заменяют придаточные[1], выделял придаточные существительные, придаточные прилагательные и придаточные обстоятельственные, в его концепции принципы морфологические и синтаксические смешивались. В классификации Ф. И. Буслаева лежит чисто синтаксический принцип. Исходя из того, какой член главного предложения заменяется придаточным, выделяются придаточные подлежащные, дополнительные, определительные, обстоятельственные (внутри последних придаточные места, времени, образа действия, меры и счета, причины, основания, цели, уступки, условные, сравнительные). Ф. И. Буслаев не выделял придаточные сказуемные (сказуемостные), полагая, что сказуемое, будучи центром предложения, не может быть заменено придаточным. В качестве отдельного типа придаточное сказуемное было введено Д. Н. Овсянико-Куликовским.

По мнению В. А. Белошапковой, при внешней непротиворечивости такой классификации сам принцип ее построения ошибочен, во-первых, потому что он опирается на достаточно противоречивое учение о второстепенных членах предложения, а во-вторых, параллелизм между второстепенными членами предложения и типами придаточного[2] преувеличивается. В частности, придаточные следствия и придаточные присоединительные не имеют аналогов в системе членов предложения[3].

Классификация сложноподчиненных предложений на основе уподобления придаточной части тому или иному члену предложения (буслаевская классификация), несмотря на достаточно справедливую критику, оказалась способной к дальнейшему развитию и в различных вариантах отражена, например, в вузовском «Синтаксисе современного русского языка» А. Г. Руднева, в АГ-54, в учебнике А. Н. Гвоздева; представлена она и в современном школьном учебнике В. В. Бабайцевой и Л. Д. Чесноковой. В обновленном виде буслаевский подход к классификации типов сложноподчиненного предложения представлен в работах Е. С. Скобликовой, Б. И. Осипова, А. К. Федорова.

Е. С. Скобликова отказывается от уподобления придаточных предложений тем или иным членам предложения: «...последовательно учитывается характер собственно смысловых функций придаточной части по отношению к главной, а не то, позицию ка-

---

[1] Сам термин «придаточное предложение» был введен Н. И. Гречем.

[2] *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. — С. 106—107.

[3] *Анисимов Г. А.* Типология сложноподчиненных предложений: лингвистический и методический аспекты // Вестник Чувашского гос. пед. университета им. И. Я. Яковлева. — 2003. — № 1. — С. 97.

кого члена главного предложения замещает придаточное»[1]. Е. С. Скобликова объединяет придаточные дополнительные и подлежащные, с одной стороны, и придаточные определительные и сказуемные — с другой, «поскольку смысловые функции их одинаковы». В результате традиционная классификация приобретает следующий вид: предложения с придаточными изъяснительным, определительным, сравнительным, образа действия и степени, с придаточными места, времени; предложения, выражающие отношения обусловленности; предложения с придаточными присоединительными. По мнению Е. С. Скобликовой, такая классификация в наибольшей степени удовлетворяет требованию категориального подхода: придаточные рассматриваются в качестве выразителей определенных категорий (предмет, признак, время, место и т. д.).

Б. И. Осипов оставляет в качестве основы классификации уподобление придаточной части одному из членов главного предложения, но классификация при этом усложняется. Это происходит, во-первых, за счет деления предложений на два класса: сложноподчиненные предложения, в которых придаточная часть замещает или разъясняет член главной части, и предложения, в которых главная часть разъясняет член придаточной части (предложения с придаточными присоединительными, которые Б. И. Осипов называет «предложениями обратного развертывания»). В каждом из этих классов выделяются соответствующие типы сложноподчиненных предложений — с придаточным подлежащным, сказуемным, дополнительным, определительным, обстоятельственным. Во-вторых, каждый тип сложноподчиненного предложения делится на подтипы в зависимости от характера средств связи частей. Б. И. Осипов полагает, что тип союзного средства определяет семантику придаточной части: придаточное, вводимое союзом *что* или местоимением-существительным (*что*, *чего*, *чему* и т. д; *кто*, *кого*, *кому* и т. д.), всегда имеет субстантивный элемент в своей семантике; придаточное, вводимое словами *какой*, *который*, *чей*, — адъективную семантику; придаточное, вводимое союзом *чтобы*, местоименными наречиями (*как*, *где*, *когда* и т. д.) — адвербиальную семантику; придаточное, вводимое союзной частицей *ли*, — глагольную семантику.

В концепции А. К. Федорова представлен другой вариант описания сложноподчиненных предложений. В его семантико-структурной классификации сочетаются логико-грамматический принцип и элементы структурно-семантического принципа описания.

---

[1] *Скобликова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. — М., 2006. — С. 40; *Скобликова Е. С.* О категориальном подходе к классификации сложноподчиненных предложений // Системность языковых средств и их функционирование. — Куйбышев, 1999. — С. 100.

На первом уровне сложноподчиненные предложения делятся на семантические типы — «совокупность сложноподчиненных предложений, объединенных близкими смысловыми отношениями между частями, которые связаны союзами, союзными словами определенной семантики»[1]. Семантические типы объединяются в две группы: полифункциональные типы, содержащие несколько видов придаточных, и монофункциональные, в составе которых имеется один вид придаточного. К полифункциональным типам сложноподчиненных предложений относятся такие, как изъяснительный, определительный, сравнительный, следствия, пространственный, временной, условный, обобщенно-уступительный, к монофункциональным — причинный, целевой, уступительный, относительно-присоединительный виды.

На втором уровне каждый полифункциональный семантический тип делится на разновидности в зависимости от синтаксической функции придаточных по отношению к главной части (подлежащные, сказуемные, определительные, дополнительные, обстоятельственные). В монофункциональных типах «синтаксические отношения между частями совпадают со смысловыми, поэтому сложноподчиненные и придаточные — одноименные»[2].

В первой трети XX в. зарождается формальное направление в описании сложноподчиненного предложения: интерес сосредоточился на описании синтаксических средств связи между частями сложноподчиненных предложений. А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон, А. Б. Шапиро, Л. А. Булаховский строят свои классификации на основе семантики союзов и союзных слов. Так, А. М. Пешковский делит сложноподчиненные предложения на три группы: предложения, части которых присоединяются при помощи союзов; при помощи союзных слов; при помощи интонации.

В первой группе выделяется 9 групп придаточных: причины, цели, следствия, пояснительные, изъяснительные, условные, уступительные, сравнительные, временные.

Во второй группе предложений выделяются два типа подчинения — косвенно-вопросительное и собственно-относительное подчинение. Последней по времени работой, где был использован формальный метод классификации, является раздел «Сложноподчиненное предложение» в университетском учебнике 1957 г., написанный А. Б. Шапиро[3].

Одновременно с формальным направлением в изучении сложноподчиненного предложения зарождается структурно-семантическое направление, для которого характерен более широкий под-

---

[1] *Федоров А. К.* Семантико-структурная классификация сложноподчиненных и придаточных предложений // Русский язык в школе. — 2002. — № 5. — С. 73.

[2] Там же. — С. 72—77, 87.

[3] Современный русский язык. Синтаксис. — М., 1957. — С. 359—414.

ход к описанию предложения: учитываются как различные формальные признаки предложения, так и семантика придаточных частей. В трудах В. А. Богородицкого была сформулирована задача исследовать придаточные части сложноподчиненного предложения, учитывая, к чему относится придаточная часть; какие используются средства связи, какова семантика придаточной части. Семантика в концепции В. А. Богородицкого оказалась главным классифицирующим признаком, что позднее было развито в работах Н. С. Поспелова, С. Г. Ильенко, В. А. Белошапковой, С. Е. Крючкова и Л. Ю. Максимова, И. Г. Чередниченко и др. Объединяет всех этих исследователей то, что в качестве первого принципа классификации учитывается характер связи главной и придаточной частей — относится ли придаточная часть только к одному элементу главной (слову или словосочетанию) или к главной части целиком. На этом основании выделяются две группы предложений: предложения, в которых придаточная часть распространяет один из членов предложения главной части, — «одночленные» (Н. С. Поспелов, Н. С. Валгина), или «нерасчлененные» (В. А. Белошапкова), и предложения, в которых придаточная часть целиком распространяет главную часть, — «двучленные» (Н. С. Поспелов, Н. С. Валгина), или «расчлененные» (В. А. Белошапкова).

Внутри каждой группы деление предложений проводится на разных основаниях. При классификации нерасчлененных предложений учитывается формально-грамматическая сторона (частеречная природа опорного слова, характер средства связи), при классификации нерасчлененных предложений — смысловые отношения между частями, т. е. семантический критерий (в силу этого классификация расчлененных предложений носит более или менее традиционный характер)[1].

Структурно-семантическая классификация получила наибольшее распространение в современных вузовских учебниках. В ней уделяется большое внимание формальной стороне сложного предложения: роли контактных слов, валентности синтаксических структур, взаимосвязи между характером связующего средства и типом предложения и т. д. Учитывая, что отношения между частями сложноподчиненного предложения (в отличие от других ти-

[1] По мнению А. М. Ломова, семантические признаки в структурно-семантической классификации учитываются несистемно и непоследовательно, главным признаком в ней является структурный принцип, поэтому «структурно-семантическая классификация на поверку оказывается классификацией не принципиально нового типа, а всего лишь вариантом формальной классификации, осложненной на периферии всякого рода семантическими добавками» (*Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису... — С. 337—338). Достаточно резко критикует смешение разных принципов подхода в данной классификации Е. С. Скобликова. См.: *Скобликова Е. С.* О категориальном подходе к классификации сложноподчиненных предложений. — С. 97.

пов сложного предложения) в наибольшей степени формализованы, это является достоинством структурно-семантического подхода.

Впрочем, структурно-семантический подход не лишен и недостатков. Первое, что отмечают противники этого подхода, это преувеличение разграничительной силы такого признака, как присловность/неприсловность. На это обращается внимание даже в РГ-80, где в основе классификации типов сложноподчиненного предложения лежит именно структурно-семантический принцип: «Разграничение двух типов предложений по признаку присловности или неприсловности придаточной части или, что то же самое, по признаку нерасчлененности или расчлененности их структуры не является абсолютным: при определенных условиях это разграничение может быть ослаблено или вообще теряет свою значимость»[1]. Кроме того, упреки делаются в связи с непоследовательностью применения провозглашаемых принципов классификации: в одних случаях акцент делается на структурных особенностях частей предложения, а в других — на семантических отношениях между частями предложения[2].

Из трех рассмотренных подходов к изучению сложноподчиненного предложения наиболее серьезное воздействие на преподавание синтаксиса русского языка оказывают логический и структурно-семантический подход, между которыми есть не только различия, но и сходства: такие типы придаточных, как придаточные причины, цели, времени, условия и пр., есть в обеих классификациях (см. табл. 13). Наиболее серьезные различия между классификациями сводятся к двум пунктам: во-первых, в структурно-семантической классификации выделяются местоименно-соотносительные придаточные, которые совершенно отсутствуют в логической классификации; во-вторых, в структурно-семантической классификации отсутствуют придаточные места, так как они практически не употребляются без местоименного коррелята в главной части (в силу этого придаточные места, выделяемые в логической классификации, здесь включаются в состав местоименно-соотносительных придаточных).

Современное состояние изучения сложноподчиненного предложения носит очень противоречивый характер. Можно констатировать постепенное охлаждение лингвистов к структурно-семантической классификации и возрождение интереса к логической классификации. Так, Б. Н. Головин пишет: «При внимательном непредвзятом взгляде на традиционную [классификацию] и новую... оказывается, что первая не так плоха, чтобы от нее отказы-

---

[1] Русская грамматика. — Т. II. — С. 469—470.

[2] *Осипов Б. И.* Еще раз о классификации сложноподчиненных предложений. — С. 103—104.

ваться, а вторая — не так хороша, чтобы ее принимать без оговорок, закрывая глаза на ее недостатки»[1].

Помимо попыток обновить традиционную классификацию, предпринимаются усилия создать классификацию сложноподчиненных предложений на совершенно новой основе. Примером может служить классификация, которую предлагают А. М. Ломов и Р. Гусман Тирадо. По мнению этих ученых, в основе современной классификации сложного предложения вообще и сложноподчиненного предложения в частности должен лежать «содержательно ориентированный способ». А. М. Ломов и Р. Гусман Тирадо исходят из гипотезы, что подчинение предполагает включение информации, передаваемой придаточным, в состав главного (*Я знал*, *что ты придешь*) либо, наоборот, информации, сообщаемой в главном предложении, в состав придаточного (*Коля опоздал*, *из-за чего мы поссорились*).

Первый вид включения информации (включение-1) предполагает, что главное предложение полностью и без остатка включает в себя информацию придаточного предложения (*Я полагал*, *что он меня не помнит*); второй тип включения информации (включение-2) неоднороден: придаточное предложение может опираться на всю информацию главного (*По утрам на пожелтевшей траве лежал иней*, *отчего зелень казалась сизой*), а может опираться на отдельный фрагмент информации главного предложения (*Я знаю песни*, *которые западают в душу не сразу*). Включение-1 и включение-2 используют разные средства связи: первый тип включения информации использует только союзы, второй — только лексические элементы с анафорическим значением (союзные слова). Кроме того, при включении-1 достаточно свободно используются корреляты, тогда как при включении-2 их использование — это скорее исключение (*Вода оставалась только в* ***тех*** *местах*, *где была низинка*).

Порядок следования частей сложноподчиненного предложения также зависит от типа включения информации: при включении-1 придаточная часть может занимать любое положение относительно главной части — постпозитивное, препозитивное, интерпозитивное; при включении-2 обычным является постпозитивное положение придаточной части, изредка возможна интерпозиция. Придаточные, образованные на основе включения-1, самодостаточны с точки зрения передаваемой информации (автосемантичны), в то время как придаточные, базирующиеся на включении-2, информативно недостаточны (синсемантичны) без учета содержания главной части[2].

---

[1] *Головин Б. Н.* Основы теории синтаксиса современного русского языка. — Н. Новгород, 1994. — С. 155.

[2] *Ломов А. М.*, *Гусман Тирадо Р.* К интерпретации русского сложноподчиненного предложения. — С. 101—118; Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису... — С. 333—335.

§ 3. Классификация сложноподчиненного предложения

В изложении классификации типов сложноподчиненного предложения мы опираемся на вариант структурно-семантической классификации, представленный в трудах В. А. Белошапковой.

Все сложноподчиненные предложения подразделяются на две большие группы — нерасчлененные (одночленные) предложения, в которых придаточная часть поясняет слово или словосочетание главной части, и расчлененные (двучленные) предложения, в которых придаточная часть относится ко всей главной части. На формальном уровне различие между двумя типами сложноподчиненных предложений проявляется в различии используемых связочных средств. Поскольку придаточная часть нерасчлененного предложения порождается валентностью или семантикой опорного слова, связочные средства, используемые между частями предложения, носят ослабленный характер — это асемантические (функциональные) союзы и союзные слова.

Функциональные союзы являются лишь показателем зависимости между частями предложения, но не определяют отношения между ними, поэтому могут быть опущены в предложении: *Я уверен*, ***что*** *ты меня поймешь* и *Я уверен — ты меня поймешь*. Ослабленность союзного слова как средства связи проявляется в том, что связующая функция союзного слова сочетается с синтаксической функцией в составе придаточной части. Опущение союзного слова в нормированной речи не допускается, но широко распространено в разговорной речи, например: *Дай-ка мне рубашку / я в театр хожу* (т. е. *Дай-ка мне рубашку*, ***в которой*** *я в театр хожу*; пример В. А. Белошапковой).

Наоборот, в расчлененном предложении появление придаточного связано с коммуникативными целями говорящего, главная часть расчлененного предложения структурно и семантически завершена, в силу этого связующим средством между частями выступают «сильные» показатели связи — семантические союзы. Семантический союз задает характер отношения между частями и не может быть опущен, так как лексическое наполнение частей не формирует однозначного отношения между ними и замена одного союза на другой меняет и характер отношения между частями, ср.: *Я пришел*, ***потому что*** *меня позвали* и *Я пришел*, ***когда*** *меня позвали*. Исключение в группе расчлененных предложений составляют предложения с придаточным присоединительным, в которых связующее средство — это союзное слово с вмещающим значением (*Я почти не опоздал*, ***что*** *меня даже удивило*).

В некоторых случаях граница между расчлененными и нерасчлененными сложноподчиненными предложениями оказывается нечеткой.

Во-первых, это наблюдается в том случае, если придаточная часть присоединяется при помощи семантических союзов к причастному или деепричастному обороту (либо к одиночному причастию или деепричастию): *За завтраком больше всех говорил дед*, ***необыкновенно оживившийся***, *потому что почувствовал себя необходимым семье*; ***Необыкновенно оживившись***, *потому что почувствовал себя необходимым семье, дед принялся за дело.*

Во-вторых, достаточно спорными оказываются те случаи, когда главная часть состоит из одного слова (*Сообщают, что завтра будет тепло*): «...буквальный ответ на вопрос, к одному слову относится придаточное или ко всей части, применительно к таким предложениям теряет смысл, однако признак расчлененности/нерасчлененности сохраняется»[1].

В-третьих, категоричность противопоставления расчлененных и нерасчлененных структур оказывается излишней в тех случаях, когда части сложноподчиненного предложения соединяются при помощи сложных союзов[2], например: *Не ходи в атаку* ***до тех пор***, ***пока*** *не получишь от меня приказа* (М. Шолохов) — *Не ходи в атаку*, ***до тех пор пока*** *не получишь от меня приказа.* Первое предложение должно относиться к нерасчлененным структурам, так как придаточная часть раскрывает в нем значение сочетания *до тех пор*, тогда как во втором случае представлена нерасчлененная структура; между тем смысловые различия между обеими структурами часто не являются существенными.

Нерасчлененные сложноподчиненные предложения.

Классификация нерасчлененных предложений построена на учете частеречной природы опорного слова и особенностей его семантики. Исходя из этого выделяют: 1) сложноподчиненные предложения с придаточным присубстантивным (определительным); 2) сложно-подчиненные с придаточным изъяснительным; 3) сложноподчиненные предложения с придаточным прикомпаративным; 4) сложно-подчиненные с придаточным местоименно-соотносительным.

Сложноподчиненные предложения с придаточным присубстантивным (определительным). Опорным словом в главной части выступает существительное, а придаточное присубстантивное выполняет при нем функцию развернутого определения. Степень спаянности частей данного типа сложноподчиненного предложения может быть различной. Исходя из этого выделяют присубстантивно-выделительные и присубстантивно-распространительные придаточные. Присубстантивно-выделительное придаточное инфор-

---

[1] *Галактионова И. В.* Семантические основания выделения расчлененных и нерасчлененных сложноподчиненных предложений / Синтаксис: изучение и преподавание. — М., 1997. — С. 113.

[2] *Анисимов Г. А.* Типология сложноподчиненных предложений: лингвистический и методический аспекты. — С. 101.

мативно восполняет, конкретизирует существительное главной части, к которому оно относится, например: *Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, **в которой** меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою* (А. Пушкин); *Есть люди, **с которыми** непременно должно согласиться* (М. Лермонтов).

Присубстантивно-распространительное придаточное относится к существительному, которое не нуждается в обязательном распространении, вследствие этого атрибутивный характер отношений между присубстантивно-распространительным придаточным и опорным существительным имеет элементы присоединительных отношений[1], например: *Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, **которое** принял было сперва за отдаленный холмик* (А. Пушкин); *Но лицо ее, **которому** она хотела придать строгое и решительное выражение, выражало потерянность и страдание* (Л. Толстой).

Исследователи квалифицируют сложноподчиненные предложения с присубстантивно-распространительным придаточным как переходные между предложениями нерасчлененной и расчлененной структуры[2]. В зависимости от семантики опорного слова присубстантивно-распространительное придаточное вносит в сложное предложение разные смысловые компоненты, в том числе добавочное значение причины и уступки, например: *Роман выходил запутаннейшей и громоздкой постройкой, почти лабиринтом, в котором читатель мог заблудиться* (К. Федин) — с причинным оттенком; *Ей хотелось видеть и Алексея, и Тополева, и Рогова. И даже Батманова, которого она все-таки немного боялась* (В. Ажаев) — с оттенком уступки[3].

Средствами связи между придаточным присубстантивным и главной частью выступают союзные слова *который, какой, кой, чей; что, кто, где, куда, откуда, когда*. Наиболее типичным средством связи является местоимение *который*: *По обыкновению, он зашел к Григорью Александровичу, **который** его всегда кормил лакомствами*

---

[1] По мнению И. А. Поповой, в этом случае «мы имеем отношение, близкое к сочинению в форме подчинения» (*Попова И. А.* Сложносочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950. — С. 367).

[2] *Чесноков П. В.* О структурных типах сложноподчиненного предложения // Вопросы синтаксиса русского языка. — Ростов н/Д, 1971. — С. 121; *Павловская М. А.* Повествовательно-распространительные предложения в системе сложноподчиненных предложений в современном русском языке // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. — Л., 1984. — С. 78. Н. С. Поспелов, Н. И. Формановская рассматривают предложения с присубстантивно-распространительными придаточными в составе предложений расчлененной структуры.

[3] *Павловская М. А.* Повествовательно-распространительные предложения в системе сложноподчиненных предложений в современном русском языке. — Л., 1984. — С. 76—84.

(М. Лермонтов). Местоимения *какой* и особенно *кой* используются значительно реже и имеют архаический оттенок (особенно *кой*), например: *Он один имел выгоду в доносе*, ***коего*** *следствием могло быть удаление мое из крепости и разрыв с комендантским семейством* (А. Пушкин); *Пренебрежение*, *с* ***каким*** *он упоминал о Марье Ивановне*, *казалось мне столь же непристойным*, *как и несправедливым* (А. Пушкин). Союзное слово *чей* имеет оттенок принадлежности и также постепенно устаревает: *Мороз пробежал по всему моему телу*, *при мысли*, ***в чьих*** *руках я находился* (А. Пушкин).

Союзные слова *где*, *куда*, *откуда* присоединяют придаточное присубстантивное к существительным с пространственной семантикой, в силу этого придаточное имеет пространственно-определительное значение, например: *Мне вздумалось завернуть* ***под навес***, ***где*** *стояли наши лошади...* (М. Лермонтов); *Левин провел своего гостя* ***в комнату для приезжих***, ***куда*** *и были внесены вещи Степана Аркадьича*: *мешок*, *ружье в чехле*, *сумка для сигар...* (Л. Толстой).

Подобным образом союзное слово *когда* присоединяет придаточное к опорному слову с временной семантикой, а придаточная часть, присоединяемая им, имеет темпорально-определительный оттенок: *Побойся бога*; *как тебе пускаться в дорогу* ***в нынешнее время***, ***когда*** *никуда проезду нет от разбойников!* (А. Пушкин).

Сложноподчиненные предложения с присубстантивным придаточным относятся к негибким структурам: придаточное может быть интерпозитивно или постпозитивно, но никогда не может стоять перед главной частью.

Сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным. Это наиболее частотный тип сложноподчиненного предложения. Придаточное изъяснительное присоединяется к глаголам со значением речи, мысли, чувства, восприятия, волеизъявления и их дериватам; семантика этих слов требует обязательного распространения словоформой с объектным значением. Таким образом, придаточное изъяснительное выступает в качестве развернутого дополнения при опорном слове, что подтверждается примерами, когда в перечислительном ряду оказываются придаточные изъяснительные и словоформы (*Я думал уж о форме плана и как героя назову* (А. Пушкин)[1]). Кроме того, придаточное изъяснительное может выполнять роль фразового подлежащего, в том случае если главная часть выражает эмоциональную реакцию или оценку по поводу ее содержания: «***Хорошо***, *что он так непривлекателен*, *что Кити не влюбилась в него*», — *думала мать* (Л. Толстой); ***Ему показалось странным и обидным***, *что его так пристально и бесцеремонно рассматривают* (Ф. Достоевский).

[1] Д. Э. Розенталь расценивает подобные случаи как отступление от литературной нормы, но важно, что такие примеры в принципе возможны (*Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. — 4-е изд., испр. — М., 1977. — С. 266—267).

Придаточное изъяснительное присоединяется к опорному слову при помощи а) союзов *что*, *чтобы*, *как*, *будто*, *как будто*, *словно*; б) союзных слов *что*, *кто*, *какой*, *который*, *где*, *куда*, *откуда*, *когда*, *как*, *почему*, *зачем*, *насколько*, *сколько*; в) союзной частицы *ли*.

Выбор союза зависит от двух факторов: либо от семантики опорного слова, либо от модальной оценки содержания второй части.

Союз *что* используется для передачи сообщения о реальном факте, например: *Я помню*, ***что*** *в продолжение ночи*, *предшествовавшей поединку*, *я не спал ни минуты* (М. Лермонтов); *Но он бледнел все больше и больше и чувствовал*, ***что*** *его начинает знобить* (М. Салтыков-Щедрин); *Степан Аркадьич понял*, ***что*** *Матвей хотел пошутить и обратить на себя внимание* (Л. Толстой).

Союз *как* также сообщает о реальности факта; употребляясь с глаголами восприятия и мыслительной деятельности, он одновременно подчеркивает наглядный характер этой деятельности: *И* ***слышно*** *было*, ***как*** *он трепал рукою по гладкой шее своего скакуна*, *давая ему разные нежные названия* (М. Лермонтов); *Я ведь* ***вижу***, ***как*** *ты мучаешься всем*, *и светом*, *и сыном*, *и мужем* (Л. Толстой). Добавочный обстоятельственный смысловой оттенок, присущий конструкциям с союзом *как*, «формируется семантикой союза и сочетаемостью с глаголами, которые могут распространяться компонентами со значением качества протекания действия»[1]. Замена союза *как* союзом *что* в этих предложениях приводит к устранению момента наглядности.

Союзы *будто*, *будто бы* сигнализируют о недостоверности сообщения придаточной части либо о неуверенности говорящего в отношении ее содержания: ... *Казбич вообразил*, ***будто*** *Азамат с согласия отца украл у него лошадь*... (М. Лермонтов); *Пронесся однажды слух*, ***будто бы*** *Митьке-цыгану*, *бродяге и известному пьянице*, *ежегодно купавшемуся за бутылку водки в крещенской проруби*, *было видение*... (А. Гайдар).

Союз *чтобы* используется при глаголах волеизъявления и опасения и присоединяет придаточную часть в сослагательном наклонении: *Вообще она любила в глазах детей разыграть роль почтенной и удрученной матери и в этих случаях с трудом волочила ноги и* ***требовала***, ***чтобы*** *ее поддерживали под руки девки* (М. Салтыков-Щедрин); *Теперь она* ***боялась***, ***чтобы*** *Вронский не ограничился одним ухаживаньем за ее дочерью* (Л. Толстой).

Достаточно редко употребляются союзы *если*, *если бы*, *когда*, *когда бы*; опорными словами, к которым присоединяются придаточные изъяснительные этими союзами, являются слова с оценочной семантикой: ... *Как бы* ***хорошо*** *было*, ***если бы*** *вдруг от дома про-*

---

[1] *Иванова Е. И.* Структурно-семантическая организация сложноподчиненного предложения с изъяснительным значением // Актуальные проблемы русистики. — Барнаул, 2002. — С. 21.

вести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост... (Н. Гоголь); *А **жаль**, **если** не Владимир Андреевич будет нашим господином* (А. Пушкин); *Ему было очень **неприятно**, **когда** постукивание вдруг прекратилось* (В. Короленко). В предложениях данного типа изъяснительное значение осложняется обстоятельственным компонентом, а сам тип предложения не очень четко отделяется от предложений расчлененного типа. Ср.: *Ему было очень неприятно, **когда** постукивание вдруг прекратилось* (В. Короленко) — ***Когда** постукивание вдруг прекратилось, **то** ему было очень неприятно* — второе предложение является сложноподчиненным предложением расчлененного типа (с придаточным временным).

В предложениях с союзными словами придаточная часть обычно имеет косвенно-вопросительную семантику, опорными словами выступают глаголы речевой и мыслительной деятельности и их дериваты. Так как придаточное изъяснительное с союзным словом представляет собой косвенный вопрос, то именно при глаголах речи и мысли союзные слова выступают во всем разнообразии, например: *Очнувшись, Левин стал **соображать**, **сколько** скошено, **сколько** еще можно сделать нынче* (Л. Толстой); *Она совсем **забыла**, **куда** и **зачем** она ехала, и только с большим усилием могла понять вопрос* (Л. Толстой); *Мне хотелось **видеть**, **как** она выпутается из этого затруднительного положения* (М. Лермонтов); *Но я совсем **не знал**, **где** он живет, **где** работает и **как** примет меня* (А. Гайдар).

По словам Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой, придаточные изъяснительные, присоединяемые к глаголам речи при помощи союзных слов, «раскрывают или называют тему речи, не передавая ее содержания», тогда как придаточные изъяснительные, присоединяемые союзом *что*, являются способом выражения содержания речи[1].

Не во всех случаях придаточное изъяснительное, вводимое союзными словами, имеет косвенно-вопросительное значение. В предложении типа *И лишь потом он* (*Гаврилов*) *убедился, какими пророческими были слова Карбышева...* (С. Смирнов) придаточная часть соотносится не с вопросительным, а с восклицательным предложением эмоционально-оценочного типа[2].

Предложения с союзной частицей *ли* примыкают к предложениям с союзными словами: в них также придаточная часть имеет косвенно-вопросительную семантику и представляет собой трансформированный общий вопрос: *Я **спросил**, не сыщется **ли** перевозчика* (А. Пушкин); *Вот раз приехал Казбич и **спрашивает**, не нужно **ли** баранов и меда...* (М. Лермонтов). Круг опорных слов, к которым при-

---

[1] *Волохина Г. А., Попова З. Д.* «ЧТО-позиция» после глаголов речи // Проблемы современной филологии. — Тверь, 1999. — С. 173—177; *Проселкова М. Е.* Изъяснительно-относительные сложноподчиненные предложения с приглагольной придаточной частью в современном русском языке. АКД. — М., 1971. — С. 13.

[2] *Проселкова М. Е.* Изъяснительно-относительные сложноподчиненные предложения с приглагольной придаточной частью... — С. 12.

соединяется придаточное изъяснительное при помощи *ли*, мало чем отличается от круга опорных слов, к которым придаточное изъяснительное присоединяется при помощи союзных слов. Однако есть и некоторые отличия: глаголы *надеяться*, *бояться*, *сомневаться*, *усомниться* присоединяют придаточное при помощи *ли* и не способны присоединять придаточное при помощи союзных слов; при глаголах *беспокоить*(*ся*), *волновать*(*ся*), *тревожить*(*ся*), *испугать*(*ся*) более распространено придаточное, вводимое при помощи *ли*, хотя введение придаточного при помощи союзных слов тоже возможно[1].

Чаще всего в качестве опорных слов, к которым присоединяются придаточные изъяснительные, выступают личные глаголы, однако это могут быть и другие части речи: слова категории состояния, краткие прилагательные, существительные. Использование в качестве опорных слов существительных (их круг достаточно широк: *сообщение*, *предположение*, *известие*, *мысль*, *чувство*, *слух*, *страх*, *просьба* и мн. др.) вызывает трудности при определении типа придаточной части, так как отглагольные существительные, выступающие в качестве опорных слов, имеют синкретичную природу: будучи существительными, они могут присоединять придаточное присубстантивное, а являясь грамматическими дериватами глаголов речи, мысли, чувства, волеизъявления, могут распространяться придаточным изъяснительным.

В том случае, если отвлеченное существительное распространяется придаточным изъяснительным, главная часть может быть преобразована путем замены девербатива глаголом: *Он явился* ***с известием***, *что лошади готовы* (А. Пушкин) — *Он явился* ***и сообщил***, *что...*; *...Я едва не упала без памяти* ***при мысли***, *что ты нынче должен драться и что я этому причиной...* (М. Лермонтов) — *Я едва не упала без памяти*, ***когда подумала***, *что...* Ср. примеры с теми же словами, присоединяющими к себе придаточное присубстантивное: *Получив письмо от генерала*, *он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну*, *сказав ей*, *будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные* ***известия***, *которые содержит в великой тайне* (А. Пушкин); *Наказание*, *коему ты подвергся*, *тяжко*, *но вполне тобою заслужено — такова первая и самая главная* ***мысль***, *которая отныне всегда должна тебе в твоей новой жизни сопутствовать* (М. Салтыков-Щедрин). Вместе с тем стоит отметить, что в любом случае придаточное изъяснительное, присоединяемое к существительному, приобретает дополнительный определительный оттенок. В дифференциации придаточных изъяснительных и определительных играет свою роль и средство связи: первые присоединяются к отглагольным существительным при помощи союзов, вторые — при помощи союзных слов.

---

[1] *Проселкова М. Е.* Изъяснительно-относительные сложноподчиненные предложения... — С. 14.

Предложения с придаточным изъяснительным относятся к предложениям гибкой структуры, хотя их гибкость носит скорее потенциальный характер, поскольку препозитивное придаточное крайне редко встречается, а в литературном языке является отражением разговорной речи: *Что волки жадны, — всякий знает* (И. Крылов).

Сложноподчиненные предложения с прикомпаративным придаточным. Придаточное прикомпаративное выступает в качестве описательного объекта сравнения при сравнительной степени наречия, категории состояния, прилагательного. Сравнительная форма требует обязательного указания на объект сравнения, который может быть выражен родительным падежом имени или придаточным предложением; связь между прикомпаративным придаточным и главной частью носит сильный характер; средства связи — союзы *чем*, *нежели*. Примеры придаточного прикомпаративного редки: *Уж не оттого ли, что в нем больше правды,* ***нежели*** *бы вы того желали?* (М. Лермонтов); *Она воображала его лучше,* ***чем*** *он был в действительности* (Л. Толстой); *Но в этот вечер оказалось, что знакомство у них все-таки гораздо обширнее,* ***чем*** *я предполагал* (Н. Лесков).

Сложноподчиненные предложения с придаточным местоименно-соотносительным. Местоименно-соотносительное придаточное поясняет указательные и определительные местоимения и местоименные наречия, содержащиеся в главной части. Основа связи — синсемантичность местоимений и местоименных наречий, требующая обязательной конкретизации в контексте: «...принцип организации местоименно-соотносительных предложений состоит в том, что указательное местоимение в составе главной части намечает синтаксическое место для описательного обозначения, содержащегося в придаточной части, и таким образом синсемантическое соотносительное слово главной части наполняется конкретным содержанием»[1]. Иными словами, придаточная часть уточняет, конкретизирует денотативное содержание местоименных слов главной части. В зависимости от средств связи между частями сложного предложения выделяют две разновидности придаточных: а) местоименно-соотносительные придаточные относительного типа и б) местоименно-соотносительные придаточные союзного типа[2].

---

[1] *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. — С. 122.

[2] Там же. — С. 125. (Подобного деления придерживаются С. Е. Крючков и Л. Ю. Максимов. См.: *Крючков С. Е.*, *Максимов Л. Ю.* К вопросу о типологии сложноподчиненных предложений // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. — 1960. — № 148. — С. 174—195). Позже В. А. Белошапкова предложила иное деление местоименно-союзных предложений: 1) отождествительные; 2) фразеологического типа; 3) вмещающие (См.: *Белошапкова В. А.* Синтаксис // Современный русский язык. — 2-е изд. — М., 1989. — С. 758—763). Вряд ли это деление удобнее первой классификации.

О т н о с и т е л ь н ы й т и п. Организация предложений данного типа происходит путем соотнесения указательных и определительных местоимений и местоименных наречий главной части с относительными местоимениями и местоименными наречиями придаточной части: *тот/всякий/каждый/всё — кто*, *то/все — что*, *такой — какой*, *таков — каков*, *так — как*, *столько — сколько*, *настолько — насколько*, *там/везде/здесь/туда/оттуда — где/куда/откуда*, *тогда/всегда — когда*. Например: ***Кто*** *бывал в моем положении*, ***тот*** *и без того меня поймет*, — ***кто*** *не бывал*, ***о том*** *только могу пожалеть и советовать пока еще время не ушло*, *влюбиться и получить от родителей благословение* (А. Пушкин); *Напившись и закусив шматком сала*, *я поднялся и направился* ***туда***, ***где*** *возле пленника толпилась кучка красноармейцев* (А. Гайдар); *Однако речка оказалась совсем не* ***так*** *близко*, ***как*** *мне казалось...* (А. Гайдар); *Между тем даже пыльную петербургскую улицу он видит лишь* ***тогда***, ***когда*** *хозяин посылает его с товаром к заказчику...* (В. Вересаев).

Местоименно-сотносительные предложения относительного типа обладают гибкой структурой, однако для придаточного препозиция является нехарактерной.

С о ю з н ы й т и п. Отличие местоименно-соотносительных предложений этого типа состоит в его переходном характере от нерасчлененных сложноподчиненных предложений к расчлененным. С одной стороны, придаточная часть относится к местоимению или местоименному наречию главной части, но, с другой стороны, использование в качестве связочных средств союзов *что*, *чтобы*, *будто*, *как будто*, *словно*, *точно* осложняет отношения между частями дополнительной семантикой цели, следствия, ирреального сравнения[1]. Эти союзы нельзя считать в полной мере асемантичными в данных предложениях. Например: *Вопрос мошенника и его дерзость показались мне* ***так*** *забавны*, ***что*** *я не мог не усмехнуться* (А. Пушкин); *Какая-то невидимая сила рванула из рук и расщепила приклад моей винтовки с* ***такой*** *яростью*, ***что*** *я едва устоял на ногах* (А. Гайдар); *Петр Петрович оказался* ***настолько*** *умен*, ***чтобы*** *тотчас же объяснению поверить* (Ф. Достоевский); *...Она теперь*, *в своем сложном тюлевом платье на розовом чехле*, *вступала на бал* ***так*** *свободно и просто*, ***как будто*** *все эти розетки*, *кружева*, *все подробности туалета не стоили ей и ее домашним ни минуты внимания*, ***как будто*** *она родилась в этом тюле*, *кружевах*, *с этою высокою прической*, *с розой и двумя листками наверху ее* (Л. Толстой).

Периферийный характер имеют предложения союзного типа, в которых в качестве опорного слова выступает местоимение *то*,

---

[1] *Ильенко С. Г.*, *Стельмашук А.* О проблеме классификации нерасчлененных сложноподчиненных предложений (изъяснительные и вмещающие местоименно-соотносительные) // Лингвистический семинар. — Вып. 2. — СПб.; Бирск, 2001. — С. 70.

а в качестве связующего средства — союзы *что*, *чтобы*: *Учение кончилось* ***тем***, ***что*** *незнакомец вытер со лба пот и вышел* (А. Чехов). Местоимение *то* в подобных случаях грамматикализуется, т. е. выступает в качестве дополнительного средства связи частей предложения. В. А. Белошапкова считает подобные предложения местоименно-соотносительными вмещающего типа. Не меньше оснований относить такие предложения к сложноподчиненным предложениям с придаточным изъяснительным, как это делают И. П. Распопов, В. И. Красных, В. Б. Павлюкович, И. Н. Кручинина и ряд других исследователей. Следует отметить, что предложения с опорным местоимением *то* достаточно неоднородны: в одних предложениях местоимение *то* является обязательным, в других оно факультативно.

Ряд глаголов (*обидеть*, *оскорбить*, *удивить*, *выручить*, *вредить*, *благодарить*, *любить*, *упрекать* и проч.), кратких прилагательных (*близок*, *дорог*, *вреден*, *знаменит*, *опасен*, *плох*, *полезен* и проч.), страдательных причастий (*взволнован*, *вызван*, *занят*, *обижен*, *обязан*, *продиктован* и проч.) могут присоединять к себе придаточную часть только при посредстве местоименного коррелята. Например: *Он* (Липат) *очень* ***дорожит тем***, *что его считают не простым человеком* (И. Бунин); *Эти места* ***хороши тем***, *что непроходимые леса подходят к самому океану* (К. Паустовский); *Старики говорят*, *что чернота* ***вызвана тем***, *что дно озер устлано толстым слоем опавших листьев* (К. Паустовский)[1].

В других случаях употребление коррелята носит факультативный характер: *Брат вспомнил*, *что вечером к нам придут гости*. — *Брат вспомнил о том*, *что вечером к нам придут гости*. Впрочем, «эта факультативность оказывается в некоторых случаях мнимой», так как наличие коррелята может быть вызвано необходимостью логического выделения придаточной части, а также стилистическими причинами (книжным характером речи)[2]. Г. Ф. Гаврилова и И. И. Радченко отмечают у факультативного коррелята функцию маркера актуального членения: «...присутствие его свидетельствует о том, что главная часть является темой, а придаточное — ремой»[3].

С. Г. Ильенко и А. Стельмашук считают, что необходимо четко различать эти два случая: предложения с факультативным коррелятом следует рассматривать среди собственно изъяснительных предложений, тогда как предложения с обязательным коррелятом

---

[1] *Красных В. И.* Об употреблении указательных слов в изъяснительно-союзных сложноподчиненных предложениях // Русский язык в школе. — 2000. — № 4. — С. 80—81.

[2] Там же. — С. 82.

[3] *Гаврилова Г. Ф.*, *Радченко И. И.* Местоименные слова в роли связующих средств сложноподчиненного предложения // Проблемы современной филологии. — Тверь, 1999. — С. 188.

необходимо выделить в отдельную разновидность одночленных сложноподчиненных предложений под именем «изъяснительно-конкретизирующих» предложений. В предложениях с факультативным коррелятом контактное слово характеризуется обычно информативной недостаточностью, а в предложениях с обязательным коррелятом оно информативно самодостаточно. В предложениях с обязательным коррелятом смысловые отношения между его частями часто включают элемент причинной обусловленности или способа достижения результата, что не характерно для предложений с факультативным коррелятом[1].

Местоименно-соотносительные предложения союзного типа относятся к негибким структурам — придаточная часть может стоять в пост- или интерпозиции, но не употребляется в препозиции.

Расчлененные сложноподчиненные предложения

Среди расчлененных сложноподчиненных предложенй выделяют следующие разновидности: 1) сложноподчиненные предложения с придаточным временным; 2) сложноподчиненные предложения с придаточным сравнительным; 3) сложноподчиненные предложения с придаточным соответствия; 4) сложноподчиненные предложения с придаточным обусловленности; 5) сложноподчиненные предложения с придаточным присоединительным.

Сложноподчиненные предложения с придаточным временным. В данном типе сложноподчиненных предложений передается временное соотношение между двумя ситуациями, выраженными в главной и придаточной частях: действие главной части может либо а) совпадать во времени с действием придаточной части, либо б) следовать за действием придаточной части, либо в) предшествовать ей. Время предиката придаточной части определяется относительно времени предиката главной части (относительное время, или таксис). В выражении временных отношений участвуют такие средства, как семантические союзы, соотношение видо-временных форм сказуемых частей и лексические средства, имеющие временную семантику.

Например:

а) *Но Савельича мудрено было унять*, ***когда*** *бывало примется за проповедь* (А. Пушкин); ***Пока*** *княгиня Бетси наливала ей чай*, *Вронский подошел к Анне* (Л. Толстой); ***Покуда*** *все это происходило*, *виновник кутерьмы*, *Степка-балбес*, *уж подвигался из Москвы по направлению к Головлеву* (М. Салтыков-Щедрин).

---

[1] *Ильенко С. Г.*, *Стельмашук А.* О проблеме классификации нерасчлененных сложноподчиненных предложений (изъяснительные и вмещающие местоименно-соотносительные). — С. 70—76.

б) *И **как только** она сказала это, выражение лица ее вдруг смягчилось* (Л. Толстой); ***Едва** успел я накинуть бурку, **как** повалил снег* (М. Лермонтов).

в) *Мы стали рассуждать о нашем положении, **как вдруг** Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным* (А. Пушкин); *Еще **прежде чем** он прочел письмо, он уже знал его содержание* (Л. Толстой).

Предложения с придаточным временным относятся к гибким структурам — придаточная часть может занимать любую позицию относительно главной части.

Сложноподчиненные предложения с придаточным сравнительным. В предложениях этого типа действие главной части поясняется путем сравнения с действием придаточной части. Сравнительное придаточное присоединяется к главной части при помощи семантических союзов *как* (используется для выражения реального сравнения), *будто*, *словно*, *как будто*, *как если бы* (последние оформляют ирреальное сравнение), например: *Он сидел, **как** сидит бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала* (М. Лермонтов); *Она чувствовала внутренний жар, **как будто** в груди у ней лежало раскаленное железо* (М. Лермонтов); *Мне казалось, в этом грубом завладении было что-то нечистое, **словно** я обкрадывал покойника* (А. Герцен); *— Вам нужно мертвых душ? — спросил Собакевич очень просто, без малейшего удивления, **как бы** речь шла о хлебе* (Н. Гоголь).

Помимо того что сравнительные союзы различаются в зависимости от того, какое сравнение — реальное или ирреальное — они выражают, они различаются еще и тем, что указывают на разную степень близости сравниваемых ситуаций. Так, союзы *словно*, *точно* имеют отождествительный оттенок и указывают на близость сравниваемых ситуаций, в то время как союзы *будто*, *как будто* указывают на приблизительность сравнения, на его метафорический характер. Для сравнительного союза *как если бы* характерен условный оттенок, поэтому присоединяемое этим союзом придаточное имеет оттенок предположения: *Морщинихина все сильней охватывала нарастающая сонливость, **как если бы** усыпляли перед операцией* (Л. Леонов).

Предложения с придаточным сравнительным относятся к гибким структурам; следует, однако, отметить, что препозиция для придаточной части не характерна, что связано с общим поясняющим характером придаточного.

Сложноподчиненные предложения с придаточным соответствия. В предложениях этого типа происходит сопоставление действий главной и придаточной частей. В оформлении сложного предложения используются союзы *чем... тем*, *по мере того как*. Данные конструкции близки к сложносочиненным предложениям с сопоставительными отношениями. В отличие от других типов сложно-

подчиненного предложения в них не прослеживается четкая зависимость придаточной части от главной, в частности, это проявляется в том, что для главной и придаточной частей характерен структурный параллелизм, что указывает на достаточно независимое положение придаточного соответствия, например: *Но* ***чем*** *дальше на площадь вылезал черный Левиафан*, ***тем*** *более было флагов...* (М. Горький); *Вообще*, ***чем*** *меньше страстности в финансовых делах*, *беспокойствия и тревоги*, ***тем*** *они легче удаются* (А. Герцен); ***Чем*** *больше она узнавала Вронского*, ***тем*** *больше она любила его* (А. Толстой). Для предложений с союзом *чем... тем* характерно наличие компаратива в обеих частях.

Значительно реже встречаются предложения с союзом *по мере того как*: ***По мере того как*** *он подъезжал*, *ему открывались шедшие друг за другом растянутою вереницей и различно махавшие косами мужики*, *кто в кафтанах*, *кто в одних рубахах* (Л. Толстой). Союз *по мере того как* часто осложняется временным компонентом.

Особенностью предложений соответствия является возможность употребления однородных главных частей при придаточном, например: ***Чем*** *дальше он говорил*, ***тем*** *больше у него разгорались глаза*, ***тем*** *поспешнее он возражал мнимым противникам и* ***тем*** *тревожнее и оскорбленнее становилось выражение его лица* (Л. Толстой). Эта черта также свидетельствует об асимметрии формального и семантического строения данного типа сложноподчиненных предложений.

Хотя предложения соответствия имеют гибкую структуру, однако в подавляющем большинстве случаев придаточная часть находится в препозиции к главной.

Сложноподчиненные предложения с придаточным обусловленности. Между придаточной и главной частью предложений этого типа существуют различные отношения обусловленности — причинно-следственные, условно-следственные, целевые. Исходя из этого выделяют следующие разновидности предложений с придаточными обусловленности: а) предложения с придаточными условными; б) предложения с придаточными причины, в) предложения с придаточными уступки; г) предложения с придаточными цели; д) предложения с придаточными следствия.

Сложноподчиненные предложения с придаточным условным. Придаточное условное описывает ситуацию, при которой возможно осуществление ситуации главной части. Связующими средствами выступают семантические союзы *если*, *ежели*, *коли*, *коль скоро*, *раз*, *как*, *когда*, *если бы*, *ежели бы*, *когда бы*, *буде*. В случае препозиции придаточной части в главной части может факультативно употребляться коррелят *то*/*так* (реже *стало быть*, *значит*, *следовательно*). Придаточное условное может выражать реальное условие (используются союзы без частицы *бы*) либо гипотетическое условие (оформляется с помощью союзов с частицей *бы* и союза *кабы*).

Предложения с реальным условием:

Коли *найдется добрый человек*, *дай бог вам любовь да совет* (А. Пушкин); *Угадывалось*, *что он сопровождает остальных для куража*, *в качестве искреннего друга и*, ***буде*** *окажется надобность*, *для поддержки* (Ф. Достоевский); ***Коли*** *он живет*, ***стало быть***, *все в его власти!* (Ф. Достоевский).

Предложения с гипотетическим условием:

Ежели бы *я был твоим начальником*, *я бы тебя повесил на первом дереве* (Н. Гоголь); ***Если бы*** *паче всякого чаяния матушка родила дочь*, ***то*** *батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта и дело тем бы и кончилось* (А. Пушкин); — ***Кабы*** *я была царица*, — *третья молвила девица*, — *я б для батюшки-царя родила богатыря* (А. Пушкин).

Из употребляющихся условных союзов наиболее нейтральным является союз *если*, остальные союзы имеют различную стилистическую окраску: союзы *ежели*, *буде*, *коль скоро* — архаическую, союзы *раз*, *когда*, *коли* — разговорную окраску.

Помимо выражения собственно-условного значения, предложения с условными союзами могут приобретать ряд других смысловых оттенков, в частности причинный и уступительный оттенок. Развитие добавочных смысловых компонентов в условном предложении связано с изменением модальных характеристик придаточной части. Собственно-условное значение реализуется только при наличии выбора, поэтому предикаты главной и придаточной частей должны иметь форму либо будущего времени, либо сослагательного наклонения, либо инфинитива.

Если предикат придаточной части стоит в форме настоящего или прошедшего времени, то семантика альтернативности приглушается, а семантика обусловленности усиливается, в результате чего развивается причинное, временное, сопоставительное значение; например: *Впрочем*, ***если*** *вас так мучит любопытство*, *пошлите кого-нибудь в комендантскую канцелярию заглянуть в список приезжающих* (Бестужев-Марлинский) — причинное значение; *Он же человек обидчивый и недоволен*, ***если*** *о нем изъясняются неуважительно* (Н. Гоголь) — временное значение; ***Если*** *Людмила носила на пляж фруктовую сумку*, ***то*** *ее мать*, *наоборот*, *шла за хлебом с пляжной сумкой* (В. Липатов) — сопоставительное значение[1].

Причинный оттенок часто подчеркивается введением в придаточную часть усилительной частицы *уж*: ***Уж*** *коли я говорю*, *что терпенья не хватает*, — *значит скоро ему конец* (А. Островский), а уступительный оттенок — введением частиц *и*, *же*, *даже*: *Если она* ***и*** *любит*, *то порядочная женщина этого не скажет* (М. Лермонтов).

---

[1] *Беднарская Л.Д.* О проблеме переходности в системе сложноподчиненного условного предложения // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. — Вып. 7. — М.; Ставрополь, 2001. — С. 249—251.

Конструкции с условными союзами могут также использоваться для выражения отношений, близких к изъяснительным (в этом случае главная часть выражает положительную или отрицательную модальную или эмоциональную оценку), например: ***Хорошо***, ***если*** *он до пролива добрался* (Ажаев); ***Коли бы*** *наш брат курить стал*, ***беда*** (Л. Толстой)[1].

Предложения с придаточными условия относятся к гибким структурам, но чаще придаточная часть предшествует главной.

Сложноподчиненные предложения с придаточным причины. Придаточное причины описывает ситуацию, которая является причиной, обоснованием ситуации, описываемой в главной части. Связующими средствами выступают семантические союзы *так как*, *потому что*, *поскольку*, *оттого что*, *из-за того что*, *благодаря тому что*, *в силу того что*, *затем что*, *ибо*, *благо* и др. Число составных причинных союзов неуклонно возрастает в течение последних нескольких веков. Например: *Переваливаясь*, *отправляется он на сенник и на этот раз*, ***так как*** *желудок у него обременен*, *засыпает богатырским сном* (М. Салтыков-Щедрин); *Я был счастлив в ту ночь*, ***потому что*** *ночным катером приезжала она* (Ю. Казаков); *Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая*, ***ибо*** *со мной был чугунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу* (М. Лермонтов); *Ехали бы на теплые воды*, ***благо*** *собрались* (Л. Толстой); *Прошу взять его в скобки*, ***поскольку*** *я строго придерживаюсь фактов* (Д. Гранин); ***Оттого что*** *Ваня Праздников с непривычки наволновался и вообще ему тяжело дались последние часы жизни*, *он проспал до глубокой ночи...* (К. Паустовский).

Союз *так как*, употребляясь в препозитивном придаточном, может иметь местоименный коррелят *то* в главной части: *Но* ***так как*** *Арина Петровна с детства почти безвыездно жила в деревне*, ***то*** *эта бедная природа не только не казалась ей унылою*, *но даже говорила ее сердцу и пробуждала остатки чувств*, *которые в ней теплились* (М. Салтыков-Щедрин).

Большинство составных причинных союзов имеют книжную окраску, употребляясь в официально-деловом, научном и публицистическом стилях (*из-за того что*, *благодаря тому что*, *в силу того что* и др.). Союз *ибо* имеет архаический оттенок и в современном русском языке редок. Союз *благо* помимо собственно причинного значения имеет присоединительный оттенок (поэтому придаточное с этим союзом всегда постпозитивно). Сложноподчиненные предложения с придаточным причины относятся к гибким структурам, исключение составляют предложения с союзами *потому что*, *ибо*, *благо*.

---

[1] *Рогожникова Р. П.* Условные придаточные предложения в современном русском языке (конструкции с союзами *если*, *ежели*, *коли*, *раз*). АКД. — М., 1952. — С. 6—10.

Сложноподчиненные предложения с придаточным уступки. Придаточное уступки содержит описание ситуации, вопреки которой происходит событие главной части. Придаточное уступки присоединяется к главной части при помощи семантических союзов *хотя*, *несмотря на то что*, *невзирая на то что*, *пускай*, *пусть*, *даром что*. Например: *Мне нравились его стихи*, ***хотя*** *они были написаны по моде того времени немножко под Северянина* (В. Катаев); ***Несмотря на то что*** *политические мечты занимали меня день и ночь*, *понятия мои не отличались особенной проницательностью...* (А. Герцен); ***Пусть*** *он ошибается*, *такая ошибка в сто раз прекрасней трусливой осторожности посредственностей* (Д. Гранин); *Ему трудно дается новое*, ***даром что*** *он бросается на него* (А. Герцен).

Уступка, представляя собой «несработавшую» причину, «антипричину», имеет в своей семантике противительный компонент («обманутое ожидание»), поэтому уступительные союзы часто контаминируются с противительными союзами (если придаточное уступки находится в препозиции), например: ***И хотя*** *весна еще не явилась*, ***но*** *ее вечное присутствие в мире было несомненно* (В. Катаев).

Кроме семантических союзов в оформлении уступительных отношений принимают участие местоименные слова *как*, *какой*, *кто*, *где*, *куда*, *сколько* и др. в сочетании с частицей *ни*. Данный тип придаточного уступительного характеризуется усилительным оттенком. Например: ***Как ни*** *заурядна была его наружность*, *но во всем*, *даже в манере держать нагайку*, *чувствовалось сознание силы и привычной власти над степью* (А. Чехов); ***Куда ни*** *взглянешь*, *всюду мухи*, *мухи*, *мухи...* (А. Чехов); ***И сколько*** *бы* ***ни*** *внушали княгине*, *что в наше время молодые люди сами должны устраивать свою судьбу*, *она не могла верить этому...* (Л. Толстой). Квалификация сочетаний типа *как ни*, *сколько ни* остается спорной: одни лингвисты считают их союзными словами, другие — союзами[1].

Сложноподчиненные предложения с придаточным уступки относятся к гибким структурам: придаточное может занимать любое место в предложении. Вместе с тем положение придаточного относительно главной части может вносить дополнительные смысловые оттенки в отношения между частями. Постпозитивное при-

[1] Даже одни и те же лингвисты их характеризуют по-разному: в учебнике С. Е. Крючкова и Л. Ю. Максимова *как ни*, *сколько ни* называются союзными словами (*Крючков С. Е.*, *Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. — 2-е. изд. — М., 1977. — С. 119), а в учебнике О. А. Крыловой, Л. Ю. Максимова, Е. Н. Ширяева — О. А Крыловой и Л. Ю. Максимовым определяются как союзы (*Крылова О. А.*, *Максимов Л. Ю.*, *Ширяев Е. Н.* Современный русский язык: Теоретический курс. — Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация. — М., 1997. — С. 212). Союзными словами сочетания *как* (*бы*) *ни*, *какой* (*бы*) *ни*, *сколько* (*бы*) *ни* и проч. считает А. К. Федоров (*Федоров А. К.* Семантико-структурная классификация сложноподчиненных и придаточных предложений. — С. 76).

даточное имеет часто оттенок присоединения, попутного замечания: *С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет*, ***хотя*** *после я готов был дать ему тридцать* (М. Лермонтов); в интерпозиции придаточное уступки сближается с вводно-вставными конструкциями и в некоторых случаях даже может оформляться как вставка: *С тех пор боязнь пустыни* (***хотя*** *я ее еще и не видел*) *приобрела у меня навязчивый характер* (К. Паустовский).

Сложноподчиненные предложения с придаточным цели. Придаточное цели указывает на цель того, о чем сообщается в главной части. Средства связи — союзы *чтобы*, *для того чтобы*, *с тем чтобы*, *затем чтобы*, а также частицы *только*, *лишь* в сочетании с частицей *бы*, например: ***Чтобы*** *отвязаться от тяжелых грез*, *Егорушка открыл глаза и стал смотреть на огонь* (А. Чехов); ***Для того чтобы*** *кое-что сделать в искусстве*, *титаническое здоровье надо иметь* (Ю. Бондарев); *Я старался казаться веселым и равнодушным*, ***дабы*** *не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов* (А. Пушкин); *Мое единственное занятие — делать людям маленькие подарки и совершать легкомысленные поступки*, ***лишь бы*** *они радовали моих ближних* (К. Паустовский); *Я на все готова*, ***только бы*** *мама выздоровела* (К. Паустовский).

Глагол, входящий в предикативное ядро придаточной части, может иметь лишь две формы — инфинитива, если субъектом действия главной и придаточной частей является одно и то же лицо, или сослагательного наклонения, если субъекты действия главной и придаточной частей не совпадают.

Целевые союзы различаются сферой употребления: наиболее нейтрален союз *чтобы*, союзы *с тем чтобы*, *для того чтобы*, *затем чтобы* употребляются главным образом в книжной речи, союз *дабы* имеет архаический оттенок и употребляется в книжной речи. Союзные частицы *только бы*, *лишь бы* имеют присоединительный характер и подчеркивают усиленное стремление к цели.

В целом сложноподчиненные предложения с придаточным цели относятся к гибким структурам. Для придаточных, присоединяемых при помощи *только бы*, *лишь бы* характерна постпозиция.

Сложноподчиненные предложения с придаточным следствия. Придаточное следствия описывает следствие, вытекающие из содержания главной части. Единственным связующим средством между частями предложения является семантический союз *так что*, например: *У Константина же Левина никакого определенного и неизменного понятия не было*, ***так что*** *в этих спорах Константин всегда был уличаем в противоречии самому себе...* (Л. Толстой); *Фомка не только изорвал новые брюки Володи*, *но пребольно его укусил*, ***так что*** *он с неделю прихрамывал* (И. Эренбург).

Придаточное следствия имеет присоединительный оттенок, так как главная часть структурно и семантически завершена и не пред-

полагает обязательного распространения, в результате чего возможна парцелляция (вынесение придаточного в отдельную фразу) данного типа сложноподчиненных предложений. Предложения с придаточным следствия — негибкие структуры: придаточное, выражающее следствие, всегда постпозитивно относительно главной части.

Сложноподчиненные предложения с придаточным присоединительным. Придаточное присоединительное выражает добавочные сведения относительно главной части, которая, в свою очередь, представляет собой законченное — по форме и смыслу — сообщение. В отличие от остальных типов расчлененных сложноподчиненных предложений средствами связи частей в нем служат союзные слова — относительные местоимения или местоименные наречия — с вмещающим значением, т.е. местоимения или местоименные наречия замещают содержание всей главной части или группы его членов. Чаще всего в качестве средства связи употребляется местоимение *что* в различных падежных и предложно-падежных формах, реже — местоименные наречия *отчего*, *зачем*, *почему*, *где*, *куда*, *откуда*, *когда*. Например: *Посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих*, ***что*** *было уже ни на что не похоже*, *по выражению дам* (Н.Гоголь); *Вы себялюбивы до... сумасшествия*, ***чему*** *доказательством служат и ваши письма ко мне* (Ф.Достоевский); *Вообще целую неделю она продолжала находиться в довольно ясном настроении духа*, ***чего*** *давно уже не было* (Ф.Достоевский); *Одет он был в короткий*, *очень поношенный пиджак*, *с закругленными фалдами и с короткими рукавами*, *и в короткие триковые брючки*, ***отчего*** *сам казался коротким и кургузым*, *как ощипанная птица* (А.Чехов).

Сложноподчиненные предложения с присоединительным придаточным относятся к негибким структурам: придаточная часть обычно находится в постпозиции, значительно реже — в интерпозиции, но никогда в препозиции к главной части.

Историческая справка. Сложноподчиненное предложение в исторический период претерпело существенные изменения в связи с общим процессом развития подчинительных (гипотактических) отношений на всех уровнях русского языка. В древнерусском языке между препозитивным придаточным и главной частью мог стоять сочинительный союз, что указывает на структурную неоформленность сложноподчиненного предложения и на нечеткость противопоставления сочинения и подчинения в древнерусском языке: *... Яко приведу к тобе Ярополка*, *и пристрой убити и* (Повесть временных лет). Это явление в некоторых видах сложноподчиненного предложения встречалось вплоть до XVII в.

Нечетким было не только противопоставление сочинительных и подчинительных отношений в структуре сложного предложения, но и противопоставление разных видов сложноподчиненного предложения. На это указывает возможность использования одного и того же союзного сред-

Таблица 13

Сопоставление структурно-семантической и логико-грамматической классификаций сложноподчиненного предложения

Структурно-семантическая классификация	Примеры	Логико-грамматическая классификация[1]
Придаточное присубстантивное	*Есть люди, с* ***которыми*** *непременно должно согласиться* (М. Лермонтов)	Придаточное определительное
Придаточное изъяснительное	*Степан Аркадьич понял,* ***что*** *Матвей хотел пошутить и обратить на себя внимание* (Л. Толстой)	Придаточное дополнительное
	Хорошо, ***что*** *он не видел ее лица* (Д. Гранин)	Придаточное подлежащное
Придаточное прикомпаративное	*И старый кот Васька был к нему, кажется, ласковее,* ***нежели*** *к кому-нибудь в доме* (И. Гончаров)	Придаточное сказуемное
	Она воображала его лучше, ***чем*** *он был в действительности* (Л. Толстой)	Придаточное определительное
	Давно не слышанный этот звук еще радостнее и возбудительнее подействовал на Ростова, ***чем*** *прежние звуки стрельбы* (Л. Толстой)	Придаточное обстоятельственное (образа действия)
Придаточное местоименно-соотносительное	***Кто*** *ошибается, любя, тот всех способней с любовью ж поправлять сам ошибки* (Н. Лесков)	Придаточное подлежащное

[1] В основу положена логико-грамматическая классификация Ф. И. Буслаева. Знаком (*) отмечены типы придаточных, отсутствующие в классификации Ф. И. Буслаева, но введенные в более поздних грамматических трудах: АГ-54 (Т. II. — Ч. 2. — С. 268—350) и *Руднев А. Г.* Синтаксис современного русского языка. — М., 1968. — С. 254—278.

Окончание табл. 13

Структурно-семантическая классификация	Примеры	Логико-грамматическая классификация
Придаточное местоименно-соотносительное	*Корабль был такой,* ***что*** *одним залпом сделал бы из города чистую пыль* (К. Паустовский)	*Придаточное сказуемное (сказуемостное)
	Учение кончилось тем, ***что*** *незнакомец вытер со лба пот и вышел* (А. Чехов)	Придаточное дополнительное
	Какая-то невидимая сила рванула из рук и расщепила приклад моей винтовки с такой яростью, ***что*** *я едва устоял на ногах* (А. Гайдар)	Придаточное определительное
	Однако речка оказалась совсем не так близко, ***как*** *мне казалось...* (А. Гайдар)	Придаточное обстоятельственное (степени)
	Там, ***где*** *березы редели и алели на солнце, крутой обрыв валился в реку, и на песчаной отмели тихо всплескивала широкая спокойная река* (М. Арцыбашев)	Придаточное обстоятельственное (места)
	Евпраксеюшка пришла домой уж тогда, ***когда*** *стемнело...* (М. Салтыков-Щедрин)	Придаточное обстоятельственное (времени)
Придаточное временное	***Едва*** *успел я накинуть бурку, как повалил снег* (М. Лермонтов)	Придаточное обстоятельственное (времени)
Придаточное сравнительное	*Она чувствовала внутренний жар, как* ***будто*** *в груди у ней лежало раскаленное железо* (М. Лермонтов)	Придаточное сравнительное
Придаточное соответствия	***Чем*** *больше она узнавала Вронского,* ***тем*** *больше она любила его* (Л. Толстой)	*Придаточное сопоставительное

Придаточное обусловленности	Придаточное условное	***Ежели бы*** *я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве* (Н. Гоголь)	Придаточное условное
	Придаточное причины	*Лес был не дикий,* ***так как*** *торчали пни срубленных деревьев* (А. Гайдар)	Придаточное обстоятельственное (причины)
	Придаточное уступки	***Хотя*** *все вокруг было осмотрено, я принялся снова обыскивать поляну* (А. Богомолов)	Придаточное уступительное
	Придаточное цели	*Я старался казаться веселым и равнодушным,* ***дабы*** *не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов* (А. Пушкин)	Придаточное цели
	Придаточное следствия	*Фомка не только изорвал новые брюки Володи, но пребольно его укусил,* ***так что*** *он с неделю прихрамывал* (И. Эренбург)	*Придаточное следствия
Придаточное присоединительное		*Посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих,* ***что*** *было уже ни на что не похоже, по выражению дам* (Н. Гоголь)	*Придаточное подчинительно-присоединительное (придаточное приложение)

ства для присоединения разных видов придаточного. Например, союз *яко* мог употребляться для присоединения придаточного изъяснительного, причины, сравнения, цели, времени; например: *...яко же Ярославъ судилъ*, *тако же и сынове его уставиша* (Русская правда); *Ведеху бо*, *яко сами убили князя* (Лаврентьевская летопись).

Постепенно многозначность союзов утрачивалась, специализации в выражении определенного значения способствовало увеличение числа подчинительных союзов, начавшееся в русском языке в XVI в. и продолжающееся до сих пор. Образование подчинительных союзов происходило на основе указательных и относительных местоимений и местоименных наречий (*потому что*, *так как*, *поскольку* и т. д.), позднее за счет вовлечения существительных абстрактной семантики (*до тех пор пока*, *во время того как*, *в силу того что* и т. д.). Изменения в системе союзных средств были связаны и с выходом из употребления ряда слов (*яко*, *оже*, *еже*, *иже*, *аще*, *егда*, *дондеже*, *зане*(*же*), *бо* и некоторых других).

Оформление разных видов придаточных в системе сложноподчиненного предложения происходило не одновременно. Придаточные сравнительное, определительное, изъяснительное, времени рано оформляются как отдельные типы со своей системой связочных средств. Придаточное следствия до XVII в. не имело собственных средств связи, а его более позднее выделение связано с абстрактным характером следственных отношений, которые смогли найти себе адекватное языковое выражение на достаточно высокой ступени развития языка.

Рекомендуемая литература

Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. — М., 1967.

Волохина Г. А., *Попова З. Д.* «ЧТО-позиция» после глаголов речи // Проблемы современной филологии. — Тверь, 1999.

Галактионова И. В. Семантические основания выделения расчлененных и нерасчлененных сложноподчиненных предложений // Синтаксис: изучение и преподавание. — М., 1997.

Гатинская Н. В. Конструктивные различия сложносочиненных и сложноподчиненных предложений // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. — Вып. 1. — М., 2000.

Иванова Е. И. Структурно-семантическая организация сложноподчиненного предложения с изъяснительным значением // Актуальные проблемы русистики. — Барнаул, 2002.

Ильенко С. Г., *Стельмашук А.* О проблеме классификации нерасчлененных сложноподчиненных предложений (изъяснительные и вмещающие местоименно-соотносительные) // Лингвистический семинар. — Вып. 2 — СПб.; Бирск, 2001.

Красных В. И. Об употреблении указательных слов в изъяснительно-союзных сложноподчиненных предложениях // Русский язык в школе. — 2000. — № 4.

Крючков С. Е., *Максимов Л. Ю.* К вопросу о типологии сложноподчиненных предложений // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. — 1960. — № 148. — С. 174—195.

Ломанович С. В. Роль формальных и смысловых признаков в организации сложноподчиненных предложений местоименно-соотносительного типа // Синтаксис: изучение и преподавание. — М., 1997.

Ломов А. М., *Гусман Тирадо Р.* К интерпретации русского сложноподчиненного предложения // Вестник Воронежского государственного университета. — Серия 1: Гуманитарные науки. — 2001. — № 1.

Максимов Л. Ю. К вопросу о типологии присубстантивно-атрибутивных сложноподчиненных предложений // Русский язык в школе. — 1971. — № 2. — С. 94—99.

Осипов Б. И. Еще раз о классификации сложноподчиненных предложений // Семантика. Функционирование. Текст. — Киров, 1999.

Скобликова Е. С. Заметки о разных классификациях сложноподчиненных предложений // Русский язык в школе. — 2001. — № 6. — С. 75—80.

Скобликова Е. С. О категориальном подходе к классификации сложноподчиненных предложений // Системность языковых средств и их функционирование. — Куйбышев, 1999.

Федоров А. К. Семантико-структурная классификация сложноподчиненных и придаточных предложений // Русский язык в школе. — 2002. — № 5. — С. 72—77, 87.

Глава 4
Сложное бессоюзное предложение

§1. Понятие «сложное бессоюзное предложение» и объем синтаксических явлений, подводимых под это понятие

Бессоюзное сложное предложение — это сложное предложение, предикативные части которого связываются не при помощи союзных средств, а по смыслу; формально связь между частями выражается главным образом при помощи интонации. Нерегулярными средствами связи являются:

общий для соединяемых частей зависимый грамматический компонент (обычно это ситуанты со значением места или времени): ***После грозы*** *вдруг стало очень холодно*, *начался сильный северный ветер* (М. Пришвин);

синсемантичные слова, находящиеся в одной из соединяемых частей (как правило, местоимения или местоименные наречия): *Весь город* ***там такой***: *мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет* (Н. Гоголь); ***Одно*** *могло этому помешать*: *мысль*, *что я потребую вторичного поединка* (М. Лермонтов);

слова с незамещенной синтаксической валентностью, находящиеся в одной из частей сложного предложения: ***Подумайте*** *хорошенько*: *поддерживая ваше мнение*, *вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью* (М. Лермонтов); *Заранее* ***предупреждаю***: *удобств на пути не будет* (А. Чехов);

определенное соотношение модально-временных форм сказуемых каждой части: *Щепотки волосков лиса* ***не пожалей — остался б*** *хвост при ней* (И. Крылов)[1].

От союзных сложных предложений бессоюзные предложения отличаются отсутствием союзов и союзных слов в качестве средств связи. Отсутствие союзных средств связи в составе сложного бессоюзного предложения остро ставит вопрос об отграничении бессоюзного предложения от других синтаксических единиц: с одной стороны, от сложносочиненного и сложноподчиненного предложения, а с другой — от соположения простых предложений в тех случаях, когда помимо интонации нет дополнительных формальных средств связи между частями, например: *Было холодно*, *падал мокрый снег* (И. Эренбург); *Горы снова стали голубые*, *запели птицы*, *одуряюще запахло чабрецом* (Д. Гранин). Можно ли такие конструкции относить к бессоюзному сложному предложению, опираясь только на употребление знаков препинания? По сути, вопрос состоит в том, каков должен быть минимальный набор признаков, чтобы предложение признать сложным.

В РГ-80 отражен достаточно радикальный взгляд на сложное бессоюзное предложение (раздел написан И. Н. Кручининой). Термин «сложное бессоюзное предложение» в РГ-80 заменен термином «бессоюзное соединение предложений» на основании узкого подхода к сложному предложению, отличительным признаком которого признается обязательное наличие в его составе союзов или союзных слов.

У лингвистов, признающих существование бессоюзного сложного предложения, взгляды на его границы разнятся. Можно говорить о широком и узком подходе: при широком подходе любые синтаксические конструкции, образованные бессоюзным соединением предикативных частей, признаются бессоюзным предложением.

Однако ряд исследователей исключают из числа бессоюзных предложений бессоюзное объединение предикативных частей (простых предложений), между которыми нет никакой непосредственной логической связи, например: *За холмами глухо прогремел гром*; *подуло свежестью* (А. Чехов), считая, что в данном случае мы имеем дело со «сложными синтаксическими единствами». Предикативные части в таком «сложном синтаксическом единстве», по

---

[1] *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. — М., 1967. — С. 140—143; *Распопов И. П.*, *Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — Воронеж, 1984. — С. 314—315.

мнению Н. С. Поспелова, «относительно самостоятельны и интонационно закончены»[1].

Вместе с тем Н. С. Поспелов, В. А. Белошапкова, Л. Ю. Максимов, Е. Н. Ширяев и другие признают в качестве отдельного типа сложного бессоюзного предложения бессоюзное соединение предикативных частей, объединяемых при помощи перечислительной интонации, например: *Метель не утихала, небо не прояснялось* (А. Пушкин), в то время как другие лингвисты (Т. П. Ломтев, Г. В. Валимова, Э. И. Каратаева, С. Г. Ильенко, О. М. Чупашева и др.) выводят и данные структуры за пределы синтаксиса сложного предложения, считая недостаточным наличие перечислительной интонации для признания их бессоюзным предложением. С. Г. Ильенко[2] называет их «псевдобессоюзными предложениями», «сочетанием простых самостоятельных предложений», Г. В. Валимова — «бессоюзным сочетанием предложений», О. М. Чупашева — «бессоюзным сочетанием самостоятельных предложений» и т. п.

Закончить разговор о границах сложного бессоюзного предложения будет уместно словами И. П. Распопова, по мнению которого, если при бессоюзном соединении предикативных частей отсутствуют дополнительные средства связи, «граница между бессоюзными сложными предложениями и группой соположенных предложений в контексте оказывается нечеткой и обычно проводится не на основе каких-либо объективных критериев, а скорее по интуиции»[3].

§ 2. История изучения и классификации бессоюзного сложного предложения

Сложное бессоюзное предложение было осознано в качестве самостоятельной синтаксической единицы лишь в 30—40-е гг. XX в.; длительное время бессоюзие (асиндетон) рассматривалось как яв-

---

[1] *Поспелов Н. С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950. — С. 342.

[2] С. Г. Ильенко исключает из числа сложных бессоюзных предложений и такие бессоюзные структуры, в состав которых включаются в качестве дополнительного средства связи анафорические скрепы, например: *Засмеялся и Туробоев, тихонько и как-то сконфуженно, даже и Клим усмехнулся, — **так** забавен был детский испуг в светлых, растерянно мигавших глазах бородатого мужика* (М. Горький). По ее мнению, предложения подобного типа следует относить к «сложноподчиненным предложениям с лексико-грамматическим средством связи»; тип подчинения в таких предложениях исследователь называет «местоименно-указательным» (наряду с традиционно выделяемым союзным и относительным подчинением) (*Ильенко С. Г.* Бессоюзие в системе сложного предложения современного русского языка // *Ильенко С. Г.* Русистика: Избранные труды. — СПб., 2003. — С. 324—325).

[3] *Распопов И. П., Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — С. 315.

ление речи, а не языка: бессоюзное предложение считалось речевой реализацией сложносочиненных или сложноподчиненных предложений. Такой подход был характерен для Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Ф. Ф. Фортунатова, Д. Н. Овсянико-Куликовского.

Наиболее развернуто эта точка зрения была отражена в «Русском синтаксисе в научном освещении» А. М. Пешковского. По мнению автора, в русском языке существует бессоюзное сочинение и бессоюзное подчинение, при выражении которых связующую роль берет на себя интонация. Аналогом подчинительных союзов выступает *объяснительная* интонация, по значению тождественная причинным союзам типа *потому что*, *так как*: *Сержусь-то я на самого себя*: *сам я кругом виноват* (А. Пушкин); *предупредительная* интонация имеет значение пояснительных союзов и также относится Пешковским к аналогу подчинительных союзов (в современной русистике пояснительные союзы, как правило, включаются в состав группы сочинительных союзов), например: *Я это сделаю так*: *выкопаю подле самого камня большую яму*, *землю из ямы развалю по площади*, *свалю камень в яму и заровняю землей* (Л. Толстой). Аналогом сочинительных — а именно соединительных — союзов выступает интонация перечисления: *Проходил апрель*, *прошел май*, *отцветала черемуха*, *сирени*, *ландыши*, *отпели в зарослях*, *под усадьбою*, *соловьи*. Некоторые интонации с одинаковым успехом могут выступать аналогом подчинительного (условного) и сочинительного (противительного) союза — такова интонация «простого повышения», ср.: *Назвался груздем — полезай в кузов* и *Семь раз отмерь*, *один отрежь*. В этом случае речь идет о недифференцированных средствах связи, когда невозможно определить по интонации, выражает ли она подчинительные или сочинительные отношения[1].

Традиция рассматривать сложное бессоюзное предложение в качестве варианта сложносочиненного или сложноподчиненного предложения имела продолжение и в последующем. Подобный взгляд на бессоюзные конструкции встречается у А. Г. Руднева, в ранних работах С. Г. Ильенко, у Д. Я. Вальтера, О. М. Чупашевой и др.[2]

Дальнейшая разработка бессоюзного предложения связана с именем Н. С. Поспелова, который настаивал на выделении сложного бессоюзного предложения в отдельный тип сложного предложения — наряду со сложносочиненным и сложноподчиненным.

---

[1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — С. 470—472.

[2] *Ильенко С. Г.* Бессоюзные предложения в русском языке. — Л., 1961; *Вальтер Д. Я.* К вопросу о бессоюзных сложных предложениях // Филологические науки. — 1964. — № 2. — С. 44—59; *Руднев А. Г.* Синтаксис современного русского языка. — М., 1968. — С. 285—303; *Чупашева О. М.* Соотносительность бессоюзных и союзных сложных предложений в современном русском литературном языке. АКД. — Саратов, 1979.

Основанием для этого служит отсутствие в бессоюзных предложениях союзов и союзных слов — ведь именно союзы и союзные слова являются непосредственным выразителем сочинительных и подчинительных отношений в сложном предложении. Отказ от рассмотрения сложных бессоюзных предложений по аналогии со сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями заставил исследователя ввести новый классификационный принцип — однородность/неоднородность состава бессоюзного предложения.

Бессоюзные предложения однородного состава «представляют собою двучленные, трехчленные и многочленные сочетания однородных по синтаксическому значению предложений». Они выражают либо значение однородности (незамкнутый ряд предложений, связанных интонацией перечисления), например: *Лошади тронулись*, *колокольчик загремел*, *кибитка полетела* (А. Пушкин), либо значение сопоставления (замкнутый ряд предложений, объединенных сопоставительной интонацией), например: *Ты богат*, *я очень беден*... (А. Пушкин), либо результативное значение (отношение между действием и его результатом; характерно при этом произнесение первой части с небольшим понижением, а второй части после небольшой паузы со значительным понижением), например: *Сыр выпал — с ним была плутовка такова* (И. Крылов), *Оленин стал стучать слегка*: *ничто не отзывалось* (Л. Толстой).

В предложениях неоднородного состава выражается «та или иная зависимость друг от друга составляющих их предложений», однако, как отмечает Поспелов, «взаимозависимость частей не переходит в грамматически выраженное подчинение». Выделяются три основные группы бессоюзных предложений неоднородного состава: 1) предложения, имеющие значение обусловленности и характеризующиеся интонацией повышения — понижения, например: *Не хочешь ехать — оставайся* (А. Чехов); 2) предложения с общим значением пояснения, в которых вторая часть указывает на причину или следствие чего-либо, эти предложения имеют понижение тона во второй части, например: *Печален я*: *со мною друга нет* (А. Пушкин); *Мелкий дождик сеет с утра*: *выйти невозможно* (И. Тургенев); 3) предложения, в которых содержание высказывания раскрывается во второй части, первая же часть имеет «предварительный, обрамляющий характер» и произносится с предупредительной интонацией, например: *Оглядываюсь*: *никого нет*; *Решено*: *я еду*; *У меня мелькнула мысль*: *я заблудился*; *Вот как иногда бывает*, *был на волосок от смерти*. В приведенных примерах соответственно объектные, субъектные, атрибутивные и обстоятельственные предложения[1].

---

[1] *Поспелов Н. С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — С. 346—356.

Идеи Поспелова нашли развитие в классификации бессоюзного предложения В. А. Белошапковой. Белошапкова попыталась предельно формализовать свою классификацию, отказавшись от интонации как критерия, поскольку, по ее словам, «между интонационными конструкциями и семантическими типами бессоюзного сложного предложения нет прямого и обязательного соответствия»[1]. В качестве первого классификационного принципа положен признак открытости/закрытости структуры сложного предложения.

В бессоюзные предложения открытой структуры попадают только бессоюзные предложения с перечислительными отношениями между частями. Этот тип бессоюзных предложений не отграничивается четко от сложносочиненных предложений открытой структуры, ср.: *Гудели мухи, ныли комары, где-то трещал сверчок* (М. Горький) — *Гудели мухи, **и** ныли комары, **и** где-то трещал сверчок*. Впрочем, не все бессоюзные конструкции соотносительны с союзными: например, нельзя преобразовать в союзное следующее предложение: *Одни спали, другие читали, третьи тихо разговаривали*[2].

Все остальные бессоюзные предложения попадают в группу бессоюзных предложений закрытой структуры. Эта группа подразделяется Белошапковой на две подгруппы: предложения, части которых имеют формальные различия (предложения типизированной структуры), и предложения, части которых не имеют формальных различий (предложения нетипизированной структуры)[3]. Первая подгруппа делится на три типа: а) предложения с анафорическим элементом: *Скажу вам **одно**: нельзя сидеть сложа руки* (А. Чехов); *Блеск воды достигал самого дна бухты, **так** прозрачна была морская вода* (К. Паустовский); б) предложения с факультативной позицией заключительной частицы: *Мне бы смолчать, (**так**) ссоры не было бы*; в) предложения с незамещенной синтаксической позицией: *Было ясно: мы опаздываем*. Вторая подгруппа делится на два типа: а) объяснительные (предложения мотивирующего или уточняющего пояснения): *Надо тихо идти: можно увидеть, как горлинка тут пьет воду* (М. Пришвин); *Столетние усилия дерева сделали свое: верхние ветви эта ель вынесла к свету* (М. Пришвин) и б) сопоставительные: *Ее пробовали унять, она еще отчаяннее ярилась* (К. Паустовский)[4].

Классификация В. А. Белошапковой получила значительное распространение в вузовском курсе синтаксиса русского языка, од-

---

[1] *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. — С. 143.

[2] Там же. — С. 140.

[3] У Н. С. Валгиной это соответственно 1) предложения со структурно-обусловленными частями и 2) предложения со структурно-необусловленными частями (*Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка. — М., 1973. — С. 345).

[4] *Белошапкова В. А.* Синтаксис // Современный русский язык. — М., 1989. — С. 767—771.

нако при всей своей логичности она имеет и недостатки, главным из которых является невозможность описать с точки зрения заявленных принципов все бессоюзные предложения, а именно предложения нетипизированной структуры. «Принципы дифференциации бессоюзных сложных предложений второго типа, части которых не имеют формальных различий, неясны», — признается исследовательница[1]. Весьма примечательно, что классификация предложений нетипизированной структуры происходит по семантическому принципу, что явно диссонирует с классификацией предложений типизированной структуры, осуществленной на формальных основаниях.

Классификация бессоюзных конструкций И. Н. Кручининой, представленная в РГ-80, касается только тех бессоюзных конструкций, части которых соединяются не только семантически и интонационно, но и грамматически. Если в бессоюзной конструкции отсутствуют грамматические показатели связи, то по отношению к ним неприменим термин «сложное предложения». Классифицируемые конструкции подразделяются на две группы:

1) сочетания с двусторонним отношением частей, с их направленностью друг на друга (выражают условные, уступительные, временные, сопоставительные, противительные отношения, отношения несоответствия и сравнительные);

2) сочетания с односторонним отношением частей, из которых первая является независимой, а вторая характеризует (определяет, распространяет, обосновывает) первую (передает определительные, изъяснительные, целевые, следственно-результативные, пояснительные отношения и отношения обоснования)[2].

Подавляющее большинство лингвистов, описывавших бессоюзное предложение после В. А. Белошапковой, вынуждены были возвращаться к классификации бессоюзных предложений на семантической основе с учетом элементов формального уровня (интонация, наличие анафорических элементов, синсемантичных слов и т. п.). Ниже приводится классификация бессоюзных предложений именно такого типа (описываемые сложные бессоюзные предложения берутся нами во всей полноте, включая и различные спорные случаи, о которых речь шла выше).

§ 3. Классификация бессоюзных предложений

Сложные бессоюзные предложения с перечислительными отношениями. Данный тип характеризуется отчетливой перечислительной интонацией между компонентами, число которых не является

---

[1] *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. — С. 143.

[2] Русская грамматика. — Т. 2. — С. 635.

ограниченным (открытый ряд). Изображаемые в таких предложениях события характеризуются либо одновременностью (а), либо следованием во времени (б), например: а) *Лицо его горело под тенью соломенной шляпы, в голове мутилось от жары* (И. Бунин); б) *Народ повалил на площадь*; *нас погнали туда же* (А. Пушкин); *Янко сел в лодку, ветер дул от берега, они подняли парус и быстро помчались* (М. Лермонтов); *Колокольный звон утих*; *настала глубокая тишина* (А. Пушкин).

Часто соединяемые части имеют однотипное строение: *Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела* (А. Пушкин).

Сложные бессоюзные предложения с сопоставительными и противительными отношениями. Отношения данного типа имеют закрытый характер, т. е. объединяют только два компонента. Интонация сопоставления характеризуется повышением голоса при произнесении первой части, паузой между частями и понижением голоса при произнесении второй части. Сопоставительно-противительные отношения формируются с активным использованием лексики одной тематической группы (при сопоставлении) или антонимической лексики (при противопоставлении): *Я говорил правду — мне не верили...* (М. Лермонтов); *Дуб держится, к земле тростиночка припала* (И. Крылов); *Даша выглянула в окно, — ничего не было видно* (А. Толстой); *Я слез и подкрался к окну: неплотно прикрытый ставень позволил мне видеть пирующих и расслушать их слова* (М. Лермонтов); *Быть сильным хорошо, быть умным вдвое лучше* (И. Крылов).

Как и в предложениях с перечислительными отношениями, при выражении сопоставительных отношений части сложного бессоюзного предложения часто характеризуются структурным параллелизмом: *Хорошая жизнь ум рождает, плохая и последний теряет* (посл.); *Злой плачет от зависти, добрый от радости* (посл.).

На границе сложных бессоюзных предложений сопоставительной и перечислительной семантики стоят предложения типа *В одном углу баба мыла кадку, в другом кучер рубил дрова* (И. Гончаров); *Таким образом, первое из наших затруднений не устранялось, второе устранялось только отчасти* (Б. Савинков). Такие предложения, имея сопоставительную семантику, в то же время обладают и чертами перечислительного типа сложных бессоюзных отношений, представляя собой открытый ряд сочетающихся предикативных конструкций. Например: *Одно цветет, с другого уже собраны плоды, третье едва всходит* (И. Гончаров). Данный тип бессоюзных предложений не имеет прямого соответствия среди союзных предложений — невозможно такие предложения преобразовать в сложносочиненные с союзами ***и*** или ***а***. В формировании этих предложений большую роль играют лексические средства — так называемые перечисляющие местоиме-

ния (*один/первый...*, *другой/иной/второй...*, *третий...*; *кто...*, *кто...* и т. п.)[1].

Сложные бессоюзные предложения с изъяснительными (изъяснительно-объектными) отношениями между частями. Данный тип отношений имеет закрытый характер, а само бессоюзное предложение соотносимо со сложноподчиненным предложением с придаточным изъяснительным. Этот тип сложного бессоюзного предложения характеризуется предупредительным понижением голоса при произнесении первой части и значительной паузой между первой и второй частями предложения. В пределах данного типа бессоюзного предложения выделяются две разновидности.

Первая разновидность характеризуется наличием в первой части слов с незамещенной синтаксической валентностью — глаголов речи, мыслительной деятельности, чувства и их дериватов, например: *Теперь можно* ***признаться***: *весь год во мне все-таки жила надежда* (Ю. Казаков); *Спите*, *но* ***помните***: *мы вас всех скоро разбудим*, *разбудим*, *разбудим!* (М. Пришвин).

В. А. Белошапкова отмечает, что круг опорных слов в бессоюзном предложении уже, чем в сложноподчиненных предложениях с придаточным изъяснительным. Так, если предложению *Решено*, *что я поступлю в вечернюю школу* есть соответствие *Решено*: *я поступлю в вечернюю школу*, то предложению *Важно*, *что работа закончена к сроку* такого соответствия нет[2]. Однако данное утверждение не вполне справедливо: Н. В. Кирпичникова приводит слова, которые, наоборот, употребляются в бессоюзном предложении в качестве опорных слов и не употребляются (либо очень редки) в качестве опорных слов в сложноподчиненном предложении: *Они ознакомились с состоянием памятника... и поставили* ***диагноз***: *состояние нормальное* (из газет). Кроме того, при необходимости язык преодолевает невозможность употребления оценочных слов в качестве опорных элементов путем введения дополнительных лексических компонентов типа *вот что*: *И* ***вот что*** *забавно*: *она с Люсей в одном городе оказалась* (А. Арбузов)[3].

---

[1] *Откупщикова М. И.* Местоимение современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. — Л., 1984. — С. 49—53. По словам Откупщиковой, основная функция распределяющих местоимений — «распределение информации в тексте, осуществляющееся в виде перечисления однородных по категориальному значению элементов смысла: объектов, событий, времени, места и т. п.».

[2] *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. — С. 142. Об этом же пишет Э. З. Диланян: «Круг глаголов, в частности волеизъявления и чувства и особенно наречно-предикативных слов, употребляемых в союзных предложениях, шире, чем в бессоюзных сложных предложениях» (*Диланян Э. З.* О некоторых типах бессоюзных сложных предложений неоднородного состава в современном русском языке. АКД. — Ереван, 1963. — С. 16).

[3] *Кирпичникова Н. В.* Изъяснительные бессоюзные сложные предложения // Вопросы русского языкознания. — Вып. 1. — М., 1976. — С. 76—77.

Спецификой бессоюзного предложения по сравнению со сложноподчиненным предложением с придаточным изъяснительным является более свободное строение изъясняющей части при опорных словах со значением речи-мысли, где возможно прямое употребление ирреальных наклонений, например: *Но все же я прошу*: *опубликуйте это письмо* (С. Антонов); *Иду и думаю*: *не упасть бы!* Кроме того, части бессоюзного предложения с изъяснительными отношениями между ними могут различаться по цели высказывания, например: *Но одна просьба*: *может*, *подъедем по дороге к конторе?* (С. Славич). Все это позволяет бессоюзным предложениям, по словам Н. В. Кирпичниковой, шире выражать смысловые, модальные, эмоциональные оттенки в сравнении с соответствующими типами сложноподчиненных предложений[1].

Вторая разновидность бессоюзных предложений с изъяснительными отношениями характеризуется тем, что в них нет опорных слов, с которыми непосредственно соотносится изъясняющая часть, например: *Я поднял глаза*: *на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье с распущенными косами*, *настоящая русалка* (М. Лермонтов); *Он приник ухом*: *кто-то бежал*, *кто-то догонял его...* (И. Тургенев); *Испуганная лосем*, *Настенька изумленно смотрела на змею*: *гадюка по-прежнему лежала*, *свернувшись колечком в теплом луче солнца* (М. Пришвин). Е. С. Скобликова называет такие предложения «предложениями, косвенно выражающими изъяснительные отношения», Г. К. Хамзина — «предложениями прерывистой структуры», Н. С. Поспелов и Н. С. Валгина — «предложениями со значением присоединения», С. Г. Ильенко — «созерцательно-результативными предложениями».

В первой части данного типа бессоюзных предложений имеется глагол, обозначающий действие, непосредственно предшествующее процессу восприятия (*подойти*, *оглянуться*, *прислушаться* и т. п.). Как правило, данный тип бессоюзных предложений может быть преобразован в бессоюзные предложения с изъяснительными отношениями путем добавления глагола *видеть* или *слышать*: *Я выглянул в окно* (*и увидел*): *на улице шел дождь*; *Я прислушался* (*и услышал*): *в углу скреблась мышь*; *В эту минуту он поднял глаза* (*и увидел*) — *я стоял в дверях против него...* (М. Лермонтов).

Однако добавление промежуточного звена (глаголов *видеть* и *слышать*) не всегда возможно. Так, преобразование предложения *Оглядываюсь — Грушницкий!* (М. Лермонтов) в предложение *Оглядываюсь* ***и вижу***: *Грушницкий!* не является вполне корректным со стилистической точки зрения, поскольку утрачивается оттенок неожиданности. В других случаях преобразование невозможно — например, если изъясняющая часть представляет собой несобствен-

[1] *Кирпичникова Н. В.* Изъяснительные бессоюзные сложные предложения. — С. 79—80. Примеры Н. В. Кирпичниковой.

но-прямую речь: *Поглядел на ситцевые занавески — эх, какие веселые! Потрогал ногой коврик — эх, какой важный!* (В. Липатов). Именно наличие во второй части бессоюзного предложения оценочного компонента делает невозможным вставку промежуточного звена[1].

Таким образом, между двумя разновидностями предложений изъяснительного типа есть различия, которые не всегда допускают их взаимную трансформацию. Восстановлению промежуточного звена может препятствовать наличие во второй части предложения глаголов типа *виднеться*, *слышаться*, *звучать*, *выглядеть* и т. п., свидетельствующих о зрительном или слуховом восприятии явления: *На полпути он*, *пригнувшись*, *поглядел в бинокль*: *в запотевших окружьях стекол* ***виднелись*** *серые комочки* (М. Шолохов).

Сложные бессоюзные предложения с отношениями конкретизации (пояснения). Для данного типа бессоюзного предложения характерны предупредительно-пояснительное понижение голоса в первой части и значительная пауза между частями. Условием для формирования данного типа отношений является наличие в составе первой части «слов, нуждающихся в распространении и восполнении своего содержания или во всяком случае допускающих более подробное раскрытие своего содержания»[2]. Внутренне этот тип бессоюзного предложения неоднороден и включает: предложения, первая часть которых содержит слова прономинальной природы, требующие обязательной конкретизации; предложения, первая часть которых имеет оценочный характер, а вторая — содержит основание оценки; предложения, первая часть которых содержит обобщение, а вторая — основание этого обобщения. Следует заметить, что четкой границы между этими группами нет.

Для разновидности предложений со значением конкретизации характерно наличие синсемантичных слов *так*, *такой*, *таков*, *один*, *следующее*, *вот что* и т. п.: *Весь город там* ***таков***: *мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет* (Н. Гоголь); *Однако из всего происходящего поняли сначала только* ***одно***: *царя свергли и начинается революция* (А. Гайдар); *В больнице*, *где я впоследствии работал*, *произошел однажды* ***такой*** *случай*: *лежал у нас мальчик лет пяти с брюшным тифом* (В. Вересаев).

Особенностью предложений другой разновидности является «их оценочная направленность»[3]. Для них характерно наличие в первой части слов оценочной семантики, вторая же часть служит основанием оценки, например: *А тут вышла и еще* ***беда***: *лосю вздумалось*

---

[1] *Хамзина Г. К.* Бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. — 1971. — № 6. — С. 83—84.

[2] *Распопов И. П.*, *Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — С. 318.

[3] *Скобликова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения (теоретический курс). — М., 2006. — С. 168.

лечь и почесать себе спину об эти елочки (М. Пришвин). Оценочные предикаты чем-то напоминают местоименные слова, поскольку они «стирают индивидуальность объекта», в силу этого «оценочные предикаты нуждаются в экспликации»[1]. Особенно это касается тех случаев, когда первая часть содержит отрицательную оценку.

Предложения еще одной разновидности лишены отчетливой оценочности, присущей примерам предшествующей группы: *Дом был высокий*: *в нем было пять этажей*; *Предметы теряли свою форму*: *все сливалось сначала в серую*, *потом в темную массу* (И. Гончаров). Следует отметить, что элемент оценочности содержится и в данной разновидности пояснительных бессоюзных предложений, однако ее неявный характер делает первую часть предложения более автосемантичной, в силу чего пояснение, содержащееся во второй части, носит необязательный, факультативный, пояснительно-распространительный характер.

Сложные бессоюзные предложения, выражающие причинные отношения. Причинные отношения имеют закрытый характер и выражаются при помощи предупредительно-пояснительной интонации, сопровождаемой значительной паузой между частями: *Напрасно капитан делал ему разные знаки — Грушницкий не хотел и смотреть* (М. Лермонтов); *Дубровский был отменно сердит*: *прежде сего никогда люди Троекурова*, *известные разбойники*, *не осмеливались шалить в пределах его владений*, *зная приятельскую связь его с их господином* (А. Пушкин); *Не бойся*: *не хочу совсем тебя я кушать* (И. Крылов); *Пора бы одеваться — одиннадцатый час...* (И. Гончаров); *Возьми ковер*: *у меня два* (И. Гончаров); *Впрочем*, *знакомство ее с Катей продолжалось недолго*: *бедная девочка занемогла горячкой и через несколько дней умерла* (И. Тургенев). Этот тип сложного бессоюзного предложения прямо соотносится со сложноподчиненным предложением с придаточным причины.

Сложные бессоюзные предложения, выражающие отношения следствия. Отношения следствия имеют закрытый характер. Интонирование конструкции происходит следующим образом: первая часть произносится с обычной повествовательной интонацией, а между частями выдерживается длительная пауза: *Мелкий дождик сеет с утра — выйти невозможно* (И. Тургенев). В отличие от бессоюзных предложений, выражающих причинные отношения, во второй части возможно употребление частицы *так*, наречий *потому*, *оттого* и пр.: *Петя был капризным ребенком*, ***так*** *с ним никто не хотел играть*; *Известно*, *что слоны в диковинку у нас*, ***так*** *за слоном толпы зевак ходили* (И. Крылов). Среди сложноподчиненных предложений этому типу бессоюзных предложений соответствуют предложения с придаточным следствия.

---

[1] *Арутюнова Н.Д.* Общая и частная оценка. (1988) // *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. — М., 1998. — С. 204.

Сложные бессоюзные предложения, выражающие условно-временные отношения. Условные отношения носят закрытый характер; бессоюзным конструкциям, их выражающим, присущи повышение голоса при произнесении первой (условной) части и небольшая пауза между частями. Для данного типа бессоюзного предложения характерно ограничение форм сказуемых в его частях — как правило, представлены формы будущего времени изъявительного наклонения и сослагательного наклонения, а также форма повелительного наклонения со значением желательности: *Щепотки волосков лиса не пожалей — остался б хвост у ней* (И. Крылов); *Не поймал карася — поймаешь щуку* (посл.); *Был бы папа, он бы понял* (А. Гайдар). Большинство бессоюзных конструкций со значением условия соотносится с союзными конструкциями (достаточно ввести в них союз *если*), исключение составляют конструкции, в которых сказуемое выражено в форме повелительного наклонения типа *Приди он часом раньше — ссоры бы не произошло.*

Вторая часть бессоюзных конструкций с условным значением может содержать частицу *так* (*то*), включение которой в состав бессоюзного предложения почти всегда носит факультативный характер. Обязательность употребления этой частицы диктуется смысловой и/или грамматической неполнотой соединяемых частей, например: *Живая — **так** зачем будишь?* (В. Распутин); *По пути — **так** садись* (С. Антонов); *Веселый спектакль — стоит идти, а тоска — **так** ее и дома хватает* (В. Розов) (в последнем примере частица *так* сигнализирует о том, что в предложении представлена свернутая конструкция: *Тоска в театре — так не пойдем, потому что ее и дома хватает*). Необходимость употребления частицы *так* в данных примерах «обусловлена задачами грамматического и актуального членения предложения»: она выступает маркером главной (рематической) части бессоюзного предложения[1].

Сложные бессоюзные предложения с присоединительными отношениями. Присоединительные отношения являются закрытыми по своей природе. Вторая часть предложения относится к первой «как единица, содержащая добавочное сообщение, уточнение, оценку, неожиданный комментарий к тому, что сказано в первой части»[2]. Между частями бессоюзного предложения с присоединительными отношениями наблюдается ослабленная связь, причем вторая часть может находиться только в постпозиции. Например: *К утру у Варвары Петровны созрел проект разом покончить по крайней мере хоть с одним недоразумением — проект замечательный по своей неожиданности* (Ф. Достоевский); *Там и сям*

---

[1] *Чернышева А. Ю.* Частица *так* в бессоюзных сложных предложениях // Средства выражения синтаксических связей в сложном предложении. — Калинин, 1987. — С. 50—51.

[2] *Тарланов З. К.* Университетский курс... — Петрозаводск, 2007. — С. 429.

видны разномастные кресты и деревянные пирамидки с деревянными звездами — навострились их выпиливать мастеровые люди на лесозаводе (В. Астафьев)[1].

Историческая справка. Существуют два противоположных взгляда на соотношение союзных и бессоюзных сложных предложений в исторической перспективе. А. М. Пешковский полагал, что бессоюзная связь предложений предшествовала союзной: «Как все простое древнее сложного, так и сочинение древнее подчинения... Бессоюзие в свою очередь, по всей вероятности, древнее и сочинения и подчинения»[2]. Этому утверждению противоречат слова Е. Ф. Корша о том, что бессоюзные предложения с изъяснительными отношениями между частями — явление более позднее, чем сложноподчиненные предложения, выражающие эти же отношения[3].

При решении вопроса о первичности или вторичности бессоюзного сложного предложения относительно союзного сложного предложения следует учитывать целый ряд факторов, а главное, тот факт, что разные типы сложного предложения являются динамическими структурами, сложно взаимодействовавшими друг с другом в процессе своей эволюции. Как пишет Э. И. Коротаева, «судьба бессоюзных сложных предложений древнего и старого письменного языка неодинакова: одни из них исчезли из употребления в литературном языке, другие дали основу для образования союзных предложений, третьи, почти не изменившись, вошли в состав современного литературного языка. <...> И не только союзные предложения приходят на смену старого бессоюзия, но и обратно — разные виды бессоюзных предложений, как более тонкие и сложные синтаксические конструкции[1], вытесняют устаревшие формы союзных предложений»[4].

Действительно, сравнение того, как употреблялись разные типы бессоюзного предложения в современном и в древнерусском языке рисует достаточно противоречивую картину. Совсем вышли из употребления бессоюзные предложения с определительными отношениями между частями: *И узре на яблони траву, обвилась около древа* (Повесть о Хмеле). В современном русском языке на их месте употребляются сложноподчиненные предложения с придаточным присубстантивным (определительным). Наиболее исторически устойчивым типом бессоюзного сложного предложения оказалась конструкция с отношениями конкретизации, например: *О, горе бяше: по търгу трупие, по улицямъ трупие, по полю трупие* (I Новгородская лет.). Достаточно широко в деловых памятниках были распространены конструкции с отношениями обусловленности: *А холопъ*

---

[1] Примеры Л. Г. Горбуновой (см.: *Горбунова Л. Г.* Типология и средства выражения присоединительных отношений в бессоюзном сложном предложении. АКД. — М., 1990).

[2] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956. — 7-е изд. — С. 473.

[3] *Коргш Е. Ф.* Способы относительного подчинения. — М., 1877. — С. 16.

[4] *Коротаева Э. И.* К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке // Ученые записки. — ЛГУ, 1949. — Вып. 14. — С. 49.

или роба почнеть вадити на господу, тому ти веры не яти (новгородская гр.). Гораздо реже встречались бессоюзные предложения с причинно-следственными отношениями между частями. Что же касается конструкций с изъяснительными отношениями между частями, то они получают распространение в XVII веке.

Сложное предложение (как союзное, так и бессоюзное) в древнерусском было лишено той внутренней цельности, какой оно обладает в современном русском языке, именно поэтому древнее предложение изобилует различными повторами, частицами, местоименными словами, которые цементировали его части.

Если к этому прибавить то обстоятельство, что бессоюзное предложение менее ясно и четко передает смысловые отношения между предикативными частями, чем в союзном предложении, то становится понятно, почему в древнерусском языке бессоюзное предложение было распространено меньше, чем в современном языке. Кроме того, в древнерусском языке отсутствовала развитая система пунктуационных знаков, которая в современном языке отражает на письме особенности интонирования разных типов бессоюзного предложения в живой речи.

Использование бессоюзных предложений в древнерусском языке было ограничено теми формами письменной речи, которые были тесно связаны с устной речью (например, берестяные грамоты, отчасти жалованные грамоты). Наоборот, в деловых памятниках, в житийной литературе бессоюзные предложения редки. Разнообразные типы бессоюзного предложения получают широкое распространение в русском языке начиная с XVII века.

Рекомендуемая литература

Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. — М., 1967.

Вальтер Д. Я. К вопросу о бессоюзных сложных предложениях // Филологические науки. — 1964. — № 2. — С. 44—59.

Ильенко С. Г. Бессоюзие в системе сложного предложения современного русского языка // Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. — СПб., 2003.

Ильенко С. Г. Бессоюзные предложения в русском языке. — Л., 1961.

Кирпичникова Н. В. Изъяснительные бессоюзные сложные предложения // Вопросы русского языкознания. — Вып. 1. — М., 1976.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — 7-е изд. — М., 1956.

Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950.

Русская грамматика. — Т. 2. — М., 1980.

Хамзина Г. К. Бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. — 1971. — № 6.

Глава 5

Сложные многочленные предложения

Сложное предложение может состоять более чем из двух предикативных единиц, объединенных на основе как одного, так и двух или всех трех типов связи (подчинительной, сочинительной, бессоюзной).

Из сложных многочленных предложений, объединенных на основе одной связи, наибольшую трудность представляют многочленные сложноподчиненные предложения. Выделяют **два типа** многочленных **сложноподчиненных предложений**: с соподчинением (параллельным подчинением) придаточных частей и с последовательным подчинением.

Соподчинение наблюдается в том случае, если два или несколько придаточных подчиняются одной главной части. Выделяют два типа соподчинения — однородное и неоднородное. При о д н о р о д н о м с о п о д ч и н е н и и придаточные части относятся к одному слову главной части либо ко всей главной части целиком, принадлежа при этом одному структурно-семантическому типу. Например: *Горничная сказала*, ***что*** *барыни нет дома и* ***что***, *должно быть*, *они скоро приедут* (А. Чехов); *Он насупился*, ***будто*** *его страшно обидели*, ***будто*** *его вот только сейчас обманули* (Ф. Достоевский). *Как я могу убедить дикого утенка*, *живущего в неволе и ненавидящего меня*, ***что*** *он мне симпатичен и* ***что*** *я сочувствую его страданию?* (А. Чехов).

При однородном соподчинении придаточные части располагаются линейно — либо после придаточной части, либо перед ней. Присоединение придаточной части, непосредственно примыкающей к главной, происходит при обязательном употреблении союза или союзного слова; что касается последующих придаточных частей, то они могут присоединяться с повторением союза или союзного слова либо бессоюзным образом. Например, в предложении *Нельзя было давать сражения*, ***когда*** *еще не были собраны сведения*, *не убраны раненые*, *не пополнены снаряды*, *не сочтены убитые*, *не назначены новые начальники на места убитых*, *не наелись и не выспались люди* (Л. Толстой) союз *когда* употреблен только перед первой придаточной частью и отсутствует перед всеми последующими. Отсутствие повторяющегося союза или союзного слова обеспечивает более тесную связь между придаточными частями[1].

Есть ряд факторов, препятствующих опущению союзов и союзных слов перед повторяющимися однородными придаточными

[1] В подобных случаях происходит связывание главной части со сложной по составу придаточной, состоящей из нескольких предикативных единиц, соединенных при помощи сочинительной или бессоюзной связи (См.: *Распопов И. П.*, *Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — С. 319—320).

частями. Так, невозможно опущение союзов и союзных слов, если опорное слово в главной части содержит сему опасения: *Он боялся*, ***как бы*** *чего не вышло*, ***как бы*** *его не зарезал Афанасий* (Ф. Достоевский); если придаточные соединяются союзами *будто* и *если*: *Он насупился*, ***будто*** *его страшно обидели*, ***будто*** *его вот только сейчас обманули* (Ф. Достоевский); если опорное слово является переходным глаголом, так как в этом случае союзные слова могут быть разными членами предложения: *Он обдумывал*, ***что*** *значили слова Ольги*, ***что*** *она имела в виду* (П. Лебеденко); если союзные слова стоят в разных падежах: *Верую в слово*, ***к которому*** *стремится вселенная и* ***которое*** *само стремится к Богу* (Ф. Достоевский), а также в некоторых других случаях[1].

Участие разных типов придаточного в многочленных сложноподчиненных предложениях с однородным соподчинением неодинаково: «...так, например, предложения с однородным соподчинением двух придаточных следствия, подчинительно-присоединительных фактически не развертываются за счет увеличения числа однородных придаточных этих типов»[2].

При неоднородном соподчинении придаточные части относятся к разным опорным словам главной части либо к главной части целиком, но принадлежат к разным структурно-семантическим типам. Например: *Я чувствовал*, ***что*** *у меня в душе происходит что-то неладное*, *и боялся*, ***что*** *выражение моего взгляда и лица может выдать меня* (А. Чехов); *Несмотря на то*, ***что*** *дядя ругал меня и мошенником и дубиной*, *я сквозь слезы горячо поблагодарил дорогого дядечку и поклялся*, ***что*** *буду слушаться его и любить до самой смерти* (А. Гайдар).

Последовательное подчинение предполагает, что от главной части зависит лишь одно придаточное (придаточное первой степени), которое является главной частью для следующего придаточного (придаточного второй степени), и т.д., например: *В ту же ночь приехал я в Симбирск*, ***где*** *должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей*, ***что*** *и было поручено Савельичу* (А. Пушкин); *Все разговоры совершенно прекратились*, ***как*** *случается всегда*, ***когда*** *наконец предаются занятию дельному* (Н. Гоголь); *И тут я понял*, ***что*** *этот народ едет веселиться в Парк культуры*, ***где*** *сегодня открывается блестящий карнавал* (А. Гайдар).

Число придаточных в сложноподчиненных предложениях с последовательным подчинением может быть различным, тем не менее в 90 % случаев число придаточных не превышает двух. Вооб-

---

[1] *Николенко О. В.* Семантическое варьирование сложноподчиненных предложений с однородным соподчинением придаточных частей в русском языке. АКД. — Ростов н/Д, 2007.

[2] *Калашникова Г. Ф.* Факторы, определяющие протяженность сложного предложения // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. — 1981. — № 5. — С. 45.

ще, развитие последовательного подчинения придаточных происходит в русском языке в достаточно позднюю эпоху: «...в русском языке XVIII и начала XIX века последовательное подчинение встречалось значительно реже, чем в современном русском языке»[1]. Порядок следования придаточных частей при последовательном подчинении может быть разнообразным: придаточные части могут выстраиваться линейно вслед за главной частью (так происходит чаще всего) или перед ней, но возможно и интерпозитивное включение придаточного более низкой степени в придаточное более высокой степени: *Она чувствовала*, ***что*** *нынешний вечер*, ***когда*** *они оба в первый раз встречаются*, *должен быть решительный в ее судьбе* (Л. Толстой). Особый случай интерпозитивного включения одной придаточной части в состав другой представлен в примерах типа *За ужином он много ел*, *говорил глупости и уверял*, ***что когда*** *зимою ешь свежие огурцы*, *то во рту пахнет весною* (А. Чехов). Связь между придаточными частями здесь более тесная, они как бы сплетаются и взаимно проникают друг друга[2].

Интересные наблюдения сделаны относительно того, как семантика придаточного влияет на его способность участвовать в многочленных цепях с последовательным подчинением.

Как отмечает Г. Ф. Калашникова, присоставные придаточные гораздо менее склонны к распространению, чем придаточные присловные: в конструкциях с последовательным подчинением придаточные присловные употребляются в два с половиной раза чаще, чем придаточные присоставные. Лишь 6 % данных конструкций составляют сочетания, составленные из придаточных присоставных. Придаточные присловные, наоборот, свободно комбинируют друг с другом, распространяя конструкцию с последовательным подчинением[3].

Разные виды соподчинения и последовательное подчинение могут совмещаться в пределах сложного предложения самым разнообразным образом. Например, в предложении *Но Чичиков сказал просто*, ***что*** *подобное предприятие*, *или негоция*, *никак не будет не соответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России*, *а чрез минуту потом прибавил*, ***что*** *казна получит даже выгоды*, ***ибо*** *получит законные пошлины* (Н. Гоголь) происходит совмещение неоднородного соподчинения с последовательным подчинением; в предложении *Мне хотелось сойти вниз и сказать ей*, ***что*** *ее поведение за чаем оскорбило меня*, ***что*** *она жестока*, *ме-*

---

[1] *Шитов В. А.* Сложные предложения с последовательным подчинением в современном русском литературном языке. АКД. — М., 1952. — С. 6.

[2] И. П. Распопов даже предлагает для таких случаев особый термин — «контаминация» (см.: *Распопов И. П.*, *Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — С. 320—321).

[3] *Калашникова Г. Ф.* Факторы, определяющие протяженность сложного предложения. — С. 43.

лочна и со своим мещанским умом никогда не возвышалась до понимания того, ***что*** *я говорю и* ***что*** *я делаю* (А. Чехов) представлено однородное соподчинение и последовательное подчинение; в предложении ***Когда*** *ей подавали экипаж или верховую лошадь*, *я подходил к окну и ждал*, ***когда*** *она выйдет из дому*, *потом смотрел*, ***как*** *она садилась в коляску или на лошадь и* ***как*** *выезжала со двора* (А. Чехов) совмещаются неоднородное и однородное соподчинение и т. д.

Как уже было сказано выше, объединение предикативных единиц в рамках сложных многочленных предложений может происходить и на основе разнотипных связей. Объединение сочинительной и подчинительной связи в многочленных сложных предложениях имеет две разновидности:

придаточная часть распространяет предикативную единицу, находящуюся в сочинительных отношениях с другой предикативной единицей, которая, в свою очередь, может также иметь зависимую от нее придаточную часть. Например: *Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку*, ***что*** *она уронила ложку в кастрюльку*, ***и*** *слезы потекли по ее лицу* (А. Пушкин); *Шли годы*, ***и*** *из Павла Владимирыча постепенно образовывалась та апатичная и загадочно-угрюмая личность*, ***из которой***, *в конечном результате*, *получается человек*, *лишенный поступков* (М. Салтыков-Щедрин); *Я заметила вашу тоску в последнее время*, ***и хотя*** *сама тоскливо ожидала чего-то*, *но то*, ***что*** *случилось теперь*, *мне и в ум не входило* (Ф. Достоевский);

придаточная часть является общей для двух или нескольких предикативных единиц, соединенных сочинительной связью. Например: ***Когда*** *Гаврила Иванович начинал говорить*, *густые брови у него поднимались и лоб покрывался тонкими морщинками* (Д. Мамин-Сибиряк).

Возможно комбинирование бессоюзной связи с подчинительной, когда одна из предикативных единиц, соединенных бессоюзной связью с другой предикативной единицей, представляет собой сложноподчиненное предложение: *Иногда эти призраки более реальны для меня*, *чем те*, ***которые*** *их заменили*: *эффект присутствия!* (В. Катаев); *Левину невыносимо скучно было в этот вечер с дамами*: *его*, *как никогда прежде*, *волновала мысль о том*, ***что*** *то недовольство хозяйством*, ***которое*** *он теперь испытывал*, *есть не исключительное его положение*, *а общее условие*, ***в котором*** *находится дело в России*, ***что*** *устройство какого-нибудь такого отношения рабочих*, ***где*** *бы они работали*, *как у мужика на половине дороги*, *есть не мечта*, *а задача*, ***которую*** *необходимо решить* (Л. Толстой).

Наконец, в пределах сложного предложения комбинироваться могут все три вида связи; например: *По плужной пахоте и вовсе нельзя было проехать*: *только там и держало*, *где был ледок*, *а в оттаявших бороздах нога вязла выше ступицы* (Л. Толстой).

Следует отметить, что развертывание сложного предложения на основе одного типа связи имеет свои ограничения. По наблюдениям Г. Ф. Калашниковой, многокомпонентные предложения из трех

и более частей, организованные на основе только неоднородного соподчинения, только последовательного подчинения или только сочинительной связи, встречаются редко: среднее число предикативных единиц при наличии дополнительной связи увеличивается. Происходит это потому, что в предложениях с разными типами связи компоненты (предикативные единицы) группируются в более крупные блоки, которые выступают в качестве единиц оперативной памяти. Блокирование в многокомпонентных сложных предложениях «ведет к бинарности, к четко осознаваемой двучленности даже очень усложненных конструкций, что значительно расширяет объем оперативной памяти и облегчает восприятие конструкции»[1].

Поскольку предикативные единицы в составе многочленного предложения группируются в более крупные блоки, то при наличии двух или нескольких видов связи их статус в предложении оказывается неодинаков.

Наивысший статус будет у той связи, которая будет соединять наиболее крупные блоки, и относительно этой связи остальные встречающиеся в предложении виды связи будут иметь подчиненный характер, так как используются для соединения предикативных единиц в составе блоков. Например, предложение *Алексей во тьме, а Елена ближе к окошку, и видно, что глаза ее черно-испуганны* (М. Булгаков) состоит из четырех предикативных единиц, соединенных при помощи сочинительной и подчинительной связи; эти четыре предикативные единицы объединены в два блока, из которых первый представляет собой сложносочиненную конструкцию, а второй — сложноподчиненную конструкцию; ведущей в предложении оказывается сочинительная связь, так как блоки объединяются при помощи союза *и*. Таким образом, данное многочленное предложение можно признать сложносочиненным — по ведущей связи. Ведущей может быть любой вид связи — сочинительная, подчинительная и бессоюзная.

Рекомендуемая литература

1. *Крючков С. Е., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. — 2-е изд., перераб. — М., 1977. — С. 130—135, 146—148.

2. *Николина Н. А.* Многочленное сложное предложение // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. — В 2 ч. — Ч. 2. / под ред. Е1И. Дибровой. — М., 2001. — С. 592—641.

3. *Скобликова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2006. — С. 139—149.

4. Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 2. — М., 1960. — С. 357—363.

[1] *Калашникова Г. Ф.* Факторы, определяющие протяженность сложного предложения. — С. 43.

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ (ССЦ) И ТЕКСТ

§ 1. Реализация предложения в тексте

Традиционно описание единиц синтаксиса заканчивается сложным предложением как высшей в структурном и семантическом отношении синтаксической единицей. Но сложные, как и простые предложения, реализуются в тексте и, формируя его, становятся композиционным единством. При этом они претерпевают различные структурные и семантические изменения.

Не любая последовательность[1] предложений может стать текстом; например, следующая цепочка грамматически оформленных предложений воспринимается как бессмысленный набор фраз: (1) *Вот эту карточку можно будет поставить на стол, возле чернильницы; а вот эту — нельзя, она с надписью.* (2) *Чемодан был раскрыт, и первое, что попалось ей на глаза, была пачка писем и фотографий.* (3) *Впрочем, и не надо: что было — то прошло.* (4) *Она вынула ее, присела на кровать и стала пересматривать.* Если расположить их в последовательности (2) — (4) — (1) — (3), то получится фрагмент рассказа Н. Берберовой «Зоя Андреевна»: *Чемодан был раскрыт, и первое, что попалось ей на глаза, была пачка писем и фотографий. Она вынула ее, присела на кровать и стала пересматривать. Вот эту карточку можно будет поставить на стол, возле чернильницы; а вот эту — нельзя, она с надписью. Впрочем, и не надо: что было — то прошло.* Предложения в составе такого текста обнаруживают смысловую и грамматическую связь между собой, превращаются в текст, который служит для выражения сложной и законченной мысли и имеет относительную законченность и независимость.

Как относительно самостоятельное воспринимается предложение (2), которое не теряет своей информативности при изолированном употреблении, так как оно не предполагает обязательного наличия левого, т. е. предшествующего, контекста. Предложения (1), (3), (4) обнаруживают «коммуникативную слабость», т. е. невозможность самостоятельного употребления вне контекста. С од-

[1] О текстовой категории последовательности см.: *Зарубина Н.Д.* Текст: лингвистический и методический аспекты. — М., 1981. — С. 28—55.

ной стороны, это связано с неполнотой (инкомплетивностью, по Н. Д. Зарубиной) предложений (3) и (1), с другой — с употреблением местоимений в тексте (прономинальностью, по Н. Д. Зарубиной): предложение (4) станет коммуникативно-сильным (самодостаточным) только в следующем словесном оформлении: *Она вынула пачку фотографий из чемодана, присела на кровать и стала пересматривать.*

Выделение Н. Д. Зарубиной коммуникативно-сильных и коммуникативно-слабых предложений позволяет описать структурные единства предложений в тексте.

Коммуникативно-сильные предложения обладают способностью самостоятельно употребляться в составе текста (одиночные предложения, по Н. Д. Зарубиной) или открывать группу коммуникативно-слабых предложений, формируя единства нескольких предложений. Ср. коммуникативно-сильные предложения (1) в начале рассказа в изолированном употреблении в составе текста и (2) открывающее единство предложений (подчеркнуто) в финале «Рассказа без конца» А. П. Чехова: (1) *В начале третьего часа одной из давно уже пережитых ночей ко мне в кабинет вдруг неожиданно вбежала бледная, взволнованная кухарка и объявила, что у нее в кухне сидит владелица соседнего домишки, старуха Милютиха*; (2) *Васильев, посвистывая и поправляя галстук, уходит в гостиную, а я гляжу ему вслед, и досадно мне. Жаль мне почему-то его прошлых страданий, — жаль всего того, что я сам перечувствовал ради этого человека в ту нехорошую ночь. Точно я потерял что-то...*

Выявление особенностей коммуникативно-сильных предложений, выполняющих функцию зачина в группе тематически близких предложений, и определение коммуникативно-слабых предложений как зависимых от левого контекста позволяют лингвистически обосновать выделение смысловых и структурных единств предложений в составе текста.

Как проявляется взаимоприспособляемость предложений в составе текста? Рассмотрим стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Русский язык»: *Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!* Цепочка из трех самостоятельных предложений подчинена одной коммуникативной цели — раскрыть значение русского языка для писателя. Эмоционально окрашенное рассуждение И. С. Тургенева выражено с помощью двух восклицательных предложений и риторического вопроса-утверждения между ними.

Тема *русский язык* в начале определена интимизирующим весь текст *ты* и распространенным обращением *великий, могучий, правдивый и свободный русский язык*, повтором личного местоимения

во втором предложении, указательным местоимением в третьем. Лексический повтор слова *великий* сначала как определения русского языка, а затем русского народа создает смысловое единство и законченность текста, которым подчинена и последовательность трех предложений.

Подобные объединения предложений в составе текста привлекали внимание лингвистов уже в XVIII — начале XX в. («Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова, наблюдения А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, А. М. Пешковского[1]), но предметом синтаксического описания в отечественной русистике они стали в середине XX в. и получили различные терминологические определения (более 20 к 70-м гг. XX в.)[2]: сверхфразовое единство[3], прозаическая строфа[4], сложное синтаксическое целое[5]. Наиболее распространенным является последний термин.

§ 2. Определение понятия «сложное синтаксическое целое»

Сложное синтаксическое целое (***ССЦ***) — это структурно-семантическое единство нескольких (двух и более) отдельных предложений, связанных между собой грамматически и тематически, в составе текста.

Главные признаки ССЦ — 1) тематическое единство предложений в группе, 2) специальные способы связи самостоятельных, интонационно законченных предложений друг с другом: единство видо-временных форм сказуемых, употребление местоимений, вводных слов, частиц, использование повторов, синонимических замен, неполнота коммуникативно-слабых предложений, порядок слов, соотнесенность актуального членения предложений.

---

[1] *Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). — 2-е изд. — М., 1991. — С. 8—17.

[2] *Маслов Б. А.* Проблемы лингвистического анализа связного текста (надфразовый уровень). — Таллинн, 1975. — С. 8—10.

[3] *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. — Киев, 1952. — Т. 1. — С. 392. Ср.: «Сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое, микротекст, период) — отрезок речи в форме последовательности двух и более самостоятельных предложений, объединенных общностью темы в смысловые блоки» (*Шевякова В. Е.* Сверхфразовое единство // Лингвистический энциклопедический словарь. — С. 435).

[4] Ср.: «Прозаическая строфа — это группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически законченных предложений, выражающая более полное по сравнению с отдельными предложениями развитие темы» (*Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). — М., 1973. — С. 131).

[5] *Поспелов Н. С.* Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР. — Вып. 2. — М., 1948. — С. 50.

Например, в отрывке из повести А. С. Пушкина «Выстрел» группа из четырех самостоятельных сложных предложений объединена темой «прощание рассказчика с Сильвио» (цифрами *1—8* обозначены предикативные части): *(1) Слуга^T / вошел и объявил^P, // (2) что лошади^T / готовы^P. (3) Сильвио^T / крепко сжал мне руку^P; // (4) мы^T / поцеловались^P. (5) Он^T / сел в тележку^P, // (6) где лежали два чемодана, один с пистолетами, другой с его пожитками^P. (7) Мы^T / простились еще раз^P,// (8) и лошади^T / поскакали^P.*

Единство и развитие темы повествования обеспечивается последовательностью акциональных[1] глаголов-сказуемых совершенного вида прошедшего времени (*вошел*, *объявил*, *сжал*, *поцеловались*, *сел*, *простились*, *поскакали*; исключение составляет сказуемое *лежали* в (6), выраженное глаголом локализующего значения[2], которое не нарушает единства динамической смены последовательных действий персонажей, а лишь констатирует отдельный факт), занимающих позицию ремы, в то время как подлежащие оказываются в позиции темы.

Грамматическая связь предложений проявляется в употреблении местоимений как внутри самостоятельных предложений, так и между ними: (*3*) *Сильвио* — (*3*) *мне* — (*4*) *мы*; (*3*) *Сильвио* — (*5*) *он* — (*6*) *его* (*пожитками*), (*4*) *мы* — (*7*) *мы*. Это средства выражения межфразовых связей внутри ССЦ.

Структура сложного синтаксического целого характеризуется, по наблюдениям С. Г. Ильенко[3], начальными компонентами ССЦ. Исследователем выделены 1) именительный темы, 2) инфинитив темы, 3) вопросительные предложения, например: *Ах*, *весна*, *весна! Все дело*, *верно*, *в том*, *что происходил весь этот вздор весною* (И. Бунин. «Далекое»); *Быть художником... Без горького*, *постоянного труда не бывает художников... а трудиться*, *думал я*, *глядя на его мягкие черты*, *слушая его неспешную речь*, *— нет! Трудиться ты не будешь*, *сжаться ты не сумеешь* (И. Тургенев. «Ася»); *Но для чего служат растению его яркие лепестки*, *его запах*, *медоносные железки? С первого взгляда значение их исключительно эстетическое...* (К. Тимирязев. «Жизнь растения»)[4]. Подобные структуры, несомненно, задают тему ССЦ, но приводимые автором примеры в основном почерпнуты из публицистических текстов, чаще других воспроизводящих шаблонные структуры. Более убедительным представляется взгляд Н. Д. Зарубиной, выделившей коммуникативносильные предложения в качестве инициальных компонентов ССЦ: их структура отличается большим многообразием, чем выделен-

---

[1] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982. — С. 162—163.

[2] Там же. — С. 159.

[3] *Ильенко С. Г.* Синтаксические единицы в тексте: Учеб. пособие по спецкурсу. — Л., 1989. — С. 24.

[4] Примеры из указ. раб. С. Г. Ильенко, с. 39.

ный С. Г. Ильенко набор, они распространены в текстах всех стилей речи.

На протяжении последних трех десятилетий менялись аспекты описания ССЦ: лингвисты изучали цепную и параллельную связи[1] предложений в ССЦ, в зависимости от этого или от типа речи, который обслуживается сложным синтаксическим целым, создавали типологию ССЦ, исследовали особенности порядка слов и актуального членения предложений, предопределенные их включением в ССЦ.

Структурным аспектом описания ССЦ является характеристика межфразовых связей — цепной и параллельной.

Цепная связь — это межфразовая связь, характеризующаяся соотнесенностью структуры предложений, базирующаяся на употреблении анафорических местоимений, на синонимических заменах, лексических повторах. Например: *Через двести, триста лет* ***жизнь*** *на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна* ***такая жизнь****, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец* (А. Чехов)[2]. Лексический повтор слова *жизнь* усиливается употреблением указательного местоимения во втором предложении. По наблюдениям Г. Я. Солганика, цепная связь выражается устойчивыми, повторяющимися синтаксическими соотношениями между членами соединяемых предложений: подлежащее — дополнение, дополнение — подлежащее, подлежащее — подлежащее, дополнение — дополнение и др.; местоименная связь, стилистически нейтральная и характерная для всех стилей речи, более тесно объединяет предложения, чем связь с помощью лексического повтора или синонимов[3].

Параллельная связь между предложениями в тексте — это связь, основанная на сопоставлении и противопоставлении предложений, реализующаяся с помощью параллелизма синтаксических конструкций. Например: (1) *Солнце / светит ярко,// и лучи его, / играя и улыбаясь, купаются в лужах вместе с воробьями.* (2) *Речка / надувается и темнеет; // она уже проснулась и не сегодня-завтра заревет.* (3) *Деревья / голы, но уже живут, дышат* (А. Чехов). Связь данных предложений проявляется в параллелизме синтаксического строения предложений: они являются двусоставными с глаголами-сказуемыми несовершенного вида (за исключением второй предикативной части в предложении (2) и в (3) первого составного именного сказуемого), имеют одинаковый порядок слов, актуальное членение в них совпадает. Для параллельной связи харак-

---

[1] Термины введены Г. Я. Солгаником в указанной работе 1973 г.

[2] Пример из указ раб. — С. 67.

[3] Там же. — С. 75—76.

терно единство видо-временных характеристик сказуемых и модальности, такая связь может подчеркиваться анафорой или эпифорой.

На основе выявления типа связи между предложениями в тексте Г. Я. Солганик, отказавшийся от сугубо синтаксического термина ССЦ и заменивший его термином «прозаическая строфа», выделил следующие разновидности текстовых единиц: 1) прозаические строфы, основанные на цепной связи, 2) прозаические строфы, основанные на параллельной связи, 3) другие типы прозаических строф (с единым субъектом; строфы, строящиеся по модели зачина; кольцевые строфы).

Итак, в основе структурной классификации лежит характеристика видов связи предложений в составе ССЦ, при этом учитываются и средства реализации связи.

Данная классификация во многом перекликается с типологией, основанной на анализе смыслового соотношения предложений в составе ССЦ. А. М. Ломов выделяет ССЦ параллельного, последовательного и смешанного строя[1].

В ССЦ параллельного строя между предложениями устанавливаются отношения смежности, соположения, а вся группа служит раскрытию общей картины, например: *Комната большая*, *низкая*, *в три окна*; *стены вымазаны белой краской*; *мебели нет. Перед домом голая равнина*; *постепенно понижаясь*, *уходит она в даль*; *серое*, *одноцветное небо висит над нею как полог* (И. Тургенев). ССЦ последовательного строя организуется на преемственности в содержании (ср. с цепной связью, по Г. Я. Солганику), например: *Я достал вчерашнюю бумажку. Муза схватила ее своей жесткой ручкой*, *постояла немного передо мною*, *как бы собираясь поблагодарить меня*; *но вдруг вздрогнула*, *оглянулась и*, *даже не поклонившись*, *проворно спустилась под гору.* (И. Тургенев). В ССЦ смешанного типа совмещаются последовательное изложение событий с параллельным описанием лиц, предметов, фактов, например: *Бабушка сняла очки и окинула Бабурина медлительным взором с головы до ног. Он опустил глаза и только руки за спину заложил. Собственно меня больше всего интересовала его борода*: *она была очень гладко выбрита*, *но таких синих щек и подбородка я отроду не видывал!* (И. Тургенев).

Классификация ССЦ на основе смысловых отношений между предложениями в составе ССЦ является менее синтаксичной, но позволяет соотнести ССЦ с типом речи: описанием, повествованием, рассуждением, что отвечает современным задачам школьного обучения.

К способам связи предложений в структуре ССЦ, наряду с лексическими и грамматическими средствами, относится и соотнесенность актуального членения предложений-высказываний: по-

[1] *Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису... — С. 329—330.

рядок слов и эшелонирование информации по степени коммуникативной значимости подчиняется единой коммуникативной цели.

Функционально-коммуникативная типология ССЦ основана не на характеристике видов связи между предложениями, а на выявлении рематической доминанты[1]. Поскольку рематическим центром предложения-высказывания, как правило, является группа сказуемого, в данной классификации учитывается семантика сказуемых в позиции ремы. На этом основании выделяют статические, динамические, смешанные ССЦ[2].

Так, рассмотренный на с. 276 пример параллельной связи из рассказа А. П. Чехова является образцом статического ССЦ, а в ССЦ из «Выстрела» А. С. Пушкина (с. 275) рематической доминантой являются акциональные глаголы, т. е. это пример динамического ССЦ. Смешанные ССЦ в данной типологии совпадают с аналогичным типом в классификации А. М. Ломова и терминологически, и по характеру доминанты.

В действительности Г. А. Золотова выделила шесть рематических доминант. Для статических ССЦ характерны 1) предметная (описание места), 2) качественная (характеристика предмета или персонажа), 3) статальная (описание состояния природы, среды, лица) доминанты; для динамических ССЦ — 4) акциональная доминанта (воспроизведение динамики действия); для смешанных ССЦ — 5) статально-динамическая (характеристика изменения состояния) и 6) импрессивная доминанты (передача субъективно-оценочного восприятия действительности).

Выделение ССЦ как синтаксической единицы остается дискуссионным вопросом, но изучение особенностей функционирования предложений в зависимости от их позиции в ССЦ и от выявляемых связей с окружающими предложениями позволило по-новому посмотреть, во-первых, на вопросы неполноты предложения и возможностей его сегментации и парцелляции, во-вторых, на вопрос актуального членения предложения (особенно инверсии), в-третьих, на место межфразовых связей среди других синтаксических связей. Кроме того, описание сложного синтаксического целого стимулировало поиски иных способов членения текста на составляющие его единицы.

Коммуникативный подход к анализу текста Г. А. Золотовой дает принципиально иное выделение единицы структуры текста — композитива[3] (см. § 3).

---

[1] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты... — С. 304—307.

[2] *Николина Н. А.* Сложное синтаксическое целое // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. — Ч. 2 / под ред. Е. И. Дибровой. — М., 2001. — С. 654—655.

[3] *Золотова Г. А.* Текст как главный объект лингвистики и обучения языку // Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса МАПРЯЛ. — СПб., 2003. — С. 101—109.

§ 3. Синтаксическое описание текста. Признаки текста

Вопрос о месте текста в синтаксическом описании возник уже в 70—80-е гг. XX в. Э. Бенвенист определил предложение верхней границей лингвистического анализа[1]. В соответствии с такой позицией изучение текста относят, в терминологии Р. Барта, к транслингвистике[2]. Близкий подход к проблеме продемонстрирован М. И. Откупщиковой, которая вслед за Ф. Данешем определила текст как единицу гиперсинтаксического уровня, в то время как предложение отнесла к синтаксическому уровню[3]. Возможность выделения гиперсинтаксиса, супрасинтаксиса допускалась и В. А. Звегинцевым[4].

В. Г. Адмони подчеркивал, что, с одной стороны, сфера грамматики и сфера текста принципиально раздельны, так как «в тексте отсутствует то предикативное отношение, которое составляет основу структуры предложения»; с другой стороны, он определял грамматику текста как раздел грамматики, изучающий поведение таких грамматических единств, как сверхфразовое единство (СФЕ) и абзацы[5]. Многие положения его работы 1985 г. не утратили своей актуальности.

Н. А. Николина, напротив, определяет текст как единицу языка и речи, включенную в систему синтаксических единиц наряду со словосочетанием, простым и сложным предложением и ССЦ[6].

При всей дискуссионности статуса текста в уровневой системе языка большинство лингвистов характеризует его как единицу речи. Г. А. Золотова во всех своих работах отмечает, что текст принадлежит не языковой системе, а механизмам реализации этой системы, и определяет его как речевое произведение, коммуникативно-смысловую единицу речи разного объема, обращенную к слушателю (читателю) и характеризующуюся линейной связанностью и грам-

---

[1] *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. — М, 1974.

[2] *Барт Р.* Лингвистика текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики: сб. статей. — М., 2001. — С. 170.

[3] *Откупщикова М. И.* Синтаксис связного текста. — Л., 1982. — С. 28. Ср. данное ей там же определение: «Текст представляет собой почти жестко фиксированную, передающую определенный связный смысл последовательность предложений, связанных друг с другом семантически, что выражено различными языковыми способами».

[4] *Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. — М., 2001. — С. 169.

[5] *Адмони В. Г.* Грамматика и текст // Вопросы языкознания. — 1985. — № 1. — С. 63—69.

[6] Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц / под ред. Е. И. Дибровой. — М., 2001. Фактически же далее в этом учебнике описание текста заменяется характеристикой ССЦ.

матически-коммуникативной целостностью[1], называет его единицей коммуникативного смысла[2].

В последнее десятилетие принципиально изменилось представление о структуре и семантике текста во многом благодаря достижениям коммуникативного синтаксиса, когнитивной лингвистики и антропоцентрической направленности логического анализа языка.

Каждый аспект изучения текста: структурный, семантический, коммуникативный — сосредоточен на своем круге задач. Например, при структурно-семантическом подходе к описанию текста ведется поиск конституирующих текст единиц, больших, чем предложение (ССЦ). При этом синтаксисты стремятся к четкому разграничению двух способов членения текста: 1) структурно-смыслового, на основании которого выделяются ССЦ (Л. Г. Бабенко[3], Н. А. Николина), или межфразовое единство (в терминологии Н. С. Валгиной[4]), и 2) объемно-прагматического — абзацное членение.

Описание текста через составляющие его ССЦ оказывается возможным и при функционально-коммуникативном подходе к тексту, что продемонстрировано А. Ф. Папиной, которая описывает его с позиций теории речевых актов: «...высказывание, ССЦ, текст — это коммуникативный вербальный акт письменной или устной речи» с внешней (формальной) и внутренней (семантической, прагматической) устроенностью, организованной путем создания целостности, логической последовательности и связности его частей»[5].

Коммуникативный подход Г. А. Золотовой к анализу текста дает принципиально иное выделение текстовой единицы — **композитива**, композиционно-речевой единицы на основе выделенных исследователем коммуникативно-речевых регистров. Г. А. Золотова формулирует 4 признака содержательной структуры текста, которые формируют коммуникативные регистры, выстраивающие композицию текста: синтаксические модели предложений с их типовым значением; соотношение динамики и статики (видо-временные функции предикатов и таксисные связи); пространственно-временная позиция говорящего по отношению к происходящему, смена точек зрения, способа восприятия; коммуникативные намерения говорящего и тактические речевые приемы[6]. Композитивы, таким образом, являются единицами структуры текста.

---

[1] *Золотова Г. А.* и др. Коммуникативная грамматика... — С. 317.

[2] Современный русский литературный язык / под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. — С. 675.

[3] *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа. — М., 2004.

[4] *Валгина Н. С.* Теория текста: Учеб. пособие. — М., 2003. — С. 42.

[5] *Папина А. Ф.* Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник. — М., 2002. — С. 8.

[6] *Золотова Г. А.* Текст как главный объект лингвистики... — С. 101—109.

С точки зрения смысловой организации выявлялись значимые для текста характеристики, такие, как субъект автора, стоящего за текстом, диктумная составляющая (т.е. способы отражения мира в тексте: событие и факт как объекты отражения, средства обозначения пространства и времени) и модусная составляющая (т.е. выражение позиции автора в тексте — модальность, субъективность). Полученные результаты исследования различных сторон текста приводят к поиску соотношения и различных текстовых категорий.

Все это свидетельствует об активном поиске механизма интерпретации текста и упорядочения извлекаемой из текста информации, а главное — конститутивных признаков текста.

И.Р.Гальперин в 1981 г. едва ли не первым определил 9 признаков текста: 1) информативность, 2) членимость, 3) когезию (внутритекстовые связи), 4) континуум, 5) автосемантию отрезков текста, 6) ретроспекцию и проспекцию, 7) модальность, 8) интеграцию и 9) завершенность текста[1]. Но данный набор признаков не является бесспорным. Так, Е.С.Кубрякова, оценивая перечисленные признаки текста, поставила под сомнение такие, как завершенность и автосемантия отрезков текста, а также выделенные И.Р.Гальпериным позднее письменную форму и наличие заголовка, и отметила, что «текст всегда должен рассматриваться как итог речемыслительной деятельности его создателя (говорящего, автора, источника), выполняющего особый замысел в его направленности на определенного слушателя (читателя) и т.п. Одно задает интенциональность текста, — он всегда создается для реализации какого-либо замысла, а другое — его информативность: информация вводится в текст и фиксируется в нем не сама по себе, а для чего-то, для достижения определенной цели, и с точки зрения отправителя она всегда существенна, релевантна, должна изменить поведение воспринимающего и в известном смысле рассчитана на определенный эффект и воздействие на адресата»[2].

В то же время в ЛЭС, как и позднее в работе Е.С.Кубряковой, связность и цельность определяются как два основных свойства текста, что определено подходом к тексту как к продукту, к результату речетворческой деятельности, эти параметры характеризуют собственно синтаксические особенности текста. Именно они позволяют выделять такие текстовые единицы, как ССЦ. Л.Г.Бабенко отнесла этот аспект характеристики к структурной организации текста.

---

[1] *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистических исследований. — 3-е изд. — М., 2005. — С. 22—23.

[2] *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М., 2004. — С. 513—514.

Интересной представляется интерпретация текста Т. В. Шмелевой через метафору тканья: «...если текст соткан, то в нем должны быть основа, уток и узор», «устройство текста определяется соединением двух обязательных составляющих — тематической основы и рематического утка, а также факультативного в плане выражения авторского узора»[1]. Тематическая основа текста определена автором как особая нить, которую составляют темы высказываний, рематический уток составляют последовательности рем высказываний, из которых состоит текст, а авторский узор — это словесные проявления авторского присутствия в тексте (экспликация фигур автора и адресата, метатекст, авторские оценки)[2].

§ 4. Текстовые категории

Попытки определить понятие «текст» и описать его признаки поставили вопрос о текстовых категориях, который можно считать едва ли не самым дискуссионным. В настоящее время понятие «текстовая категория» трактуется по-разному. При описании практически одних и тех же языковых явлений используются термины: «глобальная категория», «текстовая универсалия», «свойство текста», «пространство текста», «доминанта». Дефиниция текстовой категории Т. В. Романовой представляется одной из убедительных: категория текста — это совокупность языковых средств для выражения определенных инвариантных семантико-функциональных значений, коррелирующихся отношениями объективной действительности (или денотативной ситуацией)[3].

Параметры, характеризующие текст, И. Р. Гальперин назвал текстообразующими грамматическими категориями и разделил их на содержательные и формально-структурные[4]. Все эти категории получают свои конкретные формы реализации: категория информативности реализуется в повествовании, рассуждении, описании (обстановки, ситуации, действия, природы, личности); категория интеграции выражается а) в формах подчинения одних частей текста другим, б) в стилистических приемах, в) в синонимических повторах и др.; категория ретроспекции выявляется как композиционными, так и лексическими средствами. Этот путь во многом продолжен Л. Г. Бабенко, которая, кроме двух универсальных категорий — целостности и связности, дает список из 9 категорий, обеспечивающих целостность текста: информативность, интегра-

---

[1] *Шмелева Т. В.* Текст как объект изучения в школе: уч.-метод. пособие. — В. Новгород, 2005. — С. 7—8.

[2] Там же. — С. 7—12.

[3] *Романова Т. В.* Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. — СПб., 2004. — С. 14.

[4] *Гальперин И. Р.* Указ. раб. — С. 24.

тивность, завершенность, хронотоп, категории образа автора и персонажа, модальность, эмотивность и экспрессивность; из двух категорий, определяющих связность текста, — ретроспекцию/проспекцию, членимость.

По отношению к описанию структурной организации текста целесообразно говорить о свойствах связности и целостности. Е. И. Диброва выделила в качестве фундаментальной категории текстовой категории связность: она обеспечивает принцип последовательности повествования, а человеческое сознание, по мнению автора, выработало стандарты текстообразования как в области развития мысли, так и в области ее формы[1]. С этим перекликаются и идеи Л. Г. Бабенко, выделившей в качестве универсальных категорий текста целостность (план содержания) и связность (план выражения).

Наряду с текстовыми категориями, определяющими структурную организацию текста, выделяют категории, формирующие смысл текста. Любопытно, что во всех описаниях, при выделении разного количества текстовых категорий, лингвисты из всех семантических компонентов вершиной иерархии признают индивидуально-авторскую концепцию мира[2], а репрезентанты категории персональности (автор и персонаж) называют антропоцентрами. Пространство и время выполняют координирующую и моделирующую функции, сопрягаемые с категорией образа автора. Итак, при анализе текстообразующих составляющих лингвисты практически едины в выделении понятий человек — время — пространство[3].

Можно ли их определить как текстообразующие категории? С каким свойством текста они соотносятся? Ответ на этот вопрос можно дать, условно проводя параллель между категориями предложения и текста (ход не бесспорный, так как на единицу более высокого уровня накладываются признаки единиц, составляющих текст)[4].

Аналогичное предикативности свойство текста можно было бы определить как дискурсивность, т. е. соотнесенность текста с жизненной ситуацией. Дискурс же в этом случае аспект характеристики самой познаваемой человеком действительности, поэтому

---

[1] *Диброва Е. И.* Категория связности художественного текста // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. статей памяти В. А. Белошапковой. — М., 2001. — С. 300—311.

[2] *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. — М., 1988. — С. 25.

[3] См. также: *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. — М., 2007.

[4] Подробнее см.: *Вяткина С. В.* О соотношении текстовых категорий // Материалы XXXV междунар. филолог. конференции. — Вып. 18. — СПб., 2006. — С. 9—16.

говорят о политическом дискурсе, дискурсе спора и т.д. На основе этого общего свойства фактически и давалась функциональная классификация различных текстов: соотнесенность с виртуальной реальностью — художественный текст, соотнесенность с социальной деятельностью человека — публицистический текст, с правовой регуляцией общественной жизни — текст официально-деловой, с научной деятельностью — научный текст, соотнесенность с ситуацией непосредственного общения — разговорные тексты. Это и есть погруженность текста в жизнь, т.е. дискурс по Ю.С.Степанову[1].

Какие категории «работают» на дискурсивность? Если отталкиваться от категории лица для предложения, то она в полной мере проявляется именно на уровне текста. Для текста позиция автора, авторская концепция мира основополагающая, и это можно отнести к разным текстам: 1) различная степень явленности повествователя в художественном тексте (отсюда типология нарратива Е.В.Падучевой)[2], 2) проявления автора публицистического текста, 3) обезличенность, связанная с директивной направленностью официально-делового текста, 4) объективированность носителя научного знания в научном тексте, 5) индивидуальность коммуникантов в разговорном тексте (отсюда возможность исследования речевого портрета личности). От субъекта сознания автора текста выстраивается субъектная перспектива текста Г.А.Золотовой.

Модальность, определяемая некоторыми лингвистами как интегративная текстообразующая категория, скорее отражает отношение субъекта сознания к действительности, ее можно определить как субъективность, модель отношения к миру. Такое отношение будет проявляться на рациональном уровне, т.е. в оценке, и на эмоциональном уровне. Разные типы текста отличаются разной степенью субъективности субъекта сознания: 1) от максимального ее проявления в разговорном тексте, 2) открытой или завуалированной субъективности в художественном и публицистическом текстах, 3) до минимизации субъективного начала в научном и официально-деловом тексте.

Темпоральность (категория времени) — достаточная характеристика для предложения, но соотнесенность текста с ситуацией предполагает двойную систему координат — место и время. Пространственно-временная характеристика как координаты модели мира также проявляется в разных текстах в разной степени: максимально в разговорных, художественных и публицистических; опосредствованно в официально-деловых текстах, в основном как способ указания на условия гипотетической ситуации; достаточно

---

[1] *Степанов Ю.С.* Язык и метод: К современной философии языка. — М., 1998. — С. 671.

[2] *Падучева Е.В.* Семантические исследования. — М., 1996.

абстрактно в научных текстах. Объекты отражения, не являющиеся определяющими для структуры предложения в целом, для текста, даже для его функциональной типологии, являются важными: духовный мир человека, сам человек — в центре разговорного, художественного и публицистического текста; факты, события, ситуации значимы для этих же трех типов текста; для официально-делового — ситуации, а для научного — факты.

Итак, предметом изучения синтаксиса можно считать механизмы текстовых связей, характеристику структуры текстовых единиц, в первую очередь ССЦ. В данной области синтаксис сближается с лингвистикой текста, уже сформировавшейся самостоятельной дисциплиной, объектом исследования которой является текст как многоаспектная единица значения со своими категориальными свойствами.

Рекомендуемая литература

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистических исследований. — 3-е изд. — М., 2005.

Зарубина Н. Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. — М., 1981.

Золотова Г. А. Текст как главный объект лингвистики и обучения языку // Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса МАПРЯЛ. — СПб., 2003.

Золотова Г. А., *Онипенко Н. К.*, *Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998; — 2-е. изд. — М., 2004. — С. 450—485.

Ильенко С. Г. Синтаксические единицы в тексте: Учеб. пособие по спецкурсу. — Л., 1989.

Откупщикова М. Н. Синтаксис связного текста: Учеб. пособие. — Л., 1982.

Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР. — Вып. 2. — М., 1948.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учебник. — Ч. 2: Морфология. Синтаксис / под ред. Е. И. Дибровой. — М., 2001. — С. 641—658.

Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). — М., 1973; 2-е изд. — М., 1991.

Шмелева Т. В. Текст как объект изучения в школе: Уч.-метод. пособие. — В. Новгород, 2005.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОМ СТРОЕ

§ 1. Различное понимание новых синтаксических изменений в литературном языке

Образование национальных литературных языков, в том числе и русского, не останавливает процесса их дальнейшего развития. И хотя современный русский язык датируется традиционно «от Пушкина до наших дней», уже отмечалось, что более чем за полтора столетия язык не мог остаться неизменным. Это породило мысль о пересмотре его периодизации, о передвижении «точки отсчета» к концу XIX в. или даже к эпохе, последовавшей за 1917 г. Думается, что наиболее плодотворным является не поиск новых «точек отсчета», а признание постоянной изменчивости языка, обусловленной развитием мышления и языковыми потребностями говорящих. Совершенно очевидна необходимость в изучении истории языка не только на протяжении «больших» для жизни языка хронологических отрезков, но и внимание к «микроистории» языка. А такой «микроисторией» является развитие национального литературного языка, которое определяется законами его внутреннего развития и внешними факторами, ставшими в этот период особенно интенсивными.

В науке сформировались два основных направления, которые несколько по-разному исследуют изменения в синтаксической (и шире — грамматической) системе современного русского языка. Первое направление рассматривает изменения на значительном отрезке времени: середина XVIII — XX в. Еще во «Введении» к «Грамматике русского языка» В. В. Виноградовым были отмечены новые явления в организации словосочетаний и предложений. Особенно много наблюдений над новыми тенденциями развития сделано В. В. Виноградовым в области словосочетаний и синтаксических связей. В фундаментальном исследовании исторической грамматики русского языка XIX в., изданном Институтом русского языка АН СССР, грамматические изменения рассматривались на материале, восходящем к XVIII в.[1]. Сторонники этого направления преимущест-

[1] Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. — М., 1964.

венно описывали факты изменений как **внутрилингвистические** сущности. К ним прежде всего можно отнести внутреннее развитие системы языка, в данном случае *словосочетания*. К внутрилингвистическим факторам можно отнести и формирование функциональных стилей литературного языка, которое проявляется в диаметрально противоположных явлениях. Первое явление — размежевание стилей (деловой, научный, публицистический, стиль художественной литературы). Особое место занимает устная форма русского языка, описанная в XX в. под таким углом зрения, при котором она отграничивается от просторечия. Кроме того, разговорная речь рассматривается как система, в значительной степени противопоставленная кодифицированному литературному языку.

Размежевание стилей вырабатывает специфические черты разных языковых уровней, в том числе и синтаксического, например: развитие генитивных цепочек в деловом и научном стилях, именного строя предложений в научном стиле, экспрессивно-синтаксических конструкций в публицистическом стиле и в языке художественной литературы. Ср.: *На основе анализа палеографических и фациальных условий выделения площадей распространения фаций соляных лагун можно выделить перспективные участки постановки поисковых работ* (из научного текста). — *Но продвигались мы упорно. Бесспорно по России. Кажется, опять нас где-то «очень ждали». Кажется даже к нему домой. У него, оказывается, и дом был. И семья. И жена* (А. Битов).

Другое явление — взаимопроникновение стилей и разновидностей литературной речи. Как одно из наиболее заметных можно отметить влияние разговорной речи на письменные стили, например на публицистический и стиль художественной литературы.

Второе направление в изучении новых тенденций рассматривает изменения на более коротком временном отрезке. «Точкой отсчета» признается начало XX в. В литературе неоднократно отмечалась важность периода конца XIX — начала XX в. вообще для русской культуры и для развития русского литературного языка. При анализе новых явлений в области грамматики исследователи акцентируют внимание на **внешнелингвистических факторах развития**. В начале шестидесятых годов Институт русского языка АН СССР начал разрабатывать тему «Русский язык и советское общество», в 1968 г. вышло фундаментальное многотомное исследование на эту тему. В это же время вышли синтаксические труды Н. Ю. Шведовой[1]. Позднее была опубликована книга «Русский язык конца XX столетия (1985—1995)»[2], в которой, к сожалению, синтаксические изменения почти не описаны.

---

[1] *Шведова Н. Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание). — М., 1966.

[2] Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / под ред. Е. А. Земской. — М., 1996.

Исследователи отмечают зависимость синтаксических изменений от таких социальных факторов, как развитие массовой адресованной речи в XX столетии, связанное с применением массовых средств коммуникации (радио, телевидения), широких устных контактов, распространяющих устную форму литературного языка, научную и публицистическую речь.

Таким образом, объем и содержание понятия «изменения в синтаксическом строе современного литературного русского языка» трактуются несколько по-разному. Однако между этими направлениями есть общий подход к некоторым фактам, подвергающимся анализу: многие грамматические изменения, ставшие активными в наши дни, проявлялись и были отмечены значительно раньше.

Возникает трудный вопрос о причинах сдвигов в языке, в частности в его грамматическом строе, изменяющемся, как известно, медленнее, чем словарный состав языка. В истории лингвистики эта проблема решалась по-разному. То внимание лингвистов было сосредоточено на внутренних источниках языка, а иногда сам факт развития даже оставался вне поля зрения, например в некоторых направлениях структурной лингвистики. То, наоборот, преувеличенное внимание уделялось внешнелингвистическим факторам, как это произошло в некоторых направлениях советской лингвистики в двадцатые годы прошлого столетия.

Не отрицая ни внешних, ни внутренних причин развития языка, следует учитывать многостороннее влияние этих факторов[1].

§ 2. Синтаксические типы прозы

Переплетение внешних и внутренних факторов развития языка можно наблюдать и в истории синтаксиса. При описании новых тенденций в синтаксическом строе русского языка нормой считают то состояние, которое сложилось к периоду окончательного становления современного русского языка (пушкинский период). Однако язык этого периода является результатом развития системы русского языка предшествующих эпох. Таким образом, можно условно выделить три основных этапа, противопоставленных по общему состоянию синтаксической системы:

1) синтаксическая система русского языка в период до становления русской нации и русского литературного языка на национальной основе (до второй половины XVII в.);

2) различные периоды становления литературного языка на национальной основе (конец XVII — первая треть XIX в.);

---

[1] *Панфилов В. З.* О соотношении внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в функционировании и развитии языка // Теоретические проблемы современного советского языкознания. — М., 1964.

3) развитие современного русского литературного языка с первой трети XIX в. до XX в. включительно.

Синтаксическая система **первого этапа** очень ярко охарактеризована К. С. Аксаковым. Он назвал письменный язык этого времени «пишущимся разговором». Наиболее важным в организации нового письменного языка он считает синтаксис — «душу языка»: «Недостаток языка исключительно национального, языка разговорного большей частию есть недостаток синтаксиса в его настоящем полном развитии»[1]. Устная речь с ее спонтанностью, повторениями или, наоборот, недоговоренностью дополняется мимикой, жестом, ситуацией, «фраза, при отсутствии твердой, постоянной мысли, вполне ею владеющей, является всегда легкою, незамкнутою, открытою... Здесь совершенно наращение и убавление, условленное случайностью сферы; такая фраза есть фраза неорганическая, собственно разговорная»[2]. Сложные предложения с элементами нанизывания, различные разговорные синтаксические конструкции в сочетании с сугубо книжными (церковнославянскими) элементами создавали в большинстве памятников письменности пеструю картину синтаксических построений. Недостаточная спаянность синтаксических конструкций, значительная доля паратактических образований на различных синтаксических уровнях приводили к появлению больших по объему предложений, отдельные части которых могли быть или устранены, или выделены в самостоятельные предложения без принципиального нарушения синтаксической структуры высказывания. Так письменная речь в известной степени отражала расчлененность устного высказывания (без использования элементов расчленения, например, в экспрессивных целях, ибо предложение с элементами расчленения было нейтральной нормой письменного языка).

Для **второго этапа** характерно становление письменной фразы, вызванное потребностями создания нового литературного языка, особенно в XVIII в., в послепетровскую эпоху. Новые формы письменного языка были связаны с новыми стилями и жанрами, появившимися, в свою очередь, под воздействием радикальных изменений в общественной жизни с самого начала XVIII в. Складывается новый тип литературного высказывания, когда пишущий «уединенно остается со своей мыслью, уже общею по содержанию... и вместо звука голоса и живой речи перед ним лежит молчаливая бумага... тогда другим становится язык, восходит на высшую степень, развивает все свои общие, от случайности оторванные силы и в нем вполне является синтаксис»[3]. И письмо соот-

[1] *Аксаков К. С.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Полн. собр. соч. — М., 1875. — Т. 2. — С. 290.

[2] Там же. — С. 295.

[3] Там же. — С. 291.

ветствует такой фразе, которая составляется наедине с бумагой, «где слово ждет, пока сомкнется вся она [фраза], совокупит в одно целое все свои части; где слова должны помниться, пока предстанут в общем строении, — следовательно, в неудобной для разговора фразе, где часто глубоко, подолгу обдумывается выражение; такая фраза есть фраза органическая. Здесь встречаем мы эту твердую, незыблемую, так называемую тяжелую конструкцию; она вполне конкретно являет мысль»[1].

Эти метафорические оценки различного синтаксического строя предложения (органическая/неорганическая фраза) есть не что иное, как одна из первых попыток установить различие, которое потом было определено как аналитический/синтетический грамматический строй языка. Органическая фраза — это логизированное предложение, предполагающее полное развитие всех звеньев синтаксической цепочки, рассчитанное не только и не столько на устное, сколько на письменное выражение. Проблеме становления национальных литературных языков значительное место уделялось в трудах представителей Пражской лингвистической школы, отмечавших изменения в синтаксической системе: от «пишущегося разговора» — к предложению, которое воплощает «интеллектуализацию» литературного языка[2].

Синтетизм в грамматическом строе русского языка определяется, во-первых, флективным словоизменением, охватывающим как имена, так и глаголы; во-вторых, высоким развитием подчинительных синтаксических отношений и конструкций на уровне предложения. Своего предела, а иногда даже и избыточности, грамматический синтетизм достигает во второй половине XVIII — начале XIX в., после чего уже со времен Карамзина и особенно Пушкина синтетизм грамматического строя начинает ослабляться. «Органическая» фраза, логизированная и синтаксически развернутая, стала достоянием литературного языка и в своих основных чертах сохраняется в различных функциональных стилях. Такая фраза — важнейшее средство выражения и развития мысли: *Так думал Топоров, не соображая того, что ему казалось, что народ любит суеверия только потому, что всегда находились и теперь находятся такие жестокие люди, каков и был он, Топоров, которые, просветившись, употребляют свой свет не на то, на что они должны были бы употреблять его, — на помощь выбивающемуся из мрака невежества народу, а только на то, чтобы закрепить его в нем* (Л. Толстой); *И, прислонясь лбом к мерзлому стеклу, он тогда подумал, что Игорь ушел из этого земного мира, так и не увидев, не познав, не ощутив вот такого ночного неба, в котором было все: жизнь, юность, моло-*

[1] *Аксаков К. С.* Ломоносов в истории русской литературы... — С. 296.

[2] *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культуры // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967. — С. 351.

дость, ожидание любви, сожаление о невозвратимо прожитых годах, и где была непостижимость смерти сына, уже выраженная беспощадной невозможностью видеть ни само это небо, ни это далекое, околдованное порхание пылающей звезды... (Ю. Бондарев).

Данный тип прозы, свойственный многим литературным языкам периода их окончательного становления, исследователи называют **классическим** или **синтагматическим**[1]. Синтагматической прозу национального литературного языка назвали потому, что она развивает преимущественно синтагматическую сторону синтаксической организации на всех уровнях — в словосочетании, предложении, тексте. Но дело не только во внешней стороне. Синтагматическая проза — это синтаксический принцип передачи и оформления мысли. Синтагматическая цепочка построена на развитии подчинительных связей, которые выражены эксплицитно (т.е. открыто), при помощи флексий, предлогов, подчинительных союзов, соотносительных слов и т.п. Организация предложения представляется как иерархическая система, где элементы сообщения находятся в определенной взаимозависимости и это выражено средствами языка. Можно говорить об иерархическом характере связанности частей предложения, целостности картины, отраженной в предложении, частом совпадении границ предложения и высказывания и соответственно сравнительно небольшой загруженности интонации[2].

Этот тип прозы противопоставляется так называемой **актуализирующей прозе**. Сравним два прозаических фрагмента:

Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно ясно доказывает неимоверную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения (М. Лермонтов);

Есть в искусстве понятия — драматический анекдот и композиция. В анекдоте один влепил пощечину, другой схватился за щеку. А в композиции главное, кто ударил и кого. Потому что реакция оскорбленного непредсказуема. Может заплакать, может и захохотать, может обнять обидчика и утешить его, а может и почесаться или умереть от оскорбления (М. Анчаров).

Даже при самом беглом сравнении этих текстов бросается в глаза существенное различие в их синтаксической организации. Хотя тексты равны по объему и содержательно близки (авторское

---

[1] *Жирмунский В.М.* Задачи поэтики // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л., 1977. — С. 2.

[2] *Арутюнова Н.Д.* О синтаксических типах художественной прозы// Общее и романское языкознание. — М., 1972. Ср. замечание А.М. Пешковского о том, что, чем больше выражены грамматические отношения, тем меньше участвует в этом интонация (Избранные труды. — М., 1959. — С. 159).

рассуждение в ткани художественного повествования), их синтаксическая тональность совершенно различна. Подобную организацию текста художественного произведения можно назвать общеизобразительным синтаксисом, т.е. совокупностью «приемов художественного изображения собственно синтаксическими (в том числе ритмико-интонационными) средствами, при котором художественная действительность оказывается полностью объектом авторской обрисовки и оценки»[1].

Первый фрагмент — образец синтагматической прозы. Перед нами единое развернутое высказывание в виде одного предложения, с непрерывностью синтаксической цепочки, яркой выраженностью подчинительных отношений в различных синтаксических отрезках — от словосочетания до разветвленного сложного предложения. Отмечаем обилие цепочек последовательного подчинения, увеличивающих количество уровней синтаксической иерархии (например: *способность* (1) *русского человека применяться* (2) *к обычаям* (3) *тех* (4) *народов* (5)), больших соподчиненных групп (например: *меня* (I) *невольно* (II) поразила *способность* (III)... или: *этого* (I) *ясного* (II) *здравого* (III) смысла, *который* (IV)...)[2]. В предложении четко выражены синтаксические отношения (система флексий и служебных слов). Отношения диктума и модуса[3] также эксплицированы, т.е. находят отдельное грамматическое и лексическое выражение, что свойственно логизированной синтагматической прозе (например: *не знаю*, *достойно порицания или похвалы*...).

В первом фрагменте широко представлены предикатные существительные, отражающие событие или признак (*способность*, *порицание*, *похвала*, *свойство*, *гибкость*, *присутствие*, *смысл*, *зло*, *необходимость*, *невозможность*, *уничтожение*). Эти существительные способствуют созданию единого разветвленного предложения, в то же время они организуют подчиненность одних предикатных слов другим: в отрезке *видит невозможность уничтожения* слово *уничтожение*, будучи предикатным, находится на третьем уровне подчинения.

Второй фрагмент представляет новый тип прозы, показывает новые синтаксические тенденции. Высказывание состоит из нескольких отдельно оформленных предложений; это делает его иначе интонированным, ибо на месте точек обязательны паузы. Подобное оформление делает более значительными отдельные части

---

[1] *Иванчикова Е.А.* Синтаксис текстов, организованных авторской точкой зрения // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. — М., 1977. — С. 210.

[2] Арабскими цифрами обозначено количество уровней иерархии (в данном словосочетании равное пяти), а римскими — ширина соподчиненных групп (в данном словосочетании равная четырем).

[3] Диктум и модус — две непременные стороны организации предложения (диктум — содержательно-информативная сторона, модус — отношение говорящего к информации).

высказывания, поэтому данный тип прозы называют актуализирующим. Отношения, которые связывают отдельные предложения в данном высказывании, не выражены специальными служебными средствами, за исключением причинного союза *потому что*, употребленного в парцеллированной конструкции. Подчинительных конструкций значительно меньше, чем в первом фрагменте, преобладает бессоюзие и сочинение. Предложения короче, используется повтор (конструкция «*может и* + инфинитив»). Все перечисленные свойства характеризуют расчлененный текст. А синтаксическая расчлененность — это основное проявление аналитизма, ибо синтагматическая цепочка нарушается в различных синтаксических звеньях.

Характерно, что развитие аналитизма в синтаксическом строе современного русского языка началось рано, и уже в прозе А. С. Пушкина обычно усматриваются известные проявления грамматического аналитизма: *Это было на рассвете. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника. Весеннее солнце взошло, и жар уже наспевал. Я увидел его издали. Он шел пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу* (А. Пушкин). Это показывает, как рано зарождаются противоположные тенденции, вызванные, очевидно, влиянием стихии разговорной речи на письменный литературный язык. Дальнейшая демократизация литературного языка, усилившаяся в XX в., сделала тенденцию к аналитизму более заметной.

Следует подчеркнуть, что новые явления в грамматическом строе современного русского литературного языка не разрушают основ самого строя, а представляют лишь тенденции развития, а также активизацию уже имевшихся в синтаксическом строе структур, что приводит к изменению их конструктивной и стилистической значимости в современном языке. Кроме того, надо отметить, что аналитизм проявляется на различных уровнях грамматической системы и эти проявления взаимообусловлены. Однако стабильность синтетического строя современного русского языка несомненна. Аналитические тенденции в современной морфологии, на уровнях словосочетания и предложения представляют собой явления одного порядка. Если в морфологии аналитизм состоит в том, что парадигматические свойства знаменательных частей речи, преимущественно имен (например, несклоняемых существительных и прилагательных), выражаются средствами контекста, то в синтаксисе тенденция к аналитизму, охватывающая все синтаксические уровни, приводит к расчлененности высказывания, ослабленности синтаксических связей, сжатию и опрощению синтаксических конструкций[1].

[1] *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.

§ 3. Изменения в системе словосочетаний и синтаксических связей

Изменения в системе словосочетаний современного русского языка связаны с появлением иной синтаксической направленности внутри сложных словосочетаний, состоящих более чем из двух знаменательных слов (*подать заявление в суд — заявление в суд*), или с изменением синтаксических отношений внутри предложения.

Как проявление синтетизма следует отметить широкое использование связей управления и согласования в подчинительном словосочетании, которые основаны на активизации именного словоизменения — склонения имен существительных и прилагательных. В итоге в русском языке функционируют словосочетания с разнообразными комбинациями подчинительных связей знаменательных слов: *давно созданный скульптором Аникушиным* ***памятник*** *Пушкину на площади Искусств в Петербурге.* Это сложное словосочетание, состоящее из девяти знаменательных слов, организовано вокруг существительного *памятник* с использованием синтаксических связей согласования, сильного и слабого управления, примыкания, итогом чего является сложная цепочка словоформ, находящихся на различных ступенях иерархии относительно друг друга.

Следует отметить два основных результата изменения синтаксической направленности в словосочетаниях: образование компактных, сокращенных по количеству словоформ словосочетаний; ослабление синтаксических связей. Эти разные стороны одного явления ослабляют синтаксическую цепочку, уменьшают протяженность последовательного подчинения и соподчинения и делают более независимыми позиции словоформ в предложении.

Сокращение многочленных словосочетаний. Контаминация и распад словосочетаний. Выделим здесь наиболее заметные процессы.

1. Процесс образования новых соединений слов в результате распада трехчленных глагольных или глагольно-именных словосочетаний. Например, В. В. Виноградов оценивал словосочетание *мандарины из Грузии* как результат сокращения словосочетания *мандарины*, *привезенные из Грузии*, где словоформа *из Грузии* относится к причастию.

То же можно сказать о словосочетаниях *тепло от печки* (тепло, исходящее от печки), *свет от фонаря* (свет, идущий от фонаря).

Собственно глагольные словосочетания всегда представляли большее разнообразие моделей и вариантов по своей форме и особенно по значению и всегда были более частотны в употреблении, чем субстантивные. Развитие именных словосочетаний из глагольно-именных можно представить в такой последовательности.

Сначала из глагола образуется отглагольное существительное; конструкции, где зависимые компоненты имеют локальное значе-

ние (*из Москвы*, *с фронта*, *у фонтана*, *в город*), а главный компонент — «предикативное» существительное, были первым этапом этих синтаксических сдвигов: *приезд в Москву* из *приехать в Москву*, *письмо с фронта* из *писать с фронта*, *встреча у фонтана* из *встретиться у фонтана* и т. п. Образования подобного рода сложились в русском языке очень давно. Активным является рост именных словосочетаний, где стержневое существительное может быть и предметным: не только *встреча у фонтана*, но и *дерево*, *площадка*, *люди у фонтана*.

Следующий этап связан с расширением семантики зависимого слова (словоформы). Это не только словоформы с локальным значением, но и с разнообразными обстоятельственными значениями, которые формируются в современном литературном языке на протяжении XIX—XX вв.: *выпускать продукцию в счет будущего года — продукция в счет будущего года*; *продавать в магазине без продавца — магазин без продавца*; *приготовить раствор из извести — раствор из извести* и т. п.

Конечно, для каждого именного словосочетания подобного рода не следует видеть в качестве исходного прототипа развернутое глагольно-именное. Сейчас именные словосочетания образуются свободно, по модели «существительное + предложно-падежная форма».

2. Конструктивное воздействие одного словосочетания на другое в связи с семантической близостью — явление аналогии и контаминации в развитии словосочетаний. Классическим примером контаминации как результата действия аналогии является совмещение двух словосочетаний в выражении *играть значение* (из *играть роль* и *иметь значение*).

В изменении управления в словосочетании без нарушения стилистических норм выделяются два хронологических слоя:

изменение управления давно стало нормативным: *дарить кого*, *чем — дарить кому*, *что* (ср.: давать, отдавать кому, что); *свидетельствовать что — свидетельствовать о чем* (ср.: говорить о чем); *смеяться чему — смеяться над чем* (ср.: издеваться над чем);

нормативность изменения управления колеблется: *оплатить за проезд* вместо *оплатить проезд* (ср.: платить за что); *учинить расправу над работниками* вместо *учинить расправу с работниками* (ср.: насмехаться, надругаться над кем); *восхищение перед артистом* вместо *восхищение артистом* (ср.: преклонение перед кем); *поделились о впечатлениях* вместо *поделились впечатлениями* (ср.: рассказали о чем) и т. п.

Такого рода факты отражают процесс унификации синтаксиса под воздействием лексической семантики, поскольку близость семантики управляющих слов ведет к одинаковому грамматическому оформлению связи.

3. Процесс разрушения самого словосочетания происходит тогда, когда в двучленном словосочетании остается только один ком-

понент, но значение словосочетания «умещается» в оставшемся, т.е. имеет место как бы уплотнение, конденсация, смысловая и грамматическая (известны и другие наименования этого явления: компрессия, эллипсис, стяжение, включение и т.д.). Отметим случаи проявления этого процесса:

атрибутивное словосочетание распадается, и остается его бывшая зависимая часть: *Невский* (вместо *Невский проспект*), *Малый* (вместо *Малый театр*), *Хрустальное* (вместо *кафе* «*Хрустальное*») и т.п. Это не просто субстантивация прилагательного, а именно семантическая конденсация. Здесь новой лексемы не образуется. При субстантивации невозможна подстановка к этим бывшим прилагательным существительных в качестве главного компонента, а при семантической конденсации всегда остается возможность параллельного употребления с полным вариантом словосочетания;

из оставшейся части атрибутивного словосочетания образуется существительное: *Литературная газета — Литературная — Литературка*; *Публичная библиотека — Публичная — Публичка*. Вторая ступень преобразования может отсутствовать: *касторовое масло — касторка*, *кооперативная квартира — кооперативка*; такого же происхождения слова *продленка*, *напряженка*, *минералка*, *оборонка*, *малолитражка*, *многоэтажка* и т.п.

В литературе отмечались и некоторые другие изменения в сфере построения словосочетаний, однако сокращение не значит упрощение. Сжатие конструкции касается обычно ее линейной протяженности, уменьшения количества в ней словоформ, но информативное значение опрощенной конструкции остается без изменений — происходит смысловое ее уплотнение. Кроме того, во многих случаях образование новых словосочетаний не исключает использования прежних. Они могут употребляться параллельно, образуя синонимические ряды, члены которых различаются либо оттенками значений, либо стилистической окраской: *подать заявление в суд — подать в суд*, *завтра заседание кафедры — завтра кафедра*, *окончил обучение в университете — окончил университет*.

Ослабление синтаксических связей. Важным показателем аналитизма являются изменения в синтаксических связях, вызванные структурными сдвигами в построении словосочетаний. Общая тенденция состоит в том, что синтагматическая цепочка несколько ослабляется и сильные синтаксические связи, составляющие обычно синтетический облик русского языка, во многих случаях заменяются слабыми. Наибольшие изменения произошли в видах управления, так как растет потребность в передаче различных отношений между объектами действительности. В синтаксическом строе это проявляется в том, что увеличивается употребление различных падежных и предложно-падежных форм с разнообразным значением. Поскольку система падежных флексий русского языка хотя

и высокосинтетична, но неизменна, появляются новые значения падежных форм, связанные с лексическими подклассами, и растет количество предложных конструкций, как в языках с аналитическим синтаксисом.

Традиционно принято различать степени управления, связанные с разной зависимостью управляемого слова от главного. В классификации словоформ, прежде всего предложно-падежных, Г. А. Золотовой[1] выделены три типа функциональных позиций словоформ в предложении:

связанные предложно-падежные и падежные формы употребляются в словосочетании и представляют собой сильный тип зависимости. Это в основном традиционные случаи сильного управления, реализующие объектные и комплетивные (восполняющие) отношения: *писать письмо*, *ожидать решения*, *надеяться на друга*, *верить в товарищей*, *увлекаться музыкой*, *помогать сестре*, *добраться до города* и т. п.;

свободные формы слова — самостоятельные в своем значении предложно-падежные формы, встречающиеся как в словосочетаниях, так и в относительно самостоятельных позициях, например в функции заголовков: *Перед избирателями*; *Вокруг нас*; *В интересах дела*; *О друзьях* и т. п. В предложении такие словоформы не являются даже слабоуправляемыми, они синтаксически и семантически самостоятельны (по терминологии Н. Ю. Шведовой, детерминанты): *Вокруг нас было много народу*;

конструктивно-закрепленные (обусловленные) синтаксические формы, необходимые в создании определенной синтаксической структуры предложения, а не словосочетания, т. е. они обусловливают саму синтаксическую модель предложения, а не словосочетания: *Ребенку нездоровится*; *А у нас в квартире газ*; *Грибников тьма*; *С чтением не выходит*; *С другом беда* и т. п.

Связанные формы слова представляют тип связи не только сильный, но и устойчивый. Изменения в области сильного управления находят выражение в замене беспредложных конструкций с сильным управлением предложными: *оттягивать ремонт — оттягивать с ремонтом*, *обучение литературе — обучение по литературе*, *школа фигурного катания — школа по фигурному катанию* и т. п. Хотя стержневое слово словосочетания и диктует необходимость дальнейшего синтаксического развития, развитие это происходит в более свободной форме.

Наиболее показательной является судьба конструкций с переходными глаголами, демонстрирующими наиболее сильную степень глагольного управления. Наблюдения за переходными глаголами русского языка показывают, что реально встречаются синтаксические конструкции с переходными глаголами, которые име-

[1] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982.

ют несколько вариантов синтаксического распространения, сводящихся в основном к трем случаям:

переходные глаголы, которые всегда распространены винительным падежом в значении прямого объекта: это прежде всего глаголы конкретного действия типа *резать*, *мыть*, *брать*, *бросать* и т. п. Ни при каких ситуациях — даже при ответе на вопрос *Что он сейчас делает?* — мы не можем ответить: *Он моет* (*берет*, *бросает*). Лишь особые случаи речевого эллипсиса могут привести к его потере. Например: *Он берет мяч или бросает? — Берет*; *Он режет хлеб или мнет? — Режет*;

переходные глаголы несовершенного вида со значением отвлеченного действия: *Она вчера весь день читала*, *писала* при невозможности *Она вчера весь день прочитала*, *написала*;

переходные глаголы, употребляемые независимо от контекста или ситуации, без прямого дополнения, нередко сопровождаемые другими распространителями. Весьма часты случаи, когда у переходного глагола остаются зависимые от него формы косвенно-объектного значения. Это возможно тогда, когда глагол управляет двумя или даже тремя зависимыми словами: *Я к* ***вам*** *пишу*, *чего же боле?* (А. Пушкин); *Выдайте* ***человеку*** *на пиво* (А. Чехов); *Про генералов*, *ежели угодно*, *я могу и сам* ***вам*** *объяснить* (А. Чехов). В приведенных примерах синтаксическая природа объектных форм при переходных глаголах весьма различна: это и остаток одного из объектов (*пишу* что? к кому?), и возможность вариативного управления (*выдайте* что? на что?, *объяснить* что? про что?). Примеры можно умножить: *прощать детей / детям*, *вылечить грипп / от гриппа*, *платить золото / золотом*, *бросить палку / палкой*, *подать* (заявление) *в суд*, *написать* (бумагу) *на соседа* и т. п.

Во многих из таких случаев предложно-падежные и падежные формы при переходных глаголах обязательны, однако опора не на В. п., а на другие падежные формы делает конструкции с переходными глаголами более свободными, чем при В. п. прямого объекта. Употребление предложных конструкций усиливает их аналитическую организацию при переходных глаголах.

В других случаях абсолютивное употребление переходных глаголов находит опору в обязательном употреблении распространителей с обстоятельственным значением. Это глаголы как отвлеченного действия — *писать*, *думать*, *переводить*, *петь*, *видеть* (*Он* ***славно*** *пишет*, *переводит*; *Мальчик* ***давно уже*** *читает* ***по-английски***; *Она* ***весь день*** (***по утрам***) *пишет*; *Сова видит* ***по ночам***), так и конкретного физического действия, предполагающие множество возможных объектов: *бить*, *есть* и т. п. (*Он* ***больно*** *бьет*; *Дети ели* ***с жадностью***).

Обстоятельственные распространители как бы восполняют отсутствие прямого объекта (хотя они могут употребляться и одновременно с ним) и становятся необходимыми спутниками пере-

ходных глаголов в абсолютивном употреблении, придавая им значение обычного или повторяющегося действия. Предложения *Мальчик читает*; *Сова видит*; *Дети едят* вне контекста двусмысленны, ибо неясен оттенок временного значения, что весьма существенно для организации высказывания. Это значение уточняется контекстом: либо это эллиптированная конструкция со значением настоящего, либо настоящее потенциальное: *Ребенок видит* (обладает способностью зрения); *Пчелы жалят* (обладают способностью жалить).

В современном языке развивается употребление переходных глаголов и без опоры на какие бы то ни было распространители, что свойственно обычно разговорной речи, и с опорой на такой широкий контекст, что прямой объект воспринимается обобщенно. Очень часто этому способствует нахождение переходного глагола в однородном ряду предикатов: *Он не спит, а читает*. Отсутствие распространителей при переходном глаголе связано с семантикой и глагола, и отсутствующего объекта. Глаголы со значением чувства, умственной деятельности, восприятия более всего склонны к такому употреблению: *Но мысль променять это рассеяние, эти блестящие забавы на суровую простоту Петербургского двора не одна ужасала Ибрагима. Молодой африканец* ***любил*** (А. Пушкин); *Легко жить, если* ***не помнишь***. *Есть люди, наделенные завидным даром* ***забывать*** (Е. Евтушенко).

Конструкции с переходными глаголами без распространения широко представлены в языке современной публицистики, куда они попали, очевидно, под влиянием разговорной речи: *Для пьес, созданных когда-то очень давно, опять приходит их время — они овладевают сценой, думами актеров, выходят к зрителям и* ***волнуют***; *Поистине, чудодейственна сила человеческой памяти. Она* ***возвышает***, ***окрыляет***, ***учит***; заголовки типа *Тайга* ***зовет***; *Успехи «Зенита»* ***радуют***; *Фильм* ***обвиняет***. Заметим, что «выпавший» объект семантически однозначен — это слова-антропонимы, т. е. существительные со значением лица.

Глаголы конкретного физического действия тоже могут употребляться без распространителей, однако под влиянием процессов семантического стяжения, или включения, они поглощают объект, так как он достаточно однозначен: *готовить* (пищу), *курить*, *пить*, *пахать*, *сеять*, *молотить*, *прясть* и т. п. Происходит сдвиг в лексическом значении глагола, который может стать и непереходным (*пить* в значении «употреблять алкоголь»).

Таким образом, переходные глаголы в русском языке без опоры на конкретный речевой контекст могут иметь при себе прямой объект (1); при отсутствии прямого объекта — косвенно-объектный или обстоятельственный распространитель (2); не окружаются никакими членами предложения вообще (3). Если предположить, что употребление переходных глаголов типа (1) генетически

предшествует типу (2), а конструкции без всяких распространителей (3) — явление в литературном языке новое, то вырисовывается поступательное снижение силы синтаксической связи между переходным глаголом и объектом, что можно выразить следующей последовательностью: сильное управление (1), слабое управление или примыкание (2), отсутствие всякой связи (3), ибо словосочетание распадается.

Самостоятельное употребление предложно-падежных форм. Активизация свободных словоформ определяется, как указано выше, их позиционной самостоятельностью и смысловой самодостаточностью. Обнаруживается известное противоречие: слова, имеющие морфологически выраженные приметы зависимости, выступают в сравнительно независимых синтаксических позициях.

Синтаксические позиции свободных форм сводятся к двум основным:

позиции заглавий, где предложно-падежные формы конкурируют с именительным падежом: *Между прошлым и будущим*; *На Олимпиаде в Турине*; *Из Госдумы*; *Под ковром*; *О новой версии* «*Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия*»; *Только для читателей*; *В гостях у главного редактора*;

самостоятельные предложения, функционируюшие параллельно с номинативными (значительно менее распространено). В редких случаях они встречались и в литературном языке XIX в., но в ограниченных жанровых условиях — в дневниках, в ремарках драматических произведений: ***В восемь часов вечера***. *Светлый месяц взошел над долиною, я сижу на мягкой мураве и смотрю, как...* (Н. Карамзин); *Сцена I* (***В башне***); *Сцена III* (***Во дворце***) (А. Пушкин). В современных текстах: ***Вместо предисловия***. *Мне нередко делали и доселе делают вроде упрека или вопроса, зачем я...* (А. Шахматов); ***По творческой части***. *Вероятно, книгу еще придется отделывать. Сейчас она на прочтении у экономиста* (М. Шагинян). Наиболее часто в этой позиции встречаются формы с делиберативным значением, т.е. после глаголов говорения: ***О заповеднике***. *Война заставила нас перестроиться* (М. Шагинян).

Одним из ярких показателей слабой связи является употребление детерминирующих обстоятельств, которые трактуются как самостоятельные распространители предложения.

Употребление различных обстоятельств, выраженных предложно-падежными формами, не новое явление в русском языке. Например, зачины в древнерусской летописи начинались словами «В лето...». В течение многих веков в истории русского синтаксиса в самостоятельной позиции, обычно инициальной (в самом начале предложения), были представлены ограниченные семантические группы — преимущественно места и времени, что связано с необходимостью дать локальную и темпоральную рамки в предложении. Приметой литературного языка периода его активного ста-

новления является формирование обстоятельственных компонентов разных семантических групп (данный процесс характерен для многих европейских языков), ибо в это время происходит максимальное развитие подчинительных структур в пределах простого предложения. Еще в языке книжных письменных жанров XVIII в., основной сфере развития детерминирующих обстоятельств, отмечаются только четыре семантические разновидности: места, времени, цели и причины. За 300 лет, особенно в XX в., в русском литературном языке возросло количество семантических обстоятельств, в том числе детерминирующих (о выделенных в РГ-80 группах обстоятельственных детерминантов см. в п. 5 § 5 раздела «Словосочетание»). Обилие обстоятельственных значений связано с использованием новых, преимущественно отыменных предлогов, получивших большое развитие в литературном языке XIX—XX вв.: *в силу*, *в зависимости от*, *в отличие от*, *по мере*, *в рамках*, *в области*, *в смысле*, *по части*, *по отношению к*, *по поводу*, *в лице*, *в счет*, *в честь*, *по случаю* и т. п. Всего с родительным падежом сочетается 132 производных предлога. См. из текстов газет последних лет и официальных документов: *Гражданин Российской Федерации несет воинскую службу* ***в соответствии*** *с федеральным законом*; *Для сравнения*: *оборот «Дантона»* ***в зависимости от*** *ситуации на рынке составляет от 300 тыс. до 500 тыс. тонн зерна*; *Прием на работу оформляется приказом работодателя*, *изданным* ***на основании*** *заключенного договора*; *Причем* ***в случае*** *отказа вымогатели угрожали обратиться в суд и привлечь журналистов*; *Два отделения Ачинского диспансера требуют усиленной охраны* ***в силу*** *своей специализации.*

Таким образом, активизация детерминирующих обстоятельств выражается и в повышенной частотности употребления, и в возросшем их разнообразии. Развитие новых предлогов, употребление их преимущественно с обстоятельственным значением делает синтаксический облик современных предложно-падежных форм близким к аналитическим системам синтаксиса.

Функционирование формы именительного падежа в зависимых синтаксических позициях. Ослабление синтагматической цепочки возможно и за счет другого, внешне противоположного процесса: употребления И. п. имени в позициях, свойственных косвенным падежам. В отличие от свободного функционирования словоформ в косвенных падежах И. п. в зависимых позициях не выходит за пределы предложения, употребляясь часто в присловной позиции. Свою зависимость он поддерживает преимущественно с опорой на порядок слов и линейную контактность с господствующим словом. Это явление повышает употребление И. п. вообще.

Можно выделить две основные сферы употребления И. п. в зависимых позициях:

разговорная речь, где процент его употребления самый высокий — более 30 %. Отмечаются разные позиции зависимого И. п.:

в роли распространителя другого существительного в общеопределительной позиции, объекта при глаголе, распространителя при категории состояния и др.: *вон майонез баночка*, *наша дача станция рядом*, *молоко есть пакеты*, *как пройти бассейн «Динамо»*, *любой трамвай садитесь*, *математика тяжело*, *дождь не страшно*, *каша хорошо* и т. п. Распространение получили и названия адресов, обычно в И. п.: *Москва*, *Волхонка*, *5*. Интересно сравнить с адресом, написанным Хлестаковым в «Ревизоре» Н. Гоголя: *Его благородию*, *милостивому государю*, *Ивану Васильевичу Тряпичкину*, *в Санктпетербурге*, *в Почтамтскую улицу*, *в доме под нумером девяносто седьмым*, *поворотя на двор*, *в третьем этаже направо*;

в литературном языке возникают свои модели И. п. зависимого, в большинстве случаев не разговорного характера, а подчас даже характера книжно-письменного:

одиночные И. п. зависимые опираются на возрастающее количество несклоняемых существительных и других несклоняемых имен: *Самолет убрал* ***шасси***;

кратный (повторяющийся) И. п., т. е. синтаксическая группа, состоящая не менее чем из двух слов в И. п. в атрибутивной позиции: *Поезд шел по маршруту* ***Москва — Казань***. По отношению к слову *маршрут* весь комплекс ***Москва — Казань*** выступает как одиночное существительное в присубстантивной позиции, напоминая аппозитивное употребление существительных в И. п.: *под городом Пушкин* (одиночный И. п.).

Особенностью кратных И. п. является их употребление при семантически ограниченных группах существительных со значением пространственным (маршрут, участок, сообщение, район и т. п.): *участок* ***Тверь — Клин***, *сообщение* ***Москва — Воронеж***, со значением социативным: *партии* ***Крамник — Каспаров***, *матч* «***Зенит***» — «***Спартак***» и т. п.; количественным: *матч кончился с результатом* ***два — ноль*** и т. п. Отношения внутри самого комплекса трудно подвести под известные связи. Чаще всего в конструкциях типа «*Зенит*» — «*Спартак*», *Крамник — Каспаров* связь между субстантивами называют соположением. Соположенными бывают имена существительные, хотя возможны и другие категории слов — прилагательные, инфинитивы: *Он учился в* ***Ленинградском — Петербургском*** *университете*; *в прошедшие* ***десять — пятнадцать — двадцать лет***; *живет по принципу* ***есть — пить — спать*** и т. д. Характерно, что при соположении прилагательных и числительных И. п. необязателен. Кратные И. п. имеют оттенок книжности и свойственны преимущественно публицистическому стилю речи: см. из газет: *И у актера как бы лежит в кармане билет*, *который он предъявит тоже по четырем ведомствам*: ***театр — кино — телевидение — радио***; *Двое детей — это все-таки двое детей. Так что какой там* ***“театр-филармония”!*** Таким образом, активизация аналитических конструкций не ведет к упрощению синтаксической си-

стемы, а делает более тонким стилистическое и информативное использование различных синонимических возможностей синтаксических структур, поскольку в большинстве случаев новые типы словосочетаний находятся в параллельном употреблении с традиционными, т. е. создаются синтаксические ряды, обогащающие современный литературный язык.

§ 4. Изменения в области предложения

Развитие структуры предложения в современном литературном языке выражено менее ярко, чем развитие словосочетаний, однако и в структуре предложения происходят изменения, подобные тем, которые отмечаются в словосочетании, в частности наблюдаются явления сжатия синтаксических конструкций, несогласованности компонентов предложения. Эти процессы связаны и с изменениями в словосочетаниях, и с развитием нового типа организации предложения, и с развитием синтаксической организации текста.

Изменения в употреблении синтаксически связанных компонентов предложения. Существенным аспектом структурной организации предложения является фактор внутренней синтаксической компактности, цельности и синтагматической спаянности. В этом плане важно рассмотрение явлений, которые в традиционной грамматике называют осложнением простого предложения. Если предположить, что простое предложение мало изменяется по размеру, можно утверждать, что оно меняется по степени употребительности синтаксически связанных компонентов.

Даже в традиционном понимании осложнения много неоднозначного, и сам набор фактов и понятий «осложнение» очень разнообразен. В наиболее общем виде к явлениям синтаксического осложнения простого предложения относят: однородные члены предложения, обособленные члены (согласованные и несогласованные определения, приложения, причастные и деепричастные обороты), обращения, уточняющие и поясняющие члены, вводные и вставные конструкции, осложнение простого предложения междометиями и частицами. Таким образом, в этот набор попадают все те синтаксические конструкции, которые с точки зрения грамматики членов предложения не входят в формальный состав простого предложения.

Удельный вес осложняющих конструкций очень существен и для информационной насыщенности предложения и для его структурной сложности (см. п. 4, § 1 главы 1 раздела «Простое предложение»), при этом степень связанности компонентов простого предложения может быть различна.

Характерной чертой современного простого осложненного предложения сравнительно с распространенным в прозе XIX в., а осо-

бенно периода окончательного становления русского литературного языка на национальных началах (XVIII в.), является уменьшение употребления синтагматически связанных разновидностей осложнения (развернутых обособленных оборотов, цепочек однородных компонентов) и увеличение синтагматически не связанных типов осложнения, прежде всего вставных конструкций.

Наиболее значима в истории русского языка, с точки зрения насыщения простого предложения различными подчинительными конструкциями эпоха становления письменного литературного языка на национальных началах, которая охватывает почти два столетия — со второй половины XVII в. до пушкинских времен, когда развитие простого предложения характеризуется некоторым сокращением сочинительных, однородных рядов и большей связанностью компонентов на основе иерархической зависимости, что повышает информативную емкость конструкции.

Причастные и **деепричастные обороты** являются исторической категорией в русском синтаксисе, но они возникли позднее соответствующих придаточных предложений, когда проходило становление предложения на основе развития общего подчинительного строя.

Развитие распространенных причастных и деепричастных оборотов более всего способствует увеличению уровней синтаксической иерархии и размера простого предложения. Например, в ораторской прозе М.Ломоносова: *Изобразил бы я ныне премудрого и мужественного Алексея, бодрым своим духом ободряющего Россию, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающего благополучие подданных спасительными законами, полки военною наукою, церковь истреблением ереси, простирающего победоносный меч свой на Сармацию и России издревле принадлежащие великие княжества праведным оружием России возвращающего.*

Золотым веком употребления причастных оборотов можно назвать век XVIII, поскольку именно тогда усиливаются книжные, прежде всего церковно-славянские традиции, развиваются и создаются новые литературные стили и жанры. Помимо этих стилистических есть и грамматические причины — развитие различных звеньев простого предложения.

Наибольшая употребительность деепричастных оборотов приходится на XVII—XVIII вв. Деепричастные обороты возникли как морфологическая категория в русском литературном языке довольно поздно — в XIV—XVI вв., но деепричастие сразу же представляет собой «оборот» вместе со всеми распространяющими его компонентами. В XVII в. деепричастие как особая глагольная форма широко используется соответственно современной литературной норме. Основной сферой распространения деепричастных оборотов была деловая речь, в то время как причастные обороты были свойственны различным сферам книжного употребления, в том

числе научным и художественным. Причастные обороты создают стилистическую и синтаксическую статичность, так как они присубстантивны в отличие от деепричастных оборотов, более динамичных, употребительных в глагольных предложениях.

Постепенно частотность и значительная развернутость как причастных, так и деепричастных оборотов, наполненность словоформами по принципу последовательного подчинения ослабляются. Так, если в текстах середины XVIII в. на 100 предложений в разных жанрах письменности приходилось в среднем 38,8 причастных оборота и 33,6 деепричастных, то к концу XIX в. на 100 предложений в жанре публицистики приходилось в среднем 29,4 причастных оборота и 6 деепричастных; к 1960-м гг. в том же жанре — 18,6 причастных и 8,1 деепричастных оборота. В настоящее время причастные обороты особенно устойчивы в научном стиле речи, деепричастные — в деловом и отчасти в публицистическом.

Обособленные согласованные и **несогласованные определения** — также историческая категория в русском синтаксисе. Эта конструкция более «молодая», чем причастные и деепричастные обороты, она возникла не ранее XVII в. З. К. Тарланов указывает: «...категория обособления — это новая, поздняя категория в истории русского языка, вернее — категория синтаксиса нового времени, соответствующая периоду иерархически организованного, гипотаксического, синтаксиса». И далее: «Наконец, зарождение новой синтаксической категории в русском языке — категории обособления — системный поворот в русском синтаксисе в сторону развития именного строя предложения наряду с изначальным — глагольным»[1].

В языке XVIII в. в художественных жанрах обособленные определения редки, их распространение относится к XIX в. и связано с развитием художественной литературы, прежде всего поэтической речи.

На протяжении XIX в. отмечаются изменения в употреблении обособленных адъективных оборотов. Они состояли, во-первых, в том, что краткая форма имени прилагательного стала выходить из употребления, оставаясь лишь в поэтической речи, во-вторых, адъективные обороты стали более пространными, в частности за счет однородности: *Румяный*, *жизнерадостный и счастливый*, *каким может быть только двадцатилетний человек на заре жизни*, *полный надежд от будущего*, *он был необыкновенно весел* (К. Станюкович).

По мнению некоторых лингвистов, обособленные определения в начале XIX в. оценивались как галлицизмы. В современном литературном языке отмечается, на что указывает Л. А. Булаховский,

[1] *Тарланов З. К.* Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. — Петрозаводск, 2007. — С. 300—302.

употребление изолированного И. п., совпадающего по форме с номинативным предложением, но по функции — с несогласованным определением: *И вот к нему подошла маленькая женщина* с *мальчишеским лицом*, *задумчиво-плутоватым и смешливым*. ***Голубая майка***. ***Стриженые волосы*** (В. Панова); *Старушка* — ***очки в роговой оправе***, ***зачесанные со лба редкие волосы***, ***кружевной воротничок и белые манжеты*** — *ворковала*, *точно младенца убаюкивала* (Н. Самвелян); *Был он худ и черняв*, ***лицо длинное***, ***морщинистое***, *из-под картуза глядели маленькие*, *темные*, *глубоко сидящие глаза* (Б. Харчук). В этих примерах используется популярная конструкция, конкурирующая более всего с несогласованным обособленным определением. Приведенные примеры можно дать в более традиционной форме: *Был он худ и черняв*, ***с лицом длинным***, ***морщинистым…*** *Старушка*, ***в очках***, ***в роговой оправе***, ***с зачесанными со лба редкими волосами***. ***С кружевным воротничком и белыми манжетами***.

С традиционным несогласованным определением современное употребление изолированного И. п. сближает определительная функция, а также книжная окраска. Новым, что принципиально отличает И. п. изолированный, является синтагматическая отчлененность, его изоляция от основного предложения, вызванная именно заменой косвенного падежа именительным. Особенная отчлененность отмечается при постановке скобок, когда номинативы оказываются в положении вставок. Функциональная сфера подобных конструкций — описание персонажей художественных произведений. Эти же функции свойственны и несогласованным определениям.

Таким образом, обособленные субстантивные обороты, стилистически ограниченные рамками языка художественной литературы, могут значительно изменить свой синтаксический облик: из традиционной формы распространения простого предложения с эксплицитно выраженной синтаксической связью они превращаются в конструкции с независимой падежной формой, не подкрепленные связью управления. Хотя они и не самостоятельны в тексте ни информативно, ни формально, синтаксическая расчлененность текста с данными конструкциями выше, чем при употреблении традиционно несогласованного определения.

Рассмотрение изменений в области синтагматически связанных компонентов предложения свидетельствует о двух прослеживаемых тенденциях:

некоторое сокращение употребления причастных и деепричастных оборотов, более всего поддерживающих синтагматически связанные подчинительные цепочки в простом предложении;

развитие номинативных групп, в центре которых находится существительное в И. п. и которые, выполняя атрибутивные функции, конкурируют с обособленными субстантивными группами, организованными связью слабого управления с существительны-

ми, занимающими различные синтаксические позиции в предложении.

В современном русском языке сохраняются и продолжают развиваться другие виды «свертывания» сложных предложений в полипредикативные простые. Это прежде всего употребление субстантивных групп, организованных отглагольными и отадъективными существительными, семантическая связь которых поддерживает их окружение в виде разнообразно представленных подчинительных форм, согласованных и «примыкающих»: *перевозки **грузов** — **грузовые** перевозки — **грузо**перевозки*. Последний член этого ряда свидетельствует о развитии аналитизма в синтаксическом оформлении подчинительных отношений.

Современный русский литературный язык характеризуется развитием **вставных конструкций** (как синтагматически связанных, так и не связанных с основным предложением). Сам факт вставки (парантезы, как ее прежде называли) резко нарушает синтаксическую и интонационную организацию предложения. Этот вид осложнения простого предложения существенно отличается от обособления как в функциональном, так и в формально-синтаксическом плане. Самое важное отличие состоит в том, что вставные конструкции представлены различными синтаксическими единицами: словоформами, словосочетаниями, простыми и сложными предложениями, а также значительными по протяженности отрезками текста; минимальные вставки — вопросительные и восклицательные знаки. Например: *На следующем уровне подводим итог: в зависимости от расстановки слов мы чувствуем 124* (***!***) *— и это отмечал еще Пешковский — различных смысловых оттенка* (Русский язык в школе. — 1969. — № 4); *Недавно в США стала выходить газета «Сайентист»* (*«**Ученый**»*) (Вопросы литературы. 1989. № 2); *Тургенев отдает дань традиции* (***зародившейся в эпоху европейского классицизма***) *изображения Рима и его окрестностей, свойственного историческим преданиям* (Из журнала); *А дом был большой, двухэтажный — **знаете эти северные просторные дома?** — хозяйка наша, тетка моего друга, спала внизу, мы располагались на втором этаже* (Ю. Бондарев); *Я разыскивал своих, которых потерял, возвращаясь из полка... Потери в этом потоке войск, в тесноте движущейся техники...* (***Обычная участь дивизионного корреспондента — искать свою часть на дорогах наступления, а потом, возвращаясь из части, искать свою редакцию***.) *Я стоял на тротуаре на улице среди людей...* (Из газет). Материал в примерах разнообразен прежде всего по синтаксическому статусу вставных конструкций, их синтаксическим связям с предложением, в которое он «вторгается», по местоположению в нем или в тексте, по функциям в зависимости от стиля текста (научная, публицистическая, художественная проза).

Вводные и вставные конструкции имеют существенные функциональные, грамматические и генетические различия. Если вводн-

ные конструкции всегда модально окрашены и их соотношение с основным предложением выражает субъективную модальность, то вставные предложения (словоформы, словосочетания) представляют собой самостоятельное содержательное сообщение, включенное в основное предложение, а иногда замыкающее его (вставное предложение в отличие от вводного никогда не может предшествовать основному).

Однако между вводными и вставными конструкциями нет четкой границы. Во-первых, вставные конструкции также могут иметь субъективно-модальное (оценочное) значение: *Это была первая Санина ночь в тайге — **и какая ночь!** — точно взявшаяся показать ему один из своих могучих пределов* (В. Распутин). Во-вторых, в положении вставных могут оказаться и вводные конструкции: *Калиныч* (***как я узнал после***) *каждый день ходил с барином на охоту* (И. Тургенев) Ср.: *Калиныч*, ***как я узнал после***, *каждый день ходил с барином на охоту.*

Образование вставных конструкций, по-видимому, связано с постепенно развившейся практикой пунктуационного выделения в письменной речи синтаксически различно оформленных единиц для специального отделения их от основного предложения. При этом возникают две связанные между собой проблемы — синтаксическая и пунктуационная. Синтаксическая состоит в том, что, не без влияния устной речи, появляется возможность двупланового повествования, первый план отражен в основном предложении (или в тексте), а второй — во вставке.

Разговорной основой вставных конструкций являются вставки, распространенные в устном говорении, самоперебивы, возникающие по ассоциации, часто для уточнения или разъяснения основной информации. На материале письменной речи трудно провести четкую границу между вставками, имитирующими разговорные, и собственно книжными вставными конструкциями как особыми синтаксическими образованиями, представляющими особый тип повествования.

Развитие вставных конструкций, начиная с XVIII в., свидетельствует о практике их употребления, постепенно распространяющейся во всех функциональных разновидностях письменного языка[1]. Многочисленные вставки в текстах художественной литературы XIX—XX вв. объясняются потребностью передать большую дозу информации.

Обращение к различным функционально-жанровым разновидностям языка XVIII в. показывает, что вставные конструкции регулярно употребляются в памятниках деловой письменности, в публицистике, например в петровских «Санкт-Петербургских ведо-

[1] *Вяткина С. В.* Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке // Тенденции развития русского языка. — СПб., 2001.

мостях». В начале XVIII в. прежде всего реализовались такие функции вставных конструкций, которые позволяли пишущему правильно и ясно излагать мысль: функцию пояснения, в частности перевода иноязычных слов; функцию мотивации и функцию ссылки на источник информации. Так, в современной публицистической и научной прозе находим поясняющие вставки: *Секретагоги* (***по-англ. secretogogues***, ***т. е. усиливающие секрецию***) *— это вещества, действующие при приеме как стимуляторы* (Из газет); *Сергей Труфанов, бывший Иллиодор, проживал в норвежской Христиании* (***нынешнем Осло***) *и был озадачен изданием своих мемуаров* (В. Пикуль); мотивирующие вставки: *Смертельно ненавидя превосходство чужого ума, он по закону хозяев* (***их жажда разрушений неутолима***) *утверждает пошлость, клевету, формулы зависти и раздора* (Ю. Бондарев). Функция ссылки на источник информации, появившаяся у вставных конструкций очень рано, сближает вставные и вводные построения (в функциональном, но не в формально-синтаксическом отношении): *Тургеневские «миги» прошлого полны лирического напряжения, силы «жизненной волны»* (***Ап. Григорьев***). (Вопросы литературы. — 1988. — № 8).

Основной функцией вставных конструкций является передача дополнительных сведений, которые не необходимы для понимания информации, изложенной в основном предложении, и возникают у пишущего по ассоциации, попутно; они имеют отношение к содержанию основного предложения, однако могли бы быть опущены: *Остроты Тютчева сохранились и в письмах, и в записях, и, конечно, было бы очень печально, если бы знавшие Анну Андреевну не записали по свежим следам ее иронических* (***иногда очень хлестких***) *отзывов о тех или иных книгах, людях, вещах* (К. Чуковский).

Употребление большого количества вставных конструкций, в том числе и вставок во вставках, характерно для полемической публицистики: *Новое направление Н. Гумилев характеризовал тем, что «акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов»* (***что***, ***впрочем***, ***в России поэты делали уже сто лет***), *«более чем когда-либо вольно переставляют ударения»* (!), *привыкли «к смелым повторениям мысли»* (!), *ищут в живой народной речи новых слов* (!), *обладают «светлой иронией, не подрывающей корней веры»* (***вот это благоразумно!***), *и не соглашаются «приносить в жертву символу всех прочих способов поэтического воздействия»* (***кому***, ***кроме Н. Гумилева***, ***приходит в голову видеть в символе «способ поэтического воздействия»? и как этот символ — например, крест — «воздействует поэтически»? — этого я объяснить не берусь***) (А. Блок).

Распространение с дополнительными сведениями факультативного характера ведет к лаконичности повествования, хотя в иных случаях и допустимо включение описания деталей. Лаконизм подчеркивается при экспрессивном использовании вставных конструкций: *покупаю по дороге* (***на последние деньги***) *булку, иду на Фон-*

танку (К. Чуковский). Одиночный характер подобных вставок в языке современной публицистики выражает позицию повествователя, помогает устанавливать контакт с читателем. Экспрессивность этих вставок поддерживается и соответствующей интонацией, и употреблением соответствующей лексики.

Синтаксическое строение вставных конструкций частично определяется их функциями, а частично — функциональной направленностью текста. В некоторых видах письменной речи образуются клишированные синтаксические вставки, например, в языке научных произведений принято: (*см.*), (*ср.*) или (*с.*) В других функциональных стилях — большая свобода синтаксической организации вставок, в том числе и ссылочных.

Учитывая нарушение синтагматической цепочки при любой вставке, условно назовем синтагматически связанными вставки, сохраняющие морфолого-синтаксическую соотнесенность с основным предложением. Синтаксически связанными с основным предложением могут быть отдельные словоформы на базе сочинительной и подчинительной связи, группы словоформ, которые представляют собой изоляцию обособленных оборотов (причастных, деепричастных адъективных, субстантивных), а также придаточные предложения: *Одним глазом* (***безразлично — левым или правым***) *всю истину не разглядишь* (А. Адамович); *Чередование — это закономерная замена одного звука другим в пределах морфемы* (***чаще всего корня***, ***но может быть также в приставках и суффиксах***), *возникающая при изменении слов* (***склонении и спряжении***) (А. Моисеев); *Классическая наука* (***и ее викторианские и более ранние иллюзии***) *отдаляла разум от поэзии* (Из журнала); *Положителен только тот, кто хочет быть вполне человеком: заботясь о собственном состоянии, любит и других людей* (***потому что одинокого счастья нет***) (Н. Чернышевский); *О Борисенкове* (***хотя никто не мог ничего доказать***) *ходили именно такие слухи* (А. Ананьев); *Если бы в июле четырнадцатого Англия твердо определила свою позицию — войны бы не было* (***в чем Варбург отчасти прав***) (В. Пикуль).

Синтагматически связанные с основным предложением вставки, особенно оформленные подчинительными словами, уже широко представлены в литературном языке XVIII в., где они составили более половины всех вставных конструкций и в публицистических, и в художественных текстах, что, несомненно, свидетельствует о господстве в этот период синтагматической прозы.

Сила вставочности, выраженной прежде всего пунктуационно, весьма велика. Скобки заставляют прочесть сообщение, в них помещенное, с особой интонацией — более низким тоном и в более быстром темпе, в результате чего эти сведения воспринимаются как дополнение к основной информации.

Одним из средств связи вставных конструкций с основным предложением является включение в начало вставки вводных слов

(*кстати*, *между прочим* и т. п.), подчеркивающих факультативный характер содержания вставной конструкции: *Одно открытие его* (***кстати***, *некая панацея для лечения от алкоголизма...*) *было удостоено премии*, *запатентовано* (А. Битов); *Ставить нас на черную работу* (***например***, *разбирать мусор или грузить тяжести*) *было неудобно* (В. Распутин). Вводные слова служат как бы связующими, они не только подчеркивают факультативный характер вставки, но и ее естественность, некую плавность с синтагматической точки зрения.

На протяжении XIX—XX вв. нарастает тенденция к преобладанию вставных конструкций в виде отдельных словоформ, словосочетаний, предложений, синтагматически не связанных с основным предложением: *Многие читатели уже подписались на АиФ на первое полугодие 2003 г. в период досрочной подписки по индексу 32123 или в течение сентября — октября* (***индексы 50187***, ***32123***). (АиФ. — 2002. — № 43); *Бек*, *являвший собой как боец уж очень непрезентабельное зрелище* (***огромные ботинки***, ***обмотки***, ***которые у него поминутно разматывались и волочились по земле***), — *как мог он в таком виде без всяких документов добраться до Москвы*, *которая*, *по существу*, *уже была в ту пору прифронтовым городом?* (Б. Рунин).

Характерно, что словоформы, составляющие вставную конструкцию, стоят в И. п., а это общая тенденция в развитии аналитизма. В таких конструкциях скобки не могут быть сняты или заменены другими знаками препинания без синтаксических изменений: *По индексам 50187, 32123...*; *...непрезентабельное зрелище: в огромных ботинках*, *обмотках...* Иногда параллельно то используется не связанная с основным предложением вставная конструкция, то близкая информация передается распространенным согласованным определением.

В настоящее время синтагматически не связанные с основным предложением вставки преобладают преимущественно в художественной литературе и весьма распространены в языке публицистики и в научном стиле. Ослабление синтаксической связи вставки с основным предложением представлено преимущественно в трех разновидностях конструкций:

с синтаксической связью на уровне подчинения и сочинения и употреблением сочинительных и подчинительных союзов при вставке отдельных предложений;

без этих форм связи, но с употреблением вводных слов и некоторых других связующих средств;

без всяких внешних показателей синтаксической связи.

Все три разновидности конструкций сосуществуют, но в современном языке удельный вес синтагматически не связанных повышается.

Широкое распространение вставных конструкций во всех функциональных разновидностях современной письменной речи сви-

детельствует об их привычности и различных функциях. В языке художественной литературы наиболее полно реализуются те функции вставок, которые не являются обязательными с точки зрения понимания содержания основного предложения. Дополнительный план повествования в виде особой вставочной конструкции становится узаконенным книжным средством.

В языке русской поэзии вставки встречаются регулярнее и преимущественно оформляются скобками, однако выполняют, как правило, экспрессивные задачи: *Но целью взоров и суждений / В то время жирный был пирог* / (***К несчастию***, ***пересоленный***) (А. Пушкин); *И вот, как бы беседуя с собой, / Сознательно она проговорила* / (***Я был при ней убитый***, ***но живой***): / «*О, как все это я любила!*» (Ф. Тютчев); *И каждый вечер, в час назначенный* / (***Иль это только снится мне?***) / *Девичий стан, шелками схваченный, / В туманном движется окне* (А. Блок).

Таким образом, тенденция к развитию аналитизма проявляется в активном употреблении вставных конструкций. Информативная двуплановость повествования ищет экономные способы выражения, и в наибольшей степени в письменном языке этому отвечает такой сильный знак, как скобка, который может дать соответствующий результат даже при формальном сохранении синтагматических связей между вставным и основным предложениями.

Одним из ярких показателей расчлененности простого предложения является **активизация грамматической некоординированности его главных членов**. Координация главных членов двусоставного предложения базируется на согласованности морфологических форм сказуемого и подлежащего. Внешне эта связь сходна с согласованием. Согласованность распространяется и на предложения с именным сказуемым, ибо согласовательные функции, кроме прочих, берет на себя глагольная связка.

В русском синтаксисе набор морфологических форм в именной части сказуемого был всегда ограничен и, в принципе, также «согласован» с подлежащим, — это краткие и полные прилагательные или существительные в И. п.; Т. п. предикативный (существительного, прилагательного) — более позднее явление в истории славянских языков, свидетельствующее о некоторых сдвигах в координации главных членов. Однако оно не могло привести к полной некоординированности, потому что Т. п. предикативный специализируется на выражении признака подлежащего (сначала это была одна конкурентная форма к И. п. предикативному) и практически не употребляется при отсутствии связочных глаголов. Сложность в трактовке сказуемого обусловлена важной особенностью русского языка — наличием безглагольных предложений самого различного строения, например: *Мой ученик теперь сам учитель*; *Вечер*; *Сегодня воскресенье*; *Яблок уйма*; *Яблок-то!*; *В лесу сыро*; *Ему холод-*

но; *Воды*; *У дочери радость*; *Все яблони в цвету*; *Аптека рядом*. Выражение настоящего времени в предложениях именного типа в русском языке осуществляется без реального присутствия не только глагола-связки, но и глагола бытия в несвязочном значении местонахождения. Ср.: *Они в ссоре — Они в амбаре.*

В наше время возрастает частотность употребления безглагольных двусоставных предложений, где в позиции сказуемого встречаются падежные и предложно-падежные формы, различающиеся по своему значению. Особенно показательным для сегодняшних тенденций в русском синтаксисе становится расширение круга так называемых несогласованных сказуемых в форме косвенных падежей имен и наречий: *Парень ты* ***с головой***; *Перерыв* ***с 14 до 16***; *Петергоф* ***недалеко от Петербурга***.

Наиболее древними «несогласованными» сказуемыми были предложно-падежные формы, соотносительные с атрибутивными словосочетаниями, с традиционными несогласованными определениями: *из весельчаков*, *без стекол*, *в пиджаке* или родительный квалитативный: *Он хорошего общества*. Семантика всех групп предложений, в которых сказуемое соотносительно с несогласованным определением, — общеопределительная: внутренняя качественная характеристика, происхождение, внешние атрибуты и т. п.

В современном литературном языке широко представлены самыми различными моделями именные сказуемые общеопределительного значения: *Калибан* ***не из джентльменов***, *он миндальничать не станет* (Б. Акунин); *Он*, *как говорит Лешка*, ***без чувства юмора*** (В. Быков); *Входит Шура Зайцев — он* ***в военной форме***, ***но без петлиц***, ***с большим свертком*** (Л. Малюгин). Переход в предикативную позицию этих форм облегчается в случае либо отнесения их к личному местоимению-подлежащему, либо пребывания в однородном ряду с другими сказуемыми, благодаря чему они не сливаются в атрибутивное словосочетание. В противном случае требуется специальная предикативная пауза, выражающаяся на письме знаком тире.

Древними по происхождению являются и предложения со значением состояния, которые тоже традиционно относятся к именным. Сказуемое здесь выражено предложно-падежной формой или наречием состояния: *Все* ***в беспокойстве***; *Дети все* ***в нее***; *Мне это* ***не в убыток***; *Мадера* ***хоть куда***; *Ведь я ей несколько* ***сродни*** и т. п. Происхождение сказуемых со значением состояния обусловлено изменением в предложно-падежной форме значения предлога в соединении с отвлеченным существительным и связано с влиянием разговорной речи на письменный язык.

Из словоформ, прямо соотносительных с глагольными словосочетаниями, ранее всего стали встречаться в функции сказуемого словоформы с обстоятельственным значением, и прежде всего с пространственной характеристикой предмета, типа «отец

на работе»: *Кузьмин спросил быстро, что с записями Лазарева. Они* ***у Али*** *— сказал Корольков* (Д. Гранин); *Валентина —* ***в палисаднике****, Шаманов стоит против нее по другую сторону калитки* (А. Вампилов). Локативные конструкции могут обозначать не просто конкретное местонахождение, а процесс, протекающий во времени, тогда в сказуемом совмещаются локальные и темпоральные значения: *Махнуть к этому филармонисту, что ли? Так он теперь, поди,* ***на своих концертах*** (Е. Носов).

В конструкциях локального значения и на их базе могут возникать предложения со значением состояния: *Ну что вы, я* ***в полном порядке****, соврал Кузьмин* (Д. Гранин); *Там заседает человек двенадцать,* ***все в полнейшей прострации*** (Ю. Семенов); *Золле тогда был* ***в неистовстве*** (Ю. Семенов).

Словоформы с обстоятельственным значением в предикативной позиции постепенно расширяют и оттенки значения. Так, появляются конструкции со значением направления: *А вы* ***в Сталинград?*** (К. Симонов); *На западном не были? — тревожно спросил безногий Бунчиков. —* ***Я с западного*** (П. Павленко).

Дальнейшему продвижению в предикативную позицию подверглись словоформы и с временным, причинным, целевым обстоятельственными значениями: *Уколы пенициллина* ***через каждые три часа*** (Из газеты); *Нравственные заветы Пушкина —* ***на всю жизнь****,* ***на века!*** (Р. Гамзатов); *Сами понимаете, тюрьма* ***не от хорошей жизни*** (Ч. Айтматов); ***Я не в обвинение****, я сожалею* (П. Павленко); *Это услуга* ***для иностранцев*** *— возврат налога с продаж* (АиФ. — 2002. — № 34); *Вода* ***на самовар?*** *—* ***На самовар*** (В. Белов). В примерах предикаты темпорального и причинного значения «согласуются» с подлежащими, выраженными событийными существительными.

Таким образом, предикативное функционирование предложно-падежных форм и наречий с различными обстоятельственными значениями связано с развитием безглагольных предложений в результате влияния разговорного синтаксиса на письменную речь.

Хронологически самыми последними предикативную позицию стали занимать словоформы с объектным значением, соотносительные с компонентами глагольно-субстантивных и субстантивно-субстантивных словосочетаний с собственно объектным и комплетивным (восполняющим) значением. Эта группа уступает по распространенности предыдущим, но наиболее ярко свидетельствует о новых синтаксических тенденциях.

Будучи предметными членами (актантами), собственно дополнения не имеют общей семантической основы с предикативным значением в отличие от атрибутов и даже обстоятельств. Не случайно словоформы, связанные с самым сильным объектом — прямым дополнением, совершенно невозможны в предикативной позиции.

Ранее других в русском языке появились конструкции с семантикой предназначения. В современных текстах: *Письменный стол и библиотечный шкаф — солидные*, *на прочную ученую ногу*, ***для хорошей работы*** (М. Шагинян); *Это письмо* ***для всех***, *прочитайте* (Из газеты). Предназначенность можно трактовать как объектное значение, близкое адресату и употребляемое при конкретных существительных в позиции подлежащего.

Чаще предложно-падежные формы происходят из зависимых позиций глагольных словосочетаний с комплетивным значением. В некоторых случаях в результате эллипсиса глагола предложно-падежная форма превращается в синтаксически обусловленную форму: *Величавость архитектуры Успенского собора —* ***в цельности*** *и* ***строгости*** *его пропорций*, ***в*** *могучем* ***пятиглавии куполов*** (Из газеты); *Сила женщины —* ***в ее слабости*** (Л. Корсунский). Синтаксическая обусловленность подобных форм проявляется в четкой взаимосвязи формы предиката и отвлеченного существительного в позиции подлежащего. В других случаях пропуск глагола дает типизированные модели с предлогами *за* и *против*: *А вообще-то я* ***за добрую дружбу и сотрудничество*** *между коллегами* (Из газеты); *Я тоже* ***против мещанства***, *но здесь на фронте мои понятия о мещанстве изменились* (Д. Гранин); *Мы* ***за рынок***, *но цивилизованный* (Из газеты).

В некоторых конструкциях позицию подлежащего занимает существительное отглагольное или конкретное, допускающее деливерабельный объект, т. е. объект, раскрывающий содержание определяемого слова, в данном случае — подлежащего (*книга*, *слово*, *документ*, *фильм*, *письмо*, *рассказ* и т. п.): *Статья эта —* ***о природных источниках родоновых вод*** (Из газеты); *Наша особая забота —* ***о пенсионерах*** (Из газеты).

Предикативное употребление форм с объектным и комплетивным значением функционально более всего свойственно публицистической речи и носит несколько книжный характер. Распространение этих конструкций обусловлено общей закономерностью употребления безглагольных предложений именного типа.

Таким образом, развитие некоординированных компонентов предложения — еще одно проявление аналитических тенденций в современном синтаксисе. Аналитические тенденции в развитии сказуемого выражаются в активизации описательных глагольно-именных оборотов: *перестроить — произвести перестройку*, *содействовать — оказать содействие*, *разъяриться — прийти в ярость*, *согласиться — дать согласие*, *поддержать — оказать поддержку*, *наблюдать — вести наблюдение* и т. п. Данный тип сказуемого отличается от рассмотренных выше тем, что здесь нет нарушения координации главных компонентов, и тем, что сфера их употребления (и, видимо, возникновения) — книжно-офици-

альные стили. Эта форма сказуемого проникает в обиходную речь. В то же время многие конструкции, придя из разговорной речи, стали в различных функциональных разновидностях русского языка стилистически нейтральными и тем самым обогатили синтаксический строй современной письменной литературной речи.

Отметим, что некоординированность главных компонентов предложения происходит не только за счет активного развития нестандартных предикативных членов, но и нестандартного выражения субъектных членов, ср.: *Дети радуются* (1), *рады* (2), *радостны* (3), *в радости* (4) и *У детей радость* (5), *Детям радость* (6). В моделях 5 и 6 субъектные позиции оформлены косвенными падежами одушевленных существительных. Предложно-падежные формы, то субъектные, то предикатные, являются каждый раз опорой модели и должны присутствовать при И. п. другого имени. Например, невозможно *У детей — в радости*; кажущееся возможным *Дети — радость* имеет иную семантику и синонимично модели *С детьми радость*; возможно *Дети в хорошем настроении — У детей хорошее настроение*, но невозможно *У детей в хорошем настроении*. Отсутствие хотя бы одного компонента в И. п. создает ситуацию, когда предикативности не за что «зацепиться» морфологически.

Таким образом, изменения в грамматическом строе современного русского языка не исчерпываются только развитием черт аналитизма, однако это самая заметная общая тенденция, касающаяся как морфологии, так и разных уровней синтаксиса. Взаимодействие аналитических тенденций в морфологии и синтаксисе может быть различным:

1) существует взаимосвязь морфологического и синтаксического аналитизма, например при несклоняемости имен;

2) морфологический аналитизм не ведет к синтаксическому аналитизму, например при употреблении аналитической формы будущего сложного глаголов несовершенного вида;

3) синтетизм в морфологии ведет к аналитизму в синтаксисе, например при некоординированности главных компонентов как в двусоставных, так и односоставных моделях, в сравнительной степени (*Он веселее*);

4) синтаксический аналитизм не связан с морфологическим, например при употреблении осложняющих компонентов простого предложения: вставки, «обособленные» определения в И. п.;

5) появление актуализирующей прозы создает некую форму текстового аналитизма, что связано с увеличением частотности употребления более коротких предложений, уменьшением употребления синтагматически связанных конструкций (причастные и деепричастные обороты) и увеличением частотности синтагматически не связанных.

§ 5. Новейшие изменения в синтаксическом строе предложений современной художественной прозы

Описанные выше изменения синтаксического строя, отмеченные на материале различных функциональных стилей, конечно, не затормозили дальнейшего развития русского языка, в том числе и его синтаксиса.

В данном разделе будут рассмотрены наиболее заметные сдвиги в синтаксисе художественной прозы конца XX — начала XXI в., возникшие отчетливо именно в языке художественной литературы, которая подходит под общее название постмодернизма. Постмодернизм — это эстетическое течение в современной мировой культуре, оно опирается на новые философские принципы, соответствующие новому осмыслению современного мира. Произведения большого круга современных русских и зарубежных писателей анализируются исследователями[1]. Отмечается многообразие стилистического почерка писателей, однако выделяются некоторые общие свойства постмодернистских текстов: желание противопоставить свои тексты реалистической литературе и даже литературе первой половины XX в., достичь «лица необщего выражения», противопоставить предшествующей литературе свой стиль и героев и утвердить «всесметающую вседозволенность».

Язык постмодернистской прозы уже исследуется и прежде всего в области лексики и фразеологии. В области синтаксической организации отмечены некоторые черты, которые в чем-то противопоставлены синтагматическому и даже актуализирующему синтаксису, хотя те продолжают оставаться основными типами синтаксической прозы как художественной речи, так и других функциональных стилей русского языка[2].

Основные изменения касаются следующих сторон синтаксиса: увеличение размера предложения и общего числа сложных предложений в тексте; изменения в грамматической структуре предложения, т.е. качественные сдвиги, объясняющиеся влиянием разговорной речи на синтаксис кодифицированного русского литературного языка. Качественные изменения в предложении проявляются в преобладании паратаксиса (сочинения) над гипотаксисом (подчинением), в усилении синтаксической неграмматикальности,

---

[1] Современная русская литература (1990-е гг. XX в. — начало XXI в.): учеб. пособие / С.И.Тимина, В.Е.Васильев и др. — СПб., 2005. См. там же обширную библиографию.

[2] *Акимова Г.Н.* Синтаксическая составляющая в создании «трудностей» современного художественного текста // Обретение смысла: Сб. статей. — СПб., 2006; *Давлетьярова А.Т.* Особенности синтаксиса предложения в прозе русского постмодернизма (на материале произведений С.Соколова, Т.Толстой и В.Сорокина). — АКД. — СПб., 2007.

т. е. в разрыве синтаксических отношений в разных конструкциях: в словосочетании, в простом и сложном предложениях.

Проблема размера предложения. Уже в § 2 этой главы были приведены примеры (из прозы М. Лермонтова и М. Анчарова), различающиеся по синтаксической организации, хотя представляющие по содержанию один речевой регистр — рассуждение. Различные при близком количестве слов примеры отличаются разным синтаксическим строением. У Лермонтова — одно сложное предложение в пятьдесят слов, у Анчарова — сорок восемь слов представлены в пяти предложениях. Каждый из этих отрывков четко представляет синтагматическую и актуализирующую прозу. В современных же текстах совершенно неожиданно встречаются сложные предложения, организованные иначе, чем большие сложные предложения синтагматической прозы. Например: *Девушки перешли к рассказу о сложных отношениях Оли и Валерия, о бессовестности Анюты, и Петерс, пивший бульон, развесил уши и невидимкой вошел в чужой рассказ. Он близко коснулся чьих-то тайн, он стоял у самых дверей, затаив дыхание, он чуял, обонял и осязал, как в волшебном кино, и нестерпимо доступны — руку протяни — были мелькание каких-то лиц, слезы на обиженных глазах, вспышки улыбок, солнце в волосах, стреляющее розовыми и зелеными искрами, пыль в луче и жар нагретого паркета, поскрипывающего рядом в этой чужой счастливой и живой жизни* (Т. Толстая, 2003). Другой пример: *Он ощутил себя и понял, что то, что ощущало, т. е. он сам, — складывалось из множества меньших индивидуальностей: из неземных личностей машин для преодоления пространства, пахнувших резиной и сталью; из мистической интроспекции замкнутого на себе обруча; из писка душ разбросанной по полкам мелочи вроде гвоздей и гаек и из другого* (В. Пелевин, 2005).

В обоих текстах почти отсутствуют сложноподчиненные предложения, преобладают бессоюзные и сочинительные конструкции, глубина простых предложений невелика из-за отсутствия цепочек соподчинения и последовательного подчинения. Обилие однородных групп, сосредоточенных вокруг главных компонентов предложения, не увеличивает глубины предложения по уровням синтаксической иерархии.

Усиление синтаксической неграмматикальности. Приведенные выше отрывки представляют собой синтаксически связанные тексты, достаточно доступные пониманию читателя. Однако в постмодернистской прозе нередко встречаются предложения (если считать от точки до точки), построенные с большим нарушением синтаксических связей и чрезвычайно трудные для восприятия. Например: *Мир, по-прежнему состоящий* из ***комнаты***, ***дома***, ***университета***, ***города***, ***гулких арок***, ***телефонных звонков***, ***оторванных мартовских котов***, ***музыки*** *“Dead can dance” — возьми зонт, обещали дождь — тебе его каждый день обещают — посмотри, какая облач-*

ность — что? автор — женщина? тем более, это чревато нетрадиционным сексом и феминизмом, а впрочем, на фиг, на фиг, автор русского текста всегда беспол, он — "четвертое лицо единственного числа", ребенок отменяется, но чистота и девственность жанра ... — ***ворон****, обласканных древними индейскими магами,* ***книг****,* ***книг****, снова* ***книг****,* ***шатаний по городу*** *— станьте городским шаманом, слейтесь с мегаполисом —* ***замороженных креветок*** *в пластиковых коробках, поющих* ***китайских шаров****,* ***семинаров*** *по непознанным предметам (какой предмет сдаем?), Вы понимаете смысл этого преобразования? — Ай-люли, ай-люли — буквы и цифры мне определенно знакомы — "New-Age" дизайн...* (А. Гостева, 2003).

В подобном тексте передается так называемый поток сознания, лишенного четкой логичности, делаются попытки передать внезапно возникающие ассоциации, отсюда разорванность синтаксической структуры. Если в первой половине XX в. такое явление выражалось в формах экспрессивного синтаксиса (например, парцелляции), в большом количестве коротких предложений, то в современной художественной прозе — это большие по размеру предложения с разорванными связями.

Приведенное большое предложение нечетко организовано в качестве сложного предложения: сочинение? подчинение? бессоюзие? Совершенно ясно, что это предложение не «древовидное», т.е. нельзя построить привычную со школьных лет схему, изображая прямоугольниками «простые» предложения. Оно как бы рваное (с точки зрения синтаксической) — много вставок в виде вопросов, в виде отдельных предложений или их членов, отдельных словоформ, употребление в виде междометий (*на фиг*, *на фиг*; *айлюли* и т.п.). Мысль и текст мечутся, темы перебиваются. Предложение начинается рядом однородных дополнений в форме родительного падежа, который в целом состоит из почти двадцати единиц (выделены в тексте), кое-как соединяющих все предложение.

Противоположно построенный текст В. Пелевина[1] представляет собой одно предложение, состоящее почти из трех тысяч слов, занимающее тринадцать страниц, и не имеющее абзацев. В противоположность вышеприведенному примеру это сложное предложение-рассказ, построенное из 266 (!) простых предложений, соединенных преимущественно подчинительной связью, изредка — сочинительной и бессоюзной. Оценить его, однако, следует как конструкцию, свойственную постмодернизму, по главной причине — оно избыточно длинное, что делает его восприятие весьма затруднительным. Этот необыкновенный в русской художественной прозе случай подтверждает тезис о большом разнообразии постмодернистских текстов.

---

[1] *Акимова Г. Н.* «Водонапорная башня» В. Пелевина — синтаксический нонсенс? // Мир русского слова. — СПб., 2006. — № 3.

Увеличение употребления однородных рядов на различных синтаксических уровнях. В постмодернистской прозе отмечается большое количество однородных членов в составе простого предложения, часто однородность перебивается вставками, пунктуационно оформленными тире, реже — скобками. Однородность на уровне простого предложения количественно превосходит все остальные виды осложнения простого предложения.

На уровне сложного предложения с бессоюзной и сочинительной связью также преобладают сочинительные, преимущественно соединительные ряды. В сложноподчиненных предложениях встречаются употребления многочисленных однородных придаточных. Например: *Ох-ти*, *охтеньки*, *а нам*, *малым да сирым*, *в ночи на крыльце стоять*, *вдыхать морозную тьму*, *вдыхать тьму чуть теплую*, *преступать с ноги на ногу*, *задирать личико к далекому небесному Веретену*, *слушать*, *как слезы мороженным горошком шуршат*, *скатываются в заросли бороды*, *слушать*, *как молчат черные избы на черных пригорках*, *как поскрипывают высокие деревья*, *как ноет метельный ветер*, *как доносит порывами — чуть слышно*, *но явственно — далекий жалобный*, *северный голодный вой* (Т.Толстая, 2000).

Конструктивный и особенно семантический перевес переходит от главных членов предложения к второстепенным. Перевес однородности, особенно при распространении однородных членов, делают информативную часть предложения перенесенной с центра на периферию. Этот процесс называется деиерархизацией (разрушение иерархии в строе предложения).

В синтагматической прозе предложение развертывается чаще всего вертикально по уровням соподчинения и/или последовательного подчинения. В постмодернистской прозе предложение развертывается горизонтально, линейно, проявляя тенденцию к перечислению и избыточности.

Подводя итог анализу новейших явлений в синтаксисе новейшей художественной прозы, следует подчеркнуть, что прежние виды синтаксической прозы продолжают функционировать в различных стилях русской речи. Что касается такого проявления актуализирующей прозы, как экспрессивные синтаксические конструкции, то они широко представлены и в современной постмодернистской прозе, особенно парцелляция[1].

Синтаксические опыты постмодернистской художественной прозы, по-видимому, будут развиваться и пополняться за счет появления новых культурных и философских течений, на что, как известно, реагирует синтаксический строй языка.

---

[1] Об экспрессивном синтаксисе и его разновидностях см.: *Акимова Г.Н.* Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса // Вопросы языкознания. — 1981. — № 6.

Рекомендуемая литература

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.

Акимова Г. Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса // Вопросы языкознания. — 1981. — № 6.

Акимова Г. Н. Синтаксическая составляющая в создании «трудностей» современного художественного текста // Обретение смысла: сб. статей. — СПб., 2006.

Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах художественной прозы// Общее и романское языкознание. — М., 1972.

Вяткина С. В. Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке // Тенденции развития русского языка. — СПб., 2001.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982.

Иванчикова Е. А. Синтаксис текстов, организованных авторской точкой зрения // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. — М., 1977.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. — М., 1964.

Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / под ред. Е. А. Земской. — М., 1996.

Современная русская литература (1990-е гг. XX в. — начало XXI в.): учеб. пособие / С. И. Тимина, В. Е. Васильев и др. — СПб., 2005.

Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. — Петрозаводск, 2007.

Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание). — М., 1966.

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ

§ 1. Понятие пунктуации. Принципы русской пунктуации

Под пунктуацией понимают систему знаков препинания, а также свод правил, регулирующих их употребление. Развитие пунктуационной системы связывают с развитием книгопечатания, но относительно законченный вид она приобретает лишь к концу XVIII в., впрочем, и на протяжении XIX в. происходили изменения в правилах употребления различных знаков препинания. Пунктуационная система служит важнейшим средством для организации читательского понимания письменной речи. В силу многоплановости речи существуют различные подходы к тому, какие принципы должны лежать в основе русской пунктуации — синтаксические, смысловые или интонационные. По мнению сторонников синтаксического подхода, пунктуация должна отражать синтаксическое строение текста, с тем чтобы облегчить читателю понимание текста. Этот подход был отражен в трудах Я. К. Грота и С. К. Булича. Смысловой подход был характерен для С. И. Абакумова и А. Б. Шапиро. По их мнению, пунктуация должна таким образом членить письменный текст, чтобы каждая его часть была осмысленной. Интонационный подход связывают с именами Л. В. Щербы, А. М. Пешковского и Л. А. Булаховского. Сторонники интонационного подхода полагают, что знаки препинания должны отражать ритмику и мелодику фразы, т. е. быть отражением ритмико-мелодических особенностей устной речи на письме. Все три принципа в той или иной мере лежат в основе современной русской пунктуации, но ведущими признаются синтаксический и смысловой.

Синтаксический фактор является ведущим при постановке знаков препинания между однородными членами предложения, между частями сложносочиненного и сложноподчиненного предложений, при употреблении тире между подлежащим и сказуемым, выраженными именем существительным или инфинитивом. В этом случае постановка знака препинания производится независимо от конкретного лексического наполнения предложения.

Участие смыслового фактора наблюдается при постановке знаков препинания в конце предложения и между частями сложного

предложения. С одной стороны, их постановка структурно обязательна, и в этом проявляется действие синтаксического фактора, но, с другой стороны, сам выбор знака препинания в этих случаях диктуется выражаемыми смысловыми отношениями. Совмещение синтаксического и смыслового факторов происходит при обособлении второстепенных членов предложения, выделении обращений, вводных и вставных конструкций.

Интонационный принцип редко выступает в чистом виде, поэтому его называют дополнительным. Его участие прослеживается при постановке восклицательного знака в конце предложения, при выборе знаков препинания между частями бессоюзного предложения (поскольку смысловые отношения обычно маркируются особой интонацией), при выделении вставных конструкций и обращения, при передаче парцелляции и пр. На употребление знаков препинания помимо синтаксических, смысловых и интонационных факторов оказывает влияние также стилистический фактор — функционально-стилевая принадлежность текста и личные предпочтения автора. Так, для официально-деловых и научных текстов характерно ненормативное употребление двоеточия (перед перечислительным рядом без обобщающего слова), а для публицистических и художественных текстов — употребление тире.

Пунктуационные знаки образуют систему, в которой есть ядро и периферия. Ядро системы образуют знаки препинания — точка, запятая, точка с запятой, вопросительный и восклицательный знаки, тире, двоеточие, многоточие, скобки и кавычки. На периферии системы находятся такие средства, как прописное/строчное написание слов, различные графические средства — абзац, типографская разрядка, шрифтовые средства и пр.

§ 2. Функции знаков препинания

Знаки препинания выполняют в письменном тексте двойную функцию — либо разделительную, либо выделительную.

Разделительная функция заключается в том, что знаки препинания отграничивают синтаксические структуры или части синтаксической структуры друг от друга. **Разделительные** знаки препинания делятся на две группы: знаки, указывающие на конец предложения, отделяющие одно предложение от другого; знаки, употребляющиеся внутри предложения.

К разделительным знакам препинания, маркирующим правую границу предложения, относятся точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие. К этим знакам препинания по сути примыкает еще одно средство обозначения границы предложения — это употребление прописной (заглавной) буквы в первом слове предложения.

Точка является нейтральным пограничным знаком, употребляясь в повествовательных и побудительных предложениях при отсутствии ярковыраженной восклицательной интонации: *Послышался собачий лай. Штук шесть громадных степных овчарок вдруг, выскочив точно из засады, с свирепым воющим лаем бросились навстречу бричке* (А. Чехов).

Конец вопросительного по цели высказывания предложения обозначает вопросительный знак: [Хороших:] *Как же так, в тайге-то? Старый ты стал, тяжело, поди, одному?* (А. Вампилов).

Восклицательный знак употребляется для обозначения правой границы восклицательного предложения: [Чацкий:] *Куда деваться мне от них!* (А. Грибоедов).

Многоточие, употребляющееся в качестве пограничного знака препинания, может указывать на недосказанность, затрудненность речи либо на наличие подтекста: *Дядя и о. Христофор крепко спали; сон их должен был продолжаться часа два-три, пока не отдохнут лошади... Как же убить это длинное время и куда деваться от зноя! Задача мудреная...* (А. Чехов).

Разделительные знаки препинания, употребляющиеся в середине предложения, — это запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, многоточие.

Запятая используется для отделения друг от друга частей предложения, характеризующихся синтаксически равноправным статусом. Поэтому чаще всего запятая используется между однородными членами предложения (а), между частями сложносочиненного и некоторых типов бессоюзного сложного предложения (б), а также между однородными придаточными предложениями (в). Например: а) *Все бегали, бесновались, на уроках отвечали невпопад...* (А. Гайдар); *Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности* (А. Пушкин); б) *Разговор этим кончился, и мы продолжали молча идти друг подле друга* (М. Лермонтов); в) *Девочка знала, что между отцом и матерью была ссора, и что мать не могла быть весела, и что отец должен знать это, и что он притворяется...* (Л. Толстой).

Знак точка с запятой используется главным образом между частями бессоюзного сложного предложения (реже между частями союзного сложного предложения) в том случае, если смысловая связь между ними не является тесной. Этот знак сочетает черты точки и запятой: разделяя части предложения, он в то же время указывает на более тесную связь внутри разделяемых частей, которые часто бывают значительно распространены: *Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в темно-красных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний был выкрашен вечною желтою краскою; внизу были лавочки с хомутами, веревками*

и баранками (Н. Гоголь). Реже точка с запятой используется между однородными членами предложения.

Двоеточие употребляется в разделительной функции между частями бессоюзного сложного предложения и обозначает либо логические, либо пояснительные, либо изъяснительные отношения между частями: *Бопре в смятении хотел было привстать, и не мог: несчастный француз был мертво пьян* (А. Пушкин). Двоеточие выполняет разделительную функцию также тогда, когда выступает перед перечислительным рядом после обобщающего слова и когда отделяет слова автора от прямой речи.

Тире в качестве разделительного знака препинания оказывается многофункциональным. Оно используется: между подлежащим и сказуемым, которые выражаются именем существительным или инфинитивом, при нулевой связке: *Стареть — это скучное занятие* (Д. Гранин); в неполном предложении в качестве маркера неполноты: *Тесьмы во всех палатках было сколько угодно, иголок — тоже* (А. Гайдар); перед обобщающим словом, стоящим после перечислительного ряда: *Все тут: приглаженно-ровный козырек брустверa, отшлифованно-четкий срез стен, какой-то русско-византийский овал печурок и ниш — все это было сделано и отделано с тем сосредоточенным старанием, которое полностью исключает чувство тревоги и опасности* (К. Воробьев); при оформлении прямой речи, когда слова автора стоят после прямой речи: «*Да, именно недурно*», — *повторял он* (Н. Гоголь); между частями бессоюзного сложного предложения с условными, временными, следственными и присоединительными отношениями: *Сутки постоит молоко — клади медный пятак, не потонет. Вот какую корову я себе выберу!* (Б. Можаев) и пр. Помимо этого тире расширяет свою сферу за счет двоеточия, например в бессоюзном сложном предложении при выражении изъяснительных и причинных отношений: *С утра у меня было жуткое, прямо-таки похоронное настроение — в этом лесу убили Лешку Басоса, моего самого близкого друга и, наверное, лучшего парня на земле* (В. Богомолов).

В разделительной функции в середине предложения может употребляться также многоточие, в этом случае оно сигнализирует о неожиданности следующей за ним части или о трудности говорящего в подборе слов для продолжения фразы: [Лиза:] *Нет, сударь, я ... лишь невзначай...* (А. Грибоедов).

Выделительная функция знаков препинания проявляется в том, что при их помощи происходит выделение части предложения. В выделительной функции используются скобки, двойная запятая, двойное тире, двойное многоточие, кавычки. Скобки и кавычки отличаются только парным употреблением, остальные знаки препинания являются двойными только в том случае, если границы выделяемого фрагмента не совпадают с началом или концом предложения.

Самым распространенным выделительным знаком является двойная запятая — она используется для выделения обособленных членов предложения (а), вводных конструкций (б), обращений (в) и придаточных предложений (г). Например: (а) *Молодой человек поспешил уйти*, ***не говоря ни слова*** (Ф. Достоевский), *Месяц назад*, ***в ноябрьскую уж мокропогодь***, *привезли на кладбище покойника* (В. Астафьев); (б) ***Значит***, *уже пора вставать и приниматься за работу* (А. Чехов), *Антон Васильев*, ***однако ж***, *не решался ответить и продолжал переступать с ноги на ногу* (М. Салтыков-Щедрин); (в) *— А что*, ***Дениска***, *догоним нынче обозы? — спросил Кузьмичов* (А. Чехов); (г) *Его любовь к ней*, ***в которой она была уверена***, *была лестна и радостна ей* (Л. Толстой).

Для выделения вставных конструкций используются более «сильные» знаки препинания, чем двойная запятая, а именно: двойное тире, двойное тире с запятой и скобки (очень редко, как отмечает Б. С. Шварцкопф, в этой функции встречается двойное многоточие). Наиболее сильным знаком, оформляющим вставные конструкции, являются скобки: они всегда употребляются парно, а кроме того, могут употребляться не только внутри предложения, но и внутри абзаца. Двойное тире может оформлять небольшую по протяженности вставную конструкцию, сочетание двойное тире с запятой — более распространенную конструкцию. Например: *Троих первых повели к столбам*, *привязали*, *надели на них смертный костюм* (***белые***, ***длинные балахоны***), *а на глаза надвинули им белые колпаки*, *чтобы не видно было ружей...* (Ф. Достоевский); *Но несравненно замечательнее было впечатление* (***совершенный предмет изумления!***), *которое произвел Чичиков на дам* (Н. Гоголь); *В нарядах их вкусу было пропасть*: *муслины*, *атласы*, *кисеи были таких бледных модных цветов*, *каким даже и названья нельзя было прибрать* (***до такой степени дошла тонкость вкуса***) (Н. Гоголь); *Однажды*, *—* ***это случилось два дня после вечера***, ***описанного в начале этой повести***, ***и за неделю перед той сценой***, ***на которой мы остановились***, *— однажды Лизавета Ивановна*, *сидя под окошком за пяльцами*, *нечаянно взглянула на улицу и увидела молодого инженера*, *стоящего неподвижно и устремившего глаза к ее окошку* (А. Пушкин); *Капитан —* ***среднего роста***, ***худощавый***, ***с выцветшими***, ***белесоватыми бровями на загорелом малоподвижном лице*** *— откинул шинель и*, *поеживаясь*, *приподнялся в кузове* (В. Богомолов).

Кавычки, подобно скобкам, являются парным выделительным знаком препинания. Кавычки используются для выделения безабзацной прямой речи и цитат: «***Что не дает жизнь***, ***то дает смерть***», *— подумал ювелир*, *склонный к дешевым мыслям*, *и шумно вздохнул* (К. Паустовский).

Русская пунктуационная система обладает богатыми возможностями и продолжает развиваться. Наряду с обязательным употреблением знаков препинания (об этом главным образом и шла

речь выше) существуют случаи их авторского употребления, которые никак не отражены в правилах постановки знаков препинания. Это связано с тем, что многие писатели пытаются максимально использовать существующую систему знаков, для того чтобы донести коммуникативный замысел своих произведений до читателя, выделяя те или иные компоненты текста.

Авторское употребление знаков препинания, нарушая стройность пунктуационных правил, в то же время обеспечивает пунктуационной системе постоянное развитие. Случаи авторского употребления знаков препинания характерны не для всех функциональных стилей: в официально-деловых текстах, а также в большей части научных текстов такое употребление практически исключено; наоборот, в художественных и публицистических текстах ненормативное употребление знаков препинания — явление достаточно распространенное, что обусловлено более явным присутствием фигуры автора в публицистических и художественных текстах. Впрочем, стремление авторов к употреблению ненормативной пунктуации является известной данью времени. Можно говорить об активном употреблении авторских знаков препинания в первой трети XX в., а затем о расширении авторской пунктуации в конце XX — начале XXI в. В целом авторская пунктуация выполняет в тексте две функции: во-первых, она служит средством ранжирования информации в высказывании; во-вторых, является способом отражения на письме особенностей интонирования устной речи.

Среди знаков, использующихся авторами с целью «дозирования информации и смысла»[1], могут использоваться самые разнообразные знаки: тире, многоточие, красная строка, запятая, точка с запятой, шрифтовое выделение, разрядка, вертикальный пробел, кавычки и пр. Проиллюстрируем использование знаков препинания для ранжирования информации на примере знаков красной строки и тире. Современные художественные тексты обнаруживают широкое использование красной строки (абзацного отступа) для выделения отдельных предложений или даже части предложения (парцеллята). Например:

Убийственно!! Жбан с квашней, а не генерал!
И что же оставалось?
Воевать... (А. Солженицын);

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.
Ни город.
Ни вся земля наша (А. Солженицын).

---

[1] *Шубина Н.Л.* Пунктуация современного русского языка: учебник. — М., 2006. — С. 130. Все последующие примеры взяты из этого учебника.

Знак абзацного отступа резко повышает коммуникативную значимость выделяемого при его помощи текстового фрагмента. Широко используется для ранжирования информации в высказывании знак тире: «...тире воспринимается как сигнал коммуникативной расчлененности высказывания»[1]. Функциями тире признаются усиление темы высказывания, усиление ремы высказывания либо одновременное усиление темы и ремы высказывания. Например: *Мать — творит, она — охраняет, и говорить при ней о разрушении — значит говорить против нее, а он не знал этого и отрицал смысл ее жизни* (М. Горький). В правилах пунктуации существует запрет на употребление тире перед сказуемым, выраженным прилагательным или предложно-падежной формой существительного, однако в художественных текстах тире в подобных позициях встречается достаточно часто; например: *Зори — свежей. Небо — в новом, осеннем, блеске, голубеет ясно* (И. Шмелев). Тире может использоваться в актуализации любого компонента высказывания, делая актуальное членение высказывания многоступенчатым; например: *К вечеру Передонов явился к директору — поговорить о деле* (Ф. Сологуб); *Безмолвие пустоты таило мысль — легчайшую и беспощадную* (И. Бабель). По-видимому, это свойство тире обеспечило ему широкое распространение в современных текстах.

Ненормативное использование знаков препинания может быть связано с целью отразить ритмику и мелодику фразы, паузы, фразовые и логические акценты. Например, в фрагменте «Не стоит преувеличивать: не так трудно вообразить *нам* в действительности, *как* он летел, чем представить себе, *кто* летел. Что это была за голова! Какие мысли занимали ее... какие там мысли!» (А. Битов) курсив используется для выделения акцентируемых слов. Знаки препинания, используемые для просодической организации высказывания, могут быть самыми разнообразными.

Пунктуационные правила обычно ставят в один ряд с орфографическими правилами, считая те и другие одинаково обязательными к исполнению. Однако такой подход является не вполне продуктивным: система пунктуационных знаков связана с синтаксической системой языка, которая в некоторые исторические моменты претерпевает существенные изменения. Изменения начинаются на коммуникативном уровне предложения, между тем, как было отмечено выше, система пунктуации ориентирована на формально-синтаксический уровень предложения. Это создает «напряжение» между формально-синтаксическим и коммуникативным уровнем предложения, создавая предпосылки для расширения употребления нерегламентированной пунктуации, что является свидетельством адаптации пунктуационной системы к изменяющемуся синтаксису. Значительные сдвиги в современной системе пун-

[1] *Шубина Н.Л.* Пунктуация современного русского языка. — С. 138.

ктуации, в частности широкое распространение пунктуации, не регламентированной пунктуационными правилами, — это следствие усиления коммуникативной функции знаков препинания, результат их участия «в оптимальном распределении информации в тексте»[1]. Кроме того, современная письменная речь испытывает серьезное воздействие со стороны устной речи, поэтому знаки препинания широко используются для имитации особенностей звучащей речи в письменном тексте.

Рекомендуемая литература

Валгина Н. С. Актуальные вопросы современной русской пунктуации. — М., 2004.

Валгина Н. С. Трудные вопросы пунктуации. — М., 1983.

Шапиро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация. — М., 1966.

Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: Система и ее функционирование. — М., 1988.

Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка: учебник. — М., 2006.

[1] *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского языка. — С. 241.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русский язык в школе. — 1936. — № 4.

Адмони В. Г. Грамматика и текст // Вопросы языкознания. — 1985. — № 1.

Акимова Г. Н. «Водонапорная башня» В. Пелевина — синтаксический нонсенс? // Мир русского слова. — СПб. — 2006. — № 3.

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.

Акимова Г. Н. О значении глагола «быть» в безличных предложениях // Материалы XXXIV Междунар. филолог. конференции. — Вып. 17: Грамматика (славянский цикл). — Ч. 1. — СПб., 2005.

Акимова Г. Н. Синтаксическая составляющая в создании «трудностей» современного художественного текста // Обретение смысла: сб. статей. — СПб., 2006.

Ананьева О. А. Полипредикативные разделительные предложения с союзом *или*: строение и семантика. АКД. — Самара, 2005.

Анисимов Г. А. Сложноподчиненные предложения с придаточными приместоименными // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. — 2005. — № 1.

Анисимов Г. А. Типология сложноподчиненных предложений: лингвистический и методический аспекты // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. — 2003. — № 1.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М., 1998.

Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание. — М., 1972.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. — М., 1976.

Бабайцева В. В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. — М., 1979.

Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. — М., 1989.

Бабайцева В. В., *Максимов Л. Ю.* Современный русский язык: в 3 ч. — 2-е изд. — М., 1987.

Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа. — М., 2004.

Барт Р. Лингвистика текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики: сб. статей. — М., 2001.

Беднарская Л. Д. О проблеме переходности в системе сложноподчиненного условного предложения // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. — Вып. 7. — М.; Ставрополь, 2001.

Белошапкова В. А. Синтаксис // Современный русский язык. — М., 1989.

Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. — М., 1967.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. — М.; Л., 1935.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. — М., 2007.

Бондарко А.В. Таксис // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.М.Ярцева. — М., 1980.

Борковский В.И., *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. — М., 1963.

Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. — 5-е изд. — Т. 1. — Киев, 1952.

Булыгина Т.В., *Шмелев А.Д.* Я, ТЫ и другие в русском синтаксисе (нулевые местоимения: референция и прагматика) // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. — М., 1959.

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: учебник. — М., 1978.

Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис. — 4-е изд. — М., 2003.

Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. — М., 2003.

Валимова Г.В. Сложное предложение и сочетание предложений // Теоретические проблемы синтаксиса в современных индоевропейских языках. — Л., 1975.

Вальтер Д.Я. К вопросу о бессоюзных сложных предложениях // Филологические науки. — 1964.

Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. — М., 1978.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.; Л., 1947.

Виноградов В.В. Словосочетание как предмет синтаксиса // Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — М., 1954.

Волохина Г.А., *Попова З.Д.* «ЧТО-позиция» после глаголов речи // Проблемы современной филологии. — Тверь, 1999.

Вялкина Л.В. Обращение // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н.Караулов. — М., 1998.

Вяткина С.В. Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке // Тенденции развития русского языка: сб.статей. — СПб., 2001.

Вяткина С.В. О соотношении текстовых категорий // Материалы XXXV Междунар. филолог. конференции. — Вып. 18. — СПб., 2006.

Вяткина С.В. Скобки в русских текстах начала XVIII века // Русский язык конца XVII — начала XIX века (Вопросы изучения и описания): Сб. 2. — СПб., 2001.

Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культуры // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.

Гаврилова Г.Ф. Сложносочиненное предложение в системе других синтаксических конструкций // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. — Л., 1984.

Гаврилова Г. Ф., *Радченко И. И.* Местоименные слова в роли связующих средств сложноподчиненного предложения // Проблемы современной филологии. — Тверь, 1999.

Гак В. Г. Неопределенно-личность в плане содержания и в плане выражения // ТФГ: Персональность. Залоговость. — СПб., 1991.

Галактионова И. В. Семантические основания выделения расчлененных и нерасчлененных сложноподчиненных предложений // Синтаксис: изучение и преподавание. — М., 1997.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистических исследований. — 3-е изд., стер. — М., 2005.

Гатинская Н. В. Конструктивные различия сложносочиненных и сложноподчиненных предложений // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. — Вып. 1. — М., 2000.

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. — 3-е изд. — Ч. 2: Синтаксис. — М., 1968.

Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. — М., 1968.

Головин Б. Н. Основы теории синтаксиса современного русского языка. — Н. Новгород, 1994.

Горбунова Л. Г. Типология и средства выражения присоединительных отношений в бессоюзном сложном предложении. АКД. — М., 1990.

Грамматика русского языка: в 2 т. / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. — Т. 1. — М., 1953; Т. 2. — М., 1954; 2-е изд. — М., 1960.

Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1970.

Гребенщикова Н. С. История союзного оформления пояснительных отношений в русском языке. АКД. — М., 1977.

Давлетьярова А. Т. Особенности синтаксиса предложения в прозе русского постмодернизма (на материале произведений С. Соколова, Т. Толстой и В. Сорокина). АКД. — СПб., 2007.

Диброва Е. И. Категория связности художественного текста // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. статей. — М., 2001.

Диланян Э. З. О некоторых типах бессоюзных сложных предложений неоднородного состава в современном русском языке. АКД. — Ереван, 1963.

Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент. — Л., 1976.

Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л., 1977.

Зайцева Г. Д. Инфинитивная конструкция с союзом «чтобы» в современном русском языке. АКД. — Л., 1983.

Зарубина Н. Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. — М., 1981.

Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. — М, 2001.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982.

Золотова Г.А. О главных членах предложения: дискуссионные вопросы // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова // Вопросы русского языкознания. — Вып. VIII. — М., 2000.

Золотова Г.А. О синтаксической форме слова // Мысли о современном русском языке: сб. статей. — М., 1969.

Золотова Г.А. О традициях и тенденциях в современной грамматической науке // Вопросы русского языкознания: — Вып. XII.: Традиции и тенденции в современной грамматической науке. — М., 2005.

Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. — М., 1979.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — 2-е изд. — М., 2001.

Золотова Г.А. Текст как главный объект лингвистики и обучения языку // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. — СПб., 2003.

Золотова Г.А. Функционально-коммуникативная грамматика (ФКГ) // Современный русский литературный язык: учебник. — М., 2003.

Золотова Г.А. Функционализм в современной русистике // Современный русский литературный язык: учебник / под ред В.Г.Костомарова и В.И.Максимова. — М, 2003.

Золотова Г.А., *Онипенко Н.К.*, *Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998; 2-е изд. — М., 2004.

Иванова Е.И. Структурно-семантическая организация сложноподчиненного предложения с изъяснительным значением // Актуальные проблемы русистики. — Барнаул, 2002.

Иванчикова Е.А. Синтаксис текстов, организованных авторской точкой зрения// Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. — М., 1977.

Ильенко С.Г. Бессоюзие в системе сложного предложения современного русского языка // Ильенко С.Г. Русистика: Избр. труды. — СПб., 2003.

Ильенко С.Г. Бессоюзные предложения в русском языке. — Л., 1961.

Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте: учеб. пособие. — Л., 1989.

Ильенко С.Г., *Стельмашук А.* О проблеме классификации нерасчлененных сложноподчиненных предложений (изъяснительные и вмещающие местоименно-соотносительные) // Лингвистический семинар. — Вып. 2. — СПб.; Бирск, 2001.

Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. — М., 2005.

Казаков В.П. Синтаксис имен действия. — СПб., 1994.

Калашникова Г.Ф. Факторы, определяющие протяженность сложного предложения // НДВШ. Филологические науки. — 1981. — № 5.

Камынина А.А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. — М., 1983.

Киселева Л.А. Конструкции с сравнительными союзами в современном русском языке. АКД. — Л., 1956.

Кирпичникова Н.В. Изъяснительные бессоюзные сложные предложения // Вопросы русского языкознания. — Вып. 1. — М., 1976.

Клобуков Е. В. О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. статей. — М., 2001.

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М., 1976.

Колосова Т. А., *Черемисина М. И.* Заметки о понятиях «сочинение» и «подчинение» в их соотношении друг с другом // Синтаксические отношения в сложном предложении. — Калинин, 1989.

Колосова Т. А., *Черемисина М. И.* О принципах классификации сложных предложений // Вопросы языкознания. — 1984. — № 6.

Козел Н. Я. К вопросу о подлежащем и субъекте // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. статей. — М., 2002.

Красных В. И. Об употреблении указательных слов в изъяснительно-союзных сложноподчиненных предложениях // Русский язык в школе. — 2000. — № 4.

Кручинани Н. И. Обращение // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990.

Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. — 1956. — № 5.

Крылова О. А., *Максимов Л. Ю.*, *Ширяев Е. Н.* Современный русский язык: Теоретический курс. — Ч. IV: Синтаксис. Пунктуация. — М., 1997.

Крючков С. Е., *Максимов Л. Ю.* К вопросу о типологии сложноподчиненных предложений // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. — 1960. — № 148.

Крючков С. Е., *Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. — 2-е изд. — М., 1977.

Кубрякова Е. С. Язык и познание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М., 2004.

Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — 3-е изд. — М., 2004.

Лекант П. А. Что такое подлежащее? // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. статей. — М., 2002.

Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. — М., 2007.

Ломов А. М. Типология русского предложения. — Воронеж, 1994.

Ломов А. М., *Гусман Тирадо Р.* К интерпретации русского сложноподчиненного предложения // Вестник Воронежского гос. ун-та. — Сер. 1.: Гуманитарные науки. — 2001. — № 1.

Ломоносов М. В. Российская грамматика// Полн. собр. соч. — Т. 7. — М.; Л., 1952.

Ляпон М. В. Слова-предложения // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1998.

Малычева Н. В. Сочинительные конструкции в русском языке // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. — Вып. 7. — М.; Ставрополь, 2001.

Маслов Б. А. Проблемы лингвистического анализа связного текста (надфразовый уровень). — Таллинн, 1975.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.

Меликян В. Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. — М., 2001.

Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги. — Л., 1974.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам. — М., 2006.

Наумова И. Ю. Сложные предложения промежуточного типа (сочиненно-подчиненные конструкции). АКД. — Липецк, 1995.

Николаева Т. М. Актуальное членение — категория грамматики текста // Вопросы языкознания. — 1972. — № 2.

Николаева Т. М. Текст // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1998.

Николенко О. В. Семантическое варьирование сложноподчиненных предложений с однородным соподчинением придаточных частей в русском языке. АКД. — Ростов н/Д, 2007.

Общее языкознание: Внутренняя структура языка. — М., 1972.

Онипенко Н. К. Петербургская школа функциональной грамматики. Теория функциональной грамматики (ТФГ) А. В. Бондарко // Современный русский литературный язык: учебник / под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. — М., 2003.

Осипов Б. И. Еще раз о классификации сложноподчиненных предложений // Семантика. Функционирование. Текст. — Киров, 1999.

Откупщикова М. И. Местоимение современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. — Л., 1984.

Откупщикова М. Н. Синтаксис связного текста: учеб. пособие. — Л., 1982.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. — М., 1964.

Павлов В. М. Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке. — СПб., 1998.

Павловская М. А. Повествовательно-распространительные предложения в системе сложноподчиненных предложений в современном русском языке // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. — Л., 1984.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). — М., 1985.

Падучева Е. В. Семантические исследования. — М., 1996.

Панфилов В. З. О соотношении внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в функционировании и развитии языка // Теоретические проблемы современного советского языкознания. — М., 1964.

Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник. — М., 2002.

Пауль Г. Принципы истории языка. — М., 1960.

Перетрухин В. Н. Расширение, распространение и осложнение в простом предложении // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки. — 1979. — № 4.

Петерсон Н. М. Очерк синтаксиса русского языка. — Пг., 1923.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956.

Попова И. А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950.

Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзного сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950.

Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Уч. зап. МГУ. — Вып. 137. — Кн. 2. — М., 1948.

Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР. — Вып. 2. — М., 1948.

Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. — М., 1988.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — Т. 1—2. — М., 1958.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. — М., 2006.

Прияткина А. Ф. К определению понятия «осложненное предложение» (О специфике связей и отношений в осложненном предложении) // Синтаксические связи в русском языке: сб. статей. — Владивосток, 1981.

Прияткина А. Ф. Пояснение // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1998.

Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. — М., 1990.

Прияткина А. Ф. Служебные слова, выражающие уточнение и пояснение, в современном русском языке. АКД. — М., 1954.

Проничев В. П. Синтаксис обращения. — Л., 1971.

Проселкова М. Е. Изъяснительно-относительные сложноподчиненные предложения с приглагольной придаточной частью в современном русском языке. АКД. — М., 1971.

Пупынин Ю. А. Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке // Межкатегориальные связи в грамматике. — СПб., 1996.

Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970.

Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. — Воронеж, 1973.

Распопов И. П. Спорные вопросы синтаксиса. — Ростов н/Д., 1981.

Распопов И. П., *Ломов А. М.* Основы русской грамматики. — Воронеж, 1984.

Рогова К. А. О значении и употреблении обобщенно-личных предложений // Тенденции развития русского языка: сб. статей. — СПб., 2001.

Рогожникова Р. П. Условные придаточные предложения в современном русском языке (конструкции с союзами *если*, *ежели*, *коли*, *раз*). АКД. — М., 1952.

Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — 4-е изд., испр. — М., 1977.

Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. — СПб., 2004.

Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. — М., 1968.

Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. — 2-е изд. — М., 1990.

Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1980; репринтное издание — М., 2005.

Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / под ред. Е. А. Земской. — М., 1996.

Серебряная Ф. И. Союз «да и» в современном русском языке и его история. АКД. — М., 1964.

Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. — М., 1980.

Скобликова Е. С. О категориальном подходе к классификации сложноподчиненных предложений // Системность языковых средств и их функционирование. — Куйбышев, 1999.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения: учеб. пособие. — М., 2006.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения: учеб. пособие. — М., 2006.

Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. — М., 1971.

Скорлуповская Е. В. Союзные функции некоторых лексических элементов в русском сложном предложении. АКД. — М., 1966.

Слюсарева Н. А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.. 1990.

Смольянинова Е. Н. Актуальные проблемы синтаксиса словосочетания в русистике: Лекции по спецкурсу. — Л., 1980.

Современная русская литература (1990-е гг. XX в. — начало XXI в.): учеб. пособие / С. И. Тимина, В. Е. Васильев и др. — СПб., 2005.

Современный русский язык: учебник / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 1989; 3-е изд. — М., 2003.

Современный русский язык: учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. — 3-е изд. / под общ. ред. Л. А. Новикова. — СПб., 2001.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. — Ч. 2. / под ред. Е. И. Дибровой. — М., 2001.

Современный русский литературный язык: учебник / под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. — М., 2003.

Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). — М., 1973; 2-е изд. — М., 1991.

Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса. Простое предложение. — Киев, 1960.

Степанов Ю. С. Язык и метод: К современной философии языка. — М., 1998.

Тарланов З. К. Синтаксические границы сложного предложения: к спорам вокруг известного // Избранные работы по языкознанию и филологии. — Петрозаводск, 2005.

Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. — Петрозаводск, 1999.

Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении: учеб. пособие. — Петрозаводск, 2007.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М., 1988.

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А. В. Бондарко. — Л., 1987.; М., 2001.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / под ред. А. В. Бондарко. — Л., 1990.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис: учеб. издание. — М., 2001.

Усова Н. В. Противительные конструкции с союзом «но» в современном литературном языке (роль союза «но» и сопровождающих его вторичных скреп в формировании и выражении противительных отношений). АКД. — Томск, 1986.

Уханов Г. П. Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению // Исследование по славянской филологии. — М., 1974.

Федоров А. К. Семантико-структурная классификация сложноподчиненных и придаточных предложений // Русский язык в школе. — 2002. — № 5.

Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: в 2 т. — Т. 1. — М., 1956.

Хамзина Г. К. Бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. — 1971. — № 6.

Хегай В. М. Виды разделительных отношений в современном русском языке // Сложное предложение. — Калинин, 1979.

Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. — Ч. 1. — Смоленск, 1975.

Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения с разделительными союзами // Русский язык в школе. — 1975. — № 4.

Холодов Н. Н. Союз «да» в сложносочиненных предложениях // Русская речь. — 1970. — № 3.

Чернышева А. Ю. Частица «так» в бессоюзных сложных предложениях // Средства выражения синтаксических связей в сложном предложении. — Калинин, 1987.

Чесноков П. В. О структурных типах сложноподчиненного предложения // Вопросы синтаксиса русского языка. — Ростов н/Д, 1971.

Чеснокова Л. Д. Связи слов в современном русском языке. — М., 1980.

Чупашева О. М. Соотносительность бессоюзных и союзных сложных предложений в современном русском литературном языке. АКД. — Саратов, 1979.

Чупашева О. М. Трудности синтаксического анализа. — М., 2004.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941.

Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). — М., 1966.

Шведова Н. Ю. Детерминант // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990.

Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. // Вопросы языкознания. — 1964. — № 6.

Шведова Н. Ю. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. — М., 1964.

Шведова Н. Ю. Русский язык // Избранные работы. — М., 2005.

Шведова Н. Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? // Вопросы языкознания. — 1968. — № 2.

Шевякова В. Е. Сверхфразовое единство // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990.

Шелякин М. А. О семантике неопределенно-личных предложений // ТФГ: Персональность. Залоговость. — СПб., 1991.

Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. — М., 1986.

Ширяев Е. Н. Бессоюзные сложные предложения // Крылова О. А., Максимов Л. Ю., Ширяев Е. Н. Современный русский язык: Теоретический курс. — Ч. IV. — М., 1997.

Шитов В. А. Сложные предложения с последовательным подчинением в современном русском литературном языке. АКД. — М., 1952.

Шмелев А. Д. Определенность — неопределенность в аспекте теории референции // ТФГ: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность — неопределенность. — СПб., 1992.

Шмелев Д. Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. — М., 1976.

Шмелева Т. В. Компоненты синтаксической связи // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. статей. — М., 2001.

Шмелева Т. В. Текст как объект изучения в школе: уч.-метод. пособие. — В. Новгород, 2005.

Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка: учебник. — М., 2006.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Актант 184
Актуальное членение предложения 190—198
Аппликация 29, 63

Безличное предложение 114—119, 128—129, 131—133
Бессоюзное предложение 253—266
  Предложения закрытой структуры 258, 260—261, 264—265
  Предложения неоднородного состава 257
  Предложения однородного состава 257
  Предложения открытой структуры 258, 260

Вводные конструкции 167—170
Вокативное предложение 125—126
Вставные конструкции 170—172, 307—312
Второстепенные члены предложения 97—104
Высказывание 193
  Нерасчлененное высказывание 193
  Расчлененное высказывание 193

Генитивное предложение 126—127, 132—133
Главная часть 223—230, 232—248
  Главные члены предложения 88—97, 313—316

Деепричастный оборот 162—166
Детерминант 63—66, 99, 137, 180
Дискурсивность 283—284
Дополнение 100—101

Знаки препинания 323—329

Именная часть 95—96
Инверсия 194—195
Интонация 8, 26, 30—31
Инфинитивное предложение 119—122, 129, 132—133

Категория текстовая 282—285
Количественно-структурные типы словосочетаний 36—42
  Комбинированное словосочетание 39
  Простое словосочетание 38—39
  Сложное словосочетание 39
Композитив 280
Конкретизаторы 203, 215—218, 220
Координация (связь между подлежащим и сказуемым) 21—22, 61—62

Лексико-грамматические типы словосочетаний 39—40
  Глагольные словосочетания 39—40
  Именные словосочетания 39
  Наречные словосочетания 40
Логико-синтаксический тип предложения 185—186

Междометия 173
Местоименные корреляты 203—204, 233, 240
Модальность 73—74, 284
  Объективная модальность 73
  Субъективная модальность 73—74
  Модальные частицы 173

Недифференцированная связь 22, 25
Неоднородное соподчинение 268
Неопределенно-личное предложение 108—110, 112—114, 127—128, 131—133
Неполное предложение 135—137
Неполное согласование 49
Нерасчлененное сложноподчиненное предложение 228—229, 231—241
Несвободное словосочетание 40—42
  Синтаксически несвободные словосочетания 40—41

Фразеологически несвободные словосочетания 41
Номинативное предложение 122—125, 129, 132—133

Обобщенно-личное предложение 110—114, 128, 132—133
Обособление 62—63, 154—166
Обособленное обстоятельство 161—166, 304—305
Обособленное определение 157—161, 304—306
Обращение 172—173
Обстоятельство 101—102
Однородное соподчинение 267—268
Однородные члены предложения 149—154, 320
Однородные сказуемые 151—152
Односоставное предложение 105—135
Определение 99—100
Определенно-личное предложение
Осложненное предложение 144—174
Отрицание в предложении 81—82

Парадигма предложения 176—178
Параллельная связь 276—277
Персональность 175—76
Подлежащее 88—90
Подчинение в сложном предложении 205—210
Подчинительная связь 21, 24—25, 47—60
Подчинительные союзы 224
Полное согласование 49
Порядок слов 23, 26, 195—198
Последовательное подчинение 268—269
Пояснение 27, 220—221, 257
Предикат семантический 184
Предикативность 13, 70, 76, 183—184
Предикативные категории 73—74
Предикативный признак 183
Предложение
  Простое предложение 13, 18, 67—70, 76—82
    вопросительное 77—78
    восклицательное 80
    невосклицательное 80
    нечленимое 85—87
    членимое 85, 86
  Сложное предложение
  Предложение коммуникативно-сильное 272—273
  Предложение коммуникативно-слабое 272
Придаточная часть 223—248
  Придаточное временное 241—42
  Придаточное изъяснительное 234—238
  Придаточное места 229
  Придаточное местоименно-соотносительное 238—241
  Придаточное прикомпаративное 238
  Придаточное присоединительное 248
  Придаточное присубстантивное 232—234
  Придаточное причины 245—248
  Придаточное следствия 247—248
  Придаточное соответствия 242—243
  Придаточное сравнительное 242
  Придаточное условное 243—245
  Придаточное уступки 246—247
  Придаточное цели 247
Примыкание 57—59
Присоединение 27, 248
Пропозиция 183—184
Простое глагольное сказуемое 91—93

Расчлененное сложноподчиненное предложение 228—229, 231—232, 241—248
Регулярная реализация предложения 178—179
Рема 191—192
Рематическая доминанта 278

Свободное присоединение 27—28
Свободное словосочетание 40
Связка 94—95
Связь синтаксическая 18—29
  Аппликативная связь 28, 63
  Недифференцированная связь 22, 25
  Параллельная связь 276—277
  Подчинительная 21, 25, 47—60
  Примыкание 57—59
  Свободное присоединение 27—28
  Согласование 48—51
  Сочинительная связь 20, 25, 63
  Управление 22, 26, 51—57
  Цепная связь 22, 26, 276
Семантическая структура предложения 182—183
Сильное управление 52—57
Синтаксема 14—17, 18, 104, 142—143, 187
Синтаксис 5—12
Синтаксическая единица 12—14

Синтаксические отношения 42—46
в словосочетании
комплексные (диффузные) 46
комплетивные 45
оъектные 44, 46
определительные 45, 46
отношения двусторонней зависимости 21—22
отношения односторонней зависимости 21—22
отношения независимости 19—20
Синатаксические типы прозы 288—293
актуализирующая проза 291—293
синтагматическая проза 291—293
Сказуемое 90—97
Слабое управление 51—57
Словосочетание 12, 13, 34, 36
Сложное бессоюзное предложение 253—256
Сложное многочленное предложение 266—271
Сложное предложение 199—270
Сложное синтаксическое целое 17—18, 274—278
Динамическое ССЦ 278
ССЦ параллельного строя 277
ССЦ последовательного строя 277
ССЦ смешанного строя 277
Смешанное ССЦ 277—278
Статическое ССЦ 277
Сложноподчиненное предложение 223—253
Сложносочиненное предложение 211—222
Предложения закрытой структуры 214—215
Предложения открытой структуры 212, 214—215
Смешанное сказуемое 96—97
Согласование 48—51
Соподчинение 266—267
Составное глагольное сказуемое 93—94
Составное именное сказуемое 94—96
Сочинение в сложном предложении 205—210
Сочинительная связь 20, 15, 63
Сочинительные союзы 203
Альтернативные союзы 219—220
Градационные союзы 217
Пояснительные союзы 214, 220—221
Присоединительные союзы 214, 220
Противительные союзы 214, 217—218
Разделительные союзы 214, 218—220
Соединительные союзы 214—217
Союзные слова 203—204, 231
Структурная схема предложения 174—175

Таксис 76
Текст 279—282
аспекты изучения текста 279—282
признаки текста 281
текстовые категории 282—285
Тема 191
Темпоральность 74—75

Управление 22, 26, 51—57
Уточнение 27

Цель высказывания 77—80
Цепная связь 22, 276

Член предложения 83—104
морфологизированные 10
неморфологизированные 10

Эллиптическое предложение 138—139

Ядерная семантическая структура 189

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ... 3
Введение ... 5
§ 1. Синтаксис как наука (история и современность) ... 5
§ 2. Место синтаксиса в системе языка ... 8
§ 3. Общая сравнительная характеристика единиц синтаксиса ... 12
§ 4. Синтаксис — система связей и отношений ... 18
§ 5. Аспекты изучения синтаксиса ... 29

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

§ 1. Понятие словосочетания ... 33
§ 2. Аспекты характеристики словосочетания ... 36
§ 3. Синтаксические отношения в словосочетании ... 42
§ 4. Синтаксические связи в словосочетании ... 47
§ 5. Синтаксические связи в предложении сравнительно со связями в словосочетании ... 60

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Глава 1. **Предложение: основные понятия** ... 67
§ 1. Определение понятия «предложение» ... 67
§ 2. Понятие «предикативность» ... 70
§ 3. Традиционные аспекты классификации простого предложения ... 76

Глава 2. **Описание структуры простого предложения в русском синтаксисе XIX—XX вв.** ... 83

1. Двусоставные предложения ... 83
§ 1. Понятия «член предложения» и «членимость предложения» ... 83
§ 2. Главные члены предложения ... 88
§ 3. Второстепенные члены предложения ... 97

2. Односоставные предложения ... 105
§ 1. Спрягаемо-глагольные предложения ... 106
§ 2. Безличные предложения ... 114
§ 3. Инфинитивные предложения ... 119
§ 4. Именные односоставные предложения ... 122
§ 5. Различные точки зрения на односоставные предложения ... 127

3. Неполные и эллиптические предложения 135

§ 1. Понятие «неполное предложение» 135
§ 2. Из истории изучения неполных предложений 136
§ 3. Эллиптические предложения 138
§ 4. Неполные предложения в синтаксической концепции Н. Ю. Шведовой 139
§ 5. Неполные предложения в синтаксической концепции Г. А. Золотовой 140

4. Осложнение простого предложения 144

§ 1. Понятие «осложненное предложение» 144
§ 2. Синтагматически связанные виды осложнения простого предложения 149
§ 3. Синтагматически не связанные виды осложнения простого предложения 166

5. Структура простого предложения в концепции Н. Ю. Шведовой («Русская грамматика») 174

§ 1. Понятие «структурная схема предложения». Компоненты структурной схемы 174
§ 2. Парадигма предложения как система его форм 176
§ 3. Регулярные реализации простого предложения 178
§ 4. Распространение предложения 179

Глава 3. **Семантическая организация простого предложения** 180

§ 1. Синтаксическая семантика предложения в «Русской грамматике» 1980 г. 181
§ 2. Описание семантики предложения с опорой на понятие пропозиции 183
§ 3. Логико-синтаксические типы предложения в концепции Н. Д. Арутюновой 185
§ 4. Синтаксическая семантика в концепции Г. А. Золотовой 186
§ 5. Теория функционального синтаксиса А. Мустайоки 188

Глава 4. **Коммуникативная организация простого предложения** 190

§ 1. Актуальное членение предложения 190
§ 2. Средства выражения актуального членения предложения 195

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Глава 1. **Синтаксис сложного предложения. Общие вопросы** 199

§ 1. Понятие «сложное предложение». Синтаксический статус сложного предложения 199
§ 2. Сложное предложение в кругу других синтаксических единиц 200
§ 3. Средства связи между частями сложного предложения 202
§ 4. Сочинительные и подчинительные отношения в сложном предложении 205

Глава 2. **Сложносочиненное предложение**.....211
§ 1. Место сложносочиненного предложения в системе сложных предложений.....211
§ 2. Классификации сложносочиненных предложений.....214

Глава 3. **Сложноподчиненное предложение**.....223
§ 1. Определение понятия.....223
§ 2. История изучения и классификации сложноподчиненного предложения.....224
§ 3. Классификация сложноподчиненного предложения.....231

Глава 4. **Сложное бессоюзное предложение**.....253
§ 1. Понятие «сложное бессоюзное предложение» и объем синтаксических явлений, подводимых под это понятие.....253
§ 2. История изучения и классификации бессоюзного сложного предложения.....255
§ 3. Классификация бессоюзных предложений.....259

Глава 5. **Сложные многочленные предложения**.....268

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ (ССЦ) И ТЕКСТ

§ 1. Реализация предложения в тексте.....273
§ 2. Определение понятия «сложное синтаксическое целое».....275
§ 3. Синтаксическое описание текста. Признаки текста.....280
§ 4. Текстовые категории.....283

ИЗМЕНЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОМ СТРОЕ

§ 1. Различное понимание новых синтаксических изменений в литературном языке.....287
§ 2. Синтаксические типы прозы.....289
§ 3. Изменения в системе словосочетаний и синтаксических связей.....295
§ 4. Изменения в области предложения.....304
§ 5. Новейшие изменения в синтаксическом строе предложений современной художественной прозы.....318

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ

§ 1. Понятие пунктуации. Принципы русской пунктуации.....323
§ 2. Функции знаков препинания.....324

Литература.....331
Терминологический указатель.....341

Учебное издание

Акимова Галина Николаевна
Вяткина Светлана Вадимовна
Казаков Владимир Петрович
Руднев Дмитрий Владимирович

Синтаксис современного русского языка

Учебник

Под редакцией С. В. Вяткиной

Редактор *У. Г. Макухина*
Технический редактор *Н. И. Горбачёва*
Компьютерная верстка: *А. В. Бобылёва*
Корректоры *Л. В. Будюкина*, *Г. М. Махова*

Изд. № 101113165. Подписано в печать 00.00.2008. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Таймс. Печать офсетная. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 21,6.
Тираж 000 экз. Заказ №

Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04
от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17б, к. 360. Тел./факс: (495)334-8337, 330-1092.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат». www.sarpk.ru
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.